

**Санкт-Петербургский государственный университет
Государственный университет Шота Руставели**

**ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИЗЫСКАНИЯ**

**выпуск посвящается 60-летнему юбилею
профессора Давида Гоциридзе**

Издательство „Универсал“

Тбилиси 2012

St.-Petersburg State University
Shota Rustaveli State University

HISTORICAL AND PHILOLOGICAL RESEARCH

**This edition is dedicated to the celebration
of 60th anniversary
of Prof. Davit Gotsiridze**

Publishing House **“UNIVERSAL”**

Tbilisi 2012

სანკტ-პეტერბურგის სახელმწიფო უნივერსიტეტი
შოთა რუსთაველის სახელმწიფო უნივერსიტეტი

ისტორიულ-ფილოლოგიური
კიეხანი

ედღვნება

პროფესორ დავიდ გოცირიძის
60-წლიან იუბილუის

გამომცემლობა „უნივერსალი“
თბილისი 2012

В сборнике представлены научные труды, касающиеся актуальных вопросов филологии, истории, переводоведения, культурологии, педагогики и методики преподавания.

Главный редактор Марине Арошидзе
Editor-in-chief Marine Aroshidze
მთავარი რედაქტორი მარინე აროშიძე

Редактор электронной версии Манучар Лория
Editor of the electronic version Manuchar Loria
ელექტრონული ვერსიის რედაქტორი მანუჩარ ლორია

Редакторы **Editors** **რედაქტორები**
Давид Гоциридзе David Gotsiridze დავით გოცირიძე
Нана Каджая Nana Kajaia ნანა ქაჯაია
Кетеван Сванидзе Ketevan Svanidze ქეთევან სვანიძე
Асमत Ардзенадзе Asmat Ardzenadze ასმათ არძენაძე
Дали Доборджинидзе Dali Doborjginidze დალი დობორჯგინიძე
Жале Мамучадзе Jale Mamuchadze ჯალე მამუჭაძე
Мераб Ахвlediანი Merab Axvlediani მერაბ ახვლედიანი
Софико Таварткиладзе Sofiko Tavaartkiladze სოფიკო თავართქილაძე

Редакторская коллегия:

Анзор Абусеридзе (Грузия), Алла Кондрашева (Россия), Татьяна.Боборыкина (Россия), Марина Гиоргадзе (Грузия), Ирина Гошкетелиани (Грузия), Рафаэль Гузман Тирадо (Испания), Реваз Диасамидзе (Грузия), Шота Мамуладзе (Грузия), Тамаз Путкарадзе (Грузия), Валерий Монахов (Россия), Мамия Пагава (Грузия), Марианна Пискова (Болгария), Индира Дзагания (Грузия), Нино Арошидзе (Грузия), Нана Мазмишвили (Грузия).

Editorial board:

Anzor Abuseridze (Georgia), Alla Kondrasheva (Russia), Tatyana Boborikina (Russia), Marina Giorgadze (Georgia), Irina Goshketeliani (Georgia), Rafael Guzman Tirado (Spain), Revaz Diasamidze (Georgia), Shota Mamuladze (Georgia), Tamaz Putkaradze (Georgia), Valiriy Monakhov (Russia), Mamia Pagava (Georgia), Marianna Piskova (Bulgaria), Indira Dzagania (Georgia), Nino Aroshidze (Georgia), Nana Mazmishvili (Georgia).

სარედაქციო კოლეგია:

ანზორ აბუსერიძე (საქართველო), ალა კონდრაშევა (რუსეთი), ტატიანა ბობორიკინა (რუსეთი), მარინა გიორგაძე (საქართველო), ირინა გოშხეთელიანი (საქართველო), რაფაელ გუზმან ტირადო (ესპანეთი), რევაზ დიასამიძე (საქართველო), შოთა მამულაძე (საქართველო), თამაზ ფუტკარაძე (საქართველო), ვალერი მონახოვი (რუსეთი), მამია ფაღავა (საქართველო), მარიანა პისკოვა (ბულგარეთი), ინდირა ძაგანია (საქართველო), ნინო აროშიძე (საქართველო), ნანა მამიშვილი (საქართველო).

ISSN 1512-3162

გამომცემლობა „უნივერსალი“

С о д е р ж а н и е

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Первый гость нашей рубрики - доктор филологических наук,
профессор ТГУ Давид Зурабович Гоциридзе11

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абдрахманова Т.

К вопросу о сходствах и различиях прозвищ и
«кибер-имен»14

Авалиани Т.

К термину «общее языкознание» в современной
лингвистике21

Ахвледиани Д.

Принцип языковой экономии, экспрессивность и семантика
слова28

Ахвледиани М.

Грузинская лексика в творчестве русских поэтов
послевоенного поколения33

Барамидзе М.

К вопросу о речи потомков грузинских мухаджиров40

Бежанов З., Микеладзе Т., Родинадзе С.

О принципах отбора учебного материала для обеспечения ролевых
игр в морском образовании и тренинге46

Бежанов З., Хардина Л., Зарбазойя К.

О развитии навыков коммуникации, требуемых конвенцией
ПДНВ55

Берадзе И.

Этнокультурный аспект в выражении сравнительных отношений в
языке русского и английского песенного фольклора62

Болквадзе М.

Стереотипы в межкультурном контексте68

Глonti И.	
Роль англо-американских анимационных фильмов в формировании концептуальной картины мира и метафорическом моделировании языковой картины мира детей-мультилингвов.....	73
Гошхетелиани И.	
Универсальные и национальные особенности идиоматической картины мира	79
Гургенидзе Н.	
Структурные особенности ойконимов во французском и грузинском языках	84
Джинчарадзе С.	
Стереотипизация национального характера	89
Диасамидзе Л.	
О происхождении терминов «черный юмор» и «анекдот».....	93
Мачутадзе Т.	
Значение пословиц и их роль в современном дискурсе	98
Мхитарян К	
Социолингвические исследования языковой ситуации в Грузии	102
Оде С.	
Иностранные языки в межкультурной коммуникации XXI века	111
Салуквадзе Н.	
Специфический аспект эмотивной концептуализации в современном дискурсе	117
Сургуладзе Н.	
Концепт «Бог» во французских пословицах и поговорках.....	124
Сванидзе К.	
Направленность, ориентация вращающегося объекта в пространстве и смена направления вращения (на примере грузинских глаголов вращения)	132
Стамболишвили Н., Абусеридзе А.	
Сравнительная характеристика лексики с точки зрения типологии и этимологии	139

Партенадзе Н.	
Текстовые вариации в комедии У.Шекспира «Много шума из ничего»	147
Таварткиладзе С., Мамучадзе Ж.	
Событие – медиа-событие – медиа-текст	152
Хабадзе Х.	
«Жизнь» и «смерть» в метафорическом нарративе Хемингуэя	157
Хаджишвили Е., Халваши В.	
Роль прецедентов в формировании культурной памяти	161
Халваши Л., Гогитидзе Л.	
Знаки императива	168
Чхаидзе Н.	
Роль онимов в творчестве В.Высоцкого.....	177

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бакуридзе Н.	
«Есть-ность» как концепт в произведении М.Пруста «В сторону Свана»	182
Диасамидзе В.	
К сравнительному анализу черного юмора жанра «анекдот».....	190
Доборджгинидзе Д.	
Фольклор как вторичная знаковая система	198
Дондоладзе Н.	
Лексические элементы цветообозначений в творчестве Фолкнера	204
Думбадзе М.	
Тема Кавказа в «Волшебной горе» Томаса Манна.....	210
Каджая Н.	
Современная массовая литература и уровень читательской компетенции	218
Махачадзе Ш.	
Стиль романа «Дата Туташхия».....	221

Сиоридзе М.	
Тема лабиринта в произведениях Маргерит Юрсенал	227
Ситникова В.	
Пространственно-временная структура народных английских сказок и проблемы перевода	236
Чохарадзе М., Тавдгиридзе М.	
Некоторые особенности идеологической литературы социалистической эпохи	242

ЖУРНАЛИСТИКА

Саникидзе И.	
Роль прессы в современном обществе.....	249
Шамилишвили Г.	
Европейская публичная дипломатия – путь от телеграфа до современной меди	255

ИСТОРИЯ

Бажунаишвили Л.	
Иран: «Ядерный синдром» 1970-ых годов и политика США	262
Барамидзе Р.	
Мусульманское духовенство и ритуальные практики	271
Гаджиев И., Джафаров Г.	
Армянская область – мина замедленного действия	275
Джакели Л., Лория М.	
Некоторые историко-правовые вопросы безопасности Кавказа и грузинский фактор	282
Кондрашева А.	
Деятельность Кавказского Наместничества на Северном Кавказе (1844-1854 гг.)	287

Лазба Н.	
Государственные символы как социально-политический феномен	298
Мегрелишвили М.	
Академик Н.Державин и профессор К.Лилуашвили – исследователи истории взаимоотношений Болгарии и Грузии	306
Путкардзе Т.	
Лазские жилые постройки, сохранившиеся в восточной части исторического Чанети	310

ПЕДАГОГИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Ардзенадзе А.	
Формирование межкультурных компетенций в преподавании русского языка как иностранного	320
Горгилдазе Г.	
Натуральное изучение и обучение языкам: применение „метода коврикачества“ в обучении английскому языку студентов художественных специальностей	325
Инаишвили Л.	
Методологические основания технологии совместной учебной деятельности	332
Киквадзе М., Тандилава Л.	
Вопросы интенсивного обучения грузинскому языку азербайджанских студентов	339
Микеладзе М.	
Пример внедрения европейского опыта в сфере воспитания демократической гражданственности в Грузии	344

ФИЛОСОФИЯ

Багратиони И.

Идея «философской жизни» в концепции Константина Капанели351

Бахтикириева У.

«Но людям я не лгал ...» К юбилею Олжаса Омаровича Сулейменова358

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Арошидзе М., Арошидзе Н.

Важнейшие стратегии последовательного (консекутивного) и синхронного переводов376

Мазмишвили Н.

Восприятие цвета и перевод385

Тенишвили А.

Роль глобализации в процессе развития языков392

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Первый гость рубрики - доктор филологических наук,
профессор ТГУ

Давид Зурабович Гоциридзе

60-летний юбилей ученого

**был отпразднован в Варшаве, Санкт-Петербурге,
Киеве, Тбилиси**

.....

**Батумский государственный университет
Шота Руставели,
департамент славистики
и все, все, все**

ПОЗДРАВЛЯЕМ!!!

Гоциридзе Давид Зурабович – окончил филологический факультет ТГУ по специальности «Русский язык и литература». В 1981 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1987 – докторскую. С 1987 года – был заведующим кафедрой русского языка ТГУ.

Д.З.Гоциридзе – автор свыше ста пятидесяти научных трудов (в том числе пяти монографий) в области общего языкознания, лингвистики текста, этнопсихолингвистики, коммуникологии, теории и истории перевода, компьютерного переводоведения. Его многочисленные выступления на Международных форумах и конгрессах всегда удивляют глубиной мысли и новаторством.

Д.З.Гоциридзе воспитал большое количество докторантов, аспирантов не только в Грузии, но и в Израиле, Турции, России, Германии и др. странах, с полным основанием его можно считать основоположником грузинской текстлингвистической школы.

Д.З.Гоциридзе входит в состав редколлегии журналов «Русское слово», «Номо Esperans», «Славистика в Грузии», «Историко-филологические изыскания», является соредактором совместных трудов СПбГУ и ТГУ. Основал международный журнал «Номо Loquens».

В настоящее время наш дорогой юбиляр - Генеральный секретарь Ассоциации русистов Грузии, директор Института Русистики Тбилисского ГУ имени Ив. Джавахишвили, действительный член Грузинской Академии Образования, Президент Грузинской Мультилингвальной Ассоциации (FILPV), доктор филологических наук, профессор ТГУ.

В 1977 году – в честь 10-летия МАПРЯЛ – была учреждена медаль А.С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка». Впервые награждение медалью А.С.Пушкина было проведено на IV конгрессе МАПРЯЛ в Берлине (август 1979 г.).

В 2012 году по решению Президиума МАПРЯЛ медалью А.С.Пушкина был награжден профессор ТГУ –
Давид Зурабович Гоциридзе.

С особой теплотой хотелось бы отметить плодотворный период творчества Д.З.Гоциридзе в Батумском государственном университете Шота Руставели.

Дорогому юбиляру – наше восхищение и поздравления !!!

Департамент славистики БГУ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Т. Абдрахманова (Казахстан)

К ВОПРОСУ О СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ ПРОЗВИЩ И «КИБЕР-ИМЕН»

Гипокористические, качественные имена находятся между центром и периферией антропонимической системы. Ядром антропонимической системы являются официальные личные имена, прозвища же составляют периферию антропонимической системы. Самыми понятными (в пределах конкретного социума) бывают, как правило, прозвища. Семантический диапазон и структурные модели прозвищ оказываются в значительной мере обусловленными социально и хронологически. В русском языке сначала появились прозвища, бытовавшие в народе, а на их основе позднее были образованы наследуемые фамилии, затем школьные и другие современные прозвища. Между этими хронологически отдаленными пластами лексики наблюдаются существенные расхождения. Они объясняются, с одной стороны, изменениями, произошедшими в лексической системе русского языка, с другой, – средой, в которой употребляются прозвища. Помимо этого, различны цели номинации и психология именуемого, следовательно, различен смысл и структура прозваний этих двух хронологически отдаленных срезов. Ученые указывают на некоторый пласт внешне созвучных антрополексем, формирующих прозвища в старину и в наше время. При поверхностном наблюдении эти именованья схожи, даже омофоничны, но абсолютно несовместимы с точки зрения происхождения, места в антропонимической системе и антропонимической функции. Имеются в виду именованья типа *Волк*, *Козел*, *Рыба* и т.п., употреблявшиеся в прошлом в качестве дохристианских имен, позже – в качестве прозвищ, и в современном школьном (отчасти студенческом) жаргоне. Это чисто внешнее совпадение, поскольку подобные именованья мотивированы по-разному. В старину имя *Козел* человек мог получить от своих родителей как традиционное, охранное или от сограждан в силу каких-либо схожих

(внешних/характерологических) черт с конкретным животным. Современное школьное прозвище *Козел* появилось скорее всего от фамилии *Козлов* или *Козловский*, вследствие особой «аббревиации» последних. Подобная модель образования школьных прозвищ достаточно продуктивна. Полученные обратные дериваты в прозвищной системе, как правило, лишены семантической мотивации. Прозвище *Козел* из школьного жаргона обычно попадает в один ряд с такими чисто формальными образованиями, как *Зазарашвили – Зазар*, *Заславский – Зысел*, *Побережный – Пыбер*, *Вартакинян – Вартись*, *Музыковский – Муза*, *Гребеничиков – Гребендуля*, что, в свою очередь, подтверждает асемантичность прозвищ типа *Козел*, произведенных от полной формы фамилии *Козловский*, и их функционально-стилистическую эквивалентность (Ушаков 1978:112).

Н.Н. Ушаков в работе «Прозвища и личные неофициальные имена (к вопросу о границах прозвища)» пишет о различных мнениях ученых по поводу границ прозвищ (Ушаков 1978:147-149). Так, например, О.И. Александрова не включает в прозвища именованная антропонимического происхождения типа *Куба (Якубова)*, *Тихоня (Тихонов)*, *Пэпэкрю (Петр Петрович Крюков)*, *Дришка (Дарья)*, *Игрушон (Игорь)* и т.п. Она называет подобные образования фатическими именами, которые, по ее мнению, выполняют лишь «контактоустанавливающую функцию», «облегчают установление контакта «между своими» и определяют атмосферу общения». З.П. Никулина относит отфамильные образования типа *Сорока (Сорокин)*, *Жданчик (Жданова)*, *Голубяша (Голубева)* и другие к прозвищам, но указывает, что в семантическом плане они оказываются немаркированными, «характеризуются нулевой внутренней формой». В.Т. Ванюшечкин считает прозвищами такие производные от личных имен, как *Тимага (Тимофей)*, *Стиряк (Стиридон)*, *Семак (Семен)*. Е.Ф. Данилина все образования, имеющие связь с личным именем, считает вариантами этого имени, в том числе и такие, как *Махорка (Марфа)*, *Майонез*, *Ямайка (Майя)*, *Марго (Мария)*, называя исходное слово и дериват «супплетивными формами». Обращаясь к вопросу о семантичности/асемантичности прозвищ, Н.Н. Ушаков считает, что утверждение об информативности и внутренней форме прозвищ принимается учеными с оговоркой (или без нее, но с явными ограничениями в отборе материала). Он говорит о том, что

обычно не отказывают в семантической наполненности оценочно-характеристическим именованию, совпадающим с апеллятивами: *Фонарь, Столб, Колонна, Перпендикуляр, Каланча, Жирафа, Стропило, Жердь, Апофема, Штатив, Хламидомонада* и подобные им, возможны для высокого человека. Нельзя не принять во внимание, что в прозвищах, совпадающих с апеллятивами, значение последних передается весьма обобщенно, например, «длинный, высокий, рослый», (например, *Верста, Километр, Удельник, Оглобля, Полтора* и т.п.), это позволяет использовать для акцентирования каких-либо черт прозываемого самые разные слова, обозначающие те предметы, которые имеют и могут передать (иногда лишь в индивидуальном восприятии) эту особенность (Ушаков 1978:157).

Мы придерживаемся мнения Н.Н. Ушакова о том, что прозвище не может быть асемантическим, это противоречит его назначению. Потеря мотивации, отсутствие условий, поддерживающих прозвище, может привести к его утрате, возможной замене другим. Принятые среди школьников, они не так уж редко мотивируются не только фамилией или именем, но и другими признаками именуемого – внешним видом, особенностями характера, поведения, каким-то случаем и т.д. В качестве примера мы приведем прозвища, зафиксированные нами в ходе исследования: каз. *Аю* («медведь» *Айдын*, похож на медведя), *Zhandik* («насекомое», *Жанболат*, трус, маленького роста), *Khaban Shoshka* («кабаниха», *Кабанбаева*, полная); рус. *Бычок* (*Бычков*, очень большой, лицо круглое огромное, грубое), *Абезя* (*Олеся*, шустрая, как обезьяна), *Костыль* (*Костя*, когда-то ходил с костылем), *Баджо* (*Бауржан*, смуглый, похож на испанца или кубинца), *Веселушка* (*Весельева*, смешная, хохотушка), *Бочка* (*Бочкарева*, полная, нос как у свиньи), *Батон* (толстый как батон, *Батдойников*), *Белый* (от цвета волос, *Белялов*), *Заяц* (от поведения, фамилия *Зайцев*), *Синий* (от того, что пьет как синяк, фам. *Синякин*), *Богатырь* (он всегда говорил: «Я, да я щас всех...»), и фамилия *Скоробогатов*); нем. *Bruetmerchen* (*Frau Bruetmer*, sie wurde von allen geliebt, sie war sehr nett) (Rothmann 2001:180) и т.д.

Мы разделяем точку зрения Н.И. Волковой, которая считает, что пришло время пересмотреть отношение общества к прозвищам и не считать их лишь «плохими» словами. Свое мнение она подтверждает результатами проведенного ею анкетирования,

которые выявили несколько функций прозвищ: функцию общения, функцию различения в именовании тезок, прозвище-дразнилка и т.д. Прозвища, считает Н.И. Волкова, используются для того, чтобы выделить кого-то из толпы, группы, чтобы разнообразить именованья, чтобы сократить фамилии и имена, чтобы «обыграть» какой-либо компонент из официальной формулы именованья человека и др. (Волкова 2005:79).

В настоящее время появился ряд «прозвищ», называемых *никами* (иначе – *кибер-именами*, или компьютерными именами). *Ники* – это новая, нарождающаяся антропонимическая подсистема, которая включает в себя вымышленные компьютерные имена, предназначенные для общения в виртуальном мире и имеющие определенную графическую закреплённость, которая зачастую отличается от традиционной передачи слов буквами русского алфавита. Многие ники расширяют сферу функционирования: они выходят за пределы замкнутой компьютерной среды и приобретают ряд признаков, характерных для прозвищ, при этом они могут изменять свой графический или фонетический облик. Напротив, ряд прозвищ, являясь обычно средством общения в узком кругу сверстников, переходят в компьютерную среду и начинают использоваться в качестве кибер-имен [там же]. Ником пользуются практически все, кто общается в интернете, независимо от национальности, гражданства, происхождения: рус. *Рыжая бестия, Рыба, Успех, Звездочка, Миледи, Танцующая в темноте, Ириска, Фея луны, Дама с опытом, Пчелка, Доброжелательница, Тролль, Хитрюля, Солнце Ди@на, Марал, Zaika, Blaze, Ам@н, Мими, Локи, Конфетка, Шалунья, Сладкая, Солнышко, Аза, Ж@н, Проказник, Лидер, Миллионер, Медвежонок, Генерал, VIP STAR, Lady, Maks, Black Sugar, Black Dog, Romeo, Fran, Foks, Nice Girl, Kain, V@iper, Апельсинка, Девочка ветра, Ангел смерти, Арбузинка бубль гум), сладкая смерть, вишнёвая леди, ДыНеЧка, МаЛяВоЧка, конФФетОшка пуФФынка, _мисс, ОбОжЖеН-НаЯ_лУнНыМ_сВеТоМ°, Абу Али бул-буль Пятап, и многие другие.*

В отличие от прозвищ, используемых в живой разговорной речи, ники – «интернетные прозвища» – могут создаваться следующими способами:

1. связаны с интересами именуемых (*Мисс Шоколадка* – ест шоколад; *Ledy GaGa* – фанатка Леди Гага);

2. графически и фонетически измененное имя (аня - /-|-|E4|(-|, алена - /-|\ë|-|()4|(-|, ира - |/|>()4|(-|);
3. словосочетания (*убийцо_пироцкофффф*, *пластилин_овец*, *gde_moi_posok >,fu_eto_on*, *^-Блондинка в шоколаде^*, *&*Шоколадное создания*&*, *~Мисс шоколадка~*, *Жизнь игра а люди актёры*)-*, *Миленький ангелочек**, *черти что и с боку бантиГ*, *Ночью под мостом и с топором* [фактически собранный материал автора].

Особенность ников в том, что они (ники) выполняют лишь контактоустанавливающие функции так же, как и фатические имена (Заза от фамилии Зазашвили, Кузя от фамилии Кузьмин). Если каждое прозвище закреплено за каким-то конкретным человеком и наполнено определенной коннотацией, т.е. характеризует носителя прозвища по его особенностям внешности, походки, речи или другим признакам, то ники не связаны с выделяемыми характеристиками носителя этих имен. Ники так же, как и псевдонимы, создаются самими авторами, а не социумом. При создании ников авторы стремятся отличиться своим красноречием, неординарностью, экстравагантностью. Таким образом, ники стоят между прозвищами и псевдонимами.

Коммуникативный процесс поддерживается в этой среде только текстовым обменом. В интернетной среде каждый может стать тем, кем он хочет. Человека оценивают не по его внешности, а только по его словам. Первое впечатление о Вас люди получают от Вашего придуманного ника, это своего рода маска.

Ученые (Атабекова, Бергельсон, Галичкина, Донскова, Смирнов, Трофимова, Шейгал) считают, что аккумулируя в себе огромное разнообразие речевых практик, способов и форматов коммуникации, Интернет-общение становится самым популярным в эпоху глобальных коммуникаций. Ситуация установления и поддержания контакта приводит к коммуникативному новаторству, делая это общение необычным и оригинальным. Креативность языковой виртуальной личности в коммуникативном пространстве сети постоянно растет. Причем этот рост «идет» по всем языковым уровням, что делает сетевой язык уникальным исследовательским объектом для лингвистического изучения: в Интернете мы наблюдаем взрыв народного речетворчества, захватывающий все языковые уровни, но особенно ярко это видно по сетевой лексике и особому компьютерному сленгу, возрождению эпистолярного

жанра, частому использованию приемов языковой игры и прочее [6]. Однако часто это новаторство выражается в отклонении от графических и грамматических языковых норм считает Кронгауз М. Ряд российских лингвистов говорят даже о том, что русский Интернет прощается с русским языком, описывая метафорично эту ситуацию «Умерает зайчег мой», т.е. принцип «пишу как слышу» становится в Интернете некой коммуникативной нормой. Однако не всё потеряно... Например, Максим Кронгауз полагает, что мода на «язык падонков», «превед» скоро пройдет, и эти новаторские приемы быстро перейдут в банальные речевые клише, теряя свою новизну и коммуникативную привлекательность, и будут служить только напоминанием о лингвистических играх раннего периода развития Сети (Горошко www.textology.ru/article.aspx?aId=76).

Участники общения стремятся получить необходимую информацию о собеседнике косвенно (по нику, аватару, псевдониму или напрямую: например в чатах в англоязычной коммуникации существуют специальные аббревиатуры: asl (age, sex, location (пер. с англ.: возраст, пол и местонахождение) или morf (male or female (пер. с англ.: мужчина или женщина)), призванные прояснить в начале чата половую и возрастную принадлежность коммуникантов, а также их место проживания) (Горошко www.textology.ru/article.aspx?aId=76).

Литература

1. Теория и методика ономастических исследований. Москва. 1986.
2. Ушаков Н.Н. Прозвище и личные неофициальные имена // К вопросам о границах прозвища. Имя нарицательное и собственное. Москва, 1978.
3. Сергеева Л.А. Об аксиологической природе прозвищ // Номинация в ономастике. – Свердловск, 1991.
4. Rothmann R. Ein Winter unter Hirschen. – Suhrkamp Verlag Frankfurt/Main, 2001.
5. Волкова Н.И. Прозвища как объект лингвистики, социолингвистики и психолингвистики // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Материалы международной конференции. – Екатеринбург, 2005.
6. Горошко Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы// www.textology.ru/article.aspx?aId=76

T. Abdrakhmanova (Kazakhstan)

ON SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF NICK-NAMES AND CYBER-NAMES

Abstract

Whereas, nicknames are assigned to specific people and convey certain connotations, i.e. are specifying the owner's peculiarities such as appearance, walk, speech, and other features, nicks are not linked to the characteristics of the owners. Nicks, as well as pseudonyms are created by authors themselves and not by the community. When inventing their nicks, authors attempt to stand out with their master of language, unconventional and extravagance thinking. Therefore, nicks stand between nicknames and pseudonyms.

К ТЕРМИНУ «ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Что такое общее языкознание?

Вопрос вроде бы банальный, давно имеющий общепринятый однозначный ответ, как бы ни у кого не вызывающий никаких сомнений.

Оказывается, это не совсем так, в чём и нетрудно убедиться, если даже пересмотреть хоть часть дефиниций данного термина. Так, по одному из авторитетных современных русских академических изданий - «Лингвистическому энциклопедическому словарю» под редакцией В. Ярцевой - общее языкознание (в дальнейшем ОЯ) – это «один из крупных разделов языкознания, который занимается свойствами, присущими любому языку и отличается от используемых им частных языковедческих дисциплин либо по отдельному языку, либо по группе родственных языков, либо по географической области, внутри которой группируются ареально и/или типологически ... **Общее языкознание устанавливает общие черты всех языков, ... исследуя общие особенности любого речевого акта и текста**» (Ярцева 1998: 619).

Аналогично понимается термин ОЯ и в грузинском академическом издании «**Учебник по общему языкознанию: современные лингвистические теории**» (на груз. яз.): «Задачей данного курса по теоретическому языкознанию является представить современные общие взгляды и теории структуры естественного человеческого языка и письма, многообразия языковых систем и писем, их происхождении, изменениях и т. д.» (Гамкрелидзе 2003: 18)

Нетрудно понять, что здесь термин «ОЯ» выступает в качестве синонима термина «теоретическое языкознание». На это прямо указывают авторы одного из пособий курса по ОЯ, изданного в 2007 году в Москве: «**Теоретическое (общее) языкознание** как особый отдел науки о языке выделилось только в XIX в ... **теоретическое языкознание (или «общее языкознание»**, как называется этот курс в учебных планах филологических факультетов университетов) — отдел науки о

языке, который изучает основные закономерности происхождения, развития, устройства и функционирования языков в тесной связи с проблемами философии, нейрофизиологии, психологии, социологии, логики, антропологии, этнографии, культурологии и других смежных наук» (Стернин И., Попова З. 2007: 6).

Получается синонимический ряд: «**общее языкознание - теоретическое языкознание**», в который включается и термин «**теория языка**»: «теоретическое языкознание, ... известное в XIX и XX веках как **общее языкознание**, в последнее время получило новое название — **теория языка**» (Стернин, Попова 2007: 3).

Исходя из вышеизложенных взглядов, термины: ОЯ, теория языка и теоритическое языкознание - это синонимы, обозначающие один из разделов языкознания, основанный В. фон Гумбольдтом и Ф. де Соссюром, обобщающий результаты исследований в области конкретных языков и на их основе разрабатывающий общую теорию языка.

Существует и иное понимание ОЯ, укоренившееся ещё со времён советской лингвистической традиции, по которому теория языка выступает не в качестве синонима ОЯ, а его составной частью. При том, ОЯ наряду с теорией языка, включает в себя ещё два самостоятельных лингвистических раздела: **методику лингвистических исследований и историю языкознания**. Совершенно очевидно, что здесь речь идёт уже не о вышеуказанном разделе языкознания, а об учебном курсе, преподававшемся в вузах по единым унифицированным государственным программам, притом до 1963 года все эти лингвистические разделы преподавались самостоятельно, каждый в отдельности, а потом были объединены и преподавались в рамках единого учебного курса под названием «общее языкознание» (Кодухов 1982: 3).

В ряде стран постсоветского пространства указанная система организации преподавания в вузах общелингвистической проблематики, основанная на схеме: «ОЯ = теория языка + методика лингвистических исследований + история лингвистических учений», в целом сохранена. Так, например, учебники по общему языкознанию А. Гируцкого и Л. Ивановой, изданные соответственно в Минске и в Киеве, тоже состоят из вышеуказанных трёх разделов (Гируцкий 2001: 3; Иванова 2006: 3).

Укоренившуюся традицию частично нарушает учебник В. П. Даниленко - «Общее языкознание и история языкознания (Курс лекций)», М. 2009, в котором один из трёх указанных разделов общего языкознания - история языкознания уже исключается из числа его составных частей. Структура учебника включает в себя: внешнюю лингвистику, внутреннюю лингвистику (т.е. теорию языка) и лингвистическую гносеологию.

Таким образом, налицо как минимум два взаимоисключающих понимания термина ОЯ, связанные с рассмотрением ОЯ в первом случае в качестве раздела языкознания, а во втором – в качестве учебного курса. Нет единогласия и во втором случае, основой чего и следует считать различия в организации системы высшего образования в постсоветском пространстве. Там где сохранена одноступенчатая система высшего образования и соответственно студенты филологического профиля всю необходимую общелингвистическую информацию получают комплексно, в рамках единственной ступени высшего образования, учебники по ОЯ по-прежнему состоят из трёх вышеуказанных разделов.

Для грузинской же трёхступенчатой системы высшего образования, переход на которую осуществляется за последние годы, подобная структура вузовских учебников по ОЯ уже оказывается явно непригодной. Речь идёт о том, что весь учебный материал, предлагаемый студенту в рамках одной ступени, сейчас должен быть перераспределён на три: бакалавриат, магистратуру и докторантуру. Почти 90% выпускников вузов прекращают учёбу именно на ступени бакалавриата. Так что, вышеупомянутое перераспределение общелингвистической проблематики должно быть не механическим, а концептуальным, системным, рассчитанным уже не на одну, а на все три ступени и основанным как раз на глубокое осмысление объёма содержания термина ОЯ: оно должно охватывать по-прежнему все три указанных раздела, или это всего лишь теория языка?

Анализ образовательных программ (курикулов) филологического профиля грузинских вузов, проведённый нами, показывает, что как раз в этом направлении возникает целый ряд проблем, в частности:

- системных, концептуальных, комплексных подходов к обучению студентов общелингвистической проблематике,

о чём и шла речь выше, ещё не выработано. Вследствие этого в ряде случаев сталкиваемся с дублированием некоторых общелингвистических учебных курсов на разных ступенях;

- в условиях, когда нет не только единой системы разработки и составления учебных программ, но и хоть какой-либо единой концепции и глубоко осмысленных государственных стандартов, всё острее даёт о себе знать проблема нехватки лекционных курсов, учебников и пособий, составленных с учётом новых условий.

Для осмысления указанных проблем обратимся к требованиям «Рамки квалификаций высшего образования», выработанной Министерством Просвещения Грузии, по которым бакалавр должен иметь «широкие знания сферы, охватывающие критическое осмысление теорий и принципов данной области, осознание комплексных вопросов», ... магистр же должен иметь «глубокие и системные знания сферы, способствующие студенту вырабатывать новые, оригинальные идеи, осознавать пути решения отдельных проблем (Перевод наш - Т. А.)» (Рамка 2011).

Исходя из этих требований, каким должно быть объём содержание учебника по ОЯ, способствующего будущему бакалавру филологии в овладении этими знаниями в области теории языка?

Анализ курикулумов грузинских вузов даёт следующую картину:

1. часть грузинских вузов (в основном государственные, в том числе и ТГУ, БГУ и др.) не отказывается от традиционной схемы преподавания общелингвистической проблематики. Бакалаврские курикулумы ТГУ по русской, грузинской и западным филологиям, круг задач общелингвистической проблематики, определяющий компетенции бакалавра филологии, формулируют следующим образом:

- **«Введение в языкознание»** – это обязательный для компетенции филолога предмет, с помощью которого будущий филолог овладевает **основным лингвистическим понятийным аппаратом и дефинициями**, а также исходными положениями фонетики, морфологии, семантики и синтаксиса.

- **«Общее языкознание»** - это обязательный для компетенции филолога бакалаврский курс, способствующий студенту получить знания об основных этапах происхождения и развития языка, **об основных лингвистических теориях**, гипотезах и их взаимоотношениях, об основах компаративистической, типологической ареальной лингвистики».

В качестве выборочных курсов в бакалавриате предлагаются также: **введение в лингвистику текста; сопоставительная грамматика русского и грузинского языков; теория и практика коммуникации; публичная речь; теория и практика перевода и т. п.**

Аналогично осмысление данной проблемы и в курикулах Батумского, Кутаисского и других государственных вузов, а также Университета Грузии (Сакартвелос университети), только с той разницей, что Университет Грузии вместо введения в языкознание предлагает **основы теории языка**, а вместо общего языкознания – **теорию языка**.

2. Другие вузы также следуют указанной схеме, только с той разницей, что вместо курса по ОЯ предлагают широкий выбор дисциплин данного профиля. Так, в курикулах государственного университета Ильи Чавчавадзе это: *общая теория языка; современные лингвистические направления (теория высказывания); современная теория дискурса; теория языковой коммуникации; типология текстов* и др.

3. По бакалаврским же курикулам востоковедческого направления ТГУ, функция ознакомления студентов с основными лингвистическими теориями, принципами и методами возложена на введение в языкознание, а общее языкознание здесь имеет статус выборочного предмета.

Что же касается истории лингвистических учений (языкознания) и методики лингвистических исследований, они преподаются в магистратуре (например, в БГУ).

Таким образом, на основе нашего анализа следует заключить, что на вопрос, что такое ОЯ, в современной постсоветской лингвистике нет общепринятого ответа. «Общее языкознание»:

С одной стороны, - это теоретическое языкознание, теория языка, раздел языкознания, основанный В. фон Гумбольдтом и Ф. де Соссюром.

С другой стороны, - это вузовский учебник для одноступенчатой системы высшего образования, охватывающий наряду с теорией языка ещё два самостоятельных лингвистических раздела: историю лингвистических учений и методiku лингвистических исследований.

И наконец, - это бакалаврский учебник, охватывающий лишь часть общелингвистической проблематики, в целом осмысленной и концептуально рассчитанной по усмотрению соответствующих вузов на все три ступени системы высшего образования: бакалавриат, магистратуру и докторантуру.

Литература

1. Гамкредидзе Т. В. «Учебник по общему языкознанию: современные лингвистические теории» Тбилиси. 2003 (Электронный ресурс) (на груз. Яз.): <http://armazi.uni-frankfurt.de/framee.htm>.
2. Гируцкий А. А. Общее языкознание (Учебное пособие). Минск. 2001.
3. Даниленко В.П. Общее языкознание и история языкознания: курс лекций. Москва. 2009.
4. Иванова Л. П. Курс лекций по общему языкознанию. Киев. (Электронный ресурс) 2006/ <http://www.twirpx.com/file/406763>.
5. Кодухов В. И. Общее языкознание. Тбилиси. «Ганатлеба». 1982 (Пер. на груз. яз. Р. Энукашвили).
6. Образовательные программы вузов Грузии (Электронный ресурс). http://www.tsu.edu.ge/ge/faculties/humanities/study/bach_programs/.
7. *Попова З., Стернин И.* Общее языкознание (Учебное пособие). Москва. 2007. (Электронный ресурс). <http://www.twirpx.com/file/277273/>.
8. Рамка 2011 - «Рамка квалификаций высшего образования» Тбилиси. 2011. (Электронный ресурс). http://www.sukhishvilebi.edu.ge/files/DOCS/Kvalifikaciis_Charcho.pdf.

9. Чикобава А. С. Общее языкознание. Тбилиси. 1983. (на груз, яз.).
10. Шадури Т. Н. Общее языкознание. Тб. «Ганатлеба». 1983.
11. Ярцева В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание, под. ред. В.Н. Ярцевой (Электронный ресурс).

Temur Avalini (Georgia)

ON THE TERM ‘GENERAL LINGUISTICS’ IN THE CONTEMPORARY LINGUISTICS

Abstract

The article deals with the understanding of the term ‘general linguistics’ in the contemporary linguistics. In the author’s opinion, the question ‘what is general linguistics?’ does not have a single common answer. The analysis showed that ‘the general linguistics is

- On one hand – theoretical linguistics, theory of language. Branch of linguistics founded by W. von Humboldt and F. de Saussure;
- On the other hand, the HEI coursebook for one-level education system, which apart of the theory of language, covers two independent branches of linguistics: history of linguistic schools and methodology of the linguistic research.
- Finally, it is the undergraduate level coursebook for the three-level education system covering only part of the general linguistics problems, constructed and conceptually aiming to cover all three levels of higher education in accordance with the decision of the respective HEIs.

ПРИНЦИП ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ, ЭКСПРЕССИВНОСТЬ И СЕМАНТИКА СЛОВА

В публицистическом стиле, для воздействия на читателя, часто используются лексические средства с переносным значением, что оправдывается экономическим принципом языка, хотя слово? используемое как экспрессема, в том случае если оно используется самостоятельно и произвольно, или использовано многократно, теряет экспрессивность, искажается его значение (Гвинадзе, 1980:19). Некоторые слова расширяют свою семантику, некоторые же – наоборот уменьшают. Этот факт, по идее, должен служить для облегчения коммуникации, но на самом деле вызывает обнищание лексического состава.

Проблема – греческое слово и обозначает сложный теоретический или практический вопрос, нуждающийся в изучении и исследовании. Во время беседы, в живом разговоре оно обозначает нечто трудно решаемое и трудно осуществляемое. Из живой речи эти изменения влились в язык прессы. Слово «проблема» захватывает семантику многих лексем. Так в прессе появились заголовки «Проблема желтухи в городе», но правильнее бы было озаглавить статью так: «В городе желтуха». «Проблемы бешенства» в данном случае слово проблема здесь лишнее. «Капитализм или социализм? Проблема стала актуальной», лучше было бы использовать слово *тема* или *вопрос*. «Рисую без проблем», должно быть: «Даже шум не мешает мне рисовать».

В современном грузинском слово проблема часто имеет обобщенный смысл. Например: проблемы Черного моря; экологические проблемы; глобальные проблемы; проблема воды. Более того, если мы скажем, что у меня проблема, то будет неясно, кто или что создает эту проблему. Иногда становится возможным заменить их более конкретным, приемлемым для грузинского языка фразами: для решения проблемы с водой, необходимо чтобы подача воды была беспрепятственной. Данные слова превратились в штамп и возможно их изъятие из контекста, но при этом смысл не меняется. Например: в Комардули проблему эмиграции остановит постройка коттеджей (должно быть: остановит миграцию).

Исходя из выше рассмотренных примеров, мы видим, что слово *проблема* семантически сужает много исконно грузинских слов. Это такие слова, как: *sakitxi, tema, winaagmdegoba, satkivari, dabrkoleba, xarvezi, seferxeba*. Очень интересен следующий пример: «Проблема в одном мужчине», а должно быть: «Один мужчина создает препятствия, один мужчина против», или же, например: *это не проблема, я это сделаю без проблем*. Последний пример очень хорош и это объясняется воздействием других языков на грузинский язык (господствующее место этого слова, мы можем наблюдать в английском, русском и турецком языках), все вышесказанное мы не должны воспринимать так, будто слово *проблема* не должно нигде употребляться, но данное явление имеет негативный характер.

В современном грузинском языке широко распространены такие слова, как *chamadi, snobadi, yurabadi, anazyauzeba, kontrolireba* и т.д. они выражают будущее время, категорию и обязательность: *dakvladi* – это то, что обязательно должны зарезать и зарежут (Инаишвили 1967:68) множество таких форм имеются у Георгия Мтацминдели, у Эфрема Мцире (*dabadebati, ganatlebaTi, qmniadi, grznobadi, ganymrtobadi*), в записях Иоанна Петрица (*ziarebadi, vnebadi, xilvadi, snobadi*) (Меликишвили 1975:130-131). В древнем грузинском языке такие формы противопоставляются по времени: „*dacemadi, dacemulni*” (Псалм 144,14); „*yofili, yofadi*” (Сборник 231,4); „*ganxrwnadi, uxrwneli, Secvalebadi, Seucvalebeli*” (там же, 93, 20) (Цецхладзе 2006: 62).

В инверсивном лексиконе, зафиксировано более 150 слов и терминов подобного происхождения. В современном грузинском языке слова подобного происхождения значительно увеличили свой ареал. Мы встречаем: **обсуждаемое** дело, **изъятая** сумма, **развивающиеся** страны, **разрешимые** проблемы, **высокооплачиваемая** работа, **управляемый** человек, **контролируемая** территория, **узнаваемое** лицо и др. Происхождение названных форм связано с несколькими целями: 1. Выражение желания возможностей (в языке временные формы причастия и личные формы глагола не всегда могут выразить данный нюанс); 2. Передаваемое содержание должно передаваться полными конструкциями, но из-за стремления к экономии дается предпочтение односоставным предложениям; 3. Нужно учитывать и

влияние иностранных языков. В языке для передачи семантики, существуют компактные причастные формы (Омиадзе 2009:166).

Новые формы из-за неоднородности разделяются на группы: **осуществляемые** (проект, программа, идея, замысел), **делаемые** (дела, работа, телепередачи), **выполняемые** (обещание, план, замысел), **разрешимые** (отношение, проблема, конфликт), **объясняемые** (действие, явление, шаг), **успеваемые** (работа, дело). В формах подобного типа можно увидеть и другие значения. *Gayidvadi produqti* (продукт продаваемый, который хорошо расходуется); *yurebadi filmi* (фильм, у которого большая аудитория); *smenadi musika* (музыка, у которой много слушателей); *kitxvadi* (такое произведение, у которого много читателей); *momxmarebadia produqti* (продукт, который уже готов к употреблению и у которого много потребителей); *kontrolirebadi teritoria* (не указывает ни на будущее время и не на возможности, контролируемый уже означает, что территория уже контролируется); *cnobadi saxe* (обозначает известное, узнаваемое лицо: мой бренд узнаваем и востребован). Наряду с подобными формами распространяется и отрицательные (негативные) варианты: *seucnobadi*, *seuywevadi*, но лучше было бы *seucvleli*, *gamouyenebeli*. В газете «Республика Грузия» (28.05.2008) было опубликовано письмо читателя, в котором объектом критики являлось «*yurebadi filmi*», (см. «Литературная Грузия», 1-7.02.2002). В некоторых случаях возможно употребление форм лица глаголов. Например: все будет **исполняемо** – все **исполнится**; это будет **воспроизводимо** – это **воспроизведется**. На будущее время, в данных примерах, указывает глагол **будет**. Если мы пользуемся принципом языковой экономии, то тут наоборот, получается пустословие. Слово *ganvitarebadi* в языке масс-медии используется как антоним слова *ganvitarebuli*: «Грузию считают **развивающейся** страной, но должно быть Грузию считают **развитой** страной» (Цинцадзе, Барамидзе). Тут нужно учитывать не один нюанс: при их замене нужно уделить внимание контексту, поскольку теряется то семантический нюанс, то предлагается многокомпонентная структура (Омиадзе 2009:166).

В языке грузинской прессы неоднократно высказывалась критика по поводу перебора описательной формы. Если возможна замена – то она осуществляется. «Можно просто сказать: участвует, помогает, показывают, собирают; то из-за желания избежать лишних слов, приходится прибегать к искусственному слово-

производству (Папидзе 1980:144). Подобные формы в художественных произведениях служат для экспрессивности: *caidaymartebes, micqarnabijobda, cavaportretot, vuculisyuebdi, cautelefo-na*. Папидзе рассматривает примеры из прессы 20 века 70-80 гг. Напр: *gaixmeleTa* (вышел на берег); *daitavisa; gaabilemiana* (приобрела билеты); *gamamda* (стал отцом). В разговорном стиле распространено: *agemovnebs, dietobs, maswavleblobs, atreningebs, datreningebuli*. Часто исходной точкой считается иноязычный корень, русское или английское слово: *damizvanoka, damgosta, daa-laiqa, daaklika, damiqolinga, daaklasa*.

На этот раз, по материалу местной прессы выявляется в литературном грузинском языке противоположные тенденции: для принципа языковой экономии и экспрессивности используемых для того, чтобы повлиять на читателя, очень часто используется искусственные экспрессы, что делает расплывчатым значения слов и обнищает лексический состав.

Литература

1. Имнаишвили И. К этимологии «чади» и «шашлыка»//Орион (на гр.яз).Тбилиси. 1967.
2. Меликишвили Д. Трудовой язык и стиль Иоанна Петрици (на гр.яз). Тбилиси. 1975.
3. Натадзе Н. К образованию причастий в современном грузинском языке (на гр.яз). Тбилиси. 1962.
4. Омиадзе С. Активизирование словообразовательной функции в языке современной масс-медиа (на гр.яз). Тбилиси. 2009.
5. Папидзе А. Отдельные вопросы глагольных форм в языке современной грузинской прессы (на груз.яз.). Т. III. Тбилиси.1980.
6. Цецхладзе Н. Причастие в древнегрузинском языке (на груз. яз.). Батуми. 2006.
7. Цинцадзе М., Барамидзе М. Вопрос суффикса –ад в современном грузинском языке//материалы Международной конференции БГУ «Гуманитарные науки в информационном обществе». Батуми. 2009.

Diana Akhvlediani (Georgia)

THE PRINCIPLE OF LINGUISTIC ECONOMY, EXPRESSIVITY, AND SEMANTICS

Summery

Existence of expressems in language is often justified with linguistic economy, but their frequent and pointless usage makes the meaning of the words ambiguous. Use of some words comply with the laws of linguistic economy, but the meaning of some of them is generalized and is not typical for the Georgian language, at the same time they are commonly used and popular: დააღაიქა (liked), დამიქოლინგა (gave a call), დათაგა (tagged), იშოპინგა (did shopping), დაატრეინინგა (to conduct training)... Too much of expressivity and unreasonable economy of the words causes ambiguousness of its semantics and makes vocabulary of the language meager.

ГРУЗИНСКАЯ ЛЕКСИКА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ ПОСЛЕВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

Почти двухвековые языковые и культурно-литературные контакты между русским и грузинским народами создали условия, которые позволяют русскоязычным поэтам и переводчикам достаточно смело использовать грузинские лексические пласты в своих произведениях без риска быть непонятными для их читателя. Эта уверенность в коммуникативной полноценности грузинских слов возникла уже в начале XIX века и со временем стала традицией и одной из выразительных возможностей русского поэтического языка. Интерес к грузинскому слову как атрибуту русского стиха особенно расширился во второй половине XX века, когда в поэзию пришло так называемое «послевоенное поколение» поэтов (Е.Евтушенко, Б.Ахмадулина, А.Вознесенский, А.Межиров, М.Луконин и другие).

Давно известно, что поэтический язык существенно отличается от языка прозы, даже очень высокохудожественной. Обыкновенное слово нейтрального стиля во всех языках, в том числе в грузинском и русском, попав в поэтическую строку, приобретает совершенно иное звучание: какое-то высокое, эмоциональное, внушительное.

Большое значение в поэтической речи имеют верификационные проблемы. Стремление поэта сохранить рифму, ритм, количество стихов, музыкальность стиха и другие элементы нередко подталкивает его к употреблению в стихотворении того или иного иноязычного слова.

Такие слова, как известно, приносят в текст затруднения смыслового характера. Если иноязычное слово не имеет эквивалента в заимствующем языке, то думать о переводе бессмысленно, так как многословный перевод поэзия не приемлет. Поэтому поэт оказывается вынужден оставить в русском тексте иноязычное слово без перевода.

Но есть и другая заинтересованность поэта. Иноязычное слово приносит с собой еще и определенную экзотику, национальную окраску или, как часто говорят, национальный колорит.

Среди причин, вызывающих употребление иноязычного слова, как в оригинальной, так и переводной поэзии, нельзя исключить и субъективный фактор, вкус поэта, его личное отношение к слову.

Таким образом, употребление грузинских слов в русском поэтическом произведении диктуется следующими факторами:

- непереводимостью грузинского слова;
- необходимостью создания национального колорита;
- верификационными задачами;
- тематической обусловленностью;
- личным вкусом автора.

Когда мы говорим об оригинальной русскоязычной поэзии, в которой используются грузинские слова, то не следует упускать из виду то обстоятельство, что возможность появления грузинского слова в русском поэтическом произведении обуславливается неременной связью данного художественного произведения с грузинской темой, с грузинскими мотивами и вообще идеей о Грузии. Поэтому анализируемую лексику мы встречаем, как правило, в творчестве писателей, живущих или побывавших когда-либо в Грузии.

Например, Б.Ахмадулина в стихотворении «Тифлис» использует сразу несколько грузинских слов, которые передают характерные черты быта жителей Тбилиси, создают неповторимый облик города:

*Как мацоницик, чей ослик любим как никто, возвещаю восход
и мацони.*

*Коль кинто не придёт, я приду, как кинто, веселить вас,
гуляки и сони.*

Ничего мне не жалко для ваших услад.

Я – любовь ваша, слухи и басни.

*Я нырну в огнедышащий маленький ад
за стихом, как за хлебом – хабази.*

Слово *мацони* зафиксировано в нескольких толковых словарях русского языка. В толковании этого слова даётся синоним «простокваша» с пометой «грузинское», «областное» (Толковый словарь русского языка, т.2, 1938:165). Однако в употребительном плане слово «мацони» не имеет общеязыкового распространения. Оно, видимо, распространено и понятно в речи людей, в какой-то мере близких к кавказскому ареалу.

В грамматическом плане слово *маџони* не освоено, то есть не имеет морфологических показателей рода, склонения, парадигмы.

Семантическая освоенность слова дала возможность при помощи русского суффикса

-щик образовать от несклоняемого *маџони* новое слово со значением лица – *маџонищик*, которое уже является собственно русской лексической единицей.

Обращает на себя внимание и употребление в стихотворении другого грузинского слова *кинто*, которое в приведённом примере несёт на себе бóльшую стилистическую нагрузку, нежели предыдущее.

Для старых тбилисцев *кинто* был символом балагурства, острословия. Б.Ахмадулина переносит в своё стихотворение именно это понимание слова *кинто*. Он у неё симпатичный острослов, встреча с которым доставляет удовольствие. Это слово, видимо, необходимо поэту как образ. И чтобы «подать» его должным образом – живо, звучно, колоритно, чтобы оно не «затерялось» и не потускнело, поэт вводит в стих в общем-то малоэффективный полустих «чей ослик любим как никто», чтобы потом «взорваться рифмой» *никто – кинто*. Поэт не без некоторой игривости сравнивает себя с кинто, чтобы вслед за этим получить право «обозвать» своих друзей гуляками и сонями.

В противоположном эмоциональном ключе употреблено слово *кинто* в стихотворениях Е.Евтушенко, в которых он назван «лукавым» и «рваным»:

*Он мяч постукал о коленку,
лукавый, будто бы кинто...*

(Е.Евтушенко. «ГайозДжеджелава».)

*И карачохели, и рваныйкинто,
в другом находясь измереньи,
глядят на тебя, молодёжь, в изумленьи
и крестятся – что-то не то.*

(Е.Евтушенко. «Маџони».)

Таким образом, Б.Ахмадулина и Е.Евтушенко, как бы дополняя друг друга, создают тот противоречивый образ кинто,

который и сейчас имеется в грузинском языке, со всеми его положительными и отрицательными оценками.

Да, *кинто* – слово непере译имое. Однако его «жизнь» в русском поэтическом языке обусловлена не только этим обстоятельством. Оно, прежде всего, стержень, символ сложного образа, который так полюбился русским поэтам (в отличие от грузинских) и наделён ими чертами симпатичности и романтизма.

Только в положительном смысле употребляется у Е.Евтушенко другое грузинское слово – *карачохели*. И это употребление совпадает с общегрузинским пониманием данного слова, например:

*Старик-платан, листвою качая еле,
Ты мудр, как будто ты карачохели.
(Е.Евтушенко. «Мой Тбилиси».)*

Интересным является использование Б.Ахмадулиной употребительно-активного слова «*хабази*» (пекарь, хлебопёк). Труд поэта она сравнивает с нелёгким трудом *хабази* (хлебопёка), выпекающего грузинский хлеб в торнэ.

Хабази в русском языке имеет хорошие соответствия – пекарь, хлебопёк. Однако поэт вставляет в стих грузинское слово. Это оправдано, так как в данном случае *хабази* не просто пекарь, а пекарь в торнэ – «огнедышащем маленьком аду», куда «за стихом нырнёт» поэт, как *хабази*, за хлебом. Создан поэтический образ – свежий, зримый, сближающий труд поэта с нелёгким трудом *хабази* и потому наделяющий стих неповторимым ароматом грузинского хлеба. В этом видим мы оправдание наличия данного грузинского слова в русском поэтическом произведении.

Хотя приведённые выше слова (*кинто*, *карачохели*, *хабази*) ещё не освоены русским языком в грамматическом плане, то есть не имеют морфологических форм выражения, это обстоятельство не помешало семантическому освоению данных слов. Органически войдя в ткань художественного произведения, они приняли на себя большую стилистическую нагрузку: помогают русскому читателю яснее представить быт старого Тбилиси, создают в стихотворениях неповторимый национальный колорит.

Подробнее следует рассмотреть вопрос о фонетическом освоении слова «*kinto*». В русском языке это грузинское слово

заимствовано с ударением на конечном слоге – «кинто́». Возникает вопрос: Почему? А причина связана с природой русского словоупотребления. Русский язык стремится иноязычное слово воспроизвести по-русски с максимальным сохранением его фонетического облика. Однако в силу характера русского словесного ударения безударные конечные «о», «а» фактически произносятся одинаково, скажем, - *озеро* [óзера], *опера* [óпера]. Такое воздействие ударения порождает опасность деформированного восприятия иноязычного слова с конечными гласными. И чтобы избежать такой фонетической деформации слова, ударение переносится на конечной гласный, и тем самым сохраняется чёткость этого звука.

В целях сохранения колорита поэт может использовать слово, которое лишено семантической нагрузки, но значимо в эмоциональном плане. Таким примером является использование грузинского слова «гмерто» в русском стихотворении:

*Как я люблю, славянин и простак, недостижимость
скороговорки, помнишь: лягушки в болоте... О, как мучают горло
предгорья, пригорки грамоты той, чьи вершины в снегу Ушбы
надменной. О, вздор альпенистика!*

*Гмерто, ужель никогда не смогу высказать то – несказанное
что-то?*

(Б.Ахмадулина.«Помню – как вижу...»)

В верификационном плане в стихотворении вместо *гмерто* совершенно свободно можно было бы использовать русское *боже*, так как эти слова являются абсолютными эквивалентами не только семантически, но и грамматически (*гмерто* равно по значению слову *боже*, оба слова стоят в звательном падеже и являются обращением, идентичны в них и ударения). Однако поэт пользуется грузинским обращением. Кроме желания сохранить колорит, здесь, возможно, присутствуют ещё и особые симпатии русского поэта к грузинскому слову, даже если в русском произведении в нём из шести звуков два заменены другими.

Другой известный поэт Евгений Евтушенко, как бы продолжая традиции В.Маяковского, целый стих строит из грузинского языкового материала:

*Я не люблю всех тех, кто пьёт и дни и ночи напролёт,
но если дружба соберёт нас всех из ям или высот,
друг другу скажем без длинот: «Аба, давьот! Аба, давьот!»*
(Е.Евтушенко. «Грузинская застольная».)

В этом примере налицо и эмоциональное переосмысление грузинского слова (давльот – выпьем), и частичное фонетическое освоение, обусловленное требованиями стиха. Форма *давльот* «садится» в стихотворный размер и в какой-то мере передаёт относительную мягкость грузинского звука «л». Однако главное в другом: выражая отрицательное отношение к попойке («Я не люблю всех тех, кто пьёт...»), Е.Евтушенко пользуется грузинским «Аба, давьот!», в которое вкладывает новое значение – взаимопонимания, дружбы, взаимоуважения и радости встречи. Выражение звучит почти ритуально и свободно от грубой окраски его русского эквивалента «Давай выпьем!». Именно поэтому поэт предпочитает оставить целое грузинское словосочетание без перевода.

Такое же ритуально-уважительное отношение к этому грузинскому слову обнаруживаем и в другом стихотворении поэта «Я тоскую по Тбилиси», где говорится, что поэт тоскует по неповторимым признакам грузинского быта, в том числе «по Отару, по Тамазу, по «Давльот!», «Аллаверды!»». С именами известных и уважаемых поэтов автор не мог употребить грубые, неуважительные слова.

Проанализированные нами примеры, конечно же, ещё не свидетельствуют о том, что употреблённые в них грузинские слова вошли в словарный фонд русского языка. Однако они бесспорно указывают на большую функциональную нагрузку грузинской лексики в русском поэтическом языке, а также являются подтверждением всё усиливающегося процесса взаимообогащения русского и грузинского языков (в данном случае на уровне поэтической речи), благотворного влияния на поиски свежих эмоциональных форм выражения человеческих отношений.

Литература

1. Толковый словарь русского языка. Т. 1-4. Под ред. Д.Н.Ушакова. М., 1935-1940.
2. Белла Ахмадулина. Сны о Грузии. Стихи. Переводы. Тбилиси, 1979.
3. Евгений Евтушенко. Зелёная калитка. Стихи. Переводы. Тбилиси, 1990.

Merab Akhvlediani (Georgia)

GEORGIAN LEXIS IN THE CREATIVE WORK OF RUSSIAN POETS OF POSTWAR GENERATION

Abstract

The lingual and cultural-literal relations between Russian and Georgian people that have continued for nearly two hundred years have formed the conditions that enable Russian poets to use daringly the Georgian lexis in their works causing no risk of being misunderstood by their readers.

Interest to a Georgian word as the arbiter of a Russian poem greatly increased in the second half of the 20th century. It happened when so called “postwar generation” of poets appeared in poetry (E. Evtushenko, B.Akhmadulina, A. Voznesenky, A. Mezhirov, M. Lukonin etc.).

The analysis of the examples proves that the use of Georgian words in the Russian poetry is dictated by the following factors:

- Georgian word that cannot be translated
- Importance of creation national coloration
- By poetical tasks
- Thematic conditionality
- By author’s own taste

The examples that are illustrated in the present paper do not prove that these Georgian words have already entered Russian vocabulary, but they undoubtedly demonstrate the great functional load that is carried by Georgian lexis in a Russian poem.

К ВОПРОСУ О РЕЧИ ПОТОМКОВ ГРУЗИНСКИХ МУХАДЖИРОВ

Постоянно действующая экспедиция проекта «Мухаджиры» Института картвелологии факультета наук и образования БГУ в июле 2012 года отправилась в Турцию с целью изучения быта, культуры, языка и фольклора потомков этнических грузин, выехавших в Турцию в 70-80-ые годы XIX века.

Выехавшие из разных регионов Аджарии для проживания в Турции мухаджиры выбирали такие места, которые по своей природе напоминали им родину. Они поселялись компактно и на протяжении многих десятилетий сохраняли, а их потомки до сих пор сохраняют свои традиции, язык, точнее - особенности речи, присущие их краю.

Экспедиция работала в деревнях вилайета Орду (Чаталпинар, Акбаба, Кушче, Теккирезе, Метрополь, Башкой, Корган, Баджанак, Дуаиери, Тактабаши...).

В речи потомков грузинских мухаджиров выделяются такие особенности, какие присущи аджарскому диалекту.

Из фонетических особенностей характерны следующие явления:

Ассимиляция: *gimiḥarda* (<*gamiḥarda*)¹, *c'imiq'van* (<*c'amiq'van*), *duuri-geben* (<*daurigen*), *deisc'avla* (<*daisc'avla*), *dodo p^hali* (<*dedo p^hali*);

Диссимиляция: *eva* (<*ava*), *geva* (<*gava*), *šiet'q'o* (<*šeeťq'o*), *arap^he⁻li* (<*arap^heri*); Исчезновение звука: *zdis* (<*zrdis*), *t^haze* (<*mt^haze*), *k'ina* (<*rk'na*), *c'ai* (<*c'adi*), *čai* (<*čadi*);

Появление звука: *gamjavreba* (<*gajavreba*), *gamoamčha* (<*გამოამჩხათოაჩადა*);

Субституция: *damamic'q'da* (<*damavic'q'da*), *p^hḥali* (<*mḥali*), *bze* (<*mze*), *lemsi* (<*nemsi*);

Метатеза: *q'orip^heli* (<*q'olip^heri* < *q'ovlip^heri*).

На уровне морфологии подтверждаются соответствующие аджарскому диалекту образования глагольных форм:

К глаголам с чередующимися гласным в первой серии добавляется тематический показатель:

¹ Подтверждаем нами собранным материалом

mozilavs(<*mozels*), *gap^hinavs*(<*gap^hens*), *añilebs*(<*añels*),
č'iravs(<*ič'ers*), *dagriñavs*(<*dagreñs*).

Глагольная форма страдательного залога образована при помощи префикса **e**-вместо суффикса **-d**: *ak^h devbade*, *ak^h gev-e-t^hñve* (ср: *gavt^hhov-d-i*).

К литературным формам глаголов с простой основой в речи потомков мухаджиров прибавляются тематические показатели: *c'er-av*(<*c'er*), *gat'eñ-av-s*(<*gat'eñs*).

В глагольных формах третьего лица множественного числа реальный субъект в I результативном (заочном) обозначается суффиксом **-an**:

C'atuuği-an, *daušenebi-an*, *mos'onebi-an* (<*c'atouğiat^h*, *daušenebi-at^h*, *mos'onebiat^h*).

С этим же суффиксом представлен косвенный объект глагола третьего лица во множественном числе: *gak^hv-an*(<*gak^hvt^h*), *q'av-an*(<*q'avt^h*).

Широко распространено такое синтаксическое явление, как управление сказуемым, выраженным непереходным глаголом, подлежащего в эргативном падеже во второй серии:

tamat ik^h darča; *ert^hma ĵamat mok'da*; *ħalħma movda*, *uk'an ver dab-runda*; *maginma geizarden*.

Вышеперечисленные особенности характерны и другим западным говорам грузинского языка (Джорбенадзе 1989: 403,444, 514).

В грузинской речи потомков мухаджиров сохранены те фонетико-грамматические и лексические особенности, которые и в настоящее время встречаются в речи жителей тех регионов, из которых родом их предки. Поэтому, можно выделить более или менее различающиеся говоры (кобулетский, нагорноаджарский, мачахельский...). О различии этих наречий говорят сами местные жители:

„*k'ak'ali*” – мы говорим „*nigozi*”; У нас: „*ak^h moi, sav*”, Аджарцы и в деревне моей жены: „*toi, gov*”; Мы скажем „*bas'ari*”, Аджарцы – „*t^hok'vi*”; „*p^hicari*” – в нашей деревне „*ĵeli*”, *p^hicari* никто не знает“.

Кобулетский говор потомков мухаджиров отличается от других говоров, так например, на уровне фонетики интересны:

Ассимиляция: *mizdevs*(<*mesdevs*), *mozobeli*(<*mezobeli*), *deme-nañe*(<*damenañe*);

Потеря звука : *eri*(<*ert^hi*), *mai*(<*magi*), *ceḥli*(<*cečḥli*), *sa*(<*sad*), *ii*(<*igi*); В глаголе **unda** используемом в значении частицы в кобулетском говоре теряются **u, -n** в отличие от мачахельского: *šen švili'da* (*švili unda*) *daak^horc'ilo*; сравн. С мачахельским: *c'q'ali'na* (*c'q'ali unda*) *aaduḡo, lobio gagulo'na*.

В числительных, которые начинаются с гласной **o** наращивается **v**: *vot^hḥi, vot^hḥmoci, asvozdaat^hi, vori*.

Подтверждаются случаи чередования комплексов: *mual* (<*moval*), *tua*(<*tova*).

К морфологическим особенностям относятся некоторые формы глагола. Вместо тематического показателя **-ev** литературной формы глагола **aart^hmevs** представлен **-am**: *k'aci ver aart^huams ḥelidan; rap^her c'amart^hvam, vnaḥav*.

К глаголам **ginda, unda** во множественном числе прибавляется тематический показатель **-eb**: *rača t^hu gindebian, mit^hḥarit^h; ra undebian, ar vici*. Сравн. мачахельский: *gindanan, undanan*.

Будущее время передается формой ряда (скрива) второго конъюктива: *aḥla me rača git^hḥra šen; mai git^hḥra aḥla me*. В этих предложениях *git^hḥra* то же, что и *get'q'vi* (скажу).

Вместо предлогов **t^hvis//t^hvin//t^hin** встречающихся в других говорах аджарского, в кобулетском употребляется **izda//iza**(<**isda**): *locviza duuḥret'ia; raizda čamovda ak^ha?*

В кобулетском говоре не встречаются местоимения **is, es**, вместо них используются **igi, magi, agi**, множественное число которых образуется двумя суффиксами: *iginebi, maginebi, aginebi; iginebt^han iq'avit^h? aginebma t^hk^hves*.

Интерес вызывает следующая синтаксическая особенность: существительное – определяемое слово сопровождается двумя определениями, из которых одно – второе контекстуально лишнее (оно вместе с определяемым создает композит): *čemi nenemisis saḥelia; mere bič'is tamamisma t^hk^hva; čemi dedis t'aiamisia*.

Различия наблюдаются и в лексике: *žveri (p^hot^holi) daaḥuren; sulik'o bujiai (biĵa) čemi babais biĵišvilia; ras mignebian(meubnebian); igi amas ar čivis(ambobs); t^hk^hvenc ar čivit^h*. В скобках вставлены слова, присущие другим говорам.

Вместо местоимения **aravin** (**никто**) используется **arak'aci//arık'aci**: *arık'acma ar icis*.

От корня **beč** при помощи преверба **da** образуется глагол **da-bečda**, который в кобулетском имеет значение удивления а иногда и испуга: *dabečda* (удивились) *t^hurk^hebma*; *davbečdi*(испугался), *ena četek'lit'a*.

От слова **k'uč'** (желудок) образуется глагол **k'uč'obs** (сердится): *ğmert^hi k'uč'obs* (сердится) *ar it'irot^ho*.

Значительно отличается от кобулетского речь выходцев из Мачахельского ущелья.

Углубление взаимоотношений, появление смешанных браков, внесли некоторые изменения в данные говоры: Появились параллельные фонетические, грамматические и лексические единицы. В речи выходцев из Кобулетского района встречаются особенности мачахельского говора и наоборот. Так, например: *q'id-va//ağeba*, *mičovli//dačvevli*, *gindebian//gindanan*, *gaant^heb// gaant^hob*, *mignebian//mebnevian*, *čivis//ambobs*, *ijaħis*, *babai//baboi*.

Рядом с этим, характерными для потомков кобулетских мухаджиров словами первого ряда появляются и формы второго ряда, присущие мачахельцам.

В грузинском языке потомков мухаджиров как в шавшетском и кларджевском диалектах встречаются случаи расширения значения некоторых слов (Барамидзе 2011: 281-291):

adga - кроме известного значения (встал) имеет и другое значение - выйти из употребления какого-нибудь предмета, отказаться от неких обычаев: *i c'esi ağaraa*, *adga*; *im adet^hebma adga*; *sip^ht^he „jias“ et'q'oden did jmas*; *aħla adga*.

Такое же значение имеет слово **ac'eva** - *sip^ht^he čvenebura satobden*, *aħla ac'ies*; „ac'eva“ употребляется так же и в значении захоронения, точнее момента выноса покойника из дому: *rom tok'deba*, *im dğes avc'evt^h*.

k'it^hħva - кроме значения читать, имеет и другие значения: учить, обучать, учиться; молиться, заклинать, заговорить: *jemalai čħramet'i c'lisaa*, *k'it^hħulobs universit'et'si*; *bağneb'da ak'it^hħios*; *šak'ik's k'it^hħva ici-a šen? dğes'na uk'an*, *unias'na čevde'na*, *vik'it^hħo'na*.

sak^hmoba - обозначает работать, служить: *devlet^hši'na visak^hmo*; *ak^ha sak^hmoben*.

gamok^hceva – похищение, т.е похищение любимой-взять в жены без разрешения семьи : *sami c'elia*, *k^hali gamovak^hcie*; *zorit^h ar gamuak^hcie*, *zorit^h ar c'amevq'vai*.

dgas - кроме известного значения- стоит - имеет и значение проживет: *bič'i ak^h ar aris, unias dgas*.

Интересно, что в грузинской речи потомков мухаджиров сравнительно меньше тюркизмов. Мы имеем в виду ту лексику, которую потомки мухаджиров позаимствовали в период проживания в Турции, а не те турецкие слова, которые вообще подтверждаются в Грузии - в аджарском диалекте и его говорах.

В них редки или вообще не встречаются: **t^horuni**(внук/чка), **genji** (молодой), **anai** (мама), **aħraba**(родственник), **baji**(сестра), **daq'ap^haneba**(закрыть), **denizi** (море), **k'omši**(сосед), **maidano-zi**(петрушка), **iuzugi**(кольцо), что является нормативным для шавшетского и кларджетского. Вместо них используются *badiši, aħali, nenei, nat^hesavi, da, dak'ilt'vas//dak'lit'va, zğva, mozobeli//mezobeli, makido, beč'edi, sazğvari...*

badišs dilarai k^hvia; badiši ak^h ar mq'avš; jer aħalia vac'avli; duurigenben q'velas, mozoblebs; mezobelma gaak'et^ha; ġmert^ho, nenei k'ark^ha mimq'op^heo; čemi neneic gurji iq'o; me nenešt^han visc'avle k^hart^huli; k'ari rom deik'ilt'a ik^h darča; zğvast^han dasaħlebulan; imis uk'an mak'idos guurevs šian; beč'edi c'amuacves p'armağze; vot^hħmoci p'rocenťI erťmanet^his nat^hesavia.

Потомки мухаджиров в грузинской речи некоторым тюркизмам в фразе добавляют соответствующую грузинскую единицу: *čemi dedei bat^homis mit'rop'ol k^hoiden geldi (mosula); šimdi (aħla) sač'melebi čevťanet^h; luq'man ek^himi c'amlebs ak'et^hebda balaħebidan, čičegebidan (q'vavilebidan); mek^ht^hebi (sk'olebi) gamovdoda; bek^haria(dasak^horc'inebelia) is bič'i; ok^hulši (sk'olaši) mivdet^h (в скобках вставлены грузинские слова).*

Начатое исследование речи потомков мухаджиров продолжается. Основная работа еще впереди.

Литература

1. Барамидзе М., группа авторов »Шавшети», Из лексики шавшетского говора, Тбилиси 2011.
2. Джорбенадзе Б. Грузинская диалектология, I, Тбилиси. 1989.

Maia Baramidze

SPEECH PECULIARITIES OF THE DESCENDANTS OF GEORGIAN MUHAJIRS

Abstract

The article deals with the peculiarities of Georgian language preserved in the speech of the descendants of Georgian Muhajirs, leaving different regions of Ajara for Turkey in the 70-80-s of the 19 th century.

The Muhajirs have always tried to preserve Georgian traditions and Georgian Language.

The researcher uses the material of the research expedition collected by the Institute of Georgian Studies of Batumi State University in 2012.

*Zurab Bezhanovi, Leila Khardina,
Kristina Zarbazoia (Georgia)*

ON DEVELOPMENT OF THE STCW REQUIRED COMMUNICATION SKILLS

Key words: Manila amendments, skills, motivation, standard of competence.

Introduction: The amendments, to be known as “The Manila amendments to the STCW Convention and Code” entered into force on 1 January 2012. The stated amendments as well as the Convention in whole principally underline the significance of the English Language competence for the seafarers. The Specification of minimum standard of competence for officers in charge of a navigational watch (STCW 78/95, Chapter II, Section A-II/2, Table A-II/2) requires the adequate knowledge of the English language to enable the officer to perform the officer’s duties.

The aim of the presented paper is to present a sample of a textbook (designed for non-native English speakers) unit designed to meet the revised STCW 78/95 requirements applied to the latest changes introduced by the International Association of Marine Aids to Navigation and Lighthouse Authorities.

The goal of the unit presented below is to provide the nautical students with adequate competence and proficiency to enable them to use specific nautical terminology and to develop oral communication skills by means of pair work and individual project work motivation.

Sample Unit: English for Bridge Watchkeeping Skills

AtoNs (Aids to Navigation) include any device or system, external to a vessel, which is provided to help a mariner to determine position and course, to warn of dangers or of obstructions, or to give advice about the location of a best or preferred route. AtoNs should not be confused with a navigational aid. A navigational aid is an instrument, device, chart, etc., carried on board a vessel for the purpose of assisting navigation.

Visual Marks can be natural or man-made conspicuous objects such as mountain-tops, rocks, churches, towers, minarets, monuments, chimneys, etc.

Purpose-built AtoNs include lighthouses, beacons, leading (range) lines, lightvessels, buoys, daymarks (dayboards) and traffic signals. Visual marks can be provided with a light or left unlit. The effectiveness

of a visual AtoN depends on its type, location, distance and atmospheric conditions.

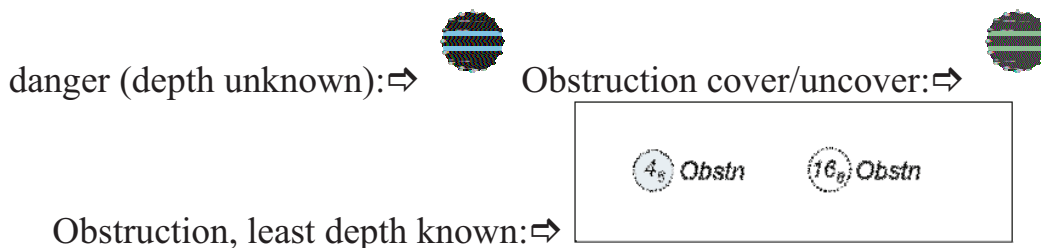
AtoN distinguishing features include the location, type (fixed structure, floating platform) and characteristics (shape, size, elevation, color, lit/unlit, light intensity, signal character, construction material, names, letters and numbers).

A lighthouse is a conspicuous structure on land, close to the shoreline or in the water which acts as a daymark and also provides a marine signaling light with a range of up to 25 nautical miles; it can be a manned or automated facility.

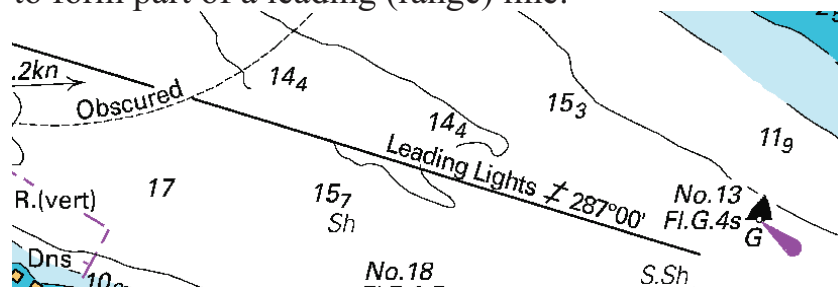
A beacon is usually a small fixed visual mark. Visual characteristics are often presented by daymarks, topmarks and by numbers.

Lighthouses and beacons are usually used to perform one or more of the following navigational functions:

- to mark a landfall position;
- to mark an obstruction or a danger:

- to indicate the lateral limits of a channel or navigable waterway;
- to indicate a turning point or a junction in a waterway;
- to form part of a leading (range) line:

- to assist mariners to take a bearing or Line of Position (LOP);

Other purposes for which a lighthouse can be used, include:

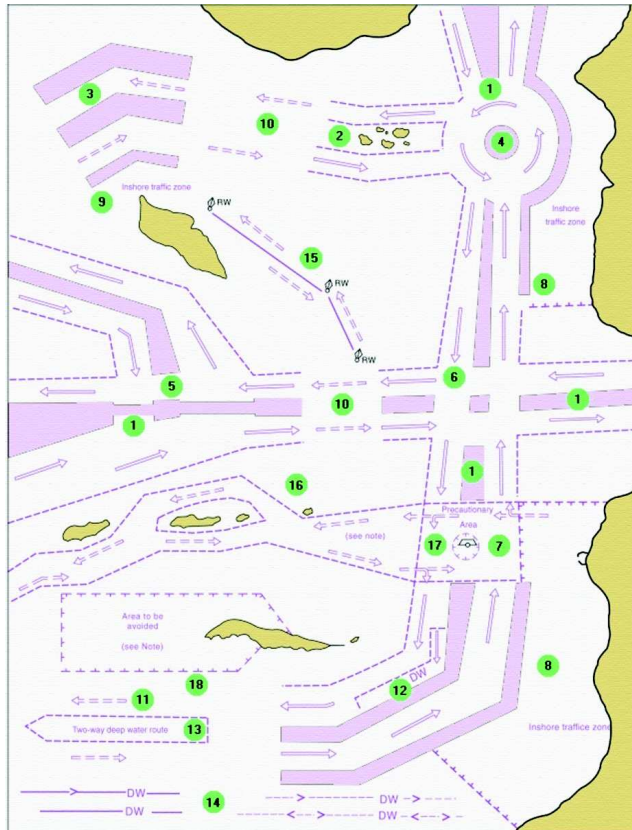
- to indicate coastguard functions;
- to provide base for audible (fog) signals:

- to provide collection of meteorological and oceanographic data;
- to provide radio and telecommunication facilities;
- to provide Vessel Traffic Service (VTS) functions;

Lighthouses and beacons are also used to mark the entrance of a Traffic Separation Scheme (TSS) and other ship routing systems which are established in most of the major congested shipping areas of the world. Elements used in Traffic Separation/Routing Systems include:

1. Traffic separation scheme; traffic separated by separation zone
2. Traffic separation scheme, traffic separated by natural obstructions
3. Traffic separation scheme with outer separation zone (separating traffic using scheme from traffic not using it)
4. Traffic separation scheme, roundabout
5. Traffic separation scheme, with "crossing gates"
6. Traffic separation schemes crossing, without designated precautionary area
7. Precautionary area
8. Inshore traffic zone, with defined end-limits
9. Inshore traffic zone without defined end-limits
10. Recommended direction of traffic flow, between Traffic separation schemes
11. Recommended direction of traffic flow, for ships not needed a deep water route

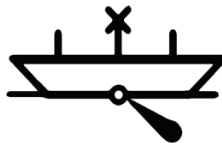

12. Deep water route, as part of one-way traffic lane
13. Two-way deep water route, with minimum depth stated
14. Deep water route, centerline shown as recommended one-way or two-way track.
15. Recommended route (often marked by centerline buoys)
16. Two-way route with one-way sections
17. Area to be avoided, around navigational aid
18. Area to be avoided, because of danger of stranding
 - Individual work/Presentation: be ready to comment upon the presented illustration.

A floating AtoN serves a similar purpose to a beacon or a lighthouse. The floating platform can be a buoy or a lightship/a lightvessel:

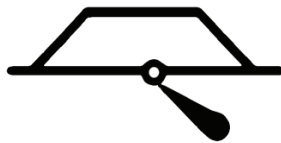

- BA (British Admiralty) Symbol for a Lightship:

Other forms of floating aids are spar buoys, light float and the LANBY (Large Automatic Navigation Buoy).

- BA (British Admiralty) Symbol a LANBY:

Individual work/Presentation: be ready to comment upon the presented illustrations.

Pair Work. Ask and answer the following questions:

Describe the AtoNs in general.

.....

What is the difference between the AtoN and the navigational aid?

.....

Describe Visual Marks in general.

.....

What are the examples of purpose-built AtoNs?
.....
.....

What factors does the effectiveness of a visual AtoN depend on?
.....
.....

What are AtoN distinguishing features?
.....
.....

Describe a lighthouse in general.
.....
.....

Describe a beacon in general.
.....
.....

What elements often define the visual characteristics of a beacon?
.....
.....

List the typical navigational functions of a lighthouse or a beacon.
.....
.....

What is a typical usage of a beacon?
.....
.....

.....Where TSS and other ship routing systems are established?
.....
.....

What can be a floating platform for a floating AtoN?
.....
.....

List possible forms of floating aids.
.....
.....

- Individual project work:
- Skim and scan the presented text and conclude, why it is important for a future seafarer: don't simply copy the contents, put appropriate word combinations into the given sentence models, motivate your answer in the form of a short summary,:

to comply with: the COLREG rules; the STCW requirements; the SOLAS requirements; the MARPOL requirements; the IALA recommendations	to steer; to manoeuvre; to alter the course to starboard; to alter the course to port; to operate astern propulsion	to become: a rating forming part of a navigational watch; an officer in charge of a navigational watch; a Master	to perform: watchkeeping duties; the Master's orders; the pilot's advice; VTS; instructions	a vessel engaged in dredging or underwater operation; a vessel engaged in fishing	a vessel restricted in her ability to manoeuvre; a power-driven vessel engaged in a towing operation
to maintain: a proper lookout; shiphandling	to proceed at a safe speed	to prevent: the risk of collision; striking with another vessel	in narrow channel; in congested waters; in Head-on situation	to obtain: an early warning of the risk of collision; a watchkeeping license	not to run aground; not to impede the passage
on-board training; seagoing service	to provide: manoeuvrability of the vessel; safe navigation	to avoid: an accident; the immediate danger	to deem the risk of distress;	to take an early action; to allow the safe passage	to join the traffic lane; to leave the traffic lane

Of course, I naturally (obviously/evidently) agree that

.....

is/are important for future seafarers (mariners/seamen).

Let me present a set of arguments clearly proving my point of view:

Firstly,.....is/are necessary (compulsory/obligatory) for/to

.....

Similarly (likewise), there is no doubt, (it is for sure) that

.....
.....
.....is/are esse-
ntial (important) to/for
.....
.....
.....

.....
So, as I think (in my opinion/as to me), it is for sure, that every cadet
should

.....
.....
.....
In other words, it is obvious, (clear) that

.....
.....
.....
.....
.....
Let's use this illustration as an example (use any of the presented
ones):.....

.....
.....
.....
.....
.....
Finally, as the conclusion, if one wants to become a seafarer, he should

.....
.....
.....
.....
.....
Pair work: Use the following SMCP (**Traffic organization service**) to
build up a role play between a vessel and the VTS station:

Clearance, forward planning

Traffic clearance is required before entering

Do not enter the traffic lane /

Proceed to the emergency anchorage.

Keep clear of .../ avoid

You have permission

~ to enter the traffic lane / route - traffic clearance granted.

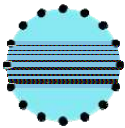
~ to enter traffic lane / route in position ... at ... UTC.

Do not pass the reporting point ... until ... UTC.
Report at the next way point / way point ... / at ... UTC.
You must arrive at way point ... at ... UTC - your berth is clear.
Do not arrive in position ... before / after ... UTC.
The tide is with you / against you.

The expected outcome covers the fluent use of adequate speech act modeling, self representation, critical thinking development and text analytical works.

To the Examinees and Instructors: the Principles of the Assessment include:

- Speech Fluency Development:
- pair work discussions;
- presentations of individual project works;
- presentations of the illustrations in Blind Format;
- and the tests, based on the illustrations used in the text:

- Danger (depth unknown)
- Obstruction cover/uncover
- Obstruction, least depth known
- Leading line

References

- IALA Aids to Navigation Manual NAVGUIDE, International Association of Marine Aids to Navigation and Lighthouse Authorities, 2010.
- Maritime Buoyage System and Other Aids to Navigation - International Association of Marine Aids to Navigation and Lighthouse Authorities, 2010.
- The International Regulations for Preventing Collisions at Sea 1972 (**COLREGs**)

*Зураб Бежанов,
Тамила Микеладзе,
Светлана Родинадзе (Грузия)*

**О ПРИНЦИПАХ ОТБОРА УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОЛЕВЫХ ИГР В МОРСКОМ
ОБРАЗОВАНИИ И ТРЕНИНГЕ**

Резюме

Целью предлагаемой статьи является представление модели обучения английского языка, составленной для студентов специальности «Морская навигация», отвечающей требованиям Конвенции ПДМВ 78/95. Модель представляет компиляцию знания и соответствующей компетенции, необходимых для конвенциональной сертификации командного состава ходовой навигационной вахты.

*Zurab Bezhanovi,
Tamila Mikeladze,
Svetlana Rodinadze (Georgia)*

ON THE PRINCIPLES OF THE TEACHING DATA SELECTION OR ROLE PLAY PROVISION IN MET

Key words: SMCP, communication skills, standard of competence, role play.

Introduction: The aim of the presented paper is to present a model (designed for non-native English speakers) intended to meet the revised STCW 78/95 requirements.

The Standard Marine Communication Phrases (SMCP) were adopted by the 22nd IMO Assembly in November 2001 (resolution A.918 (22) IMO Standard Marine Communication Phrases). The resolution recommends the mandatory usage of the IMO SMCP to all maritime education institutions.

The Standard Marine Communication Phrases (SMCP) are compiled to assist in the greater safety of navigation and of the conduct of the ship, to standardize the language used in communication for navigation at sea, in port-approaches, in waterways, harbours and on board vessels with multilingual crews, and to assist maritime training institutions in meeting the objectives mentioned above.

The IMO SMCP, built on a basic knowledge of English is actually a collection of key phrases to reduce the problem of language barriers and avoid misunderstandings which can cause accidents.

The IMO SMCP includes phrases to cover the most important safety-related fields of verbal shore-to-ship (and vice-versa), ship-to-ship and on-board communication:

- **Warnings**
- **Assistance**
- **Anchoring**
- **Arrival, Berthing and Departure**
- **Course**
- **Draught and Air Draught**
- **Fairway Navigation**
- **Canal and Lock Operations**
- **Maneuvering**
- **Pilotage**
- **Position**
- **Radar**
- **Navigational Warnings**
- **Routing**
- **Speed**
- **Tide and Depth**

- **Tropical Storms**
- **Tugs**
- **Way Points**
- **Weather**
- **Fishing**
- **Helicopters**
- **Ice-breakers**
- **Standard Wheel Orders**
- **Standard Engine Orders**
- **Pilotage (On-board)**
- **Maneuvering (On-board)**
- **Propulsion System**
- **Going To Anchor**
- **Leaving The Anchorage**
- **Berthing/Unberthing**

In shore-to-ship and ship-to-shore communication or radio communication in general, the following eight Message Markers may be used:

1. Instruction
2. Advice
3. Warning
4. Information
5. Question
6. Answer
7. Request
8. Intention

The goal of the model presented below is to present a teaching data selection aimed at provision the MET trainers and instructors with conventionally required data to provide nautical students with adequate competence and proficiency to enable them to use specific nautical terminology and to develop oral communication skills.

A model of the appropriate SMCP compilation with the Bridge checklist:

Use the following SMCP and the bridge checklist to build up a role play between the Master, Pilot, helmsman Deck and Engine OOW based on the Pilot on board case modelling.

Pilot on the Bridge

Propulsion system

Is the engine a diesel or a turbine?

The engine is a diesel / turbine.

Is the engine-room manned or is the engine on bridge control?

The engine-room is manned.

The engine is on bridge control.

How long does it take to change the engines from ahead to astern?

It takes ... seconds to change the engines (from ahead to astern).

How long does it take to start the engines from stopped?

It takes ... seconds to start the engines (from stopped).

Is extra power available in an emergency?

Yes, extra power is available.

No, extra power is not available.

Do you have a controllable or fixed pitch propeller?

We have a controllable pitch propeller.

We have a fixed pitch propeller.

Do you have a right-hand or left - hand propeller?

We have a right-hand / left-hand propeller.

Do you have a single propeller or twin propellers?

We have a single propeller / twin propellers.

Do you have a bow thruster or stern thruster?

We have one /two/. bow thruster(s) / stern thruster(s).

What is the maximum manoeuvring power ahead / astern?

The maximum manoeuvring power ahead / astern is ... kiloWatts.

What are the maximum revolutions ahead / astern?

The maximum revolutions ahead / astern are

Do the twin propellers turn inward or outward when going ahead.

The twin propellers turn inward / outward (when going ahead).

Manoeuvring

I require the pilot card / manoeuvring data.

What is the diameter of the turning circle?

The diameter of the turning circle is ... metres.

What is the advance and transfer distance in a crash-stop?

The advance distance is ... kilometres / nautical miles, the transfer distance is ... degrees (in a crash-stop).

How long does it take from hard-a-port to hard-a-starboard?

It takes ... seconds (from hard-a-port to hard-a-starboard).

Is the turning effect of the propeller very strong?

Yes, the turning effect (of the propeller) is very strong.

No, the turning effect (of the propeller) is not very strong.

Where is the whistle control?

The whistle control is on the console / on

What notice is required to reduce from full sea speed to manoeuvring speed?

... minutes notice is required (to reduce from full sea speed to manoeuvring speed).

Do you have an automatic pilot?

Yes, we have an automatic pilot.

No, we do not have an automatic pilot.

Give ... short / prolonged blast(s) (on the whistle).

Stand by lookout.

Maintain a speed of ... knots.

What is the (manoeuvring) speed at full / half / slow / dead slow ahead?

The manoeuvring speed at full / half / slow / dead slow ahead is ... knots.

What is the full sea speed / fairway speed?

The full sea speed / fairway speed is ... knots.

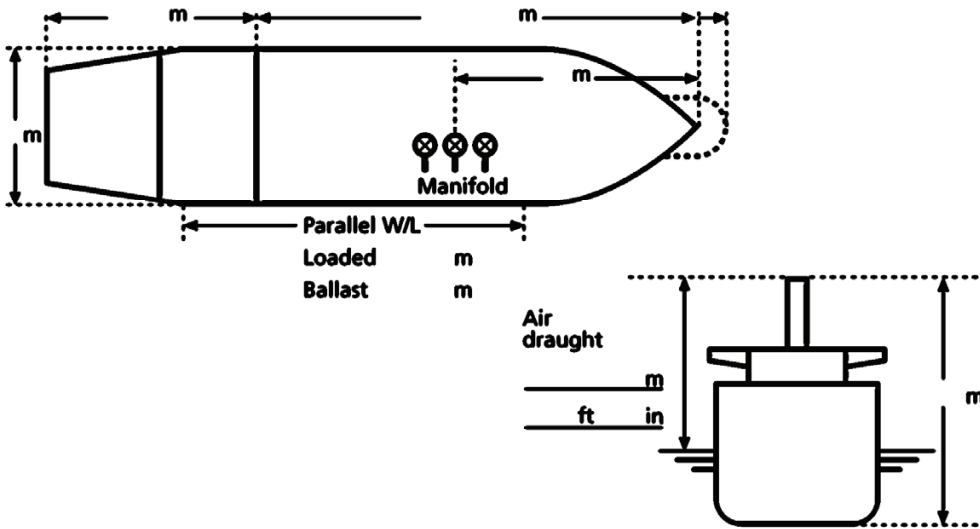
Manoeuvring Information on Board Ships: At its 15th session, the Assembly of the IMO adopted a recommendation for the provision and the display of maneuvering data on board ships. The Marine Safety Agency recommends that maneuvering information in the form of a pilot card, wheelhouse poster and maneuvering booklet should be provided as follows.

The pilot card to be filled in by the master to describe the current condition of the ship, with regard to its loading, propulsion and maneuvering equipment, and other relevant equipment.

Wheelhouse Poster contains general particulars and detailed information describing the maneuvering characteristics of the ship.

SHIP'S PARTICULARS

Name Call sign
 Displacement (tonnes) Deadweight (tonnes) Year built
 Length OA (m) Breadth (m) Bulbous bow yes / no
 Draught fwd (m) Draught aft (m) Draught amidships (m)
 Port anchor (shackles) Stbd anchor (shackles) (1 shackle=27.4 m/15 fathoms)

ENGINE

Type of engine Maximum power (kW) (HP)

	rpm/pitch	loaded speed	ballast speed
Full ahead	<input type="text"/>	<input type="text"/> (kts)	<input type="text"/> (kts)
Half ahead	<input type="text"/>	<input type="text"/> (kts)	<input type="text"/> (kts)
Slow ahead	<input type="text"/>	<input type="text"/> (kts)	<input type="text"/> (kts)
Dead slow ahead	<input type="text"/>	<input type="text"/> (kts)	<input type="text"/> (kts)
Dead slow astern	<input type="text"/>		
Slow astern	<input type="text"/>		
Half astern	<input type="text"/>		
Full astern	<input type="text"/>	<input type="text"/> (% of full ahead power)	

Engine critical rpm Maximum number of consecutive starts
 Time full ahead to full astern (sec) Time limit astern (min)

*Зураб Бежанов,
Лейла Хардина,
Кристина Зарбазоя (Грузия)*

О РАЗВИТИИ НАВЫКОВ КОММУНИКАЦИИ ТРЕБУЕМЫХ КОНВЕНЦИЕЙ ПДНВ

Резюме

В данной статье рассматривается модель развития коммуникационных навыков, требуемых конвенцией ПДНВ в свете Манильских поправок. Указанные поправки, как и Конвенция в целом - главным образом подчеркивают значимость знания английского языка для моряков. Специфика минимального стандарта компетентности для офицеров, отвечающих за несение навигационной вахты (ПДНВ 78/95, глава II, раздел А-II / 2, таблица А-II / 2), требует достаточного знания английского языка для выполнения вахтенных обязанностей.

Целью данной статьи является представить образец модели учебного материала, соответствующего пересмотренным требованиям Конвенции ПДНВ 78/95 и последним изменениям, представленными Международной Ассоциацией Маячных Служб.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ В ВЫРАЖЕНИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

В последнее время в языкознании наметился переход к новой парадигме изучения языка – антропологической, в которой язык рассматривается не как статичная знаковая система, а как средство общения, отражения мира, неотъемлемый компонент и носитель культуры этноса.

На первый план выходит человеческий фактор в языке, проблема взаимосвязи языка и культуры, ментальности, мышления. Данные проблемы привлекли внимание многих лингвистов (Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, И.Г. Ольшанский, Е.О. Опарина, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова и др.). Язык рассматривается как составная часть культуры, необходимое условие и специфический способ ее существования, орудие передачи культуры из поколения в поколение, а также как независимый феномен. Очевидно, что язык и культура находятся в тесной взаимосвязи и взаимно обуславливают друг друга.

Уникальный общественно-исторический опыт определенного этноса, его образ жизни, культура, особенности познания мира влияют на формирование этноязыковой картины мира, придающей специфическую окраску предметам и явлениям окружающей действительности. Язык не создает особую, отличную от реальной картины мира, он лишь дополняет образ мира, сложившийся в сознании человека на основании его личного опыта и опыта его лингвокультурной общности. Полагаем, что языковая картина мира – это продукт сознания, результат взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире.

Этноязыковые картины мира отличаются своеобразием, их составляют как универсальные, общечеловеческие, так и специфически национальные, обусловленные особенностями жизни этноса, понятия. Кроме того, картину мира каждого человека составляют также индивидуальные, субъективные представления о мире, сформировавшиеся в ходе его практической деятельности. Различия этноязыковых картин мира проявляются в лексическом фонде языка, фразеологии и, в меньшей степени, грамматике.

Очевидно, что сравнения представляют ценный материал для выявления некоторых особенностей языковых картин мира разных этносов, поскольку компаративные конструкции имеют как семантический, так и грамматический план выражения, а кроме того, сравнение является не только лингвистической единицей, но и познавательной категорией, следовательно, отражает особенности мышления представителей различных этносов.

Специфика этнического взгляда на мир очевидна при сопоставлении его с аналогичным взглядом другого народа, поэтому в настоящее время наиболее актуальны кросскультурные исследования двух и более языков. Сопоставление различных языков позволяет выявить особенности их развития, структуры и функционирования, а также образа жизни и культуры этносов. Особый интерес для изучения культуры этноса представляет фольклор, поскольку «слово в фольклоре не просто языковая единица: в нем, “как мушка в янтаре”, воплотились восприятие и оценка нашими предками окружающего мира» (Хроленко 2004:107). Полагают, что устное народное творчество представляет собой целостную систему мировосприятия, формирует специфическую фольклорную картину мира, возникшую на стадии земледельческой культуры, и хранит этнический эталон народоносителя фольклора (Петренко 1996:75). В выявлении взаимосвязи языка и культуры этноса перспективна кросскультурная лингвофольклористика, способствующая познанию фольклорной картины мира, под которой понимается особая фольклорная реальность, выраженная с помощью языка традиционного народного творчества. Она обладает рядом специфических черт, которые обусловлены как внеязыковыми факторами, так и языком фольклорных произведений. Сравнение может рассматриваться в различных аспектах: а)гносеологическом (как прием или процесс познания); б)логическом (как логическая модель построения языковых структур; в) лингвистическом (как языковая структура) (Огольцев 1978:159). Это позволяет оценивать сравнение как сложное лингвопонятийное образование, способствующее познанию мира и отражению результатов этого познания в языке. Под сравнением понимается синтаксически членимая языковая единица, обладающая сравнительной семантикой, состоящая из объекта, образа, основания сопоставления и оформленная с помощью специфических формальных средств выражения

сравнительного значения (лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических). Сравнительные конструкции, используемые представителями разных этносов, различаются, поскольку сравнения фиксируют разного рода вторичные ощущения, в них отражаются представления о мире, особенности мышления, характерные для той или иной этнокультурной общности. По мнению В.А. Масловой, «мир, отраженный сквозь призму механизма вторичных ощущений, запечатленных в метафорах, сравнениях, символах, – это главный фактор, который определяет универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира». Поэтому кросскультурный анализ компаративных единиц позволяет обнаружить общее и специфическое в культуре этносов, исследовать феномен этнической ментальности, выявить факторы, влияющие на своеобразие сравнительных конструкций, характерных для разных языков.

В языке русского, и английского песенного фольклора также используются сложные компаративные конструкции, в которых сравнение выражается придаточной частью сложноподчиненного предложения. Придаточные предложения со значением сравнения способны выражать реальные и ирреальные сравнительные отношения. Средства словообразования также нередко используются для выражения сравнительных отношений. Однако если в русских фольклорных песнях чаще используются компаративно-производные слова, то в английских больше распространены композитные сравнения. Сравнительно-уподобительные наречия встречаются только в русскоязычных текстах.

Использование морфологических средств для выражения сравнения, является уникальной особенностью русского языка, в частности, языка песенного фольклора. Творительный сравнения, генитивное сравнение, предложно-падежные формы выражения сравнения не имеют аналогов в английском языке. Лексический способ выражения сравнительных отношений встречается крайне редко в русском песенном фольклоре (слова с семантикой сравнения входят в состав менее одного процента всех сравнительных конструкций) и полностью отсутствует в англоязычных текстах.

Семантический анализ сравнений показал, что большинство сравнительных конструкций русских, и английских фольклорных песен – это образные сравнения, описывающие человека (82%, 83%

и 75% от общего числа сравнительных конструкций соответственно). Очевидно, что в русской, и английской фольклорных картинах мира на первом месте стоит именно человек, его внешность, характер, отношения, деятельность.

Различные характеристики человека неодинаково представлены в русско-, и англоязычных текстах, что свидетельствует о различной ценности, которую они имеют в глазах носителей русского, и английского фольклора. Так, в русских фольклорных песнях сравнения, описывающие поведение, редки, тогда как в и англоязычных текстах частотны. Носители русской фольклорной традиции большее внимание уделяют характеристике эмоциональных состояний, тогда как в англоязычных текстах количество сравнительных единиц, описывающих отношения между людьми, чувства, в два раза превышает количество конструкций той же группы в русских песнях.

В пределах одной тематической группы сравнительные конструкции отличаются своеобразием. Это проявляется как в выборе характеристик человека, подвергающихся сравнению, так и в различии средств, используемых для описания.

Так, оценивая внешность человека, носитель русского фольклора часто упоминает цветообозначения, имеющие положительную или отрицательную окраску: *Нахвалили то мне молодца: /Побелее снегу белаго, /Поалее цвета алаго!/ Показался мне молодец/ Почернее тела чёрнаго,/ Побледнее листа капустанаго.* В английских песнях эталоном красоты являются благородные люди и мифические персонажи (*duke's daughter* 'дочь герцога', *gentleman* 'джентльмен', *queen* 'королева', *angel* 'ангел', *goddess* 'богиня', *Venus* 'Венера').

При описании движения в русских фольклорных песнях главным образом используются сравнения, в основе которых лежат ассоциации с превращением человека в животное или птицу, для чего употребляется творительный сравнения (*идти уткой, воробышком, серой кошечкой*).

В англоязычных текстах сравнение с представителями фауны дает лишь внешнюю характеристику движения (*fly like birds in the air* 'летать как птицы в воздухе'). Кроме того, носители английского фольклора часто описывают скорость движения, а

также эмоциональное состояние героя в момент совершения действия, что нехарактерно для русских фольклорных песен.

В английских фольклорных песнях громкие звуки, издаваемые человеком, ассоциируются с поведением сумасшедшего человека (*hoot like one that is troubled in mind* ‘кричать, как безумный’, *roar like a man that was mad* ‘реветь, как человек, сошедший с ума’), тогда как в русском песенном фольклоре образы сравнений, характеризующих громкие звуки, вербализуются в основном лексемами, обозначающими животных и птиц (*кричать, что лебедушка*, ‘реветь, как лев’ ‘кричать, как голодные вороны’).

Даже при характеристике одних и тех же явлений или действий носители разных фольклорных традиций используют сравнения по-разному. Так, при совпадении опорных элементов некоторых английских сравнительных конструкций образы сравнений отличаются, что показывает разницу в видении одних и тех же действий носителями английского фольклора: *play like lam-bkins* ‘играть как ягнята’, *be like a schoolboy and spend time in play* ‘быть как школьник и проводить время в игре’; – *feed like angels* ‘питаться как ангелы’; – *drink like fishes* ‘пить как рыбы’.

В сравнениях английского песенного фольклора лексема *heart* ‘сердце’ используется в основном для характеристики волевых качеств человека. В конструкциях *heart like iron and steel* ‘сердце из железа и стали’, *to stand true like hearts of oak* ‘стоять до конца, как будто сердца из дуба’ в качестве образа сравнения используются названия материалов, известных своей прочностью, что и определяет семантику оборотов в целом. Кроме того, лексема *heart* используется для описания эмоционального состояния человека: *hearts as light as feathers* ‘сердца легкие, как перышки’.

В русском песенном фольклоре сердце рассматривается скорее как локус отрицательных эмоций, грусти, тоски, печали: *сердце словно темна ноченька; сердце не белее черного бархата*. В русскоязычных текстах сердце – вполне материальный орган, который испытывает на себе различные воздействия, например, тяжесть: *на сердечке будто камешек лежит*. Основные эмоции, описываемые с помощью сравнений в русском песенном фольклоре, – грусть, печаль, тоска. Однако они не просто спрятаны где-то глубоко в сердце, как в немецких песнях, они всегда проявляются вовне, главным образом слезами. Сравнения,

описывающие плач, многочисленны и разнообразны. Слезы *текут, льются, катятся*, как *река, ручьи, роса, волна, море, град*.

Представленность образов сравнений той или иной группы наименований может дать представление о месте, которое занимают различные явления и объекты в русской, и английской фольклорной картине мира.

Литература

1. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. Москва. Издательство «Наука», 2004.
2. Петренко О. А. Этнический менталитет и язык фольклора. Курск. гос. ун-т, 1996.
3. Огольцев В.М Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л: ЛГУ, 1978.

Ia Beradze (Georgia)

ETHNO-CULTURAL ASPECT OF EXPRESSING COMPARATIVE RELATIONS IN RUSSIAN AND ENGLISH FOLKLORE SONGS

Abstract

Comparing is the important and the most important source of the world's picture, which is shown in English and russian folk songs.

Depending on this, the comparing these two cultures gives us the sense not only of their national conditions, but also about material culture, general life and about the behaviour of human beings living in these two cultures.

СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Стереотипы в восприятии людей существовали всегда. Психологическая предпосылка формирования стереотипов состоит в необходимости обобщения информации об окружающих нас людях. Следуя стереотипу, мы упрощаем картину мира, делаем ее более понятной. Поэтому использование стереотипов — целесообразная стратегия социального познания. Проблемы возникают тогда, когда стереотипы оказываются чрезмерно обобщенными или неверными. Во многих случаях они вредят взаимопониманию, а следование им приводит к печальным последствиям. Это касается как отношений между людьми, так и отношений между странами, политических и культурных процессов, экономики и бизнеса.

В своём исследовании «Введение в популярную культуру» Джек Нахбар и Кевин Лаузе отмечают, что стереотипы представляют собой часть массовой культуры. Они могут образоваться на основании возраста (напр. молодёжь слушает только рок-н-ролл) на основании пола (все мужчины требуют от женщин только одного), на основании расового различия (все японцы – одинаковые), религии (Ислам, это религия террора), профессии (все адвокаты – жулики) и конечно же на основании национального характера (все евреи жадные). В основном стереотипы нейтрального характера, однако перенесение стереотипа с одного члена общества на всё общества, как правило, обретает отрицательный оттенок. Именно на стереотипах основались такие явления как расизм, исламофобия и др.

В своей работе «Вступление в межкультурную коммуникацию» профессор калифорнийского университета – Фред Джандт отмечает, что в основном стереотипы используются не из лучших намерений. Они скорее используются в пропаганде расизма и ксенофобии. Примером вышесказанного можно привести антисемитскую пропаганду в Германии в 1920-1930 гг., которая была основана на стереотипах и цель пропаганды была достигнута тем, что немцы абсолютно хладнокровно относились, более того, они способствовали уничтожению евреев.

В первый раз термин стереотип использовал классик американской журналистики Уолтер Липпман (Walter Lippmann), который в 1922 г. опубликовал книгу «Общественное Мнение» (Public Opinion). В своей книге Липпман попытался описать способ, при помощи которого общество пробует категоризировать людей. Чаще всего, общественное мнение просто ставит "штамп" на основе некоторых характеристик. Липпман выделил 4 аспекта стереотипов:

Первый: стереотипы всегда легче, чем действительность - сложнейшие черты стереотипы "укладывают" в 2-3 предложения.

Второй: люди приобретают стереотипы от знакомых, средств массовой информации и пр. Примером данного может являться представление о безупречной женщине: она обязана быть блондинкой, с голубыми глазами, без лишнего веса, с высокой грудью и длинными ногами. Этому идеалу в точности соответствует только кукла Барби.

Третий: все стереотипы ложны, в большей или меньшей степени. Они приписывают конкретному человеку характеристики, которыми он должен обладать только из-за собственной принадлежности к определенной группе.

Четвертый: стереотипы крайне живучи. Даже если люди убеждаются в том, что стереотип не соответствует действительности, они склонны не отказаться от него, а утверждать, что исключение только подтверждает правило. К примеру, встреча с высоким китайцем только убеждает жертву стереотипа в том, что все другие китайцы - маленького роста.

Стереотип может перемениться и быть перенесен на другую группу населения. К примеру, американцы в начале 20 столетия называли евреев "длинноносыми" (big noses). Хотя впоследствии стало явным, что отнюдь не все евреи наделены выдающимися украшениями на лицах. Сейчас данный эпитет время от времени потребляют по отношению к арабам.

Люди с разными взглядами, по разному видят одно и тоже явление. Вместе с трудностями неизбежной редукции, встречаются ещё и случаи селективного восприятия. Селективное восприятие и стремление человека к предотвращению когнитивного диссонанса и есть основа видоизмененной реальности. «Стереотипная модель в центре нашего кодекса определяет восприятие только той реальности, которую мы предпочитаем - утверждает Липпман. К

примеру, один и тот же факт по разному воспринимаются капиталистом и его оппонентом социалистом. Обе стороны считают своих противником неправыми и это происходит в условиях когда реальное различие состоит не в факте а в восприятии этого факта по разному».

Стереотипы это «...стойкое, обобщённое убеждение по отношению к одной или иной группе людей» (Cardwell 1996:78). Иными словами, стереотип - это убеждение, согласно которому представители той или иной группы, расы и религии, являются носителями одинаковых особенностей, что не совсем правильно.

На протяжении жизни, у нас собираются разные стереотипы по отношению других, источником которых являются медиа или старшее поколение. Во всех странах существуют стереотипы по отношению жителям этой страны, большинство из которых не соответствуют правде.

Обобщение культур и национальностей могут превратиться в источник гордости, гнева или просто неудачной шутки. Многие считают, что в стереотипах всё же присутствует доля правды, поскольку стереотипы вовсе не появились из вакуума. Национальный стереотип представляет собой систему культурно-специфических убеждений, которая связана с национальностью человека. Эта система включает в себя такие черты человека, которые видоизменяются, например внешность, язык, еда, правила, психологические признаки, ценности и др.

Упрощённые стереотипы о грузинах, украинцах, американцах и представителях других групп - общие, но не правдивы.

Учёные предупреждают – национальные стереотипы это единицы переоценённых реальных разнообразий. Опасно характеризовать людей стереотипами, но их существование всё же неизбежно. Существуют разные методы исследования стереотипов, и одним из наиболее употреблённых является социальный опрос.

Грузинский народ считается самым гостеприимным народом, они эмоциональные, разговорчивые, традиционные, но они ужасные водители. Политика самая популярная тема у грузин. Они считаются очень трудолюбивые, выносливые и умные, но часто ленивые. Особенно трудно найти грузина соблюдающего все правила, и это совершенно непунктуальный народ.

”Впервые приехав в Тбилиси дивисься, тому что жизнь в этом городе как бы оживление грузинских фильмов. Все мифы и

стереотипы о грузинах здесь больше всего концентрированы: водители такси - плохо водят машины, и на фоне деревенских песен рассказывают какой-то старый анекдот про джигитов. В ресторанах грузины бесконечно говорят тосты и на самом деле поют «Сулико». Всё это очень впечатляет, но появляются сомнения в том на самом ли деле грузины такие, или стараются для тебя. Но позже приходит убеждение, что это реальность: грузины очень артистичны и для них особенно приятно играть роль «грузин» (Вишневская 2006: 25).

Однако эти стереотипы очень аккуратно должны восприниматься. Общество меняется гораздо скорее стереотипов. Многие черты, которыми описываются грузины, уже давно остались в прошлом. Одним из популярных убеждений является убеждение, согласно которому Грузия страна традиций, и это основная цель туристических брошюр и основывается на реальности. Однако, в каждодневной жизни грузины редко соблюдают традиции.

Стереотипы - болезнь не только современности. Они существовали и в далёком прошлом. Когда невозможно было насмеяться над соседями из-за отсутствия государственного статуса, европейцы целились в последователей другой религии, или в представителей другого пола. Психологи утверждают, когда человек уверенный в себе и ощущает себя в безопасности, как правило, по отношению других создаются отрицательные стереотипы. Но с возрастом стереотипы остаются только в его сознании.

Наверное, нация должна научиться насмеяться не только над другими нациями, но и над собой, но крайне безболезненно, при том, что нет худа без добра и отрицательные стереотипы тоже могут принести успех. Например, из-за предпочтения французов к странной пище, этот народ прозвали «поедателями лягушек». Однако именно это предпочтение принесло Парижу звание лучшего кулинарного города в мире.

Исходя из вышесказанного, стереотипы наиболее важная часть человеческой сущности, являясь чрезмерной оценкой той или иной группы - религиозной, расовой и др. Стереотипом доверять нельзя, однако они существовали, существуют и будут существовать и дальше, вопреки нашим желаниям.

Литература

1. Липпман Уолтер. Общественное мнение. Москва. 1992.
2. Вишневская Ю. Кавказские стереотипы. Москва. 2006.
3. Cardwell: Dictionary of psychology. Chicago IL: Fitzroy Dearborn. 1996.
4. Nachbar **Jack**, Lause **Kevin**. Popular **Culture**: An Introductory Text). 1992
5. Jandt Fred E. An Introduction to Intercultural Communication: Identities in a Global Community. 2007.

Maia Bolkvadze (Georgia)

STEREOTYPES IN INTERCULTURAL CONTEXT

Abstract

In the process of understanding the stereotypes of the other nations, some attitude is formed towards them. The stereotypes are often interpreted in a strange way that is the very reason of the cultural conflict.

**РОЛЬ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ АНИМАЦИОННЫХ
ФИЛЬМОВ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ
КАРТИНЫ МИРА И МЕТАФОРИЧЕСКОМ
МОДЕЛИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ДЕТЕЙ
– МУЛЬТИЛИНГВОВ**

Необходимость данного исследования вытекает из проблем, возникающих в процессе межкультурной коммуникации, которые связаны с различием языковой картины мира у людей, осваивающих несколько языков, в частности у детей – мультилингвов. Главная цель мультилингвизма – это успешная коммуникация, адекватное понимание. Языковая картина национально – специфична. В любой культуре присутствуют специфические культурные значения, закреплённые в языке, но по словам А. П. Садохина, «языковая практика свидетельствует, что язык не является механическим придатком какой-либо культуры, поскольку в этом случае он был бы не в состоянии использоваться в многочисленных ситуациях межкультурного общения. В действительности одним из ведущих свойств языка является его универсальность, позволяющая человеку использовать его в качестве средства общения во всех потенциально возможных ситуациях, в том числе и по отношению к другим культурам. Именно универсальность языка позволяет ему осуществлять как внутрикультурное, так и межкультурное общение» (Садохин 2010:61). На вопрос, связаны ли культуры между собой, что больше в культуре – общее или специфическое, П. С. Гуревич отвечает следующим образом: «Если культуры непроницаемы..., значит, они развиваются автономно. Следовательно, множество культурных миров складываются сами по себе и не устремляются в единое, культурное русло. Тогда бессмысленно говорить о человечестве как универсальном понятии. Однако возможен и иной взгляд на множество культур. Да, они уникальны, но это вовсе не означает, будто они отгорожены друг от друга. Напротив, эти культурные миры тяготеют к единству. Возможно, образцом для них окажется какая-то культура, обладающая наиболее значительным совокупным опытом? А может быть родится некий совокупный синтез?» (Тхорик 2006:11). Наше исследование имеет

цель проверить, насколько эти культуры остаются нетронутыми либо взаимно влияют друг на друга.

Считается, что чем старше человек, тем труднее он адаптируется к новой культурной системе, тяжелее и дольше переживает культурный шок, медленнее воспринимает модели новой культуры. Маленькие дети адаптируются быстро и успешно, легче воспринимают новации. Большинство детей, проживающих в нашем регионе, являются искусственными мультилингвами. Они осваивают языки через садики, школы, дополнительные уроки, телевидение и компьютер. Большой популярностью среди них пользуются англо-американские анимационные фильмы. В этой главе мы попытаемся показать, как эти фильмы и их версии, дублированные на грузинский и русский языки, влияют на процесс формирования концептуальной картины мира и метафорическое моделирование языковой картины мира детей – мультилингвов. «Как правило, в межкультурной коммуникации больше всего проблем возникает при переводе информации с одного языка на другой» (Садохин 2010:61). Учитывая данный факт, мы решили рассмотреть не только оригинальные сценарии, но и их переводы на грузинский и русский языки. Как раз в такой разнообразной форме, в большей или меньшей степени, сейчас они подаются нашим детям – на английском, грузинском и русском языках.

«Перевод - это ситуация двуязычной коммуникации, в основе которой лежит билингвизм» (Гарбовский 2004:316). Кроме контакта языков, перевод представляет контакт культур. В современном мире в условиях глобализации знание языков ведёт к сближению культур. В результате мир и наше миропонимание постоянно меняются, поэтому «картина мира не представляет собой законченного образа мира, она обладает особой пластичностью, подвижностью, поливариативностью» (Тхорик 2006:25). Так как метафора – прекрасное средство приспособления языка к этим изменениям, мы решили выбрать её в качестве объекта исследования. «Сказки являются прекрасным примером использования метафоры...» (Миллс, Кроули 2000:55). Прекрасным источником рождения новых метафор являются детские англо-американские анимационные фильмы, которые пользуются большой популярностью среди детей.

Наш интерес к анимационным текстам также вызван тем, что анимация представляет продукт постмодернизма – одного из

наиболее яркого явления современной эпохи. Данный факт обуславливает актуальность темы диссертации. «Как и всякое другое, искусство постмодернизма отражает картину мира, здесь её распад...» (<http://files.school-collection.edu.ru>) Мир меняется, рушатся «стандартные представления о мире. Известно, что постмодернистское видение мира – это, вообще, распад картины мира. Направление постмодернизма «обязано своим развитием множеству источников: ... лингвистике Фердинанда де Соссюра, постулировавшей произвольность связей между словом и предметом, знаком и означаемым» (Тарнас 1995:). Л. Витгенштейн писал о «языковых играх». В. И. Тхорик и Н. Ю. Фанян пишут об «играх в смысл, о смысле, со смыслами». Метафоры – пример таких «игр».

Установки постмодернизма имеются в различных отраслях: философии, истории, литературе, архитектуре, хореографии, драматургии, живописи и так далее. Современная кинематография также входит в этот список. Анимационный кинематограф конца XX века не вписывается в рамки классической культуры. В качестве материала исследования мы взяли тексты популярных англо-американских фильмов о Шреке, а также «Мегамозг», «Кунг-фу Панда», «Роботы».

Итак, что меняет эта постмодернистская сказка, и почему эти изменения заинтересовали нас. В качестве исследования мы берём, с одной стороны, несколько самых ярких персонажей, с другой стороны, анализируем те метафорические приёмы, которые встречаются в анимационных текстах. Как известно, каждый сказочный персонаж несёт определённый посыл, сказочные животные обязательно что-либо символизируют. Возьмём, например, осла - животное, которое является символом упрямства и трудолюбия. В русском языке «осёл» в метафорическом смысле означает «упрямый дурак». В русском фольклоре и фразеологии осёл - символ глупости, упрямства, лени. Метафора осла принадлежит обиходно-бытовому представлению о повадках данного животного. В испанском языке “el burro” (осёл) называют трудолюбивого человека (www.krugosvet.ru). В древнейших памятниках осёл имеет божественную символику. В английском фразеологическом фонде есть пословица с положительным оценочным компонентом. “*Asses as well as pitchers have ears*” (дураки и дети понимают гораздо больше, чем думают говорящие).

В большинстве случаев отрицательная коннотация символики осла в русском, английском и грузинском языках совпадает: “An ass is but an ass, though laden in a gold”, «Глуп, как осёл», «Ослиное упрямство», «Ученье свет, а неученье – осёл» (www.absurdopedia.net/wiki/Осёл). „virisagan cixli ar unda gewyinos“, „viri mogebaze wavida da nalebic iq darchao“, „ra sgejeqi virze“ (www.ka.wikiquote.org). Все эти примеры и многие другие уже давно стали классическим примером метафоризации как средства создания языковой картины мира. На наш взгляд, постоянное видоизменяющееся отражение мира и миропонимание будет запечатлено в метафорических приёмах, использованных в сценариях этих фильмов, а также в их грузинских и русских переводах.

Как показывают вышеперечисленные примеры, классические «животные метафоры» несмотря на их стереотипную символику, характеризуются гибкостью образа, в зависимости от обстоятельств они способны менять коннотацию от положительной к отрицательной, и наоборот. В современных англо-американских анимационных текстах это качество «животных» метафор усиливается, и они начинают проявлять достаточную гибкость: одни образы лишаются каких-то прежних качеств, вторые - приобретают новые, а третьи и вовсе меняют свой прежний посыл. Во время создания фильма о Шреке, ориентированного на аудиторию всех возрастов, встал вопрос: «Поймут ли его дети?» (www.prodisney.ru/index.php?page=shrek.php). Но как раз дети легче и быстрее воспринимают новое, так как в их сознании ещё нет закреплённых штампов. Успех фильма среди наших маленьких зрителей показал, что фильм ориентирован не только на аудиторию разных возрастов и поколений, но и разных культур. Вот при таких условиях, под влиянием современных англо-американских концептов происходит формирование концептуальной картины мира детей – мультилингвов.

В фильмах о Шреке образ осла имеет положительную коннотацию. Известно, что коннотация – это информация, которая отражает не сам предмет, а определённое отношение к нему. Сценарий фильма разрушил бытующий в русской и грузинской концептуальной и языковых картин мира стереотип осла как эталона глупого упрямства («ослиное упрямство»). Сегодня для маленьких зрителей образ осла ассоциируется с чем-то очень

весёлым и смешным. Вот, что говорят об ослике дети: «забавный, много болтает, у него смешные шутки, он хороший друг, ослик – зануда, но без него было бы скучно». В результате влияния англо-американской языковой картины мира рождаются новые детские метафоры: «смешной, как ослик», «у тебя ослиные шутки» и т.п. Они стирают образное представление об осле как признаке упрямства, которое когда-то родилось в результате бытующего мнения о повадках этого животного. Старая чувашская поговорка: «Где смех, там и осёл» подошла бы в качестве характеристики нового анимационного образа осла. Весь смысл беседы с детьми об этом персонаже сводится к одному: «забавный, много болтает, у него смешные шутки, он хороший друг, ослик – зануда, но без него было бы скучно».

Изменение концептуальной картины мира может отразиться и на языковой картине мира. В результате анализа метафор, использованных в анимационных текстах мы обнаружили разные возможности перевода английских метафор на грузинский и русский языки: «полные эквиваленты, частичные эквиваленты, семантические эквиваленты, описательный перевод...» (Тхорик 2006:193). Приведём несколько интересных примеров, в которых сохраняется метафорический образ:

1. A: *There's really good-looking one I've got my eye on currently.*

Г: *არის ერთი ძალიან ლამაზი გოგო რომელსაც სწორედ ახლა დავადე თვალი.*

Р: *Есть одна красotka, на которую я положил глаз.*

2. A: *But it can be easily reheated in the microwave of evil.*

Г: *შურისძიება კერძია რომელიც ცივად უნდა მიირთვა, სამავიეროდ, მის შეცხელება შეიძლება მიკროტალღოვან ღუმელში.*

Р: *Но её можно подогреть в микроволновке зла.*

Детские англо-американские мультипликационные фильмы являются одной из причин сближения разных картин мира, формирования современной концептуальной картины мира, создания новой универсальной языковой картины мира. Всё это является предпосылкой для рождения новой для нашего общества мультикультурной личности, ребёнка, способного освоить сразу несколько языков, личности с качествами языковой толерантности и культурной адаптации.

Литература

1. Садохин А. П. Введение в межкультурную коммуникацию Москва 2010.
2. Тхорик В. И. Фанян Н. Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация Москва 2006.
3. Гарбовский Н.К. Теория перевода Москва 2004.
4. Джойс Миллс, Ричард Кроули Терапевтические метафоры для детей и «Внутреннего ребёнка» Москва 2000.
5. (<http://files.school-collection.edu.ru>).
6. (www.krugosvet.ru).
7. (www.absurdopedia.net/wiki/Осёл).
8. (www.ka.wikiquote.org).
9. (www.prodisney.ru/index.php?page=shrek.php).

Irma Ghlonti (Georgia)

THE ROLE OF ANGLO-AMERICAN ANIMATION FILMS IN FORMATION OF CONCEPTUAL WORLD PICTURE AND ME- TAPHORICAL MODELING OF MULTILINGUAL CHIL- DREN'S LANGUAGE WORLD PICTURE

Modern cinematography is on the list of the spheres which include ideas of postmodernism deconstructing standard representations of the world. This article concentrates attention on the texts of children's animation films, characters representing vivid "animal" metaphors and metaphoric devices and their Georgian and Russian versions. The research has shown that classical fairy animals once characterized by stereotyped symbolism begin to show flexibility. They change their connotation from positive to negative and vice versa. The images lose the former qualities, acquire new ones or change their premise. As it is known the changes in conceptual world image may reflect language world picture. During our research we have found different means of translation of English metaphors into Georgian and Russian. In our view some metaphors are of great interest because they are preserved during translation in Georgian or Russian texts. Children's Anglo-American animation films are one of the reasons for convergence of different world images, formation of modern conceptual world picture, creation of a new universal language world picture.

UNIVERSAL AND ETHOS-PECULIAR FEATURES OF THE IDIOMATIC PICTURE OF THE WORLD

Introduction

A language has a communicative function. The success of this process much depends on how the speaker uses his background knowledge. We should underline the importance of the speakers' cultural awareness, the factors that support the communication, how language and culture correspond among themselves, how language reflects the world through consciousness of the person, how the individual and collective mentality, ideology and culture are reflected in the language, how language and culture create a world picture - primary, from the native language, and secondary, acquired when studying foreign languages (*С. Г. Тер-Минасова, 2000*).

Idioms in the Language Picture of the World

The language picture of the world includes not only the reflected objects, but also a position of the reflecting subject, its relation to these objects, and a position of the subject in the same reality. We can assume that the system of the typical social relations and an estimation of the reality is reflected as a sign in the system of national language and constructs a language picture of the world.

The concept of "a language picture of the world" is connected with the concepts, the people, the ethos, the nation and understanding of the national character of the person. National character is understood as a stereotypical set of qualities, attributed to the people. Each language reflects the world. The "speakers" of different languages see the world differently. The language picture of the world includes two ideas: 1) a picture is "drawn" by different languages and 2) each language "draws" the picture representing reality differently, then it may be shared by other languages. The system reflected in this language is reconstructed to maintain whether it is specific or universal. On the other hand, investigated linguistic characteristics for this language concepts are "key" (clear) concepts that are at the same time easily understood or translated from other languages.

The maintenance of a cultural and national connotation of idioms is an interpretation of the figurative basis of the idiomatic picture of the

world in the sign of cultural and national "space" of this language community. From this point of view it is possible to deduce methodologically important consequences: the cultural knowledge can be "caught" from an internal form of the idiom: there are some "traces" of the cultures, customs and traditions, historical events and life elements and the culture can be understood as a way of orientation of the subject in empirical, cultural, spiritual life on the basis of norms, standards, stereotypes, symbols, myths, etc. signs of the national culture which has been traditionally established in certain national language society.

The code of culture is a macro-system of the language picture of the world united by the general property; it is a certain conceptual grid, used by a native speaker who categorizes structures and estimates the surrounding and internal worlds. The code of culture is a taxonomy of elements of an idiomatic picture of the world in which bio-facts and artifacts, objects of the external and internal worlds (the physical and mental phenomena) are naturally incorporated or created by the society. The basis of cultural codes for idioms is made of the mythological symbolism which transfers images of the concrete subjects on the abstract phenomena, including an inner world, establishing overlapping of objects of physical or real and virtual or illusory reality. The mythological consciousness is based on comparison and identification of the archetypes with the modern understanding of reality.

The most important is the usage of the idiom in the communication. The native speaker puts in language his world vision, mentality, and the relation to other people in the cross-cultural dialogue. One of the main difficulties is a correct usage of an idiom. A further difficulty is whether an idiom is appropriate in the given context or if a non-native speaker tries to translate an idiom from his native language into English. Linguistic creativity much depends on how idiom is used by the speakers in relation to local contextual purposes and especially for interpersonal interaction. The usage of idioms in speech makes the communication creative. The idiom not only hands over information on the events, but by means of an image explains the national vision of the world. A recreation of an idiom and the maintenance of a cultural connotation of this unit prove creativity of its semantics. As the cultural connotation is created each time in a new idiom, cultural possibilities of the idiomaticity are always wider than its concrete realization as a language sign in the idiomatic picture of the world. Idioms display a national soul, though there are "universal" idioms that make communication between dif-

ferent nationalities easier. These types of idioms create a background for the universal consciousness that is affected by different factors: biological, social, religious, historic, geographical, common cultural space, etc. The biological factor is the most stable, but others are changeable. Biblical idioms are widespread in the Christian world; countries that are bordered by the sea or ocean have idioms connected with fishing, boating, tide, etc.

The analysis of the English and the Georgian idioms proves that their semantics are to some extent connected with the perception of the language semantics in the cultural prism. Most significant in the linguistic-cultural approach is the answers identifying the traces of cultural interpretation of phraseology. Basic words or semantic centers (animalisms, somatisms, etc.) indicate this or that type of information taken from the idiom – denotative, figurative, metaphorical, emotive, estimative, etc.

Universal and ethos-peculiar features of the idiomatic picture of the world of various ethos are caused both actually substantial characteristics of the figurative basis of the idioms, and the ways of their interpretation in national and cultural space of a certain language community. The human world — is the world of senses: the subject anyway treats life realities, giving them the positive or negative importance, taking a certain position in relation to them, reflecting these or those phenomena of reality, considering one reality as values, and others — as "anti-values" in a context of the requirements, needs, interests and aspirations. It also means that the world around has a human sense of the subject. Archetypal images in the idiomatic picture of the world of various languages and their expansion indifferent languages often occurs on the basis of the emotional and behavioral universality of the society. These universal anthropomorphic features of idioms include: 1) physical and mental perception (sight – eyes, hearing – ears, taste – tongue, etc.); 2) physiological conditions (hunger, thirst, etc.); 3) physiological reactions (cold, heat, palpitation, etc.); 4) physical actions and activity (to work, have a rest, go, to stand etc.); 5) desires (to want, to be eager, to prefer etc.); 6) the intellectual activity (to imagine, know, consider, understand, remember etc.); 7) emotions (to be afraid, rejoice, become angry, to admire, regret, be jealous, to take offense etc.); 8) speech acts (to speak, to report, praise etc.). These features are universal to people of the whole world, regardless to their culture, language or educational level.

The native speaker at a deep level of the consciousness carries out not only the understanding of the idiom which is expressing language value, also the perception of the figurative essence of the phraseology.

The new treatment of an idiomatic image is a conductor in cultural space, it is generally connected with the English and Georgian beliefs, ceremonies, rituals, ways of life, etc. and as the model of cultural interpretation is created and the structure of a cultural connotation of the phraseology is developed.

Kovshova (2009) remarks that all existing in the world in the process of development and knowledge get a semiotic sense which arises from non-literal senses of things. The world in its symbolical perception is released from the physical, material nature, in the course of understanding by the person of the world objects of a material world, having become symbols; they acquire signs of the ideal world. We see the essence of a symbol not in designation, but in the symbolic relation to reality and, thereby, overcoming of semantic definiteness of a sign. We believe that the special role in this process belongs to the idiom as in a sign of a secondary nomination.

Conclusion

Idioms are the best examples of cross-cultural relations. An idiom is a lexical unit of the language that has cultural connotation, it expresses the relation between the experiences of the mankind and the world events, and it is the perception of reality through the ethno-cultural mentality. The most interesting feature of an idiom is that it bears abstract notions, concepts that reveal the cultural semantics of this language unit which are settled in the cultural layers of the idiom.

Bibliography

1. Raymond W. Gibbs, Jr., Josephine M. Bogdanovich, Jeffrey R. Sykes, and Dale J. Barr Metaphor in Idiom Comprehension. *JOURNAL OF MEMORY AND LANGUAGE* 37, 1997.
2. Richard Bailey Conceptual Metaphor, Language, Literature and Pedagogy. *Journal of Language and Learning*. Volume 1 Number 2. 2003.
3. Lynn Grant, Laurie. Criteria for Re-defining Idioms: Are We Barking up the Wrong Tree? 'Journal of Applied Linguistics.' Volume 25, Bauer 2004.

4. George M. Horn Idioms, Metaphors and Syntactic Mobility. 'Journal of Linguistics.' Volume 39, 2003.
5. Michael McCarthy. Spoken Language and Applied Linguistics. Cambridge University Press (CUP). 1998.
6. Ковшова М. Семантика и прагматика фразеологизмов (Лингвокультурологический аспект). Автореферат, Москва 2009.
7. ხალომე ოშიაძე. ქართული დისკურსის კულტუროლოგიური პარადიგმა. თბილისი 2009.

Ирине Гошхетелиани (Грузия)

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОМАТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Резюме

Культурная и национальная коннотация идиом интерпретируется как знак культурного и национального "пространства" данного языкового сообщества в языковой картине мира. Идиома является той частью картины мира, которая отражает национальную культуру, традиции и главные черты данного народа. Хотя, универсальные идиомы, которые встречаются в разных языках, также отражают восприятие действительности и ментальность каждого народа и стимулируют межкультурную коммуникацию.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЙКОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Ойконимы в речи человека занимают важное место. Каждая онима доходит до нас в определенном структурном содержании и формировании. Можно отметить, что в каждом языке грамматическая структура аффиксации онимов дает большие возможности для образования новых номинаций, а итог исследования отражает схожесть структурных построений и различий в двух не родственных языках.

Основная часть ойконимов выделяется как своей многоплановостью, так и разнообразностью своей структуры. В грузинском и французском языках во время исследования ойконимов, мы видим разные значения слов и словообразующих номинаций. В первую очередь, мы различаем онимы полученные при словослиянии (замещением артиклей и разных членов предложения) и деривации (образованных с помощью аффиксов). На основании этого, мы выделяем следующие типы ойконимов:

Простые, одноосновные наименования: *Lille, Metz, Acana, Aho*.

Двухосновные – это ойконимы-композицы: *Courbevoie, Montpellier, Cixisgiri, Cixevdavi*.

Образованные с дефисом ойконимы-композицы, двухосновные: *Boulogne-Billancourt, Ferreux-Quincey*. В грузинском языке, в отличие от французского, мы встречаем два наименования с разными основами, где лексемы переданы по отдельности: *Samušis vake, Ustaraulis c'g'aro*.

Во французском языке есть такие интересные словообразующие формирования ойконимов, как номинации образованные с помощью артикля: *Le Mans, La Rochelle, Les Cars, Saint-Bris-des-Bois, Chateau-du-Rhône*. Обращение ойконимов к артиклям, можно структурно выразить следующим образом: *Art+Nom; Adj+Art+Nom; Nom+Art+Nom*.

На фоне структурного анализа, многообразии номинаций дает нам возможность создания многообразных вариаций. Помимо артиклей в создании ойконимов также используются приставки.

- Ойконимы, образованные при помощи приставка “sur“ - указывают на территорию расположенную выше существующей: *La Seyne-sur-Mer, Romilly-sur-Seine*.
- Приставка „sous“- сформирована с тем же формированием как и наименования полученные с впереди стоящими приставками.
- Формирование приставки „sous“- обусловлено той же формулировкой, что наименования образованные с предлежащей приставкой предлежащая: *Aulnay-sous-Bois, Virey-sous-Bar*.
- Приставка „de“ обозначает к какому имени относится территория *Villeneuve-de-Rivière, Villeneuve-de-Bouloc*.
- Приставка “en-“ в номинациях используется в значении предлога «в», обозначает к какому региону принадлежит микротопоним *Aix-en-Provence, Saint-Laurent-en-Grandvaux*.
- Приставка „lès“ обозначает территориально близко расположенный денотат. В онимах она часто используется для объединения двух лексонимах, выделяется дефисом и обозначает близость двух территорий. *Villeneuve-lès-Charnod, Nieul-lès-Saintes*. Статистические данные, полученные при исследовании, приставки «sur» и «de» часто используется для обозначения принадлежности к конкретной территории. В строении вышеуказанных ойконимов, артикль заменен приставкой и по структурному строению, мы получили конструкции с подобным структурным строением: *Nom+Prèp+Nom; Adj+ Prèp+Nom* ;

Увеличение или уменьшение территорий, а также изменение географического состояния вызвало разнообразие ойконимов. Во французских наименованиях важное место заняли деривационные онимы. Разные аффиксы использованы в качестве дериватов.

- Имена, образованные при помощи префиксов. например: *car-, Carcassonne, Carqueiranne*.

Vielle – данный префикс возможно является старой версией названия города, у которого на сегодняшний день совмещена функция префикса. *Vielle-Aure, Vielle-Louron, Vielle-Saint-Girons*.

- Имена, образованные при помощи суффикса. например: -argus *Baillargues, Marsillargues*. -y, -ey, -ay: *Mouz-ay, Ruffey*.
-gnan: *Frontignan, Lèzignan, Perpignan*.

-an: *Bazian, Samazan, Lussan, Samaran.*

-ac, -at, -e(u)x: *Asserac, Vitrac, Florac, Fleurac, Viriat, Jayat, Perreux.*

Образованные при помощи афиксов, то есть префиксально-суффиксальным способом, имена. Например: *Ar-, Ariège, Ardèche.*

В грузинском языке грамматическая структура, то есть аффиксация, дает очень большие возможности для образования новых лексем. Во время исследования, мы встречаем простые и производные номинации. Если мы обратимся к труду А.Глонти, то там мы увидим, что ойконимы по своему происхождению аффиксальные, которые сами собой подразумевают словообразовательные деривационные аффиксы (Глонти, 1988:127). В качестве дериватов используются как аффиксы особого назначения, так и показатели склонений. Показатели именительного и родительного падежей, по отношению к ойконимам, вместе со своей первоначальной функцией также выполняют и функцию деривата. В таком случае, соответствующий показатель склонения выступает в роли деривата. например: -i : *Batumi, Gori, Lančxut^{bi}, Maxinžauri, Ozurgetⁱⁱ.*

-is, *T^hbilisi, C^hedisi, K^hut^hasi, C^hixisžiri, Erbanisi, Tazrisi.*

• Имена, образованные при помощи префиксов. например: *na* – префикс прилагается как к имени, так и глагольным основам и выражает предшествующее состояние. *Nakap^hi, Naberc^hi, Nagut^hni.*

- ia при помощи суффикса образованные географические имена: *anaklia, meria.*

- o: *Sadaxlo, Nazarli, K^hesli.*

- a: *P^honičala, šilda, Ert^hc^hmindā, Nikorc^hmindā.*

- e: *Veliscixe, Sašvilde, Bode, Nost-e.*

- et^h: *Otbet^hi, K^horet^hi, Ivet^hi, Tbet^hi.* По словам Арнольда Чикобава, суффикс «et^h», обозначает место многократного пребывания кого-то или чего-то. Уголки Грузии, в основном, образованы при помощи суффикса «et^h», это характерный для грузинского языка суффикс: *Imeret^hi, Kaxet^hi, Svanet^hi.*

- ot^h / - at^h / ut^h : *Bibot^hi, Ikot^hi, K^holot^hi, Belot^hi.*

- et^h-i : *Maliet^hi, Makvanet^hi.*

-eb-i / ev-i - основная функция окончания в языке, выражает множественность, но в топонимике указывает на объемность и пространство. например: *T^hvaurebi, Kordebi, Natanebi, Goxebi.*

-ian-i: *Bakuriani, Muxiani, Prasioni, čitiani.*

-van-i: *C'erovani, Gorovani, Vašlovani.*

-ul, -ur: *Manixevula, žirula, C'ik^haruli.*

-nar, / -nal : *Karc'nali, P^hutknari.*

-ovan-i: *Katrovani, Narovani, C'erovani.*

• Префиксиально-суффиксиальные ойконимы. например:

sa – e: *Samacxovre, Samercxle, Samtvre, Sairme, Sairxe.*

sa – o: *Samarxili, Saguramo, Sačino, Samik^hao.*

sa – a: *Samtredia, Saerxia, Sakraula.*

sa - et^h-i: *Salebet^hi, Sacxenet^hi, Sak^hašet^hi, Sakviret^hi.*

na - ar / na – al: *Navenaxao, Nataxtari, Nak^herali.*

na - eb / ev / av / ur / ul: *Nabakreni, Načarlebi,*

la - aš / la - eš (онимы сванского происхождения): *Lailaši, Lavaliaši.*

Наблюдая структурным строение ойконимов в грузинском и французском языках на фоне существующего их противопоставления, мы пришли к выводу что, во французском языке преобладают сложнообразованные при помощи дефиса ойконимы, композиты с разными основами, многообразна номинативная структура, выделяется сложным строением, понимаем с помощью артиклей, имена образованные приставками, где приставки присваивают значения адресата, которая прикрепляется в некоторых случаях к существительным, а в некоторых к пригательным, а иногда возможно и оба варианта одновременно. Во французском языке, в наименованиях, чаще всего используются приставки и артикли, меньше продуктивны аффиксы употребляемые как дериваты. Из примеров видно, что лексика французских ойконимов, в основном, построена на словообразовании, а что касается номинативных формирований в грузинском языке, то можно встретить множество деривационных ойконимов. Аффиксиальное образование увеличивает многообразие онимов, и более интресным делает исследование номинаций.

Литература:

1. Бедошвили Г., „Толково-этимологический лексикон грузинских топонимов“, издательство Б.Сулакаури, Тбилиси, 2006.
2. Гамкрелидзе Т., Кикнадзе З., Шадури И., Шенгелия Н., „Теоретический курс языкознания“, ТГУ, Тбилиси, 2008.
3. Глонти А., „Основы грузинской лексикологии“ издательство „Образование“, Тбилиси, 1988.
4. Чикобава А., „ Введение в языкознание“ издательство Тбилисского университета, Тбилиси, 2008.
5. Coste, J., « Dictionnaire des noms propres ». Armand Colin, Paris . 2006.
6. Dauzat, A., « Les noms de lieux : origine et évolution », Errance , Paris, 2003.
7. Gendron, S. ,« L’origine des noms de lieux de France», Errance , Paris, 2003.
8. Le Robert, „ Dictionnaire des noms de lieux “ , Robert, Paris, 1992.
9. Massourre, J.L. ,« Origine formation variations dialectales, lexique, onomastique, regards sur la littérature“, „Broché“, France, 2005.

Nino Gurgenidze (Georgia)

THE STRUCTURAL ANALYSIS OF OIKONYMS IN THE FRENCH AND GEORGIAN LANGUAGES

Summary

Structural research of French and Georgian names of places is discussed in the preceding article on the basis of comparison of two languages. The research is carried out through the interdisciplinary aspect, that makes studies more interesting.

Keywords: oikonoms, derivation, composites, word building, nomination, affixes.

Structural research of French and Georgian names of places is discussed in the preceding article on the basis of comparison of two languages. The research is carried out on the basis of morphological analysis, which makes studies more interesting.

Nomination survey is provided on the basis of morphological analysis using word building and affixes, which makes the research process more interesting. French oikonoms are marked by word blending and Georgian nominations - by variety of derivatives.

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Единство тех целей, которые ставит перед человеком общество, воспитавшее его, существенно обуславливает цельность характера. «Систематически побуждая человека поступать определенным образом, мировоззрение, мораль как бы оседают и закрепляются в его характере в виде привычек - привычных способов нравственного поведения. Превращаясь в привычки, они становятся "второй натурой" человека. Можно в этом смысле сказать, что характер человека - это в известной мере его не всегда осознанное и теоретически оформленное мировоззрение, ставшее натурой человека» (Рубинштейн 2002:432). Каждый человек индивидуален по своему характеру, который зависит как от биологической предрасположенности, так (в большей степени) от тех условий, в которых живет и воспитывается человек, от нравственных устоев общества, моральных норм.

В переводе с греческого "характер" - это "чеканка", "примета". Действительно, характер - особые приметы, которые приобретает человек, живя в обществе. Характер - это совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, складывающаяся и проявляющаяся в деятельности и общении, обуславливая типичные для индивида способы поведения.

Следовательно, схожи и приметы, приобретаемые разными людьми – членами одного коллектива, что и предопределяет необходимость изучения такого явления, как общий для членов одного общества характер, так называемый национальный характер. Рассуждая о национальном характере, Н.А.Ерофеев спрашивает: «Почему мы уверены, что большинство американцев деловиты, а большинство итальянцев музыкальны? Разве кто-нибудь подсчитывал действительное число тех и других в общей массе населения этих стран? И почему на основании выборочных наблюдений и впечатлений мы можем испытывать к одному народу устойчивые симпатии, а к другому столь же стойкую антипатию? Причем эти чувства мы не только проносим через всю жизнь, но и завещаем их своим детям и внукам» (Тер-Минасова 2008: 50). И действительно, первое, что приходит на ум, заводя

разговор о национальном характере той или иной нации, это некий набор стереотипов, представлений, сформировавшихся в течение веков и «унаследованных» от наших предков.

Во многих работах национальный характер представлен в виде определенных комбинаций черт, присущих той или иной нации. Среди таких качеств обычно отмечается самосознание, привычки, вкусы, традиции, связанные с национальными чувствами, национальную культуру, быт, национальную гордость и национальные стереотипы в отношении к другим народностям.

Выяснилось, что у большинства людей существуют весьма устойчивые стереотипы по отношению к определенному национальному характеру, т. е. убежденность, что представители одних наций демонстрируют достаточно стойкие представления о существовании у других наций конкретных комплексов черт. Важно, что часто эти стереотипы зависят от того, как эта нация "себя ведет" в данный временной период.

По мнению Д.Б.Парыгина, “не вызывает сомнения факт существования психологических особенностей у различных социальных групп, слоев и классов общества, а также наций и народов” (Парыгин 1966: 74). Из аналогичного взгляда исходит и Н.Джандильдин, который определяет национальный характер как “совокупность специфических психологических черт, ставших в большей или меньшей степени свойственными той или иной социально-этнической общности в конкретных экономических, культурных и природных условиях ее развития”(по: Парыгин 1966: 136). С.М.Арутюнян, который также признает существование национального характера, или “психологического склада нации”, определяет его как “своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры” (Ерофеев 1982: 136).

Довольно распространенным является мнение о национальном характере, согласно которому это не совокупность специфических, своеобразных данному народу черт, но своеобразный набор универсальных общечеловеческих черт.

Приведем рассуждения о национальном характере Н.А.Ерофеева в его исследовании об Англии и англичанах глазами

русских: “На уровне бытового сознания существование у каждого народа национального характера не вызывает сомнений, является как бы аксиомой. Особенно часто эта мысль возникает во время пребывания в чужой этнической среде, даже самого краткого. Оно укрепляет убеждение в том, что люди этой общности о многих отношениях сильно отличаются от нашей: об этом свидетельствуют черты их жизни и быта, порой даже внешний облик людей, их поведение и пр. У наблюдателя невольно возникает вопрос: случайны ли эти особенности и отличия или они проистекают из одной общей и глубокой причины и коренятся в особой природе данного народа, его особом национальном характере? Может быть, поняв этот характер, мы без труда поймем все особенности данного народа? Национальный характер оказывается как бы ключом к объяснению жизни народа и даже его истории” (Ерофеев 1982: 136).

Таким образом, можно сделать вывод: большинство исследователей придерживаются точки зрения, что национальный характер – это совокупность черт характера, присущих той или иной нации. Мы считаем такое понимание национального характера достаточно узким. Мы согласны с С.М.Арутюняном, который определяет национальный характер как совокупность черт характера, традиций, привычек той или иной нации, формирующихся под влиянием культурного и исторического развития данной страны. Таким образом, мы можем провести параллель между двумя основными понятиями – между понятием национального характера и понятием стереотипа. Учитывая концепцию этих двух терминов, можно сказать, что понятия “стереотип” и “национальный характер” почти равносильны друг другу, тождественны. Единственное различие заключается в том, что в этом случае понятие “национальный характер” является родовым, а понятие “стереотип” – видовым, то есть частью национального характера.

Литература

1. Арутюнян С.М. Нация и ее психический склад. Краснодар. 1966.
2. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. Москва. 1982.
3. Парыгин Д.Б. Общественное настроение. Москва. 1966.
4. Рубинштейн С.П. Основы общей психологии. Москва. 2006.

Salome Jintcharadze (Georgia)

STEREOTYPING OF THE ETHNICAL CHARACTER

Abstract

Majority of the scientists share the concept that the national character is typical property for the nation. In the work we make parallels between two major notions “national character” and “stereotype“. Foreseeing the concepts of these two terms, we can reasonably say that, the given two concepts are equal in right. The only difference between them is that, the concept of “national character” is ancestral and the “stereotype” notion – aspectual, or is the part of the national character.

**SUR LES ORIGINES ET LA DEFINITION DES TERMES
«L'HUMOUR NOIR»
ET LA «BLAGUE»**

**« Pourquoi je ris, pourquoi je pleure, Pourquoi je vis, pourquoi je meurs, -
Voilà un S.O.S. d'un terrien en détresse... »**

(G.Marchal)

« Pourquoi apprendre à mourir ? On y réussit très bien du premier coup ».

(auteur inconnu)

Cette variété de l'humour est dénommé noir, car la couleur noire symbolise non seulement celle de la terre et des chagrins terrestres, mais de tout ce qui est de l'outre-tombe comme antipode du céleste. La couleur noire dans le symbolique européen de couleurs est celle de la mort et du chagrin, de la mélancolie et de l'énigme, une couleur du Mal, du péché et de la peine, du repentir (Cancionero 1987: 636). Selon les psychologues, cette couleur est préférée par les gens agressifs mais également, peut provoquer l'agression. On sait qu'une longue contemplation de la couleur noire peut amener à une dépression nerveuse.

Son antipode, - la couleur blanche, renfermant toute la gamme de couleurs, est au contraire, - un symbole de foi, de pureté et de liberté, bien qu'en Orient, c'est aussi la couleur de la mort et de l'éternité. A.X.Maslow, un des psychologues. entreprit des recherches dans le domaine des dimensions positives humaines, suppose qu'une des caractéristiques essentielles d'un homme ordinaire à qui on n'a rien enlevé, est le sentiment de l'humour philosophique et amical (Maslow 1954: 25), car l'homme, ne pouvant créer, veut détruire. En réfléchissant sur la diversité des violences et de l'agression, Erich Fromm croit qu'il s'agit d'une violence compensatrice comme si l'on se venge de la vie, du fait d'être mal loti et privé d'une capacité de démontrer positivement les forces créatrices propres à l'homme. Et c'est une destructivité du désespoir, parue à la suite de la déception de la foi et de l'amour, qui fait un homme cynique (Fromm 1992: 248). Par conséquent, l'humour dit "noir" suppose et justifie complètement sa symbolisation, étant une conséquence de la haine, du désespoir et de l'absence de foi. Ajoutons à

ce bouquet l'absence de liberté et d'indépendance, bref, de tout ce qui accompagne "la vie "non-vécue", selon l'expression de Fromm.

Citons à ce propos les strophes perçantes d'un poète bulgare Eline-Péline: "Il y a les roses noires, - ce sont les roses de l'éternité, puisqu'elles ne fanent jamais. Elles ont des épines piquantes et des pétales doubles. Ces roses étranges fleurissent dans les âmes humaines. Ce sont les roses noires du chagrin" (Eline-Péline 1962: t.2).

L'humour noir est une sorte de jeu avec un espace hors-éthique. Ce jeu consiste en dérogation de l'éthique du comique dans des buts esthétiques; ceci crée "un sous-genre particulier – l'humour noir" (Braguina 2007: 623).

Un point de départ logique est la définition des synonymes de « blague » de l'humour noir. Le Grand Robert donne la définition suivante des histoires drôles ou les historiettes: « Récit d'une petite aventure, d'événements de peu d'importance ». Ce terme provient du radical latin «historia » et apparaît en 1651. Les mots synonymiques sont : anecdote, conte, nouvelle. En général les historiettes ont un caractère amusant et comique. Dans l'article « Histoire » de la même édition nous trouvons : « **Historiette**. Bonne histoire, elliptique et familière « une bien bonne histoire ». On y cite histoires marseillaises, de commis-voyageurs, de chasse, de pêche (Le Grand Robert, 2001).

Le terme synonymique «**blague** » est d'origine néerlandaise « blagen » : se gonfler. Ce mot apparaît beaucoup plus tard que le terme « historiette », - au début du XVIII siècle, et signifiait d'abord un petit sac de poche dans lequel les fumeurs mettent leur tabac. Le synonyme de son sens premier est «tabatière». Mais à la suite du développement sémantique, ce mot signifie une histoire imaginée à laquelle on essaie de faire croire. Le champ sémantique des composants de ce terme s'élargit. Ce sont déjà « mensonge, plaisanterie ; bobard, galéjade, hâblerie ». Les autres expressions et groupements de mots apparaissent avec ce terme emprunté au néerlandais : « raconter des blagues », « prendre tout à la blague »: ne rien prendre au sérieux, ainsi que l'interjection « Sans blague ! » qui marque l'ironie, le doute et l'étonnement (idem).

Selon J. Holt, « *ce qui distingue la blague d'une simple histoire drôle, c'est qu'elle se doit être brève. Comme l'a observé Freud, elle dit ce qu'elle doit dire pas toujours en peu de mots, mais toujours en trop peu de mots. Il existe bien entendu une forme de blague plus longue connue sous le nom d' « histoire sans queue ni tête» dans lesquelles digressions et circonvolutions mènent à une conclusion laborieusement re-*

tardée » (Holt 2009 : 18).

Le terme synonymique « **anecdote** », à la différence de la blague et de l'historiette, est lexicalisé à partir de 1751 en qualité d'un titre de recueil. Il est de provenance grecque « *anekdota* », « choses inédites », titre d'un ouvrage de Procope. En littérature « anecdote » veut dire « particularité historique, petit fait curieux dont le récit peut éclairer le dessous des choses, la psychologie des hommes » (Grand Robert 2001, idem).

Il existe aussi un terme synonymique « **une histoire drôle** » où le mot « drôle » est synonyme des termes : « amusant », « comique », « plaisant », « risible »: Une histoire drôle. Un mot drôle : plaisanterie, trait (d'esprit) (idem).

« **Plaisanterie** » est de l'apparition plus récente (1538), de « plaisant » elle est synonymique de « blague ». Des plaisanteries sont plutôt fines, légères et piquantes. Il se diffèrent des plaisanteries lourdes, de mauvais goût et grossières, « de corps de garde ». Il y en a celles qui tournent mal et celles qui sont cruelles, macabres. Il existe aussi un terme « plaisantin » (1530), repris au milieu du XIX-e siècle qui peut orienter dans les recherches d'un portrait collectif des auteurs des plaisanteries y compris de mauvais goût. C'est une personne qui fait des plaisanteries d'un goût douteux, qui sont méchantes. C'est aussi une personne cynique qui ne prend rien au sérieux (idem).

Le dictionnaire des synonymes indique comme synonymiques les termes « historiette », « anecdote » (Bénac 2000). Nous nous bornons ici par les termes synonymiques « blagues », « historiettes » ou « histoires drôles ».

« La pointe est le moment le plus important d'une histoire drôle – c'est l'essence même de la blague (par ailleurs, il y a là toute une tradition de réflexion rhétorique).

L'humour noir se distingue, avant tout par la nature de la pointe – c'est l'effet de surprise qui compte . Il existe deux termes synonymiques qui désignent le moment culminant de l'historiette: “**la pointe**” et “**le sel**”. Le premier terme est interprété depuis 1798 comme “allusion ironique, parole blessante”, synonymes de “moquerie” et “raillerie”. Une autre signification de ce mot est “le moment où une activité, un phénomène atteint un maximum d'intensité (Le Grand Robert 2001).

Le mot “sel” au sens figuré veut dire “ce qui donne du piquant, de l'intérêt”; “ce qui donne un intérêt vif et piquant aux discours, aux ouvrages de l'esprit. Les anciens appelaient “sel”, par métaphore, les traits d'esprit” (France) (idem), - “cum grano salis” (lat.). Illustrons cette idée

par une historiette où figure un des « agresseurs » des historiettes françaises: une jeune mariée:

«Trois semaines après le jour de ses nocés, Brigitte téléphone au prêtre qui l'a mariée.- Mon père, gémit-elle, Bernard et moi avons eu une scène de ménage épouvantable! – Calmez-vous, mon enfant, lui répond le curé, ce n'est pas si grave que vous le pensez. Chaque mariage doit avoir sa première dispute! – Je sais, je sais, lui répond la mariée.- Mais qu'est-ce que je dois faire du CORPS ? »

Cette historiette, comme tout thriller, commence par une scène se-reine. La jeune mariée téléphone à leur prêtre. Ensuite, on apprend qu'une scène de ménage a éclaté avec son mari, et que le curé, ne la croyant pas grave, répond des banalités: «Chaque mariage doit avoir sa première dispute ! » Mais l'épouvantable vérité se découvre avec le dernier mot de la mariée lorsqu'elle lui fait comprendre qu'elle ne sait pas que faire du « corps ».

Ce qui est propre à toutes les blagues – c'est qu'elles font rire ou sourire les adressés, en remplissant une fonction « protectrice » des terreurs de la vie quotidienne. La pointe ou le sel des blagues françaises sont rapportés d'habitude vers la fin de l'historiette, et le final paradoxal corrèle avec la vie même: à la fin des efforts et des sacrifices est mise une pointe brusque, ridicule et absurde à la fois: tant d'efforts sont couronnés de rien, d'un néant, et ceci représente un paradoxe évidemment amer et risible du sujet varié dénommé "la vie".

Bibliographie:

1. Bénac H., *Le dictionnaire des synonymes*, Paris, Hachette, 2000.
2. Braguina N.G. *Le comique et le laid. // Analyse logique de la langue, Mécanismes du comique*, Moscou, Indrik, 2007.
3. *Cancionero popular español*, Moscou, Radouga, 1979 .
4. Eline-Péline, *Les roses noires*, Sophia, 1962, enc – dic.com/enc – modern/Elin-Pelin 1987.html (en russe).
5. *Le Grand Robert*, Dictionnaire de la langue française, Par Paul Robert, II édition, V. III, Paris, 2001.
6. Holt Jim, *Petite philosophie des blagues et d'autres facéties*, Paris, 10/18, 2009.

(traduit de l'anglais (USA) par François Laurent, (titre original : *Stop me if you heard this*).

7. Maslow A.X., *La motivation et l'individu*, Moscou, 1954.

Лейла Диасамидзе (Грузия)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕРМИНОВ «ЧЕРНЫЙ ЮМОР» И «АНЕКДОТ»

Резюме

Статья посвящена истории возникновения и развития такого понятия, как «черный юмор». Дается также определение короткой юмористической истории, - анекдота, передающих, в частности, тональность черного юмора. Приводятся синонимичные термины и рассматривается понятие «пуанты» и синонимичного ему во французском языке понятия «соли» занимательной истории. Работа актуальна в силу малой разработанности материала во французском языке.

LE ROLE DES PROVERBES ET LEUR SIGNIFICATION

Mon objectif est d'étudier et comparer les caractéristiques ethno-culturelles et les mentalités en Géorgie et en France à travers la parémiologie.

Les linguistes mentionnent les proverbes comme un trésor, une richesse culturelle. Parmi les œuvres folkloriques, les proverbes sont les plus laconiques, ils expriment la sagesse du peuple. Ils reflètent la vie des gens en décrivant ce qui les a particulièrement touchés dans ce qu'ils ont vécu : la joie ou la tristesse, le désespoir, l'inspiration, l'espoir, le manque de ressources matérielles. Le tout dans une phrase concise et elliptique.

L'étude des proverbes nous renseignent sur la vision du monde d'un peuple, sa mentalité, ses traditions, en évoquant des sujets tels que l'amour, l'amitié, la famille, l'hospitalité.

Les statistiques nous montrent que de nos jours métaphores et proverbes sont toujours autant usités. Cela est prouvé par leur utilisation extensive dans les communications orales ou écrites, notamment dans les discours des politiciens. Par conséquent, aujourd'hui, quand on s'intéresse à comparer des proverbes, la parémiologie soulève la question de la fonction des proverbes dans la culture traditionnelle et moderne.

Les scientifiques déclarent que le plus important est la comparaison de cultures différentes, pour rassembler des proverbes "internationaux", c'est-à-dire des proverbes similaires mais dans des langues différentes, afin de déterminer leurs diverses fonctions dans les différentes cultures. Comme estime M. Mider, la parémiologie théorique et empirique va sans doute conduire l'homme à des comportements humains et la communication à de nouvelles formes. Les parémiologies peuvent apporter leur contribution à l'ordre du monde humain, qui est basé sur l'expérience et la sagesse éprouvée.

D'autre part, la comparaison les proverbes français et géorgiens du point de vue de leur traduction est assez difficile. Comme le traducteur de poésie, le traducteur de proverbes affronte un problème ardu : il doit donner une traduction fidèle, aussi bien dans le fond que dans la forme.

Comment trouver des équivalents à ces courtes phrases d'une grande concision où chaque mot à un sens très précis et une vaste portée métaphorique ?

Comment préserver ces effets euphoniques alors qu'ils reposent sur des procédés formels (rimes, allitérations, assonances) dont la traduction entraîne, sauf rares coïncidences, une déperdition totale du sens premier ? Et que dire des nombreux jeux de mots ? Seules certaines figures, telle le chiasme sont transposables

Prenons quelques exemples des phraséologies:

« Entre la poire et le fromage » – Au XVIIe siècle, le fromage se mangeait après les fruits, dont les poires et les pommes étaient des exemples types. A l'origine, l'expression signifiait donc "vers la fin du repas", à un moment où l'on commence à être repu et détendu, instant plus convivial et propice aux discussions. Puis elle s'est généralisée pour indiquer "à un moment libre entre deux événements", la poire et le fromage n'étant plus que des marques temporelles.

« Poser un lapin » - signifie de nos jours ne pas aller à un rendez-vous, sans prévenir la personne qui nous attend. Cependant, le sens était autrefois différent. En 1880 par exemple, cela voulait dire "ne pas rétribuer les faveurs d'une jeune fille". En effet à cette époque, le "lapin" désignait un refus de paiement. Par la suite, il a également désigné un voyageur clandestin. L'expression, sous sa forme actuelle, serait apparue vers 1890 chez les étudiants, et pourrait provenir de "laisser poser", qui signifie "faire attendre quelqu'un".

« Travailler pour le roi de Prusse » - Apparue officiellement dans les textes vers la moitié du XIXe siècle, voilà encore une expression dont l'origine est incertaine. Les suppositions vont bon train et au moins trois explications circulent, selon les auteurs d'ouvrages sur les expressions. La première serait liée au fait que les soldes payées aux mercenaires du royaume de Prusse au début du XVIIIe siècle étaient dérisoires. Une deuxième dit que l'expression viendrait d'une chanson de 1757 qui se moquait de la défaite du Prince de Soubise à Rossbach et contenant la phrase : "il a travaillé pour le roi... de Prusse". La troisième suppose qu'elle viendrait du roi Frédéric Guillaume 1er (père de Frédéric II, vainqueur de Rossbach) qui était d'une cruauté et d'une avarice sans limites et qui ne devait donc pas ou très peu payer les gens qui travaillaient pour lui.

«Faire des châteaux en Espagne» - Cette expression qui apparaît déjà au XIIIe siècle, dans le 'Roman de la rose', s'emploie en général avec le verbe construire ou bâtir. Etienne Pasquier, au XVIIe siècle explique que vouloir chercher des châteaux en Espagne était quelque chose de vain, car il n'y en avait pas, dans le seul but d'empêcher que les Maures, lors de leurs incursions, n'en trouvent et n'en profitent pour s'installer à demeure. Mais d'anciennes variantes de l'expression parlant de châteaux en Brie, de châteaux en Asie ou même au Caire, laissent supposer que les châteaux en question, où qu'ils soient situés, désignaient simplement des endroits inaccessibles à la fois par leurs défenses et par leur éloignement. Vouloir entrer dans un de ces lieux inaccessibles, c'était bien se lancer dans des projets irréalisables. Il ne reste plus qu'à trouver pourquoi ce sont ceux d'Espagne, qui sont restés dans l'usage de l'expression.

Les proverbes Géorgiens :

1. „ამირან გულში მღეროდა - ყმანო ბანი მითხარიო“. (Amiran goulchi mgeroda – khmano bani mithkharitho) on emploie le prénom « Amirani », le prénom de mythologie. signification : l'homme qui pense pour soi.

2. „არ მინდამ ცხრა ხინკალი შესჭამაო“ - (Ar mindam tskhra khinkhali chechamao) - “Khinkhali” est une plate traditionnelle géorgienne. Signification: qui refuse quelque chose , mais finalement qui est d'accord.

3. „ჭინჭრაქა გულაღმა დაწვა: ცა რომ ჩამოინგრეს, ფეხებით დავიჭერო“ - (Chinchrakha goulagma datsva tsa arom chamoingres fekhebit davichero) –“Chinchrakha” est un héros du conte géorgien. Signification: homme qui essaie tout réussir et tout faire.

4. „ჩაილულის წყალი დალიაო“ – (Chailoulis tskali daliao) “Chailouli” est une rivière en Géorgie, autrefois quand on volait les enfants, on attrapait les voleurs jusqu' au la rivière Chailouli. Signification : On ne peut pas rien faire.

Il est possible de conclure que la différence des parémies dépend de la mentalité de l'ethnie, mais aussi de la structure des langues comparées car le géorgien est une langue syntétique et le français - une langue analytique. Pourtant il est important de prévoir l'analogie de la plupart des concepts dans les deux langues étudiées.

La comparaison des parémies franco-géorgiennes, contenant des zonymes et des phytonymes caractérisant l'homme donnent à penser que notre constat initial sur l'originalité ethnique de la langue en parémi-

ologie franco-géorgienne des ethnies est confirmé par les matériaux étudiés.

La parémiologie de n'importe quelle langue représente un héritage précieux. Les associations fixées dans les zoonymes et phytonymes parémiques sont formées à partir des associations sociales, créées dans toute la collectivité langagière et elles sont compréhensibles pour n'importe quel peuple. Il est possible de découvrir les marqueurs ethniques qui expriment le mieux possible le caractère du peuple, son ethno-psychologie car chaque langue possède ses traits particuliers autant qu'une image et c'est la base qui permet de déterminer l'équivalent neutre et d'expliquer son sens. Il est possible de dire que les proverbes sont le moyen permettant d'établir un dialogue interculturel où est transmise toute la sagesse humaine.

Bibliographie:

1. Gvardjaladze... 1981: Gvarjaladze i., Miqueladze k., Franguli andazebi da xatovani tqmani, Tbilisi, 1981.
2. Тер-Минасова С.Г. «Война и мир языков и культур» СЛОВО/SLOVO; ISBN 978-5-387-00076-8; 2008 г.
3. Dictionnaire Hachette encyclopédique illustre. Emmanuel Fouquet. Hachette Livre, Paris., 2000.
4. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes par Maurice Maloux, Paris., 1960.
5. Blason populaire de la Normandie, Brionne., 1971.
6. Natalia Sourgouladze ; 2012 Article; Edition Université d'Etat Chotata Roustaveli de Batoumi.

Тамар Мачутадзе (Грузия)

РОЛЬ ПОСЛОВИЦ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Резюме

В статье анализируется роль и значение французских пословиц, которые являются привычными в грузинском устном и письменном дискурсе, в частности, в речах политиков. Особый интерес вызывают этнические маркеры, которые лучше всего выражают характер народа, потому что каждый язык создает свою языковую картину мира. Можно утверждать, что пословицы являются активным средством создания межкультурного диалога.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ГРУЗИИ

Начало двадцать первого века – период сложных общественно-политических процессов и природных катаклизмов. Джон Лайонс считает, что «в определенные периоды языки изменяются более ускоренным темпом, нежели в другие периоды» (Лайонс 1981:183). Именно такими периодами были мировые войны, социальные революции и другие потрясения в жизни мирового сообщества, именно таким периодом стал рубеж века двадцатого с веком двадцать первым – период разрушения советской империи, образования Евросоюза и пр.

Изменение социальной структуры общества сопровождалось изменением языковой иерархии, что вызвало активизацию социолингвистических исследований, ибо, по мнению Давида Кристала, социолингвистика – это та отрасль лингвистики, которая «изучает изучает способы интеграции языка в человеческом обществе» (Кристал 1992:367). Многочисленные социолингвистические исследования убедительно свидетельствуют о том, что в настоящее время в Европе стремительно меняется языковая ситуация, что обусловлено целым рядом экономических и политических факторов.

Понятие языковой ситуации, по мнению А.Д.Швейцера, является одним из ключевых понятий социолингвистики, она определяется как совокупность форм существования языка (языков, региональных койне, территориальных и социальных диалектов), обслуживающих континуум общения в определенной этнической общности или административно-территориальном объединении (Швейцер 2007:34). Ученый выделяет две группы языковых ситуаций: экзогlossные - совокупности различных языков, и эндогlossные - совокупности подсистем одного языка. Экзогlossные и эндогlossные ситуации подразделяются на сбалансированные, если их компоненты функционально равнозначны, и несбалансированные, если их компоненты распределены по различным сферам общения и социальным группам (Швейцер 2007:25).

Компоненты социально-коммуникативной системы, обслуживающей то или иное языковое сообщество, находятся друг с другом в

определенных отношениях. На каждом этапе существования языкового сообщества эти отношения более или менее стабильны. Вместе с тем изменение политической обстановки в стране, смена государственного строя, экономические преобразования, новые ориентиры в социальной и национальной политике и другие факторы могут так или иначе влиять на состояние социально-коммуникативной системы, на ее состав и на функции ее компонентов – кодов и субкодов. Функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества формируют языковую ситуацию, характерную для этого сообщества.

В основе глобализации лежит, прежде всего, англо-американская модель общества, его экономики, политики и культуры. Такая модель общества и культуры тесно связана с английским языком, который претендует на роль первого в истории человечества всемирного языка. И в Великобритании, и в США всегда господствовала концепция единого языка для всей страны. В Великобритании языки меньшинств до второй половины XX в. не признавались и жестко вытеснялись. В США до недавнего времени отсутствовали специальные юридические меры по обеспечению господствующей роли английского языка. Но их эффективно заменяла идеология “плавильного котла” (melting pot), согласно которой человек любого происхождения может стать американцем при условии овладения общей для всех культурой, включая английский язык. И сейчас, когда в США очень распространена политика защиты всяких меньшинств, такое меньшинство, как люди, не владеющие английским языком, не пользуется никакой поддержкой.

В эпоху глобализации такая политика постепенно начинает становиться мировой. Английский язык в ходе глобализации распространяется, прежде всего, как всеобщий второй язык. Всё более мы сталкиваемся с ситуацией, когда современные информационные технологии базируются целиком на материале английского языка, на международных научных конференциях все доклады читаются и публикуются по-английски, а международные переговоры ведутся не через переводчика, а на английском языке с обеих сторон. В то же время международная роль таких языков, как русский, немецкий, в меньшей степени французский, падает. Безусловно, приобретение английским языком этой роли нельзя рассматривать однозначно. Положительная сторона данного процесса очевидна: всеобщее

владение английским языком обеспечивает естественную человеческую потребность взаимопонимания “в мировом масштабе”; то, о чём давно мечтали, начинает осуществляться. Однако распространение “второго родного языка” нарушает другую естественную человеческую потребность – потребность идентичности, то есть стремление во всех ситуациях пользоваться своим родным языком, освоенным в раннем детстве. Людям принудительно приходится учить чужой язык, а не все люди равно способны к сознательному изучению языков (причем эта способность мало коррелирует с другими человеческими способностями). А навязывание английского языка добавляет еще два аспекта проблемы, которых не было в случае таких международных языков, как латынь или эсперанто. Во-первых, английский язык – материнский язык для многих людей, которые оказываются при глобализации в более выгодном положении: им дополнительно не надо учить какой-либо язык (недаром из развитых стран мира в США меньше всего интересуются иностранными языками). Во-вторых, английский язык не может не ассоциироваться с политикой США и навязываемой этим государством системой ценностей, что вызывает у миллионов людей чувство недовольства.

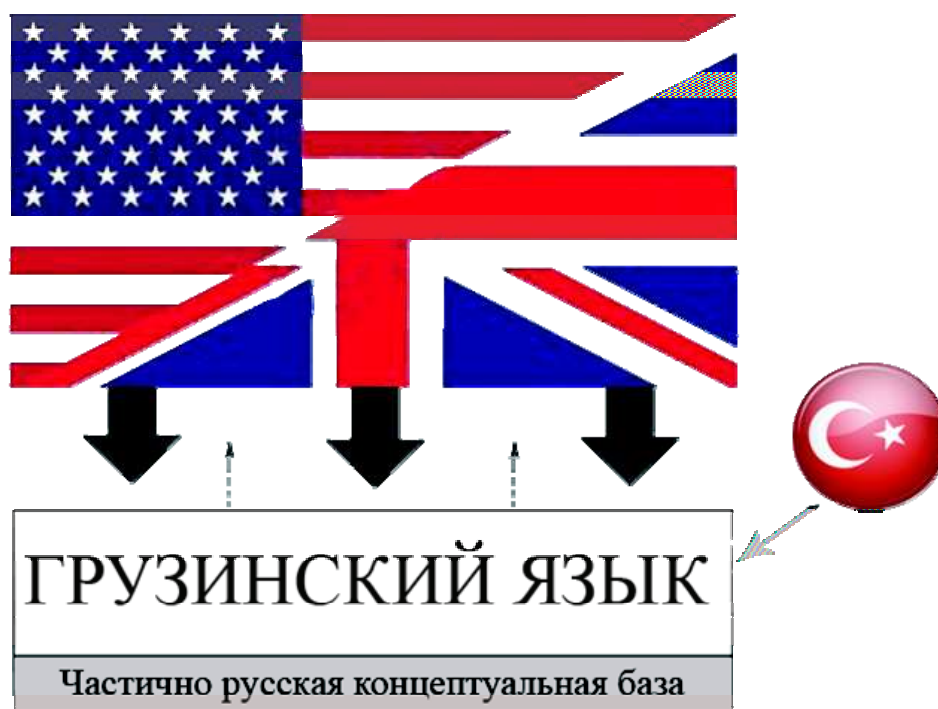
Проблема языковых контактов является одной из центральных в современном языкознании. В настоящее время наблюдается усиленный интерес к исследованию роли английского языка в современной Европе, так как главенствующая позиция этого языка уже не вызывает сомнений. Но необходимо отметить, что в процессе функционирования английского языка можно выделить как универсальные, или, по крайней мере, макроуниверсальные закономерности, так и национально-культурную специфику, обусловленную спецификой каждой конкретной страны.

Помимо этого, функционирование английского языка в странах, чей национальный язык также обладает статусом международного языка, отличается от роли английского языка в ином языковом окружении. Так, например, возрастание роли английского языка в России, Германии, Франции можно выделить в подтип «первый международный язык – второй международный язык», тогда как роль английского языка в Турции, Греции, Венгрии относится к типу «международный язык – национальный язык». В первой группе английский язык в качестве языка международного общения, не охватывает весь внешний рынок, часть которого обслуживалась и

продолжает обслуживаться (но в меньшей степени) государственным национальным языком, имеющим также статус международного.

В современной Грузии языковая ситуация принципиально иная. Прежде всего – иное соотношение языка международного и государственного, это соотношение второго подтипа («международный язык – национальный язык»), в условиях которого национальный (в данном случае – грузинский) язык обслуживал и обслуживает только внутреннюю сферу. Внешние контакты полностью представлены международными языками. Раньше господствующим языком в сфере международного общения был русский язык, а в меньшей мере – английский, немецкий и другие международные языки. В настоящее время в силу изменения общественно-политической ситуации произошло не просто усиление роли английского языка, а вытеснение одного международного языка (русского) другим (английским).

В Абхазии же языковая ситуация еще более осложнена особенностями развития региона, в силу которых, помимо изучения традиционных европейских языков (английского, немецкого, французского) культурно-экономические и политические контакты с соседним государством (Турцией) активизировало изучение турецкого языка.

История человечества изобилует разными типами языковых ситуаций: национальные государства с одним государственным языком, многонациональные государства с двумя государственными языками. В Советском Союзе даже существовал термин – «второй родной язык». Но интенсивные общественно-политические изменения (миграция населения, межнациональные конфликты и пр.) «перекроили» языковую карту Европы, изменили языковую ситуацию во многих странах, в том числе и в современной Грузии. На смену билингвизму приходит поликультуризм, который требует серьезных исследований на когнитивном уровне, в области коммуникативной лингвистики, психолингвистики, этнолингвистики.

Изменение языковой ситуации в масштабе всей страны не могло не найти отклика в научной сфере. Рубеж двадцатого и двадцать первого веков ознаменовался усиленным интересом грузинских лингвистов к проблемам социолингвистического характера. Достаточно вспомнить труды таких известных ученых как Т.Гамкрелидзе, З.Кикнадзе, И.Шадури, Н.Шенгелая, Г.Лебанидзе, Н.Ладария, М.Гвенцадзе, Д.Гоциридзе, С.Омиадзе, К.Габуня, Л.Эзугбая, и др.

В своем фундаментальном труде «Курс теоретического языкознания» (Тбилиси, 2008) академик Тамаз Гамкрелидзе рассматривает все направления современного языкознания, которые представлены креолизованными дисциплинами (Гамкрелидзе 2008:399). В седьмой главе, которая так и названа – Новые отрасли языкознания – Т.Гамкрелидзе анализирует специфику психолингвистики, когнитологии, лингвистики текста и социолингвистики, определяя последнюю как науку, которая «изучает взаимоотношения языка и общества», причем и «общество, и язык представлены как определенные структуры, а цель социолингвистики – исследовать взаимонаправленность языковой системы и социальных структур» (Гамкрелидзе 2008:449).

Особое внимание Т.Гамкрелидзе уделяет понятию языкового планирования, в котором заинтересованы лингвисты, работники сферы просвещения, политики и члены администрации, которые осуществляют официальную языковую политику. Он подчеркивает важность языкового планирования в многонациональном государстве и необходимость выработки гибкой языковой политики, которую осуществляет правительство для урегулирования языковой ситуации (Гамкрелидзе 2008:457).

Автор учебника «Социолингвистика» (Тбилиси, 2002) Нодар Ладария уделяет большое внимание проблемам языковых контактов и мультикультуризма, он исследует причины возможных языковых конфликтов и дает определение контактной лингвистики (Ладария 2002:102). Зародилась контактная лингвистика в пятидесятые годы прошлого столетия, объектом ее изучения являются языковые контакты и социальные факторы, которые могут спровоцировать языковые конфликты (Ладария 2002:101).

Давид Гоциридзе в своей монографии «Принципы типологической интерпретации фразовых текстов», анализирует социолингвистические проблемы в свете достижений лингвистики текста, в частности, рассматривает функционирование совершенно особой разновидности фразовых текстов (Гоциридзе 1988:78). Социолингвистическая проблематика отражена и в трудах грузинских авторов коммуникативной грамматики – М.А.Гвенцадзе, Г.Лебанидзе.

Гурам Лебанидзе, изучая коммуникативную лингвистику в одноименной монографии (Тбилиси), также акцентирует внимание на проблемах социолингвистического характера, в частности, его интересует явления билингвизма и мультикультуризма; автор исследует проблему взаимоотношений языка, культуры и социума (Лебанидзе 2004:35).

С.Омиадзе анализирует лингвокультурологическую парадигму современной Грузии и подчеркивает необходимость тесной взаимосвязи между изучаемым иностранным языком и культурой, ибо сформированные на базе национальной культуры концепты могут не совпадать усваиваемой вместе с иностранным языком концептуальной базой (Омиадзе 20010:126).

Изменение социальной структуры общества приводит к изменениям личности языковой, лишает ее привычного средства самореализации и самопонимания. В рамках антропоцентрической парадигмы центральными языковедческими проблемами стали «человек в языке и язык в человеке», осмысление феномена *homo loquens* – «человека говорящего». В современных условиях всеобщей глобализации и интеграции (сегодня в Европейском Союзе двадцать три официальных языка) студенты и молодые специалисты все чаще оказываются в инокультурной среде, когда владение несколькими иностранными языками становится необходимым условием их конкурентноспособности. Языковая, а

точнее, коммуникативная компетентность (помимо компетентности профессиональной) - одно из главнейших условий успешного трудоустройства и карьеры. Современные грузинские школьники и студенты получают образование в условиях настоящего «лингвистического бума»: резко увеличилось количество иностранных языков, привычное «трио» (английский, немецкий, французский) обогатилось турецким, испанским и др. языками.

М.Арошидзе считает, что «языковая карта» современной Грузии и «лингвистические иерархии» нуждаются в пристальном изучении, связанном с теоретическим исследованием таких вопросов, как языковое планирование, языковая политика. Ведь ошибки, допускаемые в социо-коммуникативном отношении могут быть катастрофическими как для политического диалога, так и для экономического сотрудничества. Сам термин «диалог» весьма условен, ибо современное сотрудничество скорее представляет собой «полилог». Поэтому надо стремиться к новому, не теряя старого. Приоритетное изучение английского языка должно сочетаться с сохранением русской коммуникативной компетенции, ибо русский язык не только один из распространенных международных языков, но и важнейший язык межкультурного общения на огромной территории постсоветского пространства.

В настоящее время Грузия переживает сложный в языковом отношении период, когда повсеместно взят курс на интенсивное изучение английского языка, но мультилингвизм еще не перерос в мультикультуризм. Русские культурно-исторические реалии и советизмы уже агнонимичны для подрастающего поколения, а реалии англо-американской культуры еще далеко не привычны (Арошидзе 2011:43).

Анализируя языковую политику в современной Грузии, необходимо отметить, что в соответствии с выбранным курсом делается очень многое, чтобы облегчить процесс изучения английского языка: идет широкомасштабная подготовка и переподготовка учителей английского языка для грузинских школ, выпускается специальная методическая литература, для преподавания английского языка в грузинских школах (в первую очередь в деревенских школах) привлечены волонтеры - носители английского языка. Обучение иностранным языкам приведено в соответствие с принятыми в Европе языковыми уровнями (А-В-С).

На уровне высшей школы обучение иностранному языку как средству общения между специалистами разных стран в настоящее время не является чисто прикладной и узкоспециальной задачей. Вузовский специалист - это широко образованный человек, имеющий фундаментальную подготовку. Соответственно, иностранный язык специалиста такого рода — и орудие производства, и средство повышения образования, и часть культуры. Все это предполагает фундаментальную и разностороннюю подготовку по языку.

Языковая политика ООН в Европе акцентирует внимание на необходимости изучения нескольких иностранных языков и базируется на их уровневом изучении. Уже неоднократно отмечалось, что помимо английского необходимо популяризировать и другие европейские языки, что любой опыт по усвоению иностранных языков – бесценен. В свете всего вышесказанного становится очевидной необходимость продуманной языковой политики и интенсивных исследований процесса социализации мультикультурных языковых личностей в современной Грузии.

Использованная литература:

Арошидзе 2011: Арошидзе М.В. Языковая ситуация и языковая политика в условиях глобализации // Межкультурные коммуникации. №15, Тбилиси.

Гамкрелидзе 2008: Гамкрелидзе Т., Кикнадзе З., Шадури И., Шенгелая Н. Курс теоретического языкознания (на груз.яз.). Тбилиси.

Гоциридзе 1988: Гоциридзе Д.З. Принципы типологической интерпретации фразовых текстов. Тбилиси.

Кристал 1985: Crystal D.A. Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford.

Ладария 2002: Ладария Н. Социоллингвистика (на груз.яз.). Тбилиси.

Лайонс 1981: John Lyons Language and Linguistics. Cambridge University Press.

Лебанидзе 2004: Лебанидзе Г. Коммуникативная лингвистика (на груз.яз.). Тб.

Омиадзе 2008: Омиадзе С.. Грузинская лингвокультурологическая парадигма (на груз. яз.). Тбилиси.

Kristina Mkhitryan (Georgia)

SOCIOLINGUISTIC RESEARCH OF THE LANGUAGE SITUATION IN MODERN GEORGIA

Abstract

The problem of linguistic interactions is one of the most significant ones in the modern linguistics. These days the interest towards the investigation of the role the English language plays in Modern Europe is increasing. It's apparent that the intense attention English is paid to nowadays is caused by the leading position it holds in the world. The beginning of the 21st century is a period of complex socio-political processes and natural cataclysms which have changed the linguistic situation in many countries, including Georgia.

This article presents: an overview of Georgian scientific literature of sociolinguistic character, the analysis of the specificity of linguistic personality formation in Georgia and the investigation of the peculiarities of linguistic situation in Adjara.

Cecilia Odé (University of Amsterdam)

E-LEARNING MODULE “ENDANGERED LANGUAGES”

In the framework of the NWO (Netherlands Organisation for Scientific Research) Research Programme on Endangered Languages, I have developed an interactive e-learning module on language endangerment together with Gotze Kalsbeek (didactics) and Olav Odé (design). The module is free of charge available on the internet (www.endangeredlanguages.nl) in Brazilian Portuguese, Dutch, English, Russian and Spanish. Though originally developed for students in secondary schools (15-18 years of age), the module can also be used by language students or by anyone interested in vanishing languages and cultures.

opening slide of the e-learning module

In the module students learn among others about the diversity of the world's languages, the relationship between language and culture, why languages disappear, how serious that is, whether we can preserve languages.

As it is nearly impossible to discuss within two or three hours all five continents each with its specific problems as regards language en-

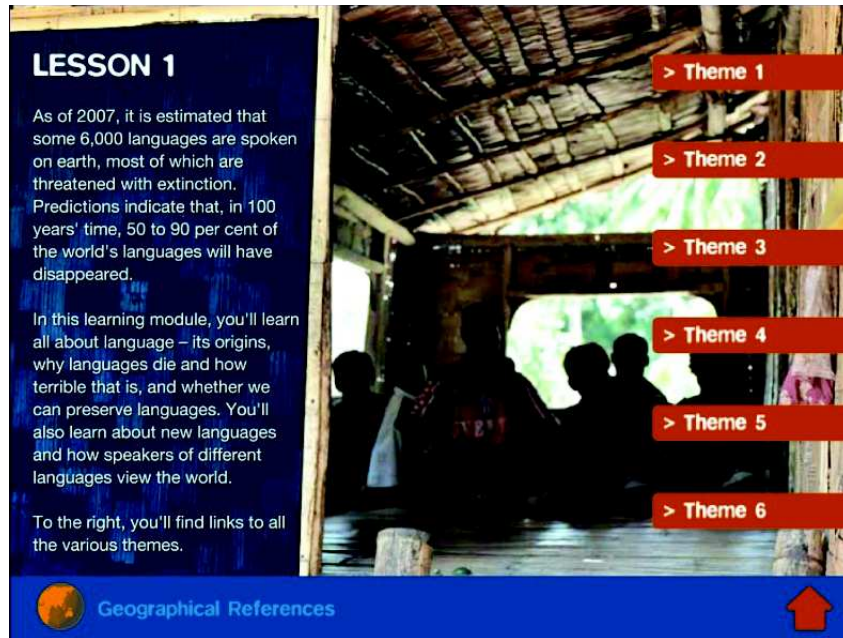
dangerment, the topics are mainly exemplified by two ethnic groups and their languages: the Tundra Yukagir people from North-Eastern Siberia and the Mpur people from Papua, East Indonesia. The second lesson zooms in on the two regions where these two peoples live. The choice for Tundra Yukagir and Mpur is far from arbitrary. Since many years the author has studied their languages and cultures. She has lived with both groups and has a rich collection of audiovisual materials which could be used without copyright problems. Also, the author was able to edit the movies in the awareness that she did not violate the original context from which the fragments were selected. The two peoples were considered to be representative enough to serve as good examples of endangered languages and cultures and, on the other hand, they were sufficiently different to be attractive for students and to provide questions in the worksheets.

The general message in the module is: enjoy diversity. Instead of a “sad doom-and-gloom story”, the emphasis is on issues like language revitalization, the pride of a people for its own language, culture and traditions, the importance of self-esteem and own identity. Without having to worry about yet another problem, students are invited and stimulated to enjoy the wide variety of other peoples’ languages and cultures.

The module consists of two lessons with instructions for teachers and students and with worksheets. Answers to the questions in the worksheets can be found by studying the slides and the short animations. After an introduction, each theme is further subdivided into short textslides and animations with many more details, including maps, sound examples and games. The short textslides discuss a set of items which can be studied in more depth by clicking on “next” at the bottom of each slide, after which a new slide appears with short movies or a slide show. By clicking on an arrow the user can go back to the previous slide or to the opening page of the first lesson. In general, movies and photographs speak for themselves. Where it was considered necessary, animations have been annotated. Some attention is also paid to sign languages.

The first lesson presents six themes:

- about language
- how many languages do you speak?
- languages of the world
- the origins of language
- endangered languages
- language loss, maintenance and revitalization

opening slide of the first lesson

For example, the first theme “about language” discusses the following:

About Language

- Language affects everyone in our society, both consciously and unconsciously.

- We look at ourselves and at others in language. We express who we are, where we come from and what we think of ourselves, and of others, in language.

- We look at our own society and at other societies in language. We use language to share our thoughts with other people.

- We think in language and use it day and night, whether we’re at home speaking our native language or speaking a foreign language in a different environment – for instance when talking to our foreign neighbours, while on holiday or when working in another country.

Getting a message across

- Language isn’t just a collection of words made up of sounds which we use to construct sentences following rules specific to a certain language. Nor is it simply about conveying or understanding a message.

Language and Culture

- Language is very closely connected to the culture of a particular people and to religion, the visual arts, literature and music. It’s about the way the speakers of a certain language see the world; their knowledge of

the world; their skills and traditions; and their birth, marriage and death rituals. Language connects the members of a society and differentiates one society from another.

- People express emotions, human relationships and social relationships, and even tell jokes and make puns, differently in every language. This applies to sign language as well.

- Every language is an incredibly complex system of forms and meanings. There are no 'easy' or 'difficult' languages – no 'primitive' or 'developed' languages. If the grammar of a certain language is relatively easy, the sentence structure and word order will turn out to be highly complex.

- In some languages, the speaker's perspective is important when expressing notions of time and place; in others, importance is placed on whether certain objects are visible to the speaker, or whether the speaker witnessed the event he or she is describing.

- The complexity of a language also varies in terms of form. For example, phonetic systems can be relatively simple or very complicated like the clicks heard in some African languages. Languages like Mandarin Chinese and Mpur use four distinct tones to distinguish between word meanings. Take the Mpur word *jan*, for instance. It means 'house' when spoken in a high tone, 'chicken run' in a mid-ascending tone, 'not' in a mid-descending tone and 'thirst' in a low tone. So the phrase 'no house' is pronounced *jan jan* using two different tones. The tones in Mandarin Chinese sound completely different.

- In a particular language, an idea might be expressed in a single word. But in another, it can take ten words to describe the same idea. In languages like Dutch and English, verb forms indicate the time at which an action occurs. But Indonesian expresses this using markers like 'already', 'still', 'not yet' and 'no longer'.

External influences

- External influences can bring about changes in a society's language and cultures without the members of that society abandoning their own traditions.

- As a result of political, economic and cultural developments and innovation, increased globalization and a growing mass media, some languages grow while others are suppressed or abandoned by their speakers.

Language death

- Some predictions indicate that, by the end of the 21st century, 50 to 90 per cent of the world's 6,000 or more languages will have disappeared. In the worst case, only 600 languages will remain by the dawn of the 22nd century. Languages will rapidly die out. If only half the languages were to disappear this century, that would average out to about one language every two weeks, or – in a worst-case scenario – one language a week. Currently, only two-thirds of the world's languages have, to one degree or another, been documented.

The second lesson zooms in on the regions Northeast Siberia and Papua. Before starting the second lesson, it is assumed that the first lesson has been fully completed.

In the second lesson themes are:

- geography (climate, landscape, flora and fauna)
- village life (living, traffic, administration, health care)
- daily life (hunting, fishing, nomads, agriculture-gardening)
- traditions (feast, religion, birth-marriage-death)
- school (system, language education)

LEARNING MODULE 2

Introduction
In the first learning module, we discussed the meaning of language in our daily lives and the issues surrounding endangered languages, including why languages die, whether their extinction is a bad thing and what people are doing about it. As examples of communities speaking an endangered language, we discussed at length the Mpur in New Guinea and the Tundra Yukagir in north-eastern Siberia. In learning module 2, we will be examining these two communities in greater detail, taking a closer look at where they live, how they support themselves, how they live and work, and what traditions they've managed to preserve up to the present day.

> start lesson 2

opening slide of the second lesson

In the second lesson students learn more about the two specific language communities with people speaking an endangered language:

Tundra Yukagir in the Sakha Republic, Russian Federation, and Mpur in Papua, East Indonesia. Similarities and contrasts between the two communities are discussed, illustrated with many videoclips, music and pictures. The aim of the second lesson is to go into more detail of the environment of the peoples and into main factors causing language endangerment and language loss.

Since autumn 2007 the module has been used in the Dutch classroom and in general students enjoy using the module and watching the movies and animations. Some language teachers use it as well and have their students visit the site as homework using the worksheets. The worksheets of the first lesson guide the student through the webpages, whereas in the second lesson students have to find their way themselves while navigating through the various topics. This seems to work quite well. Depending on how deeply the themes are studied, lesson 1 takes one to two hours, lesson 2 - one hour.

In the Dutch context, the strong side of the module is that by deepening the various themes, students learn that there is more about languages and cultures than is dealt with in their regular courseware. In their books it says that language, religion en traditions are part of a culture. In the module it is shown what exactly this means, especially when it comes to languages and the way we use languages, how languages change, can be endangered and have their impact on a people. Links in the module to languages of their contemporaries make the students aware of these processes and of the changes in their own language. Students enjoy the second lesson because two peoples, the Tundra Yukagir and the Mpur, are compared who live in a completely different climate very far away from The Netherlands. The various themes in this lesson are more closely related to geographic subjects like the relationship between landscape and location, permafrost phenomena, livelihood, the use of the soil in different climates.

The site may be called successful. Since it has been launched in 2007 in Dutch and English, thousands of people visited the site. Since the site has been translated into Russian, Brazilian Portuguese and Spanish, the number of visitors increased enormously.

In my presentation I will demonstrate parts of the website:

www.endangeredlanguages.nl

SPECIFIC ASPECTS OF EMOTIONAL CONCEPTUALIZATION IN MODERN DISCOURSE

Functional features of emotions, their qualitative and quantitative diversity, as well as their expression and content are due to the specifics of their conceptualization which is represented by different means and in different ways. However, within the framework of emotional verbal communication, it is possible to identify the following relevant functional characteristics:

A. The cognitive aspect:

Regulation (accumulation and realization of individual experience), emotions can leave traces in the experience of the individual, fixing those effects which are caused by them (the fact that emotionally significant, better remembered), and they are also able to update these events, as if anticipating them (as we try to avoid unpleasant situations). The regulatory function of emotions in the process of human activity is manifested in the fact that in the course of its component actions and operations subjective assessment of achievable effect is associated with the degree of satisfaction of those needs that form the motive of the action.

B. The communicative approach:

1) Assessment (assessment of the reflected content). Motivational sphere of the individual determines the emotional component of the background of his actions. However, this does not mean that the emotions which accompany the action are similar in quality and quantity throughout the whole process of their implementation. The difficulties encountered in achieving the goal of action, or the aggravation of the situation in which the transaction can call the appropriate emotional response, which is a particular way of attaching color according to its quality and intensity. This, in fact, is an expression of the evaluation of objects and phenomena of reality in terms of their agreement or disagreement with human needs.

2) Activation and motivation (provide quality speech perception and possible speech acts);

3) Disorganization (destruction of action), this is an optional display of emotions, even a passion does not always lead to disorganization;

4) Expression (provides non-verbal communication). Undoubtedly, the information is better received, if uttered "with a feeling."

Several researchers noted the structural complexity of emotional-appraisal of vocabulary, is manifested in the fact that, using the language, people make a lot of different activities, such as speech and plan to run it, store and retrieve knowledge, etc. Cognitive theory of the use of language means not only provides access to processes and structures, understanding, memorizing, reproduction and other forms of cognitive speech process, but also explains the nature of the planning, creation and understanding of emotion and evaluation of speech acts. Cognitive theory of this type tends to identify essentially cognitive links between different systems and conditions for the success of speech acts in the emotive and evaluative situations. In addition to cognitive phenomena such as views, wishes, preferences, standards and assessment, the role of large conventional knowledge. Pragmatic theory formulates rules for pragmatic interpretation, that is, determines the rules attributing considering the structural features of the pragmatic context of each of emotion-specific evaluative utterance illocutionary force, or the status of a particular speech act. Van Dijk (1997) observed that information for the identification of speech acts can come in the following "channels":

A) The properties of the grammatical structures such as word order, the special design of the service and supporting elements, interrogative sentences, ellipsis, lexical repetition, syntactic parallelism, syntactic structure of an address, etc.:

B) Paralinguistic characteristics (rate of speech, accent, pitch, intonation, etc.).

C) Observation (perception) of the communicative situation (the presence and properties are in the field of view of objects, people, etc.).

D) Knowledge / opinions on the person speaking stored in the memory, as well as information on other features of the communicative situation.

E) Knowledge / opinions about the nature of the interaction taking place and the structure of the preceding communicative situations.

F) Knowledge / views received from other speech acts (i.e, from the preceding discourse).

G) Knowledge of a general nature (primarily conventional).

H) Other types of knowledge, having general knowledge about the world (frames).

These components provide the understanding of the general meaning of the emotive-evaluative statements, to determine its communicative orientation in the text. The same propositional content can be connected with various illocutionary functions. Proposition is the total content of the statements, claims, promises, predictions, suggestions, questions and answers that may be possible or probable (Paducheva 1996).

The relevance of propositions is directly connected to the fact that they represent the contents of illocutionary acts and propositional attitudes. Meanings of sentences, understood as rules that define the true meaning directly from the emotive-evaluative context, cannot convincingly present the general content of this kind.

Analysis of existing concepts suggests that language representation of emotions in three ways: language nomination, expression and description. Accordingly, three lexical groups: vocabulary designating, describing and expressing emotions (Shakhovsky 1987: 88-100). Although the status of linguistic category of emotivity doesn't cause any doubt, its volume is still not treated uniquely. Traditionally, this category includes all language categories, including those lexical means that display emotions

According to the V.I. Shakhovsky, emotionally-evaluative vocabulary depending on the type of emotional semantics and its status within the meaning of a word can be represented by the following levels:

1. Affectives - these are the linguistic units, which are in the emotiveness status value. These include interjections (Oh!Damn!), Invective, vulgar words (bastard), emotional addresses (treasure, baby), an emotionally-amplifying adjectives and adverbs (terrible), which main function is the expression of emotions.

2. Connotatives are "emotive component of the semantics of the word that accompany logical and substantive meaning" (Shakhovsky 1987: 26). Emotiveness of this kind is realized, as a rule, in only one of the meanings of the word. (For example: "And he rubbed the cloth on the table angrily back...").

3. Emotive potential - a level which can be either hidden in the semantics of a linguistic unit, or an imposed upon it from without, that is, "inherent" or "adherent" (Shakhovsky 1987: 100-115).

The study of the problem helps to identify both verbal and nonverbal ways of symbolizing emotion. In this regard, we should mention the theory that cannot be considered as undisputed namely the one of D.

Leters about the functional significance of nonverbal communication, which is determined in the following positions:

1. Non-verbal factors that determine the meaning of the word in the interpersonal context. For example, one of the founders of paralinguistics Berdvistell R. argues that the words pass no more than 30-35% of the value of social conversation. A. Meyrabian who believes that 93% of the overall impact of messages on the recipient is performed by non-verbal components of communication.

2. Emotions and feelings more accurately and quickly transferred to non-verbal than verbal means (which seems to us the most controversial).

3. Non-verbal communication reveals the true meaning and intent of the utterance. Nonverbal behavior is the level at which there is usually no conscious control, so common for speech.

4. Non-verbal components of communication - the best way to express a hint. The implication and hint play a significant role in human communication: the structure of the act of communication often suggests that the ideas and emotions can be expressed much more efficiently indirectly rather than directly. For obvious reasons, a hint is more closely associated with non-verbal than verbal communication (Leathers 1976: 4-7).

Scholars noted the complexity of the analysis of "non-speech sounds", which affect the value of the utterance. There were also made some attempts to organize and classify the available data on paralinguistic means, but it turned out to be incomplete and vague.

In the United States in the middle of last century dramatically increased the interest in paralinguistic. American linguists, guided by an empirical approach to studying the problems of linguistics, as well as the needs of modern psychiatry and sociology, revealed new approaches and new perspectives for studying paralinguistic phenomena. Pittenger R., J. Smith, considered paralanguage as a part of the overall situation of communication, specifically - as part of "metalinguistics," more or less clearly defining the boundaries of non-verbal communication, offering to call paralinguistic phenomena, the phonational means: pitch, timbre, tempo, rhythm and stress.

S. Duncan noted that the non-verbal communication includes the following components:

1. The kinetic behavior (body language);
2. Paralinguistic behavior (phonational phenomena);

3. Procsemic behavior (use of social and personal space);
4. The sense of smell;
5. The sensitivity of the skin (tactile sensation);
6. Artificial factors (clothing, makeup, etc.)

In the modern sense kinetic tools and graphical elements are also referred as paralinguistic (Kozlov 1997).

1) Prosodic speech includes voice, its volume, pause fillers types, melodic phenomena, as well as the pronunciation of speech sounds (dialectal, social and idiolectal). Analysis of the research shows that the emotional state of anger is expressed, for example, by the following prosodic means:

- A typical scale of upward movement, moving, or high-speed flat scales;
- The information center in the nucleus is marked down or rising-falling tone of medium or high level;
- Characterized by a high or medium level of tone;
- The general range of sentences is described as broad;
- The rate of variability is characterized by a slow to fast.

2) Kinetic tools incorporate gestures, facial expressions and poses. It is known that one of the oldest ways of sharing information is a gesture. The gesture is an organic component of the language of emotions associated with essentially a single-emotional state of the organism. A specific trigger for the appearance of the word was onomatopoeia, that is the designation by ancient people of objects and phenomena of the external world by simulating the voice (sound), an emotionally-shaped characteristics of the object or phenomenon (Linden, 1981).

Emotions are automatically reflected in facial expressions, and signals to others about the condition of the individual.

Thus, statements that express the emotion of anger may be accompanied by changes of posture of the speaker - to go to the door, slam the door, and jump up from their seats. As the empirical material, such changes are superimposed positions, usually on the syntactic pause.

Scientists say that anger (rage) is the most negative emotion to others. While anger may be red face, are the veins on his forehead and neck, increasing tension in the muscles of the body, possibly a slight movement toward the offender. Anger varies in intensity - from irritation to rage.

The intensity of emotions can be determined by the tension of eyelids or lips compressed, etc.

Kinetic and prosodic signals of emotion, as the researchers note, are able to compensate partially the verbal means.

Paralinguistic means incorporate proxemic components, that is communicatively meaningful use of space when communicating.

Most researchers believe that kinetic and prosodic signals of emotion, are able to compensate for the verbal means.

Literature

1. Dahl, H., Stengel, B. A classification of emotion words. A modification and partial test of de Rivera's decision theory of emotions. // *Psychoanalysis and Contemporary Thought*. No.1. 1978.
2. Teun Adrianus van Dijk *Discourse Studies. A multidisciplinary introduction*. 2 vols. London. Sage, 1997.
3. Lakoff, G. *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind* / G. Lakoff. Chicago & London, 1987.
4. Lazarus, R.S. Emotions. A cognitive-phenomenological analysis. / In: Plutchik R., Kellerman H. *Emotion: Theory, Research, and Experience*. Volume 1: Theories of emotion / R.S. Lazarus, A.D. Kanner, S. Folkmaft. New York: Academic Press, 1980.
5. Lakoff, G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson . Chicago; London, 1980.
6. Plutchik, R. *The emotions. Facts, theories, and a new model* / R. Plutchik. New York: Random House, 1962.
7. Sapir, Edward *Language. An introduction to the study of speech*. New York. Harcourt, Brace and company. 1921.
8. Wierzbicka, A. Human emotions. Universal or culture-specific? // *American Anthropologist*. No.88. 1986.
9. Дейк Т.А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*. / Т.А. ван Дейк. М. Прогресс, 1989.
10. Леонтьев, А.А. Факторы вариативности речевых высказываний // *Основы теории речевой деятельности*. / А.А. Леонтьев. М. Наука, 1974.
11. Леонтьев, А. А. *Слово в речевой деятельности*. М. Наука, 1965.
12. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. / В.И. Шаховский. Воронеж, 1987.
13. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н.

Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

14. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. / Е.В. Падучева. М.: Наука, 1985. С.3-21.

Natalia Salukvadze(Georgia)

SPECIFIC ASPECTS OF EMOTIONAL CONCEPTUALIZATION IN MODERN DISCOURSE

Abstract

In the article we examine functional features of emotions, their qualitative and quantitative diversity, which is represented by different means and in different ways. Emotionally-evaluative vocabulary depending on the type of emotional semantics and its status within the meaning of a word can be represented by affective and connotative linguistic units. We also discussed the functional significance of nonverbal communication.

LE CONCEPT “DIEU” DANS LES DICTONS ET LES PROVERBES FRANÇAIS

Introduction

Dans cette publication ci-jointe, l'étude est consacrée du concept de « Dieu » dans les parémies françaises.

Le Dieu est l'Être suprême octroyée de la raison supérieure, la perfection absolue, la Toute-puissance, le créateur du monde et son dirigeant. Le Dieu protège les gens, leur donne la force, exprime l'affection d'un être vers l'autre, la croyance de Dieu calme la personne et lui donne l'assurance. Il dirige notre cœur et guide nos pas. Il est une mine de richesse, un paradis de gloire et une rivière de délices.

Le concept de « Dieu » dans les dictons et proverbes français

En étudiant la structure de la plupart des proverbes français contenant le lexème « dieu », nous avons découvert que celui-ci est utilisé avec l'article indéfini, au pluriel et s'écrit avec la minuscule.

Le dictionnaire phraséologique franco-russe, sous la rédaction de Gak V.G., donne les variantes suivantes :

Le messager des dieux

Secret des dieux

Breuvage des dieux

Langue des dieux

Bienfaits des dieux

Jurer ses grands dieux

En général, les phraséologismes comprenant ce concept, ont la structure elliptique, sans verbe et sans termes auxiliaires de la phrase, c'est à dire le lexème “Dieu” est présenté avec des prépositions des conjonctions, des interjections ou des pronoms, parfois il se rencontre des noms qui jouent le rôle du complément d'objet et de l'adjectif, donnant une appréciation exprimée:

Entre Dieu et soi

Bon Dieu

Corps Dieu

Devant Dieu et devant les hommes

A la grâce de Dieu

Avec l'aide de Dieu

Souvent la phrase au subjonctif permet d'exprimer la demande, le conseil, le souhait:

Que Dieu vous aide!

Que Dieu vous garde!

Que Dieu vous bénisse!

Que Dieu vous entende!

Dieu le veuille!

Que Dieu soit loué!

Que Dieu soit son âme!

Ce que Dieu trempe, Dieu le sèche

Cette structure de la phrase est simple : elle comprend la conjonction « que », le lexème « Dieu », le pronom « vous » et le verbe. Le choix de « vous » affirme, que la plupart des phraséologismes français représentant du concept « Dieu », exprime un appel non seulement à une personne, mais aux plusieurs destinataires. Pourtant dans les certains cas, quand nous adressons à une seule personne, l'utilisation du pronom « vous » exprime la politesse.

Il y a aussi des phraséologismes français ayant à deux termes : le sujet et le prédicat :

Manger Dieu

C'est un Dieu

Ce n'est pas Dieu possible

A Dieu ne plaise!

Dieu ne veut pas la mort du pécheur

À la différence des idiomes, des parémies représentent les propositions achevées ayant le sens, qui peut être transmis seulement par la combinaison des significations de tous les mots, tandis que la signification de l'idiome est transmise par le mot ou le groupe de mots.

En général, les proverbes se divisent en deux parties : premier - le sujet, deuxième - le prédicat, mais la particularité consiste en ce que l'articulation communicative de l'énonciation ne coïncide pas avec l'articulation grammaticale, c'est-à-dire dans les proverbes, le sujet de la pensée comprend le sujet grammatical et le prédicat grammatical, le prédicat de la pensée, à son tour, comprend le sujet et le prédicat. Autrement dit, du point de vue logique des proverbes représentent les propositions simples ayant deux termes, mais du point de vue grammatical, ce sont des propositions complexes comprenant deux propositions simples :

A qui se lève matin, Dieu prête sa main

Ce que femme veut, Dieu le veut

On est souvent puni par où l'on a péché
L'homme propose et Dieu dispose

Nous allons étudier le dernier exemple dans l'aspect structural. Dans le proverbe donné on peut mettre en relief le sujet logique : "l'homme propose" et le prédicat logique : "Dieu dispose", c'est-à-dire nous voyons que l'énonciation donnée est une proposition simple, mais en considération de l'articulation grammaticale de l'énonciation, on peut dire avec certitude qu'il y a devant nous la proposition complexe, qui comprend deux bases grammaticales jointes par la conjonction de coordination "et".

Il y a encore une différence entre les proverbes et des unités phraséologiques: les mots faisant partie des parémies ne perdent pas la signification lexicale, c'est pourquoi les dictons et les proverbes peuvent être transmis mot à mot, tandis que dans les unités phraséologiques pratiquement chaque mot reçoit une nouvelle signification, et le sens total découle de toute l'expression stable, c'est-à-dire les phraséologismes sont moins motivés, que les dictons et les proverbes :

Devoir à Dieu et à diable

Obtenir un Dieu

Comme il plaît à Dieu

Les exemples donnés montrent que le sens total des idiomes ne coïncide pas avec la signification de ses composantes, tout ensemble, c'est-à-dire les données de ceux-ci ne sont pas traduites exactement. Quant aux dictons et aux proverbes, ils sont plus motivés, c'est pourquoi chaque leur élément garde le sens propre :

Chacun porte sa croix

Qui donne aux pauvres, prête à Dieu

Chacun pour soi et Dieu pour tous

Au point de vue sémantique, le dicton et le proverbe peuvent être divisés en quelques groupes. Il y a des parémies dans lesquelles est exprimée la supériorité du Dieu sur tous les sacrés:

Le Père des hommes et des dieux

Il faut s'adresser à Dieu qu'à ses saintes

Ayant analysé certains proverbes, dictons et idiomes, nous avons révélé qu'ils représentent dans les cas multiples, les relations du Dieu et la personne. Le groupe donné des définitions mérite l'attention spéciale, puisque toute la vie la personne croyant vit avec la conscience de ce qu'il n'est pas seul, il y a quelqu'un qui l'aide, le conduit dans la vie, punit pour les erreurs et les fautes, et devant qui, à la fin de la vie, il doit

apparaître pour tenir le rapport. Sans connaître le Dieu de vue, en puisant les connaissances dans la Bible et les livres spirituels, la personne dessine à elle-même l'image du Dieu. Et sur la question, qui est le Dieu pour la personne et quelle place il occupe dans sa vie, les proverbes répondent :

L'homme s'agite mais Dieu le mène.

Le Dieu est aussi le support de la personne. Dans les situations difficiles les gens s'adressent toujours à lui, espèrent qu'il en aura pitié, aidera à surmonter les difficultés et diriger sur la voie fidèle :

Que ceux qui veulent un appui le cherche en Dieu.

Le proverbe "Qui se connaît, connaît Dieu" confirme que le Dieu vit dans la personne.

L'homme vivant dans l'accord avec le Dieu et, qui se fie au Dieu, selon des Français, est l'arbre fertile :

L'homme qui se confie à Dieu est un arbre qui ne cesse de porter des fruits.

Cependant, en comptant sur le Dieu, le proverbe prévient que la personne ne doit pas tout le remettre :

Dieu donne le bœuf et non pas la corne.

En présentant devant les gens, s'en ouvrant, la personne, ainsi, apparaît devant le Dieu. Et cela souligne encore une fois que le Dieu est parmi nous :

En face de Dieu et des hommes.

Entre Dieu et soi.

Le Dieu fait toutes les créations par la main puissante. Dans la langue française il y a deux expressions synonymiques : bras de Dieu, main de Dieu.

Le Dieu dans la vie de la personne joue un rôle important et celui-ci le comprend parfaitement, c'est pourquoi certains proverbes français rendent non seulement la célébration le Dieu, mais aussi appellent à sa glorification :

Le Bon Dieu lui - même a besoins de cloches.

Pour la plus grande gloire de Dieu.

Parmi les proverbes donnés, sont ceux où est dit sur le refuge du Dieu. Encore dans l'antiquité la personne savait que le Dieu vit haut sur les cieux, mais, en tâchant de s'approcher du Dieu, il créait le refuge pour le Très Haut sur la terre : les églises, les cathédrales, les temples.

C'est la maison du bon Dieu

C'est la maison de Dieu où l'on ne boit ni ne mange.

Pourtant le proverbe suivant: *c'est le Coeur qui sent Dieu et non la raison* dit que le Dieu ne vit pas dans les palais en pierre, mais dans les coeurs des hommes.

En général, les gens pauvres s'adressent plus souvent au Dieu, leur foi en lui est plus forte, que chez les riches, qui n'ont pas connu toutes les difficultés de la vie, à qui on peut se heurter. Le fait donné trouve la réflexion dans le proverbe, où est exprimé que dans la maison pauvre le Dieu est plus respecté que dans la riche :

En petite maison la part de Dieu est grande.

La plupart des dictons et les proverbes français portent les figures stylistiques exprimant l'ironie:

Ce que femme veut, Dieu le veut

Avoir le bon Dieu dans sa poche

Se faire un Dieu de son ventre

Se perdre en Dieu

Etre abîmé en Dieu

Dans certains groupes proverbiaux sont exprimés l'interjection. En exprimant les sentiments, les gens se rappellent souvent le Dieu en leur donnant le sens plus profond et la coloration émotionnelle :

Bon Dieu!

Plût à Dieu!

Que le bon Dieu le benisse

Ce n'est pas Dieu possible?

A Dieu ne plaise!

A Dieu va!

N'y a pas de bon Dieu

Cependant, les expressions contenant le lexème sacré "Dieu", sont parfois injurieuses :

Dieu de bon Dieu

Corps Dieu

Dans les parémies se reflètent non seulement la relation du Dieu avec la personne, mais aussi l'opposition du Très Haut au diable. Le proverbe "*L'on ne peut servir ensemble et Dieu et diable*" dit sur l'impossibilité simultanément de servir le Dieu et le diable. Mais en même temps dans la langue française il y a un proverbe, qui contredit indiqué ci-dessus : *Donner une chandelle à Dieu et à diable - servir le Dieu, et le diable*. Là, où il y a un Dieu, le diable trouve toujours la place. Cela se confirme par le proverbe suivant : "*Où il y a église à Dieu, le diable bâtit une chapelle*". Il existe des expressions, auxquelles ils sont niés :

"Ne craindre ni à diable ne craindre ni à Dieu, ne connaître ni Dieu ni diable".

Le dieu et le diable se trouvent sur de différents pôles, c'est pourquoi ils sont présentés dans les proverbes, qui sont exprimés par les propositions asyndétiques du caractère adversatif, c'est-à-dire où une partie du proverbe crée l'opposition de l'autre :

Là où Dieu a son église, le diable a sa chapelle.

Quand Dieu envoie la farine, le diable enlève le sac.

Celui à qui Dieu ne donne pas d'enfants, le diable lui donne des neveux.

Les exemples prouvent que toutes les qualités idéales du Dieu sont utilisées pour n'importe quelles caractéristiques positives, à la différence de l'image du diable, qui, en général, sert pour la création de l'estimation expressive négative des objets ou les gens. Assez souvent le Dieu a les nominations : Le Bien, la Lumière, le Ciel, **l'Esprit, notre Seigneur, notre Sauveur**, mais les nominations du diable sont les suivants : l'Ombre, l'Enfer, le Mal. Tels mots comme : le bien, la vie, **l'amour**, la justice, qui sont liés au Dieu, **la personne oppose au mal, la mort**, l'injustice, c'est-à-dire les mots se rapportant au diable. Ainsi, le mot - le Diable symbolise la destruction, la mort, la terreur de la guerre; le lexème - le Dieu - le sauvetage, l'espoir, le monde.

Le Dieu est un Etre invisible, mais il est toujours avec nous, nous regarde par dessus, accompagne pendant toute la vie, c'est pourquoi dans la plupart des proverbes le Dieu se produit l'adjectif de la personne. Ayant créé le monde et en le dirigeant, le Dieu aide la personne à vivre dans ce monde :

Dieu voit assiste.

Avec l'aide de Dieu.

Il faut noter aussi que le Dieu a ses élus. Par exemple, il aide ceux qui travaillent, qui sont forts et courageux :

A qui se lève matin, Dieu prête la main.

A toile ourdie Dieu envoie le fil.

Aux audacieux Dieu prête la main.

Dieu est toujours pour les gros bataillons.

La qualité principale du Dieu est une faveur. Il pardonne les pécheurs et est bienveillant chez les justes :

Dieu ne veut pas la mort du pécheur.

Dieu châtie celui qu'il aime, comme un père châtie l'enfant qu'il chérit.

Par la grâce de Dieu.

Le dieu est charitable pour les pauvres, pour qui il est l'espoir, le soutien, et le support :

Il n'y a pas de bon Dieu.

Ayant créé la personne, il est devenu le maître de son destin. Rien ne dépend de la personne, le Dieu ordonne par son destin :

Dieu fait et défait le destin.

L'homme propose et Dieu dispose.

Comme il plaît à Dieu.

Dans les parémies françaises, le Créateur est toujours bienveillant pour les gens pauvres et n'aime pas les riches. La richesse est considérée aussi comme un des péchés. Probablement cela s'exprime par les recommandations profondément enracinées du christianisme. Le Dieu est attiré surtout par le pauvre et condamne les riches :

Dieu regarde les mains pures, non les mains pleines.

Dieu donne du bien aux hommes et non des hommes aux biens.

La personne éprouvait toujours la peur du Dieu. Le dieu inspire le sauvetage, il oblige la personne à se rappeler les péchés et obtient l'obéissance : La crainte du Dieu est le commencement de la sagesse.

On n'entendrait pas Dieu tonner sourd à n'entendre pas Dieu tonner.

À la base des exemples on peut dire qu'à la description de Tout-puissant, la personne utilise les épithètes : bon, clair, radieux. C'est juste, puisque le Dieu crée toujours le bien. En servant exactement le Dieu, la personne se trouve dans le Paradis - la maison du Dieu (le sein de Dieu = le paradis):

Dieu fait bien ce qu'il fait.

Pour voir la lumière de Dieu, éteignez votre petite chandelle.

Tous les jours Dieu fait.

Conclusion

Ainsi, le système français phraséologique est riche par les expressions stables contenant le lexème "Dieu". Du point de vue structural le concept donné peut trouver la différente réflexion selon la forme des groupes de mots stables : en comprenant des structures simples elliptiques à propositions de deux termes. Quant aux dictons et les proverbes, ils sont présentés le plus souvent par les unités complexes syntaxiques. Mais le plus grand intérêt est provoqué par la partie sémantique des proverbes, les parémies et les idiomes, contenant le concept "Dieu". L'analyse passée permet de dire dans ce domaine que le Dieu prend une im-

portante place dans la vie des Français, c'est pourquoi dans le système phraséologique nous rencontrons seulement le caractère positif accompagnant le concept donné. Dans le contenu des unités semblables se découvrent le plus souvent la relation du Dieu et la personne, l'influence du dernier sur le destin des gens, mais l'essentiel c'est que les proverbes et les idiomes ayant le caractère sacré, contiennent l'information définie sur le monde, contribuant à la réflexion de la mentalité du peuple français.

Bibliographie :

Gak V.G. (1988) : Le dictionnaire phraséologique franco-russe.

Москва: «Наука»

Gvardjaladzé, I., Mikéladzé, K. (1981) : « Proverbes et dictons français » avec les traductions et équivalents géorgiens . Tbilissi.

Nazarian A. G. (1978): Идиоматические выражения французского языка. Москва.

Nouveau Testament-Psaumes. Paris. Association Internationale des Gédéons. 2010

Ripert P. (2002): Dictionnaire des maximes, dictons et proverbes français. Editeur Maxi-Livres. Paris.

Retsker J.I. (1963) : Dictionnaire phraséologique franco-russe. Французско-русский фразеологический словарь, под. ред. Я-и. Рецкера. Москва.

Наталья Сургуладзе (Грузия)

**КОНЦЕПТ «БОГ» ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И
ПОГОВОРКАХ**

Резюме

Исследованию природы концепта "Dieu" уделяется огромное значение в современной лингвистике. Фразеологические единицы, пословицы, поговорки с этим элементом служат отражением религиозного сознания французов, в них объясняется роль Бога в жизни людей, их взаимоотношения, а также влияние Бога на судьбу человека. Построение самих фраз, отражающих данный концепт, прилагательные, сопровождающие лексему Dieu (Bon, Tout-puissant, Eternel) доказывают, что люди, в частности французы, уделяют много времени поклонению Всевышнему, они верят в Него, и их вера непоколебима. Концепт "Dieu" используется чаще всего в качестве междометия для передачи эмоционального состояния человека.

НАПРАВЛЕННОСТЬ, ОРИЕНТАЦИЯ ВРАЩАЮЩЕГОСЯ ОБЪЕКТА В ПРОСТРАНСТВЕ И СМЕНА НАПРАВЛЕНИЯ ВРАЩЕНИЯ

(на примере грузинских глаголов вращения)

Вопрос о глаголах с семантикой вращения, вопрос, касающийся исследования их семантики, формообразования и функционирования представляется интересным с точки зрения исследования универсальных и специфических черт их семантики, формообразования и особенностей функционирования, одним словом, рассмотрение семантики глаголов вращения в типологической перспективе.

Актуальность этого направления предопределяется системным подходом к изучению лексики любого конкретного языка, что позволяет решить целый класс задач, имеющих как теоретическую, так и практическую ценность. При системном изучении лексики какого-либо конкретного языка и ее типологическом изучении, сравнении с другими, как родственными, так и неродственными языками становится возможным выделить некоторые общие для указанных языков базовые ситуации. Выделение общих и различных для разных культур ситуаций получает специальное обозначение в разных языках. Однако сходство базовых ситуаций может означать как сходство языковых явлений, обозначающих вращательные движения, как и их различие. А тот факт, что такие базовые ситуации повторяются в языках, не имеющих друг другу отношения, подтверждает теорию Ч.Филлмора о том, что сознание структурируется фреймами, или конструкциями, в которых «однозначно и некоторым типичным образом распределены роли и функции участников ситуации» (Fillmore, Kay 1992).

Лексикографическая картина в области глаголов вращения, наблюдаемая на сегодняшний день, делает наглядным факт, что они не только не изучены, но и не зафиксированы подобающим образом, имеем в виду с учетом их ситуативного значения

Так, например, если в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова (1985) в качестве первых значений глаголов вращения приводятся следующие:

Кружиться – совершать круговые движения

Вертеться – находиться в состоянии кругового движения

Крутиться – вертеться кругообразно.

Совершенно очевидно, что такого рода толкования не позволяют увидеть разницу между приведенными словами, так как не учитывают параметров, по которым можно описывать различия в значении этих слов.

В «Толковом словаре грузинского языка» (Однотомник. Под ред. А. С. Чикобава. Тбилиси. 1986) для основных глаголов, обозначающих кругообразное движение конкретного материального субъекта, дается следующие толкования:

1. *t'riali* – вертеть, вращать, крутить, вертеться, вращаться, крутиться, кружиться: а) *t'rialala* – вертящийся предмет, то, что вертится; б) *t'riali*; *brunva* – верчение; *gorva* – катиться; *didi mozraoba* – большое движение.
2. *bruneba* – крутить, передвигать круговыми движениями. Перевод данный глаголов приводится из Грузинско-русского словаря (составители Г.С.Ахвледиани и В.Т.Топуриа. Издательство «Ганатлеба». Тбилиси, 1999).

Само собой разумеется, что такая организация толкования в случае первого словаря связана, в первую очередь, с теми целями, которые стояли перед составителями словаря. Этот словарь предназначен для людей, владеющих языком как родным и обладающих языковым чутьем в отношении употребления языковых единиц. Во втором же случае (имеем в виду перевод) провести границу между этими, двумя глаголами довольно сложно, даже практически невозможно. Следовательно, подобное толкование не может быть использовано ни для различения синонимов, что бывает актуально и для людей, изучающих иностранный язык.

Термин «вращение» понимается как некоторый акт, при котором субъект совершает несколько оборотов по круговой траектории вокруг заданной точки или линии, перемещаясь в пространстве, или же вокруг самого себя, оставаясь на месте (или перемещаясь). Однако в сферу наших интересов попали как глаголы, обозначающие несколько оборотов, так и глаголы (отглагольные имена, причастия и др.), обозначающие одинарный,

а также полуоборот, а также качение. При этом мы постарались исследовать как прямые, так и переносные значения глаголов вращения. За основные, мы, естественно взяли значения, обозначающие действия, при которых происходит кругообразное движение конкретного материального субъекта вне зависимости от того, занимали ли они в словарной статье первое по отношению к другим значениям место.

На основе анализа языкового материала были выделены и классифицированы следующие параметры вращения (типология Кругляковой, 2007):

- (1) противопоставление внутренней и внешней оси вращения;
- (2) скорость движения;
- (3) длительность вращения (один VS многочисленные обороты);
- (4) неполный оборот при вращении;
- (5) количество вращающихся субъектов;
- (6) одушевленность/неодушевленность субъекта;
- (7) направленность, ориентация лица, вращающегося объекта в пространстве;
- (8) смена направления вращения - глаголы-компози́ты.

В нижеследующей статье проанализируем лишь два взаимосвязанных друг с другом параметра вращения - (7) направленность, ориентация лица, вращающегося объекта в пространстве и (8) смена направления вращения - глаголы-компози́ты.

(7) Направленность, ориентация лица в пространстве

Превербами в грузинском языке передаются несколько грамматических категорий. Из них две связаны с направлением глагольного действия. Категории направленности указывает на направление к какому-либо пункту в пространстве: вниз (передается превербом *ṣa-*) или вверх (передается превербом *a/ay –*), вовнутрь (передается превербом *ṣe-*) или изнутри (передается превербом *ga/gan –*), направление к говорящему с преодолением препятствия (передается превербом преверб *gadmo-*) и др. категории ориентации характеризует направление действия по отношению к говорящему: оно направлено или сторону говорящего или в противоположную от говорящего сторону².

² Говор о грузинских превербах, интересно вспомнить о древнегрузинской приставке *с'iaγ*, обозначающей

Надо полагать, что в грузинском языке вначале появились простейшие формы категории направленности, впоследствии усложнившиеся другими превербами ориентации, включение в глагольные форм которых дало возможность указать на местонахождение говорящего в отношении направлений категории направленности, а также направление действия по отношению к говорящему. Категории лица и ориентации не лишены также глагол вращения. Именно благодаря проверкам они обладают способностью выражать вращение в разные стороны и направления, объединенные нами в т.н. семантические гнезда глаголов вращения:

t'riali – *вертеть, вращать, крутить, вертеться, вращаться, крутиться, кружиться;*

šet'rialeba – (вращение, осуществляемое в вертикальном состоянии) - *обернуть, повернуть, обернуться, повернуться по направлению от говорящего;*

šemot'rialeba – (верт.) - *обернуть, повернуть, обернуться, повернуться по направлению к говорящему, повернуть обратно;*

gat'rialeba – (верт.) - *перевернуть, перевернуться по направлению от говорящего, повернуться и уйти;*

gamot'rialeba – (верт.) - *перевернуть, перевернуться по направлению к говорящему;*

gadat'rialeba – (гориз.) - *перевернуть, перевернуться, направлению от говорящего (сущ. переворот);*

gadmot'rialeba – (горизонтальное состояние) *перевернуть, перевернуться по направлению к говорящему;*

tot'rialeba – (верт.) *повернуть, повернуться по направлению к говорящему;*

mit'rialeba – (верт.) *повернуть, повернуться по направлению к говорящему, отвернуть, отвернуться;*

at'rialeba, amot'rialeba – (гориз.) *повернуть, повернуться по направлению сверху вниз;*

čat'rialeba – (гориз.) *повернуть, повернуться по направлению снизу вверх.*

dat'rialeba — (верт.) *повернуть, повернуться по направлению к говорящему;*

вхождение в воду, нахождение в воде: *s'iauvida* – *вошел в воду, dedis s'iauš'i* – *в утробе, чреве матери.*

mimot'rialeba – (верт.) повернуть, повернуться по направлению от говорящего и обратно к говорящему;

Превербу *mimo-* (*mi-*+*mo-*) присуща семантика ориентации. Преверб *mi-* выражает значение направленности действия от говорящего, *mo-* преверб, выражающие направленность действия к говорящему. Значение же преверба *mimo-* – «кругом», «вокруг», например:

Mimobrunda, mimot'rialda – повернулся по направлению сначала от говорящего, потом к говорящему;

mimoat'riala – повернул по направлению сначала от говорящего, потом к говорящему;

mimoixeda – посмотрел, покрутив головой в разные направления и т.п.

Как видим, довольно многообразна парадигма глагола *t'riali*. Следует обратить внимание на то, что в грузинском языке это не разные глаголы, выражающие разные вращательные движения, а же это разные формы одного и того же глагола, отличающиеся друг от друга лишь направленностью действия, ориентированностью в пространстве.

Направленность и ориентация – разные грамматические категории, имеющие собственные элементы, отличающиеся по содержанию и по форме.

(8) Смена направления вращения - глаголы-компози́ты

Полноправное место в системе грузинских глаголов вращения занимают двусложные глаголы, так называемые глаголы-компози́ты, называющие двунаправленное действие. Они, как отмечалось выше, называют меняющееся направление вращения: туда/сюда, или сюда/туда. Строительным материалом для них являются самостоятельные глаголы с однонаправленным вращением. В глаголах-компози́тах обе части являются глаголами вращения. И практически каждый глагол вращения с семантикой направленности может образовывать глаголы-компози́ты с семантикой вращения:

1. ***abruneb – čabruneba; amobruneb- čabruneba***

abruneba – крутить, передвигать круговыми движениями
amobruneba – перевернуться по направлению снизу вверх;
вывернуть одежду

čabruneba – (горизонт.) повернуться лицом вниз; перевернуть одежду с лица на изнанку;

2. ***gabruneb-gamobruneba***–

gabruneba – (верт.) развернуться по направлению от говорящего и уйти

gamobruneba – (верт.) развернуться по направлению к говорящему, вывернуть одежду с изнанки на лицевую сторону;

3. ***mibruneb-mobruneba***

mibruneba – отвернуться

mobruneba – повернуться/вернуться по направлению к говорящему ;

4. ***agoreb-čagoreba*** –

agoreba – вскатить, катать наверх

čagoreba – скатить, скатиться вниз;

5. ***gagoreb-gamogoreba*** – (гориз.)

gagoreba – покатить по направлению от себя

gamogoreba – покатить по направлению к себе;

6. ***gadagoreb-gadmogoreba***

gadagoreba – перекатить по направлению от себя

gadmogoreba – перекатить по направлению к себе;

7. ***mitrialeb-motrialeb***

mit'rialeb – отвернуться от первого лица

mot'rialeb – повернуть, повернуться к первому лицу и т.д.

Случаи образования глаголов–композигов, когда один из глаголов является глаголом вращения или же образованные соединением глагольной (глагол вращения) и неглагольной лексем в грузинском языке не зафиксированы.

В своей интереснейшей монографии, посвященной проблемам формообразования грузинского глагола, профессор Г.Гоголашили пишет, что в заключительной стадии работы над Толковым словарем грузинского языка, редактор словаря Г.Чабашвили попросит продлить срок работ над словарем, обосновывая просьбу тем, что кое-что следует серить, кое-что следует перепроверить. Главный редактор Арнольд Чикобава ответил, что работа над словарем никогда не заканчивается, нужно уметь ставить точку...

Также неисчерпаем грузинский глагол, в его недрах таятся множество неизученных, все еще не проанализированных явлений, одним из которых являются глаголы вращения, специфика их

семантики, формообразования и функционирования. И в этой области еще многое предстоит выявить, проанализировать и подытожить.

Литература

1. Ахвледиани Г.С., Топурия В.Т. Грузинско-русский словарь. Тбилиси. 1990.
2. Гоголашили Г. Грузинский глагол (вопросы формообразования). Издательство «Меридиан». Тбилиси. (на груз. языке) 2010.
3. Круглякова В.А. Семантика глаголов вращения на материале английского, испанского, польского и русского языков. Москва. 2007.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Под ред. Шведовой Н.Ю. М. Русский язык. 1985.
5. Fillmore 2000 Ж Fillmore Ch.J. Describing Polysemy: The Case of «Crawl» / Ch.J. Fillmore, B.T.S. Atkins // Polysemy: Theoretical and Computational Approaches. – Oxford: O.U.P.
6. Majid A.; Booster J.S.; Bowerman M. The cross-linguistic categorization of everyday events: A study of cutting and breaking // Cognition. 109(2). 2008.
7. Newman, John. (ed.). The linguistics of sitting, standing and lying. Amsterdam: Benjamins. 2002.

Ketevan Svanidze (Georgia)

SOME OF THE OPTIONS OF THE VERBS OF ROTATION IN COMPARATIVE

Aspect

The article is devoted to some parameters of Georgian verbs with semantics rotation - orientation of the person or the rotating object in space; and change the direction of rotation - the verb-composites.

*Nana Stambolishvili,
Anzor Abuseridze (Georgia)*

MÖGLICHKEITEN EINER VERGLEICHENDEN CHARAKTERISIERUNG DES WORTSCHATZES UNTER TYPOLOGISCHEN UND ETYMOLOGISCHEN VORAUSSETZUNGEN

Die typologische Charakterisierung einer Sprache hat mit der Klassifikation der Sprachen auf Grund grammatischer Eigenschaften zu tun.

Die grammatischen Strukturen sind mit gewisser Wahrscheinlichkeit ähnlich auch in anderen Sprachen oder auch innerhalb der Geschichte einer Sprache wieder vorkommen.

Man könnte auch daran denken, den Wortschatz einer Sprache aus typologischer Sicht zu charakterisieren.

Der Wortschatz einer Sprache kann charakterisiert werden: a) nach inhaltlichen Kriterien; b) in Bezug auf das Zusammenspiel zwischen Form und Inhalt bei den Zeichen; c) nach rein formalen Gesichtspunkten zu a) Eine inhaltliche Charakterisierung des Wortschatzes entspräche eigentlich den Vorstellungen der strukturellen Semantik, die das lexematische System analog dem phonologischen behandeln möchte. Aber bei näherem Hinsehen erweisen sich vor allem die Grobstrukturen von Sprachen mit vergleichbarem kulturgeschichtlichen Hintergrund als gar nicht wesensmäßig verschieden (weshalb sie ja auch übersetzbar sind). Manche Unterschiede, die bei abstrakter Betrachtung recht auffällig sind (vgl. dt. essen-fressen; trinken-saufen, frz. manger-boire; engl. eat-drink; dt. gehen-fahren; frz. aller; dt. stellen-legen-setzen; frz. metre) werden im konkreten Kontext „neutralisiert“ (so, weil das Agens angibt, ob es sich um Mensch oder Tier handelt, die Nahrung zu sich nehmen, oder weil der Hörer aus Kontext und Situation ableiten kann, in welche Position er den betreffenden Gegenstand bringen soll, oder weil im Zweifelsfall auch der Franzose näher spezifizieren kann – nur die Gleichsetzung der Wörter mit dem lexematischen System suggeriert Wesensunterschiede, die in der Kommunikation nicht vorhanden sind), so daß die eigentlichen Unterschiede weniger in den Grobstrukturen als in den – typologisch nicht mehr zu fassenden – Feinstrukturen zu suchen sind, inklusive der gegenseitigen Abgrenzung von Synonymen und den sog. stilistischen Feinheiten. Die strukturelle Semantik beschränkt sich daher auch auf die Darstellung begrenzter und überschaubarer Wortfelder oder belässt es gar bei der Illustration an ausgewählten Einzelbeispielen. In

diesem Zusammenhang sei auch der Versuch erwähnt, Sprachen mit oberbegriffsähnlichen, also merkmalarmer Zeichen als „abstrakt“ zu charakterisieren, so das Französische (mit dem oben erwähnten Verben „mettre“ und „aller“, oder auch *'etre* für dt. stehen, liegen, sitzen etc). Abgesehen einmal von den Konnotationen, die über den philosophischen Begriff der Abstraktion mit hereinkommen (im Deutschen würde man kaum von der „Abstraktion“ sprechen, wenn jemand sagt: Tu das Ding in das Gerät, statt: Steck die Sicherung in das Radio) und der Eklektik des Vorgehens (drei oder vier Beispiele, selbst aus dem Grundwortschatz, reichen nicht, um eine ganze Sprache zu charakterisieren) kranker, solche Darstellungen an der Gleichsetzung der Sprache mit ihren Einzelzeichen, also einer verfehlten Trennung zwischen Paradigmatik und Syntagmatik. Auch der Franzose kann und muss gegebenenfalls spazieren, und umgekehrt sind manche Explizierungen im Deutschen im Kontext sogar überexplizit (z.B. mit dem Auto fahren). Interessanterweise erhebt das Englische mit vergleichbar „abstrakten“ Begriffen (put, get, go) keinen Anspruch auf das Prädikat „abstrakte Sprache“.

Die gleichen Ausdrucks- und Darstellungsbedürfnisse werden dafür sorgen, dass Unterschiede im „System“ in der konkreten Rede (aus der heraus das „System“ eigentlich nur erstellt werden kann) wieder ausgeglichen werden. Es bliebe dann vor allem noch die Suche nach kulturgeschichtlich bedingten lexematischen Unterschieden zwischen den Sprachen, die sich aber schwerlich im Rahmen einer Sprachimmanenten Typologie darstellen lassen. Zu b): Zusammenspiel zwischen Form und Inhalt. Wir denken hier in erster Linie an die Rolle der sog. „Motivation“ im Wortschatz, als die Durchsichtigkeit des Bezuges zwischen begrifflich oder assoziativ verwandten Zeichen. So hat man beispielweise das Französische immer wieder als eine „arbiträre“ Sprache dargestellt, in der die (lautgesetzlich und durch Zustrom gelehrter, vor allem lateinischer und griechischer Wörter bedingte) Auflösung der etymologischen Beziehungen zusammen mit einer geringeren Neigung zu onomatopoetischer Bildung zu einer relativen Armut an phonischer und morphologischer Motivation geführt habe, so dass dort die nicht – motivierten Zeichen dominieren (Ullmann. 1975:127); z.B. *lettre-épistolaire*, *dimanche-dominical*, *foie-hépatique*; etc. Aber solche Beschreibungen sind ebenfalls recht eklektisch und leiden zum Teil auch an der Verwechslung von onomasiologischem und etymologischem Standpunkt. „Wässrig“ (frz. *aqueux*) ist nicht einfach das Adjektiv zu Wasser (das Wasser ist ja nicht wässrig), „brieflich“ nicht einfach Adjektiv zu Brief etc. Auch ist

es kein onomasiologisches Vorgehen, wenn man grammatische Beziehungen (Substantiv –Adjektiv; Substantiv-Verb; Verb-Adjektiv) als scheinbar objektive Basis wählt.

Man müßte also erst einmal unter streng onomasiologischen Prämissen klären, welche Begriffe als miteinander eng verwandt zu betrachten sind, damit man nicht jede beliebige Assotiationskette zur Grundlage nimmt wie: Wasser-Wässrig-nass-feucht-Durst-Nebel, oder essen-Speise-Brot-Besteck-Verdauung. Aber selbst bei Begriffen, die so eng miteinander verwandt scheinen, dass man den einen als implizites Merkmal des anderen zu deuten versucht wäre, scheint der unmotivierte Charakter in uns vertrauten Sprachen, zu überwiegen, vgl. Auge-sehen; Beine-gehen; Ohr-hören, Nase-riechen.

Wenn man die vorherige Klärung begrifflicher Verwandtschaften unterläßt, kommt es zu einem Paradox wirkenden Gegensatz zwischen onomasiologischer und etymologischer Bestimmung der Motivation: Je motivierter die Zeichen aus etymologischer Sicht scheinen, desto weniger sind es aus onomasiologischer und umgekehrt: machen, aufmachen, anmachen, zumachen, ausmachen, abmachen, hinmachen, vormachen, vermachen sind für den Etymologen motiviert (ebenso wie die Polysemien von Zug „Eisenbahnzug“, „Luftzug“, „Schlafzug“, „Zug“ an der Zigarette), nicht aber aus onomasiologischer Sicht (ebenso wenig also wie beispielweise machen, öffnen, schließen, vernichten).

Der Wortschatz einer Sprache weist auch einer dissoziierten Charakter auf. Darunter verstehen wir, dass in einer Sprache ein bestimmtes Denotat mit einem frequenten und vertrauten Zeichen ausgedrückt wird, daneben aber noch eine weitere, nur in spezifischen Kontexten und Verwendungen zu findende Bezeichnung als Synonym existiert, die daher vor allem dem einfachen Sprecher Schwierigkeiten bereiten kann. Wir denken hier an manche Latinismen und Gräzismen etwa im Deutschen oder Französischen (z.B. Hepatitis, oder das frz. Adjektiv *hépatiche*) sowie die sog. „hard words des Englischen“ (vgl. *a hearty welcome* versus *a cordial reception* etc). Aber solche dissoziierten Elemente gehören zur selten der Allgemein- und Alltagssprache an.

Man kann die Zeichen einer Sprache darauf hin untersuchen, inwieweit der Ähnlichkeit oder Gleichheit der Lautkörper auch eine Verwandtschaft der Bedeutungen (Motivation) entspricht aber auch umgekehrt, inwieweit die Identität der Lautkörper die semantische Interpretation erschwert oder zu Missverständnissen führt. Das meint Ullmann, wenn er von „Schutzmaßnahmen“ gegen Polysemie und Homophonie spricht

(Ullmann1972: 285). Allerdings zeigt sein Beispiel (frz. le page „der Page“ werde durch das Genus von la page „die Seite“ unterschieden, um eine Verwechslung zu vermeiden) dass er einen viel zu mechanischen Konzept verhaftet ist (außerdem ist die Differenzierung etymologisch bedingt und stellt keine „Schutzmaßnahme dar).

Zu c): Formale Kriterien: Man kann den Wortschatz einer Sprache auch unter rein formalen Gesichtspunkten betrachten und etwa statistisch erfassen, wieviele ein- und mehrsilbige Zeichen an ihm prozentuell beteiligt sind und wie diese wiederum bezüglich der Anzahl der Phoneme und der Silbenstruktur beschaffen sind. So lassen sich das Englische und Französische als Sprachen mit einem hohen an Einsilbern beschreiben. Der Aussagewert einer solchen Typologie ist aber beschränkt, viele Einsilber sind historisch gesehen nur das Ergebnis lautlicher Entwicklungen (Synkopen, Apokopen), die sich ihrerseits wiederum damit „erklären“ lassen, dass entbehrliche phonologische Markierungen im Laufe der Sprachgeschichte Verschleifungerscheinungen erlagen. Soweit damit kein weitergehendes Interesse verbunden ist, z.B. die Frage, wie weit solche kurzen Formen kommunikationserschwerend sein können, bzw. wieweit solche lautlichen Verschleifungen gehen können, handelt es sich eher um die Erfassung auffälliger, aber das lexematische System nur marginal berührender Merkmale.

Die Beteiligung der Wörter irgendeiner Kategorie (z.B. Onomatopoeitika, Fremdwörter, unmotiviert Zeichen, abstrakte Begriffe etc. am (abstrakten) Wortschatz sagt noch lange nichts aus über deren tatsächliche Verwendung in der parole (aus der allein wir ja zum „System“ gelangen können). So werden beispielweise zahlreiche Onomatopoeitika nur sehr selten und vor allen kindersprachlich verwendet. Angesichts der immensen Unterscheide zwischen den verschiedenen Sprachschichten und-registern innerhalb einer Sprache fragt es sich daher ob überhaupt eine Typologie sinnvoll ist, in der das Deutsche, das Englische etc. als jeweils homogene Systeme charakterisiert werden (diese Kritik gilt natürlich auch für das strukturalistische Konzept des Wortfeldes innerhalb einer bestimmten Sprache). Strenggenommen dürfte man also nur bestimmte Subsysteme im Hinblick auf allgemeine Merkmale charakterisieren und dann mit anderen Subsystemen derselben oder anderer Sprachen vergleichen.

Man kann auch versuchen, genealogisch verwandte Sprachen aus etymologischer Sicht in Bezug auf ihre lexematische Nähe oder Ferne zu einer bekannten oder erschlossene früheren Sprachstufe zu charakter-

isieren, so die romanischen Sprachen in bezug auf das Vulgärlatein oder das Englische und die germanischen Sprachen in bezug auf das indogermanische oder eine weniger ferne Vorstufe (Altenglisch, Althochdeutsch etc.), z. B. aind. *pitár*, griech. *patér*, lat. *pater*, got. *fadar*, ae. *faeder*, ahd. *fater*, engl. *father*, dt. „Vater“. Wenn man in diesem Zusammenhang gerne von „progressiven“ und „innovatorischen“ versus „konservativen“ oder gar „archaischen“ Sprachen spricht, sollte man sich allerdings davor hüten, die nicht ganz konnotationsfreien Termini in einem vertenden Sinne zu gebrauchen, denn Neuerungen sind nicht einfach „Verbesserungen“; aus sprachpuristischer Sicht sind sie häufig nur Produkt von Ungenauigkeiten und gesellschaftlich gesehen sind sie Ausdruck eines lebhaften und wechselseitigen Austausches.

in die Ausgangssprache übersetzen (z.B. Latein, Altenglisch, Althochdeutsch etc.). Anhand etymologischer Wörterbücher überprüft man, ob Dauses stellt die Frage, wo er ein praktisches Problem hervorhebt (A. Dausen. 1989). Das Problem besteht darin, wie man angesichts einer schier unübersehbaren Vielfalt lexematischer und semantischer Einzelentwicklungen, die sich in jeder Sprache im Laufe von Jahrhunderten vollzogen haben, zu einer repräsentativen Auswahl und damit Aussage bezüglich der Entwicklungs-freudigkeit einer Sprache gelangen kann. Traditionelle Darstellungen, denen zufolge z.B. das Latein der iberischen Halbinsel als Konservativ zu betrachten sei, da es unter anderem an der Lat. Bezeichnung für „Vogel“ (*avis*, sp. *ave*) festhält, während sich in der Galloromania die Neuerung „*ausellus*“ durchsetzt, sind nicht nur eklektisch, sondern zeigen auch die Schwierigkeit, etymologischen Standpunkt (Bewahrung des Etymons „*avis*“) mit onomasiologischer Sicht zu verbinden; aus dieser nämlich hat im iberoromanischen eine Ersetzung stattgefunden, da sp. „*ave*“ nur noch den großen Vogel bezeichnet, während der Normalvogel mit „*pájaro*“ bezeichnet wird, jedoch im galloromanischen „*aucellus*“ das Etymon für den gleichen Begriff erhalten blieb.

Dausen hat den Versuch unternommen zu einer gewissen Systematik auf onomasiologischer Grundlage zu gelangen und dabei der kommunikativen Relevanz und der Etymologie (auf onomasiologischer Basis) zugleich gerecht zu werden. Diesen Versuch zufolge kann man in einem Frequenzwörterbuch, das zuvor monosemiert

wurde, die Frequentesten suchen und als übereinzelsprachlich und überepochal zu betrachtenden Begriffe das Lexem der Ausgangssprache einmal oder mehrfach (oder gar nicht) ersetzt wurde.

Diese Methode hat den Vorteil, dass Eklektik vermieden wird und Begriffe, wenn sie sich noch in niedrigerer Rangordnung befinden, auch an unterer Stelle in der Hierarchie rangieren.

Außer den praktischen Schwierigkeiten, ergeben sich auch methodische Schwierigkeiten, so wenn z.B. einem weiten Begriff der einen Sprache mehrere Unterbegriffe in der anderen gegenüberstehen.

Für diesen Fall führt A. Dausens folgende Beispiele an: (z.B. lat. *filius* „Kind“, ital. *bimbo*, *bambino*, *ragazzo*, *fanciullo*), so dass zu bedenken wäre, ob man nicht über die Monosemierung des Zeichens im Frequenzwörterbuch (etwas des Französischen, s. *enfant* „Kind“) hinaus aus onomasiologischer Sicht mehrere Begriffe zugrundelegen sollte. Auch ist eine solche Methode, mit der man gleichsam die Entfernung von Sprachen zu ihrem Ausgangspunkt misst, wohl nur sinnvoll, wenn annähernd vergleichbare gesellschaftliche, ethnische, wirtschaftliche Voraussetzungen gegeben sind. Man wird also unter dem Gesichtspunkt der Vergleichbarkeit auch Aufnahmen fremden Wortgutes in eine Sprache (z.B. Latinismen, Gräzismen, Anglizismen) ausschließen oder gesondert behandeln müsse, zwar haben sie in einer kulturgeschichtlichen Betrachtung einen hohen Stellenwert und sind gerade auch sie Ausdruck kultureller und technischer Neuerungen und sprachlicher Aufgeschlossenheit, aber die spezifischen Voraussetzungen in den verschiedenen Sprachen können schwer miteinander verglichen werden. Auch sind aus dem gleichen Grunde denotative und interpretative Zeichen wohl gesondert zu behandeln, die die Ersetzungswahrscheinlichkeiten unterschiedlich sind (die Ersetzung von lat. „*ire*“ durch „*vadere*“ kann nicht verglichen werden mit der Bezeichnung für die „*Buche*“).

Die Etymologie der Wörter ist in etymologischen Wörterbüchern Lexikographische erfasst. Vor allem die junggrammatische Schule brachte etymologische Wörterbücher hervor, die wir heute nutzen (Kluge; Kluge/Mitzka; aber auch Pauls „*Deutsches Wörterbuch*“ enthält etymologische Angaben).

Ahorn – verwandt mit lat. *acer* – „spitz“, „scharf“

Erle – aus ahd. *erila*, umgestellt aus älterem *erila* / davon die Nebenform *Eller*; eine weitere Nebenform ist mnd. *else*, dazu *Elsbaum*, *Elsb-*

eere, aus germ. aliso; Verwandt mit lat. anlus, russ. ojlcha; vgl. auch Elritze und Erbkönig.

Diese Eintragungen weisen auf die Verwandtschaft mit lateinischen Lexemen hin, geben Auskunft über das Alter der Wörter und nennen das mögliche ursprüngliche Benennungsmotiv (Etymons): „spitz“ bei Ahorn nach der Form der Blätter, „gelb“ bei Erle.

In der vorliegenden Arbeit haben wir versucht den Wortschatz unter typologischen und etymologischen Gesichtspunkten zu charakterisieren. Bei der Besprechung dieser Frage gingen wir davon aus, dass die Betrachtung des Wortschatzes unter typologischen Gesichtspunkten unterscheidet sich wesentlich von der Betrachtung des Wortschatzes unter etymologischen Gesichtspunkten, denn die Typologie untersucht und klassifiziert den Wortschatz auf Grund grammatischer Eigenschaften d.h. ohne Rückgriff auf historisch-genetische oder geographische Zusammenhänge, während das Ziel der Etymologie darin besteht, den Weg eines Wortes in der Geschichte aufzudecken und abzubilden. Das ist nur möglich, wenn das Wort im Zusammenhang mit der Geschichte des Bezeichneten und der Bezeichnenden gesehen wird. Die Wortgeschichte lässt sich nicht allein aus der Laut- und Bedeutungsgeschichte mit der Herkunft aus fremden Sprachen erklären, sondern auch auf soziokulturellen Hintergrund, also im Zusammenhang mit der Geschichte des Sprachträgers.

Literaturverzeichnis:

1. Dausen A. Grundbegriffe der Lexematik Stuttgart. 1989.
2. Lyons J. „Einführung in die moderne Linguistik“. München. 1975.
3. Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Max Niemeyer Verlag. Tübingen. 1992.
4. Ullmann St. „Grundzüge der Semantik“. Berlin-New York. 1972.
5. Wartburg W. von, Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft. Tübingen. 1970.
6. Weinrich H. Sprache in Texten. Stuttgart. 1976.

*Нана Стамболишвили,
Анзор Абусеридзе (Грузия)*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТИПОЛОГИИ И ЭТИМОЛОГИИ

Резюме

Сравнительная характеристика лексики с точки зрения типологии существенно отличается от характеристики лексики с точки зрения этимологии, поскольку типология исследует и классифицирует лексику на базе грамматических правил, не учитывая историко-генетических или географических взаимосвязей, так как цель этимологии состоит в том, чтобы поискать и найти источник происхождения лексической единицы в историческом прошлом. Установление исторического происхождения слов возможно не только при помощи исследования и изучения букв и их значений в словарном составе иностранного языка, а при помощи с социокультурной позиции - с помощью исторического носителя данного языка.

**TEXTUAL CHANGES IN W. SHAKESPEARE'S COMEDY
"MUCH ADO ABOUT NOTHING"**

A full Study of factors and its determination in text variations play an important role in correct text understanding and interpreting. As it is well known fact William Shakespeare's manuscripts could not be found in anyone's hand, therefore many text variations are available for today, but by studying the texts between lines and step by step in accordance with the first precise and most reliable publications, i.e., First Folio we may notice and distinguish some real factors that have led the text formed as Modern Text.

All languages are continually changing – their sounds, their syntax and the meaning. This gradual alteration is mostly unnoticed by the speakers of a language. In discussion of how languages develop over time, many linguists have used the term “change” and “evolution” interchangeably. This reflects the facts that in common usage, these two words are have become roughly synonymous. “Evolution” has become a metaphor and its meaning has been extended to cover not just the development of a species but development in general.

Traditionally, it has been claimed that languages change in response to internal and external influences and factors. Internally influenced changes result from natural processes that all languages undergo. Externally influenced changes result more from the social and cultural context in which languages are used. Although internal and external influences are often regarded as distinct motivations for language change. External changes result from some kind of language contact: speaker of different languages coming into contact, resulting in changes to the languages that they speak. Throughout its history, English has had contact with many languages, resulting in varying degrees of change in the language.

Shakespeare's plays were printed in different formats. Some of the plays were first printed as quartos, or books. None of Shakespeare's manuscripts has survived, and Shakespeare himself was not involved in publication of his plays. First Folio was published by two actors of Shakespeare's company, John Heminge and Henry Condell in 1623 as a series of 36 plays in folio format.

The Quarto (Q) and Folio (F) texts differ considerably from one another in terms of content, including omission or inclusion of passages, variant wording and spelling, and moreover, pronunciation. Scholars have felt that the Q texts of certain plays, such as *Mach Ado About Nothing*, might have been based on actors reporting what they could remember of performances, or on someone in the audience writing down what they heard. Quartos like these, which seem to have faulty texts, have been called “bad” or pirated quartos. Another explanation for errors might be that a play was printed using Shakespeare’s “foul paper”, or rough drafts. 1.

Only for comparison purpose in order to see the texts differences let us illustrate one passage from Original and Modern text versions of one of most popular W. Shakespeare’s comedy *Much Ado About Nothing*- Act 1, scene 1.

Original Text (OT) Modern Text (MT)

<p><u>LEONATO</u> <i>You must not, sir, mistake my niece. There is a kind of merry war betwixt Signor Benedick and her. They never meet but there’s a skirmish of wit between them.</i></p> <p><u>BEATRICE</u> <i>Alas, he gets nothing by that. In our last conflict four of his five wits went halting off, and now is the whole man governed with one, so that if he have wit enough to keep himself warm, let him bear it for a difference between himself and his horse, for it is all the wealth that he hath left to be known a reasonable creature. Who is his companion now? He hath every month a new sworn brother.</i></p> <p><u>MESSENGER</u> <i>Is’t possible?</i></p>	<p><u>LEONATO</u> <i>Please don’t take my niece the wrong way, sir. Benedick and Beatrice have been waging a war of wits between themselves. Whenever they meet, there’s a little battle.</i></p> <p><u>BEATRICE</u> <i>And I always win. The last time we fought, he was so dazed by the end that he wasn’t much smarter than his horse. So tell me, who is he hanging around with these days? Every month he has a new best friend.</i></p> <p><u>MESSENGER</u> <i>Is that possible?</i></p> <p><u>BEATRICE</u> <i>It’s entirely possible. He’s incredibly fickle—his affection changes faster than the latest fashions.</i></p>
--	--

<p><u>BEATRICE</u> <i>Very easily possible. He wears his faith but as the fashion of his hat; it ever changes with the next block.</i></p> <p><u>MESSENGER</u> <i>I see, lady, the gentleman is not in your books.</i></p> <p><u>BEATRICE</u> <i>No. An he were, I would burn my study. But I pray you, whois his companion? Is there no young squarer now that will make a voyage with him to the devil?</i></p>	<p><u>MESSENGER</u> <i>I can see you don't like this gentleman.</i></p> <p><u>BEATRICE</u> <i>No, absolutely not. But please tell me, who's his best friend? Isn't there some new swaggering young ruffian who will happily go to hell with Benedick?</i></p>
--	---

The following types of modification and changes can be identified in Modern texts, like:

1. Antonymous intralingual translation

He gets nothing by that → and I always win.

In Original texts Beatrice firmly fixes her position and denies the fact that she may lose.

2. Synonymous intralingual translation

To make a voyage to the devil – happily go to the hell

The word *voyage* is always associated to something very positive, visiting new places and sites but not the devil that is why in MT it has been synonymously translated as to go happily to the hell which never occurs in reality if not meant sarcasm.

3. Generalization of stylistic device as Oxymoron – a kind of merry war and an expression *skirmish of wit* – into modern English phrase *to wage a war of wits*.

4. Omission:

a) Of a proverbial phrase – to keep wit warm –

b) Four of his wits went halting off – five wits were distinguished from the five senses that derive eventually from Aristotle's faculties of the soul. They are common sense, imagination, fantasy, judgment and memory. If Beatrice means 'senses' by 'wits', then touch will be the sense that governs Benedick, if she means 'wits' strictly, then the survivor must be common sense.

- c) Reasonable creature – reasonable is the quality that distinguishes man from the beast
- d) The interjection *Alas* is omitted in MT that expresses Beatrice's bemuse and astonishment.
- e) *I would burn my study* → means I would burn my library. She emphasizes her tenable stability.

f) Paraphrasing

- a) *Must not mistake* – do not take wrong way
- b) *Sworn brother* – Best friend
- c) *Sworn brother* – has some basis in fact and history as well as chivalric fiction. Biblical prototypes are David and Jonathan; as such as oath was lifelong, the paradox of Beatrice's *severy month* provokes the Messenger's shocked *Is't possible*'
- d) The phrase *in.... books* is still in common, now usually qualified with 'good' or 'bad'.
- e) *Young squarer* → *swaggering young ruffian* – OT indicates someone young and well-built but MT is more detailed description of the personality.

g) Variant Wording

- a) *Betwixt- between*.

Based on analyzed brief theoretical and given practical examples we may conclude that textual differences are caused by many different factors. One of the most remarkable one is a language development, in our case Early and Late Modern English; lack of authentic original Shakespeare's manuscript that is rarely found in reality; variety of producers' and editors' printed texts; audiences' memory whether they remember the rhymed lines of the plays they could see on stage in Shakespeare's time because differences between the different versions sometimes seem to have been based on mishearing. It can be summed up here as well that during the processes of performance, remembering, transcribing, correcting, comparing, revising and printing, there were so many opportunities for variance, error, additions or omissions, that scholars are still debating the precise relationship between First Quarto, Folio and Second Quarto editions. From our viewpoint every edition that is produced, unless it is facsimile reproduction of one of the earliest printed text, will presents someone's idea of how the play can best be presented and offered to modern audience.

References:

1. Mares F.H., Much Ado About Nothing. New Cambridge Shakespeare.
2. Shakespeare 1623: Shakespeare W., Comedies, Histories, & Tragedies. Published according to the True Originall Copies. London, - Octavo. 2003.
3. Wood M., In Search of Shakespeare. BBC Books. 2005.
4. Meyer C.F., Introducing English Linguistics. Cambridge Introductions to Language and Linguistics. Cambridge University Press. 2009.
5. Aitchison J., Linguistics. Teach Yourself Books, London. 1999.
6. Web links: http://nfs.sparknotes.com/muchado/page_6.html - Modern Tests of Shakespeare.

Нино Партенадзе (Грузия)

ТЕКСТОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОМЕДИИ У. ШЕКСПИРА «МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО»

Резюме

Статья посвящается некоторыми факторам, определяющим текстовые модификации, текстовые изменения фраз и выражений с семантикой юмора в пьесе Уильяма Шекспира «Много шума из ничего». Статья является попыткой проанализировать, как формальные изменения, которым в течение веков подвергался оригинальный текст комедии, отразились на изменении содержательной стороны юмора.

*Софико Таварткиладзе,
Жале Мамучадзе (Грузия)*

СОБЫТИЕ – МЕДИА-СОБЫТИЕ – МЕДИА-ТЕКСТ

Понятие «текст» при изучении культуры отличается от соответствующего лингвистического. «Исходным для культурологического понятия текста -пишет Лотман,- является именно тот момент, что когда сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достаточный для того, чтобы высказывание превратилось в текст. Вследствие этого вся масса циркулирующих в коллективе языковых сообщений воспринимаются как не тексты, на фоне которых выделяется группа текстов, обнаруживающих признаки некоторой дополнительной, значимой в данной системе культуры выраженности» (Лотман 1996:133).

«Выраженность» культурного текста проявляется в ряде функциональных признаков. Поскольку текст всегда принадлежит системе какого-то типа языка, его функция заключается в передаче сообщения, т. е. текст выполняет чисто коммуникативную задачу, а возникающие в ходе построения текста «шумы» препятствующие передаче адекватного действительности смысла, приводят к нарушениям эффективности процесса коммуникации. В этом случае текст, - пишет Лотман, «гомоструктурен и гомогенен» (Лотман 1996:145). Кроме коммуникативной функции, текст выполняет и смыслообразующую. В этом отношении он «гетерогенен и гетероструктурен». Смыслообразование проявляется в осложнении коммуникативной задачи творческой: создании нового содержания за счет использования языка как знака. Причем это новое возникает не только как результат игры автора с существующими знаками, но и читателя, осваивающего правила игры: сознательно «закладывая» в текст возможности возникновения новых смыслов, мастера слова надеются на обнаружения их читателем.

Медиа-тексты во всех своих проявлениях, являются сегодня самой востребованной текстовой продукцией, выполняя социальный заказ общества.

Субъект-создатель медиа-текста предстает сегодня перед читателем как личность, самостоятельно осмысляющая и оценивающая реальную ситуацию, демонстрирующая свою

мировоззренческую позицию и индивидуальность языковой раскрепощенностью, стремлением отойти от клише газетно-публицистической речи, отступлением от сложившихся норм. Это приводит к авторизации документального по своей природе дискурса текстов СМИ, к форсированию выразительной стороны высказывания за счет перемещения факультативных для стиля речевых средств в центр функциональной системы и к смещению «информационного фокуса» сообщения. Манипуляции с языком обнаруживают связь с манипулированием фактами. Традиционно проблемный для средств массовой коммуникации вопрос об объективности прессы снова приобретает остроту, обнаруживая актуальные качества, касающиеся сопряженности правовых, этических, эстетических аспектов журналистской деятельности со способами использования языка и организации изложения в медиатексте.

Подробный анализ текстовой специфики произведений масс-медиа произвел Солганик, который считает, что особый характер публицистики рождает такое качество ее текстов, как документальность. Для публициста характерны динамизм, сиюминутность восприятия. Автор стремится остановить мгновение, зафиксировать сегодняшний день, событие, новость (Солганик 2201:37).

Автор публицистического произведения облечен социальной, моральной ответственностью. Он выполняет определенную общественную миссию: сообщение новостей, убеждение, развлечение.

Современный текст СМИ пытается преодолеть случайное, модное «попадание» в журналистское повествование такой лексики, осмыслить ее чуждость публицистическому способу изложения и использовать как материал для создания выразительного эффекта, когда переход на язык «чужого» стиля и передача функций формирования смысла оказываются выраженными факторами организации изложения в медиатексте. Журналист обрабатывая «чужое» слово, лишает его возможности быть банальным и включает в новые связи и отношения. Творческое освоение слов «чужих» стилистических регистров приводит к наделению этих слов собственно публицистическим содержанием. Они становятся средством осмысления действительности при сближении не связанных между собой ситуаций.

Интерпретационные возможности текста, связанные с реализацией смыслопорождающей функции, зависят от сферы его распространения. Для художественных текстов они значительно шире, чем для текстов СМИ, хотя журналистика нового времени размывает границы дозволенного, увеличивая собственно текстовые значения. Объем передаваемой информации при этом увеличивается не за счет расширения документальной стороны текста, а в результате игровых соотношений между разными структурами текста. Так, сообщение о пересчете голосов на выборах президента США осложняется и введением параллельной ситуации, не имеющей прямого отношения к выборам, и словами, предполагающими неоднозначное прочтение

«Если бы наши ветераны ГАИ взяли в свои руки избирательный процесс за океаном, Америка уже заняла бы имя своего будущего президента. Весь исход затянувшегося во Флориде подсчета голосов могут решить около тысячи бюллетеней, в которых машина для голосования напротив фамилии Гора вместо полагающейся полнценной дырки сделала лишь «наколку». Вот тут американцам и могли подсадить российские ветераны автоинспекции со своим навыком делать проколы. Еще американской демократии сейчас нужна ловкость рук. Ведь ручной пересчет бюллетеней должен быть закончен к концу воскресенья» (АиФ, 2002№218).

Текст не снимает многозначность со слова «прокол» (сквозное отверстие, сделанное чем-либо колющим: недочет, упущение в работе) и в контексте *о ручном пересчете бюллетеней* дезориентирует семантику слова ловкость в сочетании *ловкость рук*, делая одинаково возможными разные значения. свойства по прилагательному ловкий в значениях «обладающий физической сноровкой и быстротой движения» и «свидетельствующий о сообразительности, изворотливости, хитрости» (Евгеньева, 495). Факты языка становятся носителями некой информации.

Медиа-тексты насыщены единицами, являющимися хранителями национально-культурной информации и для их восприятия адресат должен обладать определенным объемом фоновых знаний: общечеловеческих, региональных, культурно-исторических, в некоторых случаях – социально-групповых.

С прецедентными феноменами связано достаточное количество проблем. Многие прецеденты, используемые журналистами,

агнонимичны для читателя, особенно для молодого поколения, а значит, не выполняют своей роли, - в частности прецеденты, связанные с советской эпохой. *«Был у нас один любитель театра, 16 раз смотревший постановку «Дней Турбиных» во МХАТе и читавший все произведения, выдвигающиеся на премию его имени»* - эта ситуация, как показывает практика, ничего не говорит читателю моложе 30 лет. Многие советизмы, используемые в оценочной функции, также плохо распознаются носителями языка, а значит не срабатывают. Современный читатель плохо знаком и со сферой культуры, не идентифицирует многие цитаты, не знает истории, не помнит классиков русской литературы. Массовые издания, учитывая ту тенденцию, пользуются прецедентами, отсылающими к клише массовой культуры, что более доступно читателю. Молодежные издания прибегают к образам молодежной культуры, тем самым устанавливая контакт со своей специфической аудиторией.

По мнению С.Сметаниной, воздействие на массовую аудиторию, более чем какой-либо иной вид общения должно опираться на заранее сформированные установки восприятия сообщения, позволяющие с большей вероятностью прогнозировать реакцию аудитории, так как отсутствие оперативной обратной связи лишает возможности учесть реакцию аудитории. Следовательно, эффективное воздействие, осуществляемое через СМИ, должно строиться таким образом, чтобы содержать оптимальное число постоянных, заранее прогнозируемых элементов деятельности адресата и аудитории (Сметанина 2002:253).

Литература

1. Лотман Ю. Внутри мыслящих миров человек-текст-семиосфера-история. Москва.1996.
2. Солганик Г. Стилистика текста. Москва. 2001.
3. Сметанина С. Медиа-текст в системе культуры речи. Москва. 2002.

*Sofiko Tavartkiladze,
Zhale Mamuchadze (Georgia)*

EVENT - A MEDIA EVENT - MEDIA TEXT

Abstract

Media texts in all of its manifestations, is today the most used text products, fulfilling the social order of society.

Subject-creator media text appears today before the reader as a person, independently comprehend and assess the real situation shows its ideological position and individual language of liberation, the desire to move away from the clichés of newspaper and journalistic speech, a departure from the established norms. This leads to the authorization of the documentary in nature discourse texts media to force the hand of expressive utterances by moving optional for the style of speech in the center of the functional system, and a shift of the "information focus" message.

**LIFE AND DEATH IN HEMINGWAY'S METAPHORIC
NARRATION**

Metaphor is for most people device of the poetic imagination and the rhetorical flourish--a matter of extraordinary rather than ordinary language. Moreover, metaphor is typically viewed as characteristic of language alone, a matter of words rather than thought or action. For this reason, most people think they can get along perfectly well without metaphor. We have found, on the contrary, that metaphor is pervasive in everyday life, not just in language but in thought and action. Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature [G. Lakoff & M. Johnson].

Taking into account above given veritable and common definition of the phenomenon of metaphor, even the father of "iceberg" style. E. Hemingway could not stay away from using metaphors in his narration.

Ernest Hemingway is known for his sparse style, intense dialogue and ambiguous scenery. His unique style comprises laconic narration and simplicity of words. It can be said that he is master of syntactic stylistic techniques (e.g., repetition, structural parallelism, etc.). However, a greater interest is drawn to Hemingway's expressional i.e. metaphorical discourse.

The theme of death appears in many Hemingway's writings, though its different interpretation is given in the author's short story "*The Snows of Kilimanjaro*". Images of Hyena, raven, and, the most specific one, gangrene, the hero suffers with, are obviously symbolic metaphors of death, yet not only physical one but also spiritual decease as well.

Critics, taking into account the interviews with Hemingway, consider that Henry's prototype is the author's friend J. Fitzgerald, who he believed had a great ingenious potential. However, he always admitted that John's wife and the society couple lived in, did not give way to progress of the writer's creative talent.

In "The Snows of Kilimanjaro," Hemingway does more than simply illustrate a character suffering from gangrene. He additionally chooses to use "infected" words and language. Rotting and destruction are the subjects of significant wordplay throughout the story, both in dialogue and Hemingway's descriptive narration. Deteriorating on a cot, Harry rants about his wife, Helen, and his inability to write, "You rich

bitch. That's poetry. I'm full of poetry now. Rot and poetry. Rotten poetry." Deterioration spreads through the pages and Harry's mind; gangrene's destruction of Harry's body and Harry's neglect of his talent culminate in an all-encompassing deterioration. After years of soft living, Harry's once sharp mind has worn away, capable now only of "rotten poetry."

An image of decay and rotting of talent is conveyed in the gangrene, a disease that was progressed after Henry got infection developed from a simple scratch. Even the reason of the illness, is expressed in sarcastic way. Thus, Hemingway emphasizes what can be caused with indifference and hopelessness.

...just then. death had come and rested its head on the foot of the cot and he could smell its breath.

- Never believe any of that about a scythe and a skull, - he told her.

- It can be two bicycle policemen as easily, or be a bird. Or it can have a wide snout like hyena -

It had moved up on him now, but it had no shape any more. It simply occupied space.

- Tel it go away-

It did not go away but moved a little closer.

- You've got a hell of a breath - he told it. - You stinking bastard

In this paragraph the author gives the expressions of death through personification, epithets etc. that intensifies Harry's fear and makes it more expressive.

***...all he could see, as wide as all the world, great, high, and unbelievably white in the sun, was the square top of Kilimanjaro.** And then he knew that there was *w h e r e h e w a s g o i n g . . .* "*

As we can see the final paragraph gives the clue for the preface of the story given in the very beginning:

Kilimanjaro is a snow-covered mountain 19,710 feet high, and is said to be the highest mountain in Africa. Its western summit is called the Masai "Ngaje Ngai," the House of God. Close to the western summit there is the dried and frozen carcass of leopard. No one has explained what the leopard was seeking at that altitude."

The author by himself gives the explanation of the metaphorical meaning of Kilimanjaro, "House of God" , and "the dried and frozen carcass" seems to be a person who exhausted his life, talent. It's all about the hero's meaningless life, lost talent and death.

The image of life is interpreted in a rather specific way in the short story "*Hills Like White Elephants*". There is very powerful imagery in the story. This is expressed both in the title and the dialogue. The mountains in Spain make the girl think of white elephants. A white elephant is a metaphor for an expensive possession that is a financial burden to maintain. This expression originated in Thailand, where albino (white) elephants were considered sacred, and were not permitted to be forced into work. Therefore, a white elephant was only a burden to its owner, consuming food without providing any useful service to its owner. A white elephant might be a privilege to own and pleasing to look at, but in having it you could become destitute.

They look like white elephants.

...The girl was looking off at the line of hills. They were white in the sun and the country was brown and dry...

The simile of white elephants stands for the baby, which could appear in the life of the American couple. She had a choice to make between "*white elephants*" and "*the country*" that was "*brown and dry*".

This leads to ambiguous dialogue between the man and the girl which finally reveals some of the inner conflict these two characters are feeling. The man goes on to tell her that "*they just let the air in and then it's all perfectly natural*"; a different way of saying that they will take something out, and that the air will fill the vacuum created by the loss. This loss is the loss of a child, although this is never explicitly stated in the story.

Images of life and death portrayed in the above discussed stories and given with the help of unique metaphors make E. Hemingway's narration much more specific and emphatic.

REFERENCE

1. George Lakoff and Mark Johnson "Metaphors We Live By" (1980).
2. Гак, В. Г. *Метафора: универсальное и специфическое// Метафора в языке и тексте.* 1988
3. Hemingway, Ernest "*The Snows of Kilimanjaro*", Arrow Books, 1994
4. Hemingway, Ernest "*Short Stories*", 1994

Хатуна Хабадзе (Грузия)

**«ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В МЕТАФОРИЧЕСКОМ
НАРРАТИВЕ ХЕМИНГУЭЯ**

Резюме

В статье рассматривается метафорическое воплощение концептов жизни и смерти в работах Эрнеста Хемингуэя. Хотя Э. Хемингуэй известен своим «стилем айсберга», лаконичным повествованием, мы находим интересные метафорические образы смерти в его рассказе «Снега Килиманджаро»: образы гиены, ворона, гангрены, безусловно, являющиеся символическими метафорами смерти, причем не только физической смерти, но и духовной.

Образ жизни интерпретируется довольно специфическом образом в рассказе "Холмы как белые слоны". Анализ данных произведений позволил нам сделать вывод о том, что даже основоположник «айсбергского стиля» повествования не может избежать метафор при передаче данных концептов.

*Елена Хаджишвили,
Вепхвия Халваши (Грузия)*

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТОВ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Что такое память? Оксфордский словарь указывает несколько значений этого понятия. Одно из его значений — способность воспроизводить образы, ощущения или идеи, выработанные в прошлом. Философская энциклопедия определяет память как «способность индивида к сохранению и воспроизведению своего опыта» (Философская энциклопедия 1970:325). В учебнике по «Психофизиологии» память характеризуется как «фундаментальное свойство живой материи приобретать, сохранять и воспроизводить информацию» (Данилова 1998:100).

В начале XX века усилился интерес к памяти как к социальному явлению. Основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм в процессе анализа тотемического культа первобытных австралийских племен, пришел к выводу, что для поддержания стабильности общества, для осознания солидарности и преемственности своей социальной группы, ее члены должны сохранять память о неких событиях, а какие-то определенные события должны организованно забываться, то есть феномен памяти/забвения в определенной степени регулируется обществом («Элементарные формы религиозной жизни» 1912).

Благодаря трудам таких ученых как Морис Хальбвакс, Ян Ассман, Аби Варбург- память перестала быть объектом изучения лишь естественных наук, в качестве социального феномена она была перенесена в культуру.

Культурная память общества является социокультурным конструктом, который в определенной степени поддается манипулированию. Культурная коллективная память зафиксирована в многочисленных текстах, в медиа-текстах, архивных материалах, произведениях устного народного творчества, мифах, в художественной и специальной литературе, фотодокументах, кинофильмах, в произведениях изобразительного искусства и других видов искусства, в материальных памятниках, сооружениях и пр., в том числе и в языке (в лексемах, фразеологизмах, метафорах,

сравнениях, прецедентах, коннотациях). Процесс социализации человека, по мнению М.Арошидзе, это, прежде всего, процесс овладения культурной коллективной памятью, овладение тем символическим культурным кодом, который в единстве с общим языком позволяет говорить о национально-культурной идентичности (Арошидзе 2013:7).

С точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы. При этом актуализация их совершается в пределах некоторого смыслового инварианта, позволяющего говорить, что текст в контексте новой эпохи сохраняет, при всей вариантности истолкований, идентичность самому себе. Таким образом, общая для пространства данной культуры память обеспечивается, во-первых, наличием некоторых константных текстов и, во-вторых, или единством кодов, или их инвариантностью, или непрерывностью и закономерным характером их трансформации.

Новые тексты создаются не только в настоящем срезе культуры, но и в ее прошлом.

Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать». Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться «как бы не существующим» и подлежащим забвению, а несуществовавшее - сделаться существующим и значимым (Лотман 2010:185).

Культура отражает формы мышления, ментальности, духовную деятельность индивидов и групп в искусстве, символах, ритуалах, языке, формах организации жизни и формирует универсальное поле взаимодействия образа мышления, практики и социальных институтов. Культурную память можно, следовательно, понимать как форму трансляции и актуализации культурных смыслов (Ассманн 2004:87).

Формы фиксации культурной памяти могут быть очень разными: это и материальные объекты культуры, строения, одежда, отдельные артефакты, предметы быта и пр. Но важнейшими универсальными маркерами культурной памяти, бесспорно, являются языковые маркеры, которые позволяют фиксировать отдельные события и явления культурной жизни данного народа в текстах, в фольклоре, в художественном творчестве, в публицистике и т.д.

Одним из интереснейших маркеров коллективной памяти народа являются прецедентные феномены, и это не удивительно, ибо направленность на экспрессивность образов и доступность изложения заставляет искать соответствующие языковые средства, позволяющие наиболее лаконично, ярко, быстро и эмоционально воздействовать на читателя. Поэтому для публицистики особенно характерна интертекстуальность, одним из вариантов проявления которой является использование прецедентных феноменов. Прецедент сегодня является не только одним из факторов осмысления культуры, но и сложным социокультурным феноменом современной реальности, направленный на объективацию нового в культуре как сущностный элемент утверждающегося социокультурного порядка, формообразующее начало социокультурной реальности, одно из оснований культуры. В современных условиях прецедент – это конкретно-историческое, индивидуальное (имеющее авторство) событие, принятое в данной культуре, дающее основание для формирования традиции. Прецедент рассматривается как средство удержания культурной преемственности, воспроизведения с опорой на достигнутое в прошлом, повторения ранее найденного, трансформирования однажды апробированного образца в настоящем и будущем.

Прецедент в культуре, являясь исторически обусловленным конкретным примером постановки и решения задач общественной практики, выступает источником социокультурных норм общего характера, фактом, служащим моделью для воспроизводства сходных фактов и принятию решений.

Прецедентные имена - это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа

определенных качеств, событий, судеб (Караулов//Русское культурное пространство 2004:7).

О том, что такое прецедентные феномены, высказывались разные мнения. Ю.Е.Прохоров называет прецедентный феномен базовым, стереотипным ядром знаний на уровне этнической культуры, а не личности (Прохоров 1996:151). В работе Д.Б.Гудкова, Л.П.Клобуковой, И.В.Михалкиной прецедентные феномены рассматриваются как эталоны национальной культуры, которые «с одной стороны отражают, а с другой – задают определенную ценностную парадигму и те модели поведения, которым рекомендуется /запрещается следовать» (Гудков, Клобуков, Михалкина 2001:249).

Человеческая память подвержена сильному эмоциональному влиянию – нам свойственно помнить успехи и забывать о неудачах. Прошлые успехи всегда предстают в розовом свете, а потому во многих случаях нельзя рассматривать прецеденты как достаточно надежную основу для правильных выводов. Человек является одновременно индивидуальной и коллективной языковой личностью, принадлежа к определенному лингвокультурному сообществу, к определенной социальной группе. Таким образом, в его сознании содержатся и индивидуальные, социально-групповые, национально-культурные, универсальные знания и представления. На основе универсальных смыслов осуществляется межкультурная коммуникация. Наиболее значимы социально-групповые и национально-культурные смыслы, закрепленные в языке, особенностях поведения, моральных нормах и убеждениях индивида. Исходя из этого, В.В.Красных делит прецедентные феномены по степени их известности на универсально-прецедентные, известные любому современному индивиду, социумно-прецедентные, которые известны любому среднему представителю того или иного социума, а также национально-прецедентные, которые известны любому представителю определенного лингвокультурного сообщества. (Красных 2001:215).

Предметом нашего рассмотрения являются национально-прецедентные феномены, которые определяют этнокультурную специфику, отражая историю и культуру народа, национальный характер. Каждый народ отбирает только те прецедентные феномены, которые соответствуют его нравственным ценностям, мироощущению, мировосприятию и мировоззрению.

К числу источников происхождения национально-прецедентных феноменов относятся народно-юмористический жанр, фольклор, художественная литература, исторические события. Благодаря смысловой подвижности, на протяжении исторического процесса национально-детерминированные минимизированные представления некоторых прецедентных феноменов изменились. Качества, которые приписываются им сейчас и имеют положительную оценку, негативно воспринимались потомками и наоборот. Примерами могут служить крупные политические фигуры, влиявшие на ход истории (*Петр I, Сталин, Наполеон, Гитлер и т.д.*) Так, *Сталин*, для людей более пожилого возраста – кумир, лидер, вождь. В наше время *Сталин* многими людьми воспринимается как деспот, тиран.

В политической, идеологической сферах, в социальном управлении ссылки на прецедент используются при прогнозировании оптимального образа действий в случае таких тенденций развития социальных процессов, которые требуют вмешательства, ориентированного на предшествующий опыт. Ссылки на прецедент нередки в дискуссиях, публичных выступлениях, имеющих целью сформировать общественное мнение.

У любого современного политика непременно имеется несколько кличек и прозвищ, отражающих отношение к ним электората и журналистской братии. Так, к примеру, Джордж Буш младший в зависимости от контекста называется «ковбоем» или «бубликом». Верная помощница Буша-младшего Кондолиза Райс также не осталась без прозвища. Чаще всего ее ласково кличут «Конди», что происходит от конфетки (candy). Фамилию бывшего канцлера Германии Герхарда Шредера сокращали до «Шред», что в переводе с немецкого означает что-то вроде ненужной вещи. Итальянского премьер-министра Сильвио Берлускони на Родине кличут не иначе как «Дон Берлускони», а нидерландский премьер Ян Петер Балкененде за поразительное сходство с известным киноперсонажем получил ласковую кличку «Гарри Поттер».

Бывший грузинский президент Эдуард Шеварднадзе, как известно, носил прозвище «Белый Лис». Кроме того, широко известна была загадка про грузинского лидера: «Царь зверей, десять букв». Следует отметить, что эту же загадку нынче используют и в отношении грузинского президента Михаила

Саакашвили. В газете «Прайм-тайм» была статья, в которой Михаил Саакашвили назван Гринчем - «Как Гринч украл рождество, так он украл и 9 лет моей жизни». Часто совершающего деловые визиты в разные страны президента иногда именуют и – «человеком самолетом». В народе бывшего премьер-министра Грузии Нино Бурджанадзе называют «Тутси». Политик Гия Гачечиладзе в народе известен под именем – Гречиха. Политика из оппозиционной партии лейбористов называют – клоуном.

Прецедентные феномены – это явление культуры. Они входят в фонд исторической памяти социума. Национально-культурная память – это «кладезь сведений, эмоций, фактов, откуда мы в нашей повседневности и обыденности черпаем данные для ответа на сакраментальные вопросы: кто мы есть, откуда мы и куда идем; чем гордимся в своем прошлом и настоящем, а чего стыдимся; почему это так, а не иначе; и даже зачем все это. Это не история в чистом виде, а то, как прошлое представлено в нашей сегодняшней мысли и как оно вписывается в наши знания о современном мире» (Караулов 1999:26). Знание национально-прецедентных феноменов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры и неполной включенности в культуру.

Литература:

1. Арошидзе М., Путкардзе Т. Болгария глазами грузин. Тбилиси. 2013.
2. Гудков Д.Б., Клобукова Л.П., Михалкина И.В. Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения.//Вестник МГУ. Сер.9. Филология. 2001. №6.
3. Данилова В. Психофизиология. Москва. 1998.
4. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.,2001.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.,1987.
6. Лотман Ю.М. Культура и информация//Семиосфера. 2010. Москва.

7. Прохоров Ю.Е. Национальные социо-культурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.,1996.
8. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Москва. 2004.

*Khadzishvili E.
Khalvashi V. (Georgia)*

ROLE OF PRECEDENT IN FORMATION OF CULTURAL MEMORY

Summary

Following article discusses cultural collective memory, which is condition for preservation of national identity, it analyzes different types of display and preservation of cultural memory, namely - the precedent phenomenon as the most important linguistic markers of cultural memory.

*Леван Халваши,
Лейла Гогитидзе (Грузия)*

ЗНАКИ ИМПЕРАТИВА

Венчая собой процесс научного наблюдения, теория этим самым казалось бы приобретает абсолютную гносеологическую ценность и в таком случае неоспоримое преимущество над первым, ведь не каждое наблюдение способно обратиться в теорию. Л. Витгенштейн в известном тезисе «Главная причина наших недоразумений в том, что мы не пытаемся взглянуть на употребление наших слов. Нашей грамматике не достает наглядности» (НЗЛ 1985:126) явное предпочтение отдает наблюдению. Еще более убеждают в этом его следующие слова: «Со всеми объяснениями нужно покончить, они должны уступить место описаниям (НЗЛ 1985:124)... понятие наглядного представления имеет для нас решающее значение» (НЗЛ 1985:126). Почему при изучении языка следует положиться на представление, а не на силлогизм? Потому, полагает Л. Витгенштейн, что мы находимся в плену у языкового образа и не способны выйти за его пределы» (НЗЛ 1985:125). «Околдовывание языком нашего сознания» - знаковая проблема современной гумманитаристики, чисто лингвистической (методологической) в сравнении с ней выглядит проблема околдовывающего воздействия логического мышления на изучение языка.

Объективность- идеал и условие существования всякой отрасли научного познания. В этом находит свое оправдание замысел Аристотеля в качестве органа научного творчества использовать логику, структуры которой, отражая категориальные признаки предметов и общие формы возможных между ними отношений, идеальны и универсальны, то есть не обусловлены временем, местом, национальностью, социальным положением, эмоциями, волею, интенцией, языком *homosapiens*. Логические структуры абсолютно объективны, или, что то же самое, их невозможно использовать субъективно. Именно поэтому только о логике и было сказано, что она есть „наука о доказательстве” (Аристотель 1978:119). Подобно нити Ариадны логика в лабиринте научного исследования должна привести исследователя к правильному выводу, ибо ее формы способны однозначно упорядочить любое содержание. Существование логики в

качестве презумпции требует признания изоморфизма между структурами физического и ментального миров, доходящего в «Метафизике» Аристотеля до прямого параллелизма: каждому предмету (материальная форма) соответствует своя сущность (форма-идея) в сознании, посредством которой он познается (Аристотель 1976:201). Причем сущность у предмета только одна, но материальные формы ее реализации бесконечны. Понятно, почему античная гносеология была направлена на выявление идеальных сущностей бесконечно изменяющегося материального мира. В соответствии с этим философским принципом научное описание объекта должно завершаться дефиницией, выражающей его сущность. Полагалось, что научное описание, исполненное в согласии с требованиями логики, представляет собой сущностную картину мира. Но в таком случае абсолютная правильность логически непротиворечивой научной теории проецируется на объект исследования, создавая иллюзию совершенного устройства этого последнего. По этой же причине логическую правильность лингвистического описания приписывают языку. Положительный ответ на вопрос, уместен или нет язык в логические дефиниции, приведет А. Арно и К. Лансло к написанию универсальной грамматики. Но попытка создания на основе логики единой грамматики для всех языков завершилась наглядной неудачей, если не принимать в расчет саму идею универсальной основы грамматики.

Позволив себе тривиальность, скажем, научное суждение, в том числе и лингвистическое, должно основываться на логике. Но, являясь объективными и универсальными, логические структуры не располагают содержанием. Высказывания, напротив, вместе с содержанием характеризуются временной и пространственной определенностью, модальностью, интенцией, эмоциональной оценкой говорящего субъекта. Передавая посредством языка действительный физический факт, субъект создает субъективную языковую интерпретацию действительности, присваивая при этом не язык, а саму действительность. Таким образом, логика не касается субъективного, а языковое высказывание не может быть объективным, поэтому построенное на логических дефинициях лингвистическое описание способно рассматривать язык только в отрыве от человека и реальных условий употребления, по этой причине то, что на первый взгляд представляется в нём логически однозначным и ясным в действительности не является таковым. Так,

например, в грамматиках многих языков, формы «делай», «стой», «иди», «сиди», «встань» (груз. აკეთე, იდეთი, წადი, იჯდეთი, ადეთი; англ. do, standup, go, sitdown, getup; турец. yap, durgit, otur, kalk...) именуются повелительными, хотя авторы всех изданий отмечают, что данные формы, наряду с повелением (приказанием) выражают также: приглашение, предложение, просьбу, совет, наставление, пожелание, запрет, разрешение, предупреждение, мольбу. Поскольку приведенные значения грамматическими формами повеления (делай, встань, иди...) выражаются в равной мере, встает вопрос не только о наименовании, но и различении последних. Так, например, формы „помогите,, спасите,, как постановка оперативной задачи: « Помогите!», « Спасите !» -это приказ. В устах же попавших в беду: «Помогите! Спасите!» - мольба.

Язык – система семиотическая, а не логическая, и изучить его можно только наблюдая за тем, как означает он действительность. В связи с затронутой нами проблемой необходимым представляется выяснить, что позволяет воспринимать то или иное языковое выражение как императивное?

В русском языке грамматические формы повелительного наклонения полифункциональны: помимо императивного они способны передавать значения: условное (Не напиши он ей...), уступительное (Хоть кричи...), долженствовательное (Все ушли, а я сиди здесь), внезапного действия в прошлом (Я и скажи...) (Виноградов 1986:480; 487). Не императивны они в таких фразеологизированных выражениях как «Смотри, какой нашелся!», «Смотри, какой умный!». Как видим, в русском языке грамматические формы повелительного наклонения не являются планом выражения собственно императива, поскольку сами требуют опознавательных знаков в качестве таковых.

Одним из конституирующих признаков императива принято считать волеизъявление говорящего (Русский язык. Энциклопедия 1979:153). Однако, волеизъявление, выражающее принятие решения субъектом, само по себе не есть императив. В русском языке его символами являются выражения: «Эх, была не была!», «Будь что будет!», «Где наша не пропадала!», «Ну что же, так и быть!», «Вс ем смертям не бывать, а одной не миновать!», а также – глагол «решить» в соответствующем значении. Императивным волеизъявление может не быть и тогда, когда направлено от адресанта к адресату, например, «Я решил помочь ему», «Мы хотим наградить вас часами».

В качестве основного конституента императива В. В. Виноградов называет интонацию: «Императив характеризуется особой интонацией. Эта интонация сама по себе может превратить любое слово в выражение приказания... Вне этой интонации повелительное наклонение не существует» (Виноградов 1986:479). Но интонация императива не возникает сама по себе, ей предшествует намерение говорящего побудить адресата к определенному действию, именно оно, это намерение, или интенция является организующим началом соответствующего речевого акта, в котором могут быть использованы самые разнообразные языковые средства, начиная со звукосочетаний (Тс-с!, Цыц!, Чу!) и заканчивая сложными предложениями: «Если вы захотите ещенемного подождать, то будете иметь удовольствие увидеться со старым приятелем» (Лермонтов 1983:74). Поскольку императив понуждает слушающего к действию, содержание всякой языковой формы, использованной с этой целью, сводится к этому последнему: Вон! (=уходите!). Прочь! (=отойдите!). Алло! (=говорите). Чаю! (=принесите!). Иду, иду! (=подождите!). Что уставился! (=не смотри!). Ты что кричишь, люди соберутся! (=не кричи!). Я сейчас! (=подождите). Императив способна выразить любая языковая форма, если ее употребить с соответствующей интенцией.

Эта «языковая всеядность» императива обеспечивается его индексальными знаками – интонацией и коммуникативной ситуацией. Ср.: Коня бы! (желательность); ответ на вопрос: Вы не коня ищите? – Коня.(утверждение) и произнесенные на поле брани слова шекспировского героя: «Коня! Коня! Полцарства за коня! - приказ с конкретной наградой за исполнение Слова: Чаю! Виски! Документы! Ваш билет! Руки! Противник! Танки! Хватит! Будет! Готово! Идет! и т.п. императивны не сами по себе, поэтому это не знаки императива. Оознавательными знаками их императивности являются интонация и коммуникативная ситуация. Иное дело выражения! Я (приказываю, требую, обязываю, разрешаю, запрещаю, прошу, приглашаю, предлагаю, рекомендую, советую, умоляю), означающие императивное намерение говорящего. В качестве символов императива не принято использовать: Я указываю (принуждаю, побуждаю), – эти выражения – описание императивных действий.

Семантическая структура императива (говорящий побуждает адресата) с учетом степени понуждения позволяет реализовать в ней

целый класс императивных значений, которые укладываются не в одну, а - две пропозиции:

I субъект – приказывать – субъект	II субъект – просить субъект
Указывать	умолять
Требовать	предлагать
Командовать	советовать
Обязывать	рекомендовать
Разрешать	приглашать
Запрещать	предупреждать

Обе пропозиции представляют собой реализацию речевого поведения говорящего, которое должно привести к выполнению адресатом определенного действия, с той разницей, что в первом случае говорящий принуждает подчиниться его воле, а во втором – побуждает к желаемому им действию. Разница между пропозициями в степени императивности речевого поведения адресанта. Это положение хорошо иллюстрирует реплика Гурмыжской из пьесы А.Островского «Лес»: «Так я прошу, даже приказываю тебе» (Островский 1985:17).

„Побудить – попытаться склонить к действию , вызвав желание" (Словарь русского языка 1959:214). Побуждение – внутренняя причина, мотив поступка, и оно может быть „чистым”, „высоким”, „благородным” или „низким”, но в обоих случаях личным: моим, твоим или его. Когда просят, умоляют, предлагают, советуют, рекомендуют, приглашают, то пытаются побудить, то есть вызвать у другого лица определенное ментальное состояние (Будь добр! Сделай милость! Окажи любезность!), поэтому эти интенции в качестве средства достижения цели предполагают и аргументацию («Выслушайте меня до конца!». «Представь на минуту...». «Сам подумай...». «Пойми же, наконец!». Можно «очень прошу», но нельзя «очень приказываю», ибо приказ направлен на исполнение, а не на ментальное состояние адресата; занимая место аргументации, приказ в ответ допускает только подчинение («Приказы не обсуждаются, а исполняются»). Являясь внешней причиной поступка, приказ «объявляется» и «исполняется». С просьбой обращаются и ей внимают, следуя и уступая побуждению, поэтому принято: «Что вас побудило сделать это? и абсурдно :«Что вам приказало сделать это?». Вопрос «Кто вам

приказал сделать это? оставляет место оправданию:» Я всего лишь выполняю приказ». Вопросительное возражение «Это просьба или приказ?» содержит в себе указание не только на различие, но и на общее между этими формами императива. Просьба подчас застенчиво нерешительна, приказ всегда – холодно неумолим. Это полюсы императива. Приказ, реализующий максимум императивности, не может быть уменьшительно – ласкательно – фамильярным «приказчиком». Напротив, просящий стремится свести императивность до минимума и поэтому просьба бывает „ одна ", „ маленькая " и просто «просьбица» или «просьбишка». Если интенсивная просьба (ср. «выпрашивать») – это мольба, категорическая просьба (запрос) – уже требование. Просьба и приказ имеют разные основания. Первая, как уже было отмечено, исходит из желания субъекта (одного или нескольких), поэтому она, просьба, особенно «большая», сближает, делает отношения между коммуникантами доверительными. Просить о чем-то – то же, что и брать взаймы. Отсюда: «Сделайте одолжение» при просьбе. И в тех случаях, когда просят за кого-то, просят для себя. Можно попросить и так, чтобы не стать должником, но тогда придется предложить. Если просьба – это попытка что-либо получить, то предложение – приглашение к соучастию в чем-то, поэтому и знаки предложения комитативны: «Предлагаю (тост, пари, сделку, загадку, программу, передачу)», «А если мы сделаем так...», «Не будете ли вы против того, чтобы...», «Как вы отнесетесь к тому, чтобы», «Как вы посмотрите на то, если...». Когда нам «предлагают услуги», то выражают готовность стать соучастниками решения наших проблем. Утрата «предложением» семантического компонента соучастности обращает его в совет: я предлагаю (=советую), посмотреть, сдаться, отдохнуть, подумать, не торопиться). Следует отличать: «Я предлагаю поужинать в ресторане!» в комитативном значении предложения «Вместе со мной» от «Я предлагаю поужинать в ресторане!» в значении совета. Ср. также: «Я предлагаю сдаться!» (Всем нам победителю) и «Я предлагаю сдаться!» (Вам нам, победителям). Если предлагают всё, то опять таки не предлагают, но и не советуют, а просят: «предложить руку и сердце» и «просить руки» – знаки одной интенции. В отличие от предложения, которое «У меня для вас есть», совет «просят и „ дают", ибо он может быть „ необходимым ", „ нужным", „ дорогим“, „ ценным", чего не принято говорить о

предложении. Ценностность – одна из пресуппозиций совета, вне которой никто не станет его «выслушивать». Ведь принять совет значит признать и некоторое преимущество советчика. Желание помочь (не имеет значения насколько искреннее) – вторая пресуппозиция совета. «Поберегите ваши советы для себя» - ответ тем, в желании помочь которых сомневаются. Советы и советники нужны тем, у кого проблемы. Наличие проблемы у адресата – еще одна пресуппозиция совета, обуславливающая его надобность. Когда советуют подчиненным и тем более «советуют настоятельно», совет маскирует собой указание - маршрут действий с четко расставленными указателями в нужных местах. Действия «по указанию» и «в соответствии с указанием» подавляет личную инициативу исполнителя и тем самым игнорирует его как личность. В этом смысле „указывать” недалеко стоит от „приказывать”. Но указание-это руководство по исполнению действий, а приказ – команда к их выполнению. Поэтому «указаниям следуют», а «приказ – выполняют». В боевой обстановке в условиях изменившихся обстоятельств действовать без указаний, проявляя собственную инициативу – поощрительно, «действовать без приказа»- наказуемо. Приказ – максимум не- признания адресата как личности, точнее, это превращение личности адресата в средство исполнения чужой воли. Если при приказе ценностным центром коммуникации является адресант, при просьбе, напротив, таковым предстает адресат. «Волшебность» слова «пожалуйста» не в вежливости (сигнал адресату: посмотри какой я вежливый!), а в просьбе. Прошу, потому что считаюсь. Пресуппозиция просьбы - признание за адресатом некоторой ценности, поэтому вежливость, не выражающая просьбы, не есть знак благосклонности. «Холодная вежливость» лишена признания (вежлив не потому , что не могу быть невежливым с вами, а потому, что хорошо воспитан). «Пожалуйста» и «приказной тон» - это знаки антонимы речевого этикета. Просьба вкупе с разрешением образуют интенцию приглашения. Пригласить – не только уважить, но и разрешить, ибо не принято являться в определенные места без приглашения или без пригласительного-почетного, но разрешения. «Добро пожаловать! ჯეოგლი ოცლს ოქვები მობრძნება. Welcome. Носгелинiz,- все эти символы приглашения в качестве разрешения содержат условие: «приходи, но только с добром». С другой стороны, мало разрешить, нужно еще, чтобы к вам пожелали придти, а для этого необходимо искренне попросить, о чем красноречиво

свидетельствуют соответствующие знаки императива: «Милости просим!», «Пожалуйста» - наградите, проявите благосклонность, «Прошу (быть, присутствовать, приехать, остаться, к столу, в дом)» (РЯ 1979: 641).

Интенция адресанта определяет не только его речевое поведение, но и ответные реплики адресата. «Лады!» «Не вопрос!» «Подумаем!», «Все будет на мази!» могут быть ответами на просьбу, но не на приказ, который требует от адресата проявления подчинения и готовности исполнения. Ответы: «Так точно!» «Никак нет!» «Слушаюсь!», «Разрешите (уточнить, приступить, идти)» - индексы императивного речевого поведения с интенцией приказа. Используемые при этом также ответы: «Ясно! Понятно! Будет! (сделано, выполнено!) – языковые формы, выступающие в роли знаков императива, благодаря индексальности интонации и коммуникативной ситуации соответствующего речевого акта. Таким образом, не всё, имеющее значение императива, является его знаком. Знак императива – элемент коммуникации (интонация, коммуникативная ситуация, языковая форма), который самостоятельно (сам по себе) выражает конкретную интенцию императива. Так, например, «Раз, два, взяли!» во всех случаях – императив – команда, а «Раз, два, три!» имеет и неимперативное употребление, а императивом распознается благодаря интонации и коммуникативной ситуации – индексальных знаков императива. Знакам императива для распознавания их императивности не требуются другие знаки, они императивны сами по себе и являются средством придания императивности не- императивным элементам и в таком случае – метками императивности этих последних. Как уже было показано, символами императива являются языковые выражения интенций: «Я (приказываю, требую, обязываю, разрешаю, прошу, приглашаю и др.). Это (приказ, требование, просьба, совет, рекомендация и др.). В соответствии с (приказом, требованием постановлением и т.п.). По (приказу, требованию, долгу...).

Символы императива «Простите!», «Извините!» пресуппозицией имеют признание личной вины перед адресатом. («Я виноват перед вами») и поэтому всегда выражают только просьбу. Абсурдно кому бы-то ни было приказывать, чтобы он тебя извинил. Символами приказа являются обороты и формы, выражающие высокую степень императивности семантически:

«Вон отсюда!», «Убирайся!», «Проваливай!», «Чтобы ноги твоей здесь не было!», «И чтоб ни грамма!», «И чтоб ни звука!». Можно «Я приказываю, чтоб ни звука!», «Я прошу, чтоб ни звука!», но нельзя «Я прошу и чтоб ни звука!». Аналогично символами приказа являются: «Нечего шуметь!». «Я приказываю не шуметь!», «Нечего сидеть!», «Я приказываю не сидеть!». Можно «Я прошу не шуметь!», «Я прошу не сидеть!» (символы просьбы). Но нельзя «Я прошу нечего шуметь!». «Я прошу нечего сидеть!», ибо каждое из высказываний выражает одновременно две интенции. Но вполне допустимо: прошу не шуметь – приказываю не шуметь; прошу не болтать – приказываю не болтать; прошу не переспрашивать – приказываю не переспрашивать, поэтому шуметь, болтать, переспрашивать и все другие отрицательные и положительные формы инфинитива, употребленные со значением императивности: (Не) сидеть!, (Не) стоять!, (Не) лежать!, (Не) стрелять!. Взять! Догнать! Схватить!, Отпустить! не являются знаками императива.

Литература

1. Аристотель, соч. в 4-х т. Т.1. М. Мысль. 1976.
2. Аристотель. Соч. в 4-х т. Т.2 М. Мысль. 1978.
3. Виноградов В.В. Русский язык. М. 1986.
4. Словарь русского языка в 4 т. Т.3. М. 1959.
5. НЗЛ, 16, М. Прогресс. 1985.
6. Русский язык. Энциклопедия. М. 1979.
7. Лермонтов Ю. Стихотворения. «Герой нашего времени». М. 1983.
8. Островский А. Пьесы, М. Просвещение. 1985.

**Levan Khalvashi,
Leila Gogitidze (Georgia)**

SIGNS OF IMPERATIVE

Abstract

In the given research author modifies the sign of imperatives and by means of this signs discusses the intension of the imperative. Generally shows that the Imperative mood of the verbs are not the signs of The imperatives.

РОЛЬ ОНИМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В.ВЫСОЦКОГО

Мир Высоцкого ...

Все еще непознанный феномен русской культуры.

Вот уже более тридцати лет люди самых разных профессий (писатели, артисты, филологи, литераторы, семиотики и пр.) пытаются проникнуть в этот мир, понять его закономерности, его необъяснимую прелесть.

У Владимира Высоцкого было необыкновенное чутье языка, метафорический мир его поэзии столь своеобразен, что его «прочтение» и осознание возможно лишь в рамках всего тезауруса поэта. По справедливому замечанию М.Арошидзе, «только весь текст в единстве с необходимым минимумом фоновых знаний (о поэте, о времени...) дает представление о языке поэзии Высоцкого. У него настолько все подчинено тексту, что даже лексемы приобретают в ткани его произведений совершенно неожиданные значения» (Арошидзе 2002:38).

Особое место в поэзии В.Высоцкого занимают онимы, которые несут важную смысловую нагрузку, образуют единую систему, отражающую специфику феномена под названием «*Nomo soveticus*».

Имена собственные в художественном тексте отличаются от общезыковых и функционально, и семантически. Так, в реальной жизни нет внутренней связи между именем и его носителем. Подчеркивается отсутствие у имен собственных лексического значения, их семантическая опустошенность. В противоположность именам нарицательным, они ограничиваются одной функцией - обозначения, что позволяет им только различать, опознавать обозначаемые объекты. Но в художественном произведении связь между именем и носителем вполне может быть установлена волею автора. «Имена собственные, не имеющие в языке своего предметно-логического или коннотативного значения, в художественном тексте приобретают семантический и эмоциональный потенциал, который накапливается в процессе разворота текста через авторские и персонажные характеристики обозначаемого объекта - носителя имени» (Автеньева, Бакастова 1988:143).

Один из парадоксов Высоцкого состоит в том, что он был очень тонко образован, по выражению академика Б.Пиотровского, был “книжником” и “эрудитом”. Любил Бальмонта, В.Иванова, Мандельштама, Ахмадулину, Булгакова. В его стихах также можно обнаружить великолепные знания разных пластов мировой культуры – от Сальвадора Дали до античных и библейских мифов. Этими причинами объясняется то, что в поэзии Высоцкого встречаются такие имена собственные, как мифонимы, библионимы, поэтонимы, но, с другой стороны, поэт никогда не удалялся от реальной действительности, он всегда откликался на все увиденное, на все важные события в жизни русского народа, причем писал так прочувствованно, что все принимали Высоцкого за своего (заключенные на Таганке были уверены, что он сидел, фронтовики верили в то, что поэт воевал с ними бок о бок).

Таким образом, в поэзии Высоцкого как бы сталкиваются два мира – реальный и ирреальный, мир мифов и советской действительности, причем поэт воспринимает оба эти мира по-своему, отображая в своих поэтических откровениях глубинные пласты народного сознания. Часто он использует фольклорных героев для изображения современной ему действительности, не удивительно, что они, подчас неузнаваемы. Если в русских былинах перед нами предстает Соловей-разбойник - злодей и угнетатель, то в «антисказках» Высоцкого Соловей-разбойник – избавитель, который разгоняет всю лесную нечисть. Да и сама лесная нечисть – Леший, Баба-Яга, Кощей Бессмертный, Кикиморы – они вызывают у поэта скорее жалость, нежели страх или агрессию:

*Начались его подвиги напрасные,
С баб-ягами никчemuшная борьба, -
Тожe ведь она по-своему несчастная
Эта самая лесная голытьба.*

(«Сказка о несчастных сказочных персонажах»)

И это не удивительно, ибо мир, населенный представителями особи Homo soveticus – намного страшнее, ведь там живут и действуют Сталин, Берия, Молотов и им подобные. И в этом все обществе все совершается в соответствии с их желаниями. Помимо собственных имен Высоцкий часто использует вторичные

номинации этих лиц, ставшие уже прецедентами: *вождь народов, отец народов.*

..., был у тамады

Длинный тост алаверды

За него - вождя народов,

И за все его труды

(Теперь я буду сохнуть от тоски).

Обращаясь к реальным, а не вымышленным лицам, поэт использует чаще всего фамилии, реже – имена, и очень редко – разговорные формы отчества, свидетельствующие об особой близости к данному лицу:

Коль так, Макарыч, не спеши,

Спусти колки, ослабь зажимы,

Пересними, перетиши,

Переиграй, останься живым

(Памяти Василия Шукшина).

Ласковое и очень душевное обращение «Макарыч» свидетельствует об особой близости этих двух замечательных людей.

В творчестве Высоцкого встречаются и библионимы:

И я попрошу Бога, Духа и Сына, -

Чтоб выполнил волю мою

Пусть вечно мой друг защищает мне спину,

Как в этом последнем бою.

Но подобные прямые обращения к святой троице – Богу, Духу и Сыну – очень редки, чаще всего в поэтических криках души Высоцкого можно встретить фразеологизмы: *слава Богу, ради Бога, Бог хранит, Бог знает и простит*, которые точно передают разговорную речь, присущую стихам поэта:

О чем просила – делал мигом я, -

Мне каждый час хотелось сделать ночью брачной.

Из-за тебя под поезд прыгал я,

Но, слава Богу не совсем удачно!

Анализируя роль онимов в многогранном творчестве Высоцкого, невозможно обойти вниманием его необыкновенный дар в использовании зоонимов. Продолжая лучшие традиции басенного иносказания, поэт выводит на страницах своих произведений целый мир, населенный подчас привычными, а подчас и нереальными существами, но взаимоотношения там – самые настоящие, реальнее не бывает:

В желтой жаркой Африке

Не видать идиллий -

Льют Жираф с Жирафихой

Слезы крокодила, -

Только горю не помочь -

Нет теперь закона :

У Жирафов вышла дочь

Замуж - за Бизона!

(В желтой жаркой Африке).

Воссоздание привычного для советских людей быта и уклада можно найти во всех стихотворениях поэта о животных. Часто зоонимы являются частью устойчивых сравнений:

Быть может, тот облезлый кот - был раньше негодяем,

А этот милый человек - был раньше добрым псом.

Стремилась ввысь душа твоя -

Родишься вновь с мечтою,

Но если жил ты как свинья -

Останешься свиньей.

(Песенка о переселении душ).

Таким образом, краткий обзор онимов в творчестве Высоцкого достаточно убедительно показал, что собственные имена и зоонимы являются важной частью лирики поэта, отражая личность автора, его мировоззрение и отношение к окружающей действительности. Собственные имена становятся в поэтическом контексте Высоцкого одним из важнейших средств выражения его отношения к эпохе Homo soveticus.

Литература:

Автеньева Л.А. Гипо-гиперонимия номинаций персонажа в оригинале и переводе художественного текста / Л.А. Автеньева, Т.В. Бакастова, Е.П. Матузкова // Перевод и интерпретация текста. - М., 1988. - С. 141-148.

Арошидзе М. Актуализаторы текстовой информации в стихотворениях В.Высоцкого. Славистика в Грузии. №3. Тбилиси, 2002.

Высоцкий В. Сборник века. Москва. 2010.

Nanuli Chkhaidze (Georgia)

THE ROLE OF PROPER NAMES IN WORKS OF V.VYSOTSKY

Summery

The article provides brief review of proper names in works of V.Vysotsky. It clearly shows that using proper names and animal nicknames in lyric poetry are very important for the author. It expresses the personality of the V.Vysotsky, his ideology. Proper names became one of the most important tools to express his attitude towards the era of Homo soveticus.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Нуну Бакуридзе (Грузия)

“ЕСТЬ-НОСТЬ” КАК КОНЦЕПТ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М. ПРУСТА ”В СТОРОНУ СВАНА “

Марсель Пруст известен в истории мировой литературы, как фигура, мягко говоря, неоднозначная. С одной стороны, это человек, который искренне переживает из-за того, что вследствие слишком щедро оставленных им чаевых официант сочтет его выскочкой, а с другой стороны, страшно боясь за свое здоровье, он мигом порвет многолетнюю дружбу с “наглецом”, посмеявшимся закурить сигару в его присутствии. Также неоднозначна и параллель, проведенная в данной статье - светский лев обожающий аристократию и известный бунтарь и дебошир, оказывается, пытались понять жизнь одним и тем же принципом, принципом, который можно обозначить словом понятным любому современному подростку- влюбаться. Таким образом, часть жизни Пруста была битовой (он и не подозревал о существовании данного слова) что мы и постараемся доказать на ниже приведенных примерах.

”... Вдруг какая-нибудь кровля, отсвет солнца на камне, дорожный запах заставляли меня остановиться, благодаря своеобразному удовольствию, доставляемому мне ими, а также впечатлению, будто они таят в себе, за пределами своей видимой внешности, еще нечто, какую-то особенность которую они приглашали подойти и взять, но которую, несмотря на все мои усилия, мне никогда не удавалось открыть. Так как я чувствовал, что эта таинственная особенность заключена в них, то я застывал перед ними в неподвижности, пристально в них вглядываясь, внюхиваясь, стремясь проникнуть своею мыслью по ту сторону видимого образа или запаха”(Пруст2004:187).

“Ты хоть раз врубался в окна? Давай поговорим об окнах. Мне приходилось видеть действительно сумасшедшие окна. Которые корчили мне рожи, а на некоторых были опущены

жалюзи, и они мне подмигивали” (www.vladivostok.com/SpeakingInTongues/road.htm).

“Он увернулся от фургона с впряженным мулом: внутри трясся старый негр. - Да! – завопил Дин. – Да! Врубитесь в него! Только прикиньте его душу, давайте чуть-чуть остановимся и прикинем”.

“Эта последняя вещь то, чего ты не добьёшься, Карло. Никто не может добиться этой последней вещи. Мы продолжаем жить в надеждах поймать её раз и навсегда...”

Эти отрывки взяты из двух книг, принадлежавших разным эпохам, совершенно разным литературным стилям. Первый отрывок взят из произведения Марселя Пруста “В сторону Свана”, три других из “культового романа Джека Керуака “На дороге”. Аватар первого отрывка- “ творческая личность, обладающая чувствительной душой и тонким глубоким умом”.(Так описывал Рене Петер Марселя Пруста, говоря о его дружбе с известным французским композитором и дирижёром Рейнальдо Аном). Сам же Марсель Пруст давал себе следующее описание:”Ко мне все так добры, так со мной носятся, стараясь ни на минуту не оставлять одного, и окружают заботой , коей я вовсе не заслуживаю,- ведь я обычный больной, я неудачник, портящий всем праздник!”.Аватар остальных отрывков незадолго до своей смерти произнёс следующее:”Теперь я лучше обойду всех, скажу каждому или позволю убедить себя в том, что я “ Великий Белый Отец” и “интеллектуальный предтеча” расплодивший море помешанных радикалов, пацифистов, выпавших, хиппи и даже Разбитых, сделал себе бабки и сварганил “ современный” образ Джека Керуака. Да ну их к дьяволу”(http://chewbakka.com/brains/beat).

Довольно интересно сравнить добропорядочного буржуа, тяготеющего к аристократизму и хипстера, презирающего общепринятую мораль, нравственные устои и нормы поведения.

Ни Марсель Пруст ни Джек Керуак никак не могли предвидеть оглушительного успеха своих произведений, оба этих писателя предстают перед широким кругом читателей в образе таинственных, мистических фигур, проще говоря, ”фриками” с миллионами нелепых историй в биографиях. Если что-то объединяет этих двух писателей, так это неумолимое стремление открыть и врубаться.

Под этими двумя словами- литературным “открыть” и сленгизмом «врубаться» авторы отрывков подразумевают “познать”. Было бы вполне логично задать вопрос: ”Познать что?” Пруст называл это лаконично и вполне понятно ”какую-то особенность”, Керуак говорил об этом довольно туманно: ”Никто не может добиться этой последней вещи., (<http://chewbakka.com/brains/beat>).

Мы продолжаем жить «в надежде поймать её раз и навсегда». Кстати, о чём бы ни шла речь, Пруст “согласен” с Керуаком: несмотря на все мои усилия, мне никогда не удавалось открыть. Вербальное выражение не способно вместить в себя смысл того, что имели в виду писатели, называя это “особенностью, вещью”.

Когда не хватало привычной экспликации мыслители пытались передать это несколько искусственными словами такими как *Istigkeit* (слово использованное немецким теологом Иоганном Экхартом и переведённое на русский язык как Есть-ность), Таковость (безоценочное восприятие вещи, по мнению, английского писателя и философа Олдоса Хаксли), суть, сущность и конечно знаменитое кантовское *DinganSich* (Вещь в себе).

Вполне возможно, что ни Пруст, ни Керуак не отдавали себе отчёт в том, что пытаются воспринять вещь безоценочно, увидеть её такой, какая она есть, это тоже самое, что увидеть, скажем, выдающегося или всеми уважаемого делового человека в дошкольном возрасте, пока он ещё не успел приобрести навыки делающие его выдающимся, всеми уважаемым или деловым человеком.

Примечательно, что сленгизм «врубаться» в оригинале звучит как *todig*, что на русском языке означает “*копать*”. По все видимости, *todig* выдуманно как и многие сленгизмы английского языка поколением битников к которому принято относить Джека Керуака). Отрывки из произведений Керуака “На дороге” в оригинале выглядят следующим образом: “... *haveyoudugwindows?*” “*Yes!*” *yelled Din. “Yes! Dig him! Now consider his soul- stop awhile and consider”*(Kerouac1976:113). Довольно интересно слово *toconsider* переведённое на русский язык как “*прикинуть*”. Это именно тот случай, когда совершенно литературное слово в оригинале при переводе получило новую жизнь в виде сленгизма. На английском *toconsider* означает обдумывать, рассматривать,

считать, учитывать, брать во внимание. Аналогом того, о чём говорил один из персонажей романа “На дороге” Дин Мориарти “только прикиньте его душу – давайте чуть-чуть остановимся и прикинем”, является “... я застывал перед ними в неподвижности, пристально в них вглядываясь, внюхиваясь, стремясь проникнуть своею мыслью по ту сторону видимого образа или запаха”. Так останавливался и прикидывал Марсель Пруст. Разница между этими фразами (Керуака и Пруста) лишь в экспликации. На рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, Марсель Пруст, как и его современники вели размеренную, степенную жизнь, стремясь смаковать и разворачивать каждое впечатление в длинную, плавную тираду, где каждое слово выверено ощущением, где восприятие эстетизируется, а мысль доводится до конца только в том случае, когда использованы все синонимы, все эпитеты, все художественные сравнения для её более чёткого и точного выражения, “... заставляли меня остановиться, благодаря своеобразному удовольствию, доставляемому мне ими, а также впечатлению, будто они таят в себе, за пределами...”(Пруст2004:188). Конечно, своеобразный стиль Пруста, а также его пристрастие к всевозможным уточнениям сыграли не последнюю роль в многословном выражении того, что Керуак просто назвал “прикинуть”, но и сама эпоха требовала этих уточнений и многословия. Тем не менее, “застывать перед ними в неподвижности, пристально в них вглядываясь, внюхиваясь, стремясь проникнуть своею мыслью по ту сторону видимого образа или запаха” и простенькое “давайте чуть- чуть остановимся и прикинем” в данном случае имплицитно означают одно и то же.

Окна, отсвет солнца на камне, кровля, дорожный запах...Окна Керуака совершенно органично вписались в цепочку вещей Пруста. Как окна, так, например, и кровля вещи обыденные, встречающиеся на пути каждого человека чуть ли не каждый день, но лишь немногие догадываются о “таинственной особенности” этих вещей, в которую следует врубиться. На данном примере видно, что Пруст как и Керуак обожали врубаться в вещи, то есть, искать их суть, истинность, суть. Впрочем, “несмотря на все мои усилия, мне никогда не удавалось открыть”. Керуак же продолжал” жить в надежде поймать её раз и навсегда”. Говоря о том, что окна “корчили мне рожи, а на некоторых были опущены жалюзи и они мне подмигивали” Керуак пытался разобраться внутренний характер

вещи, её “ нрав и темперамент”, он хотел выявить таковость вещи. Безоценочное восприятие вещи является чистой перцепцией, только полное игнорирование сенсума может привести к мысли о “ подмигивании окон” и к тому, что окна могут корчить рожи. Сенсум не может отключиться на достаточное время, чтобы было возможно представить “чистое” впечатление более описательно, чем “сумасшедшие окна”. В этот короткий промежуток времени не приходится подбирать правильные слова, именно это и даёт возможность выразить безоценочное восприятие чётко, точно, не заботясь о том, поймут ли тебя. Из отрывка романа “В сторону Свана” видно, что Пруст не смог ухватить “правильный” миг для вербализации чистого восприятия, но не нужно забывать о том, что за приведёнными отрывками из романа Пруста следует один из наиболее запоминающихся экстрактов , где видно , что маленький Марсель всё-таки смог врубиться: “Одинокó возвышавшиеся над равниной и как бы затерянные в этой открытой и голой местности, тянулись к небу два купола мартенвильской церкви. Вскоре мы увидели три купола: смелым прыжком присоединился к ним, с некоторым запозданием, купол вьевикской церкви. Минуты проходили, мы ехали быстро, и все же три купола неизменно оставались вдали от нас, словно три неподвижно стоявшие на равнине птицы, отчётливо видные в солнечном свете. Затем купол вьевикской церкви отделился, поместился на должном расстоянии, и мартенвильские купола остались в одиночестве, позлащенные закатным солнцем; веселая игра солнечных лучей на их крупных скатах отчетливо была видна мне, несмотря на их отдалённость. Мы так медленно приближались к ним, что я думал, пройдёт ещё немало времени, прежде чем мы доберёмся до них, как вдруг экипаж сделал крутой поворот и подкатил к самой церкви; она так внезапно встала на нашем пути, что если бы кучер не осадил лошадей, экипаж налетел бы на церковную паперть. Мы снова тронулись в путь; мы покинули Мартенвиль, и деревня, провожавшая нас несколько секунд, исчезла, а мартенвильские купола и купол Вьевика, одиноко оставшиеся на горизонте наблюдать наше бегство, всё ещё качали, прощаясь, своими залитыми солнцем верхушками. Иногда один из них отодвигался в сторону, так чтобы два других могли видеть нас ещё некоторое время; затем дорога изменила направление, они повернулись в светлое небо, как три золотых стержня, и исчезли из поля моего

зрения. Но немного погодя, когда мы подъезжали к Комбре и солнце уже закатилось, я увидел их в последний раз; они были теперь очень далеко и казались тремя цветками, нарисованными на небе над низкой линией полей. Они напоминали мне также трёх девушек из старинной легенды, покинутых в пустынном месте среди надвигавшейся темноты; и, в то время как мы галопом удалялись от них, я увидел, как они испуганно заметались в поисках дороги и, после нескольких неловких отступающих движений их благородных силуэтов, прижались друг к дружке, спрятались друг за дружкой, образовали на фоне ещё розового неба одну только темную фигуру, очаровательную и безропотную, и в заключение пропали во мраке” (Пруст2004:191).

Итак, наконец-то М.Прусту поддалась та “особенность, которую они(то есть, предметы) приглашали подойти и взять”, но которую писателю так трудно было поймать. Пруст никуда не спешил, можно даже сказать, что его огромная работа “В поисках утраченного времени”, несмотря на хронологическое описание - характеризуется небольшой стагнантностью, тогда как роман Керуака “ На дороге” само воплощение движения. Двигаясь всё дальше и дальше как по стране, так и в собственном эмпиризме, Керуак молниеносно изучал вещи, “врубался “в них, затем небрежно отбросив их, двигался дальше. Пруст же не признавал грубости в “открытии особенности в предметах”, он отличался почтительностью и деликатностью. В данном случае и Керуак и Пруст одновременно и жертвы и бенефициарии своих эпох. Жертва скорости, Керуак был вынужден “врубаться”на ходу, высматривая предметы из окна машины несущейся на недопустимой скорости, бенефициарий же, потому что имел право не тратить на это много времени, так как, эффект был одним и тем же(то есть, результат полученный в движении был схож с тем, который приобретался в инертном состоянии). Пруст затрачивал слишком много времени тщательно сканируя каждую вещь в отдельности, но методичность, с которой это совершалось - позволяла писателю отыскивать более поэтичные выражения таковости вещей. Там, где все прочие увидели бы всего лишь всем известное вращение планеты, Пруст усмотрел всю суть характера не только вещи, предмета, но и самого явления вращения.

Проявление “сумасшествия окон” и “ смелых прыжков куполов” соответствует единой идеи Dingan Sich, то есть выра-

жения вещи действию, но эти действия автор должен найти сам. Именно оно, должно с особой точностью нести всю внутреннюю информацию вещи, всю её интимность, то, что Майстер Экхарт называл *Istigkeit* (Есть-ность). Увидеть вещь в “правильном действии”, то есть в том, которое характеризует её не приблизительно, отдаленно, а настолько точно, что иных вариантов просто не существует, это подлинная гениальность. Окна корчащиеся рожи или запаздывающие купола, это не стилистические приёмы, это то, что люди пытаются найти, увидеть друг в друге - суть. Пруст гениально выразил сущность куполов в последнем предложении “как они испуганно заметались в поисках дороги и, после нескольких неловких отступающих движений их благородных силуэтов, прижались друг к дружке, спрятались друг за дружкой, образовали на фоне ещё розового неба одну только тёмную фигуру, очаровательную и безропотную, и в заключении пропали во мраке.”

Оба романа “В сторону Свана” и “На дороге” включают в себя элементы автобиографии, оба произведения преследуют одни и те же задачи- изучить время. Как уж было сказано, феномен времени понимался этими двумя личностями по-разному, об этом говорит и форма произведений. Рукопись романа “На дороге” выглядит как 36 метровый свиток из печатных листов, склеенных скотчем для того, чтобы читатель всё время ощущал движение не перелистывая страницы. Гениальность произведения Пруста “В поисках утраченного времени” составляет семь романов, писавшихся более десяти лет, Керуак написал “На дороге” за три недели. Но даже это не столь важно, важно другое- оба этих таких разных писателя всё-таки утолили своё желание врубаться и открывать особенность.

Литература:

1. Пруст М. В сторону Свана. М., 2004.
2. Петер Р. Одно лето с Марселем Прустом. М., 2007.
3. Kerouac J. On the road. 1976.
4. www.vladivostok.com/Speaking In Tongues /road.htm
5. <http://chewbakka.com/brains/beat>

Nunu Bakuridze (Georgia)

**THE ESSENCE AS THE CONCEPT IN M. PROUST'S NOVEL
"SWANN'S WAY" NUNUBAKURIDZE**

Abstract

The main goal of the article is to display the resemblance between M. Proust and J. Keruacs ways of perception. But there is some certain difference too which is conditioned by the epochs in which the authors lived. Both authors appear to be simultaneously the beneficiaries and the victims of their epochs but the meticulous analyses of the particular points of the extracts express some puzzling resemblance between such a different personalities. It prove that despite everything the hipster and the gentleman were preoccupied with "digging" things and subjects.

L'HUMOUR NOIR FRANÇAIS COMPARE DU GENRE "BLAGUE"

A la différence de l'humour noir philosophique et du courant littéraire correspondant, l'humour noir du post-folklore exprime les attitudes et les humeurs du peuple tout entier, y compris les couches sociales les moins instruites, n'ayant rien de commun avec la littérature et la philosophie. Il est possible que le terme même "humour noir" prend son origine aux expressions françaises "humeur noire", "le chagrin noir", "noire destinée", "âme noire", "le roman/ le film noir", "voir tout en noir", "broyer du noir", "s'enfoncer dans le noir" où le mot "noir" "est pris au sens figuré de "mélancolique", "triste", "désespéré" (5).

En ce qui concerne l'anglais, il est probable que le terme "l'humour noir" est issu du phraséologisme "(as) black as "hades" qui veut dire "sans joie, triste, morne", "sans issue", "(une vie) sans joie", "obscur", "sombre", "morose", "lugubre". Cet éventail de connotations de "noir" est plus au moins pareil dans les langues comparées.

Ainsi, en géorgien le mot "noir" (chavi), sauf son sens primaire, possède aussi quelques "idées noires", les "forces noires", synonyme de triste et d'injuste. En Géorgie c'est une couleur préférée des hommes et des femmes (qui ne sont pas en deuil) et même de la jeunesse. C'est pourquoi il n'y a presque pas d'expressions et des groupes de mots avec une connotation négative de la couleur noire. Il en est de même avec l'humour noir qui est peu présent dans les historiettes étudiées en géorgien où il porte plutôt la tonalité "grise".

Il est à remarquer que l'humour noir français est peu étudié depuis les années trente et soixante: Alquier 1968; Aubouin 1948; Breton 1992; Le Brun 1968 (1, 2, 4, 6). Cependant les blagues sont un phénomène très actif et vivant du post-folklore français, dont témoignent, en particulier, L'Encyclopédie des blagues – 2012 et le Grand Dictionnaire des blagues – 2012.

Les historiettes françaises étudiées sont choisies de « L'Encyclopédie des blagues – 2012 » d'après le principe de leur appartenance à l'humour noir, sans tenir compte des courts mots ou traits d'esprit.

La dimension minimale des historiettes, - ce sont deux répliques (réponse-question), donc un court dialogue doit y avoir lieu.

Il y a les termes synonymiques de « blague », «plaisanterie» qui consistent à raconter des histoires fausses, exagérées, ou à envisager les choses avec scepticisme et ironie:

Ainsi, dans le dictionnaire de synonymes nous trouvons : « la bouffonnerie », une facétie poussée trop loin, mais encore grotesque et grossière. «Quolibet», est une plaisanterie, bouffonnerie de mots vulgaires, injurieuses et insipides qui est souvent une raillerie. « Gaudriole » ajoute à la facétie l'idée de propos un peu libres.

« Malice », « Gentillesse », « Pièce » et « Tour » impliquent une petite méchanceté faite par plaisanterie et se rapprochant de la « moquerie » et de la « raillerie ». « Niche », mot familier, comporte aussi l'idée d'enfantillage, mais avec plus de méchanceté ou de mesquinerie. « Attrape » est une plaisanterie qui consiste dans un petit scénario monté pour tromper quelqu'un (Bénac 2000).

Il y a en français beaucoup de dénominations de celui qui fait rire: “badin”, “bout-en-train”, “bon vivant”, “bon plaisant”; faux plaisant se disant de celui qui fait rire par des plaisanteries outrés ou sans sel. Pince sans rire, celui qui plaisante en restant froid et insensible; Plaisantin (péjoratif) est celui qui tourne tout en plaisanterie ou fait, à propos de tout, des plaisanteries d'un goût douteux. Loustic, familier, celui qui fait des plaisanteries faciles et incessantes soit à la caserne, soit dans un groupe quelconque. Pitre, fig., celui qui fait des grimaces, des plaisanteries grossières, dignes d'un farceur de foire;

Pasquin, méchant diseur de bons mots, satirique plaisant; Saltimbanque, fig., bouffon de société ou mauvais orateur qui débute avec des gestes outrés et des plaisanteries déplacées. Farceur, celui qui raconte de grosses histoires bouffonnes sans tomber toutefois dans la grossièreté. Fumiste, fig. péj, mauvais plaisant qui raconte des histoires fausses. Blagueur, familier, celui qui raille ou plaisante en faisant croire des contes en l'air (idem : 705-706).

Cette variation riche de dénominations de “celui qui fait rire”, démontre non seulement l'attitude envers celui qui adresse ses blagues à l'auditoire, mais aussi les nuances de blagues et de plaisanteries.

En anglais on retrouve les synonymes suivants de “celui qui fait rire”: joker, jester, trickster, qui font “malicious joke”. En géorgien il y a un mot de celui qui plaisante – “ხუმარა” (8).

Donc, le langage suggère qu'il y avait toujours l'humour “rose” (le terme d'Ernst) et l'humour dit noir en plaisanterie “d'un goût doute-

ux”. Cette opposition binaire “vie-mort” est naturellement présente dans l’humour à travers les siècles.

En français il y a plus d’humour noir qu’on y pense. C’est incroyable, mais son taux est beaucoup plus élevé que celui de l’anglais. Ainsi pour chaque millier d’historiettes et de blagues que nous avons découvert en français, on trouve 10 % de celles-ci qu’on pourrait rapporter à l’humour noir.

D’après notre analyse préliminaire nous constatons qu’en ce qui concerne les histoires drôles françaises, leur message ne coïncide pas avec les rubriques de l’Encyclopédie des blagues-2012 : Absurde, Animaux, Argent, Avocat, Bar/Bistrot, Belle-mère, Blonde, Célébrité, Charade, Cocu, Coiffeur, Comble, Couple, Desproges, Devinette, Différence, Divers, Education, Enfant, Entreprise, Etudiant, Extraterrestre, Femme, Flic, Fonctionnaire, Fou, Français, Gore, Guerre/soldat, Homme, Humour noir, Informatique, Ivrogne, Magie, Médecin/Docteur, Métiers, Monsieur et Madame, Nature, Nourriture, Objet, On ne dit pas, Politique, Proverbe/Dicton, Religion, Ressemblance, Restaurant (7, 9). Certaines rubriques sont plus au moins abondantes en humour noir. Les messages de la notion axiologique ou appréciative de l’«humour noir» sont présents pratiquement dans chacune des cinquante rubriques. Dans la rubrique d’«Humour noir», nous n’avons trouvé que treize historiettes. Cependant, l’analyse des trois cents historiettes des dix premières rubriques montre une quarantaine de celles qu’on pourrait rapporter à ce genre de messages, c’est-à-dire, de l’information implicite qui renvoie à tout ce qui se rapporte à la mort ou à la maladie (grave). Bien que la rubrique «humour noir» est fixée à part, ceci ne correspond pas à la réalité. Cette rubrique ne comprend que 13 blagues, tandis que l’humour noir est présent un peu partout, par exemple, dans les rubriques suivantes : Absurde, Animaux, Célébrité, Couple, Femme, Homme, etc.

Par exemple, rubrique « Couple » : « Pierre est parti en voyage d’affaires. Après une semaine, il téléphone chez lui. C’est son frère qui décroche. –Alors, tout va bien à la maison ? – Non, ton chien est mort ! – Tu pourrais être moins direct, me dire : « On a dû appeler le vétérinaire... » . Enfin, bon. Et ma femme, comment va-t-elle ? - On a dû appeler le docteur... »

L’effet « comique » de cette historiette consiste en tournures analogiques avec lesquelles on annonce le décès : « On a dû appeler le docteur ». Le début n’affiche aucun danger. Les trois premières phrases annoncent le départ de Pierre, son coup de fil à la maison et que son inter-

locuteur est son frère. Au milieu apparaît un élément troublant la sérénité du voyageur : son chien est mort ! Ne voulant pas troubler sa paix, Pierre suggère une périphrase : « On a dû appeler le vétérinaire ». C'est par la périphrase analogique qu'il apprend la mort de sa femme. L'effet de l'incompatibilité des notions chien ↔ femme déclenche le comique de la situation.

Dans la blague française suivante l'action se passe dans un bureau d'assurance, c'est le dialogue entre la veuve et l'assureur. La dame incinère son mari pour toucher le capital-décès. Ce n'est qu'au dernier mot de l'histoire qu'on apprend que la veuve fait incinérer son mari car il s'était assuré contre l'incendie ! Les intérêts mercantiles la poussent à obtenir son capital-décès à tout prix. La mort est constatée post factum dans cette historiette, mais la veuve veut en tirer son profit:

« Une dame se présente au bureau de son assureur. – Mon mari est mort. Je viens toucher le capital-décès ! – Mais Madame, votre mari ne s'était assuré que contre l'incendie ! – Justement, c'est pour cela que je l'ai fait l'incinérer... »

Il n'y a pas de grandes différences entre les types de la création de l'effet humoristique et les sujets qui y sont traités dans les historiettes anglaises, américaines et géorgiennes. Pratiquement dans chaque thème se rencontre l'humour noir (dark humour), par exemple, dans la rubrique Vieillesse : 1. Fr. « - Quel sont les mammifères qui n'ont pas de dents ? - La grand-mère et le grand-père ». Une constatation des faits d'un certain âge permet de formuler la question.

2. Amér. "Old Johnson was complaining about a severe pain in his right leg. - It must be old age," suggested a doctor. - It can't be that, - Old Johnson retorted: - My left leg is just as old as my right one, and it doesn't hurt a bit." (Le vieux Johnson se plaint qu'il a mal au pied droit. A la réponse du médecin que cela arrive à son âge, il rétorque: «Mais mon pied gauche est de même âge, et moi, il ne me fait pas mal ! »)

3. Géorgien : « - Ma grand- mère avait soixante ans quand elle s'était mis à marcher trois kilomètres par jour,- raconte l'enfant à ses copains. – Elle est où maintenant ?, - demandent ceux-là. –Elle a déjà 93 ans et personne ne sait où elle est ! ». Dans cette historiette il s'agit d'une période dure dans la vie humaine. En Géorgie il y a beaucoup de personnes très âgées, qui font du sport ou font un travail à la mesure de leurs forces. Dans cette historiette la marche sportive avait redonné les forces, mais n'a pas pu aider contre la sclérose.

Considérons une histoire drôle comme un récit en miniature, alors toutes les lois essentielles de ce genre y peuvent être appliquées. Les indices d'un récit et d'une histoire drôle permettent de répondre aux questions suivantes: «Où?» «Quand?» «Qui?» «Quoi ?» «En vue de quoi?».

En ce qui concerne les fonctions des personnages, on pourrait les identifier à l'aide des approches suivantes: - qui agit (le protagoniste) ; - de quelle mission il s'agit (l'agression, on prête, on ne prête pas le secours, etc.); - qui fixe la mission (le destinataire) ; - qui doit en bénéficier (le destinataire) ; - qui ou quoi aide le protagoniste (des adjuvants) ; - qui ou quoi fait obstacle (les opposants).

Les textes brefs humoristiques omettent souvent un ou plusieurs points typiques du récit. En ce qui concerne les modèles constructives des sujets des historiettes, il y en a quelques-uns :

Modèle 1 de type « question – réponse » est peu populaire en français, le plus populaire en anglais, en américain et en géorgien. La deuxième place appartient aux historiettes dialoguées à trois répliques, dont la deuxième d'habitude est une question précisante de l'antagoniste. En premier cas la pointe est faite par l'antagoniste. En deuxième cas le sel de l'historiette est relaté par l'antagoniste du dialogue imaginaire, qui constitue la blague.

Modèle 2 est plus présente en français et en anglais mais il y a des nuances spécifiques. Le français préfère ses historiettes, en plein sens de ce mot. Ce sont les nouvelles-miniatures avec l'accent au dernier mot qui renverse le sens de ce qui était raconté. L'éloquence, la finesse et choix des mots y priment. Ce n'est pas seulement pour rire, mais pour déguster un «nouveau plat» intellectuel. Chaque mot de narrateur prépare le dénouement et l'explosion du rire juste au dernier mot. Les histoires drôles des autres cultures n'ont pas cette particularité et c'est la proposition – réplique toute entière qui constitue le sel :

1. Fr. Dans l'historiette qui suit, il s'agit d'un malade mental qui sauve la vie d'un autre fou. La direction de l'hôpital ordonne immédiatement le laisser sortir de l'hôpital, car il était capable d'un acte de bravoure, en sauvant la vie d'une autre personne. Mais son équilibre mental n'est qu'un mirage, parce qu'après le sauvetage il se révèle que le sauvé ne s'est pas pendu : ce malade « héroïque » l'a accroché dans la salle de bains, avec la ceinture de sa robe de chambre... pour qu'il SÈCHE ! Donc on peut en conclure un message suivant : si « le cœur d'un homme est un abîme » , le cœur d'un fou ne peut comprendre même le médecin éprouvé. « Guy et Denis sont des malades mentaux qui résident dans un

hôpital psychiatrique. Un beau jour où ils passaient près de la piscine de l'hôpital, Guy plonge soudainement à l'eau et coule à pic. Denis saute à son tour et va chercher Guy au fond pour le ramener à la surface. Quand le directeur de l'hôpital a appris l'acte héroïque de Denis, il a immédiatement ordonné de le laisser sortir de l'hôpital, parce qu'il le jugeait être mentalement stable à cause de cet acte de bravoure. Le Directeur va rencontrer Denis pour lui apprendre la nouvelle, il lui dit : « Denis, j'ai une bonne et une mauvaise nouvelle à t'apprendre ! La bonne, c'est que nous te laissons sortir de l'hôpital, parce que tu as été capable d'accomplir un acte de bravoure en sauvant la vie d'une autre personne. Je crois, tu as retrouvé ton équilibre mental. La mauvaise, c'est que Guy s'est pendu dans la salle de bains, avec la ceinture de sa robe de chambre ! » Denis de répondre au Directeur: « Il ne s'est pas pendu, c'est moi qui l'ai accroché là pour qu'il sèche ».

2. Angl. Le fanatisme des fervents du sport anglais est connu. Ainsi, dans l'historiette suivante un des fans n'est pas allé aux funérailles de sa femme pour ne pas manquer le match d'« Arsenal » à Wembley : « There was an Arsenal fan with really crappy seat at Wembley. Looking with his binoculars, he spotted an empty seat on the halfway line. Thinking to himself, "What a waste!" he made his way down to the empty seat. When he arrived at the seat, he asked the man sitting next to it, "Is this seat taken?" "This is my wife's" said the fellow. "She passed away recently. She was a big fan of Arsenal." "I am so sorry to hear of your loss," said the man. May I ask you why you didn't give her ticket to a friend or relative?" "Because they're all at her funeral" »

3. Amér. « Once upon a time there was a famous sea captain. This captain was very successful at what he did for years he guided merchant ships all over the world. Never did stormy seas or pirates get the best of him. He was admired by his crew and fellow captains. However, there was one thing different about this captain. Every morning he went through a strange ritual. He would lock himself in his captain's quarters and open a small safe. In the safe was an envelope with a piece of paper inside. He would stare at the paper for a minute, and then lock it back up. After that, he would go about his daily duties. For years this went on, and his crew became very curious. Was it a treasure map? Was it a letter from a long lost love? Everyone speculated the contents of the strange envelope. One day the captain died at sea. After laying the captain's body to rest, the first mate led the entire crew into the captain's quarters. He opened the safe, got the envelope, opened it, and... The first

mate turned pale and showed the paper to the others. Four words were on the paper, two on two lines: "Port Left Starboard Right". Dans cette historiette il s'agit d'un professionnel qui avait son grave défaut secret. La pointe de l'historiette est en absurdité et illogisme de la situation : un capitaine célèbre, très astucieux en navigation, avait une habitude de se renfermer dans sa cabine, il ouvrait son coffre-fort et regardait une minute un billet. Après il se mettait à remplir ses fonctions quotidiennes. Son équipage se perdait en conjectures : c'est une carte des trésors ? Une lettre de sa bien-aimée ? Quand il est mort on va regarder ce billet et on lit : PORT-bâbord, STARBOARD-tribord ».

4. Géorg. « Le médecin demande à l'infirmière: - Comment va le patient ?- Il tousse, M. le docteur ! –Euh, alors il est encore trop tôt pour l'amener à la morgue».

En américain et en anglais il y a les blagues très spéciales, constituées des deux réplique, par exemple, Knock-Knock. En français ce sont les séries Devinettes et Comble et en anglais il existe aussi une série analogue «riddles».

1.Fr : Dans cette série Comble « Quel est le comble de ... ? » il arrive de rencontrer ceux qui ne sont pas basés sur le jeu de mots et qui sont humoristiques du point de vue formel. En voilà une des histoires drôles dont l'humour est basé sur la psychologie du protagoniste: l'avarice poussée à l'extrême : on donne son corps à la science pour des raisons mercantiles, « pour ne pas payer les frais d'enterrement » . C'est la logique du défaut qui se laisse voir jusqu'au dernier soupir du radin : 2.Fr : « - Quel est le comble du radin ? De donner son corps à la science pour ne pas payer les frais d'enterrement ». 3. Fr. « - Comment savoir si son mari est mort ?– Vous avez accès à la télécommande ».

Donc en français sont préférées en général les blagues chargées de détails ou de plusieurs personnages, ce que contredit un peu la définition de la blague « une histoire drôle imaginaire à la forme brève et laconique » (5).

Au niveau du sujet les historiettes « noires » sont construites en général d'après un seul échantillon sémantique: le commencement paisible et calme ne prédit rien d'effrayant ou de désagréable, dégoûtant. Ensuite un élément de l'anxiété et de l'inquiétude s'introduit au milieu de la narration. Ce peut être un détail insignifiant ou une réplique qui met du désaccord dans le bon fonctionnement du quotidien. Alors, l'impression de l'incipit plus ou moins paisible commence à s'ébranler.

Enfin, au dernier moment tout le bonheur ou la prospérité apparente s'écroule.

Bibliographie:

1. Alquie F., Sous la direction de., Entretiens sur le surréalisme (ont eu lieu du 10-18 Juillet 1966). France. Mouton&CO, 1968 (en français).
2. Aubouin E., Les genres du risible, Marseille, 1948(en français).
3. Bénac H., Le dictionnaire des synonymes, Paris, Hachette, 2000.
4. Breton A., Anthologie de l'humour noir, in : Œuvres complètes, Bibliothèque de la Pléiade, Paris, Gallimard, 1992, tome I (en français).
5. Grand Larousse, Paris, Edition Larousse, 1980.
6. Le Brun Annie, L'humour noir, Entretiens sur le surréalisme (ont eu lieu du 10-18 Juillet 1966), Sous la direction de Ferdinand Alquie, France, Mouton&CO, 1968 (en français).
7. Le Grand Dictionnaire des blagues – 2012, Paris, Editions ESI, 2011.
8. Le Grand dictionnaire russe-géorgien en 3 volumes, Tbilissi, 1980.
9. L'Encyclopédie des blagues – 2012, Paris, Editions ESI, 2011.
10. Recueil des blagues, Tbilissi, Palitra, 2000 (en géorgien).

Виктория Диасамидзе (Грузия)

К СРАВНИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ ЧЕРНОГО ЮМОРА ЖАНРА «АНЕКДОТ»

Резюме

В статье дается определение понятия черного юмора на материале жанра «анекдот» и специфика названного юмора в сравниваемых языках. Анализируются частные конкретные примеры и рассматриваются модели классификации языкового материала с различных точек зрения. Приводится ряд терминов, синонимичных термину «анекдот» и его транслатору в коммуникативной ситуации. Рассматривается представленность анекдотов тональности черного юмора в рубриках Энциклопедии анекдотов-2012 (Париж) и их типичная семантическая структура. Анализируемый французский фактический материал сравнивается с конкретными текстами жанра «анекдот» в английском и грузинском языках.

ФОЛЬКЛОР КАК ВТОРИЧНАЯ ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА

Фольклор всегда представляет интерес как литературоведов, так и лингвистов. Это дорожка - наследие, способ увековечить культурную организацию, оставленное людьми, которые еще раньше пытались выразить свое отношение к миру. Это объясняется, наверно тем, что фольклор в определенной форме содержит накопленный опыт, взгляд на мир и представляет собой отражение особой картины мира, сложившейся в народном сознании в течение тысячелетий, дает моделирующую систему знаков, не утратившей значимости и в наше время. Особенно актуально изучение устного народного творчества в настоящее время, когда растет интерес к историческому прошлому.

Фольклор – народная культура, совокупность словесных текстов, вошедших в устную бытовую традицию какого-либо этноса со своей особой жанровой системой, набором сюжетов, героев, изобразительных средств. Многие исследователи-фольклористы, включая Н.Б.Мечковскую, Е.М.Мелетинского, К.Леви-Стросса, определяют фольклор как «вторичную моделирующую систему». Такой термин появился после того, как фольклор, наряду с религией, мифологией или искусством, стали сравнивать с естественными языками: фольклор, как и язык, включает в себя системные компоненты – знаки, которые расшифровываются фольклористами в текстах сказок так же, как переводчики расшифровывают для читателей знаки – слова – незнакомого языка. Эти знаки – архетипы и символы, которые составляют «ядро» сказки, и в этом «ядре» сокрыт сказочный феномен, благодаря которому сказка захватывает и очаровывает не только детей, но и взрослых.

Н.Б.Мечковская определяет эту систему как «искусство, художественно-эстетическое отображение мира», которое развивается из мифологии (Мечковская 2008: 360). Вопрос происхождения сказки может быть решен с позиций разных подходов к поиску истоков этого фольклорного образования. Точка зрения К. Маркса, основывающаяся на предположении о том, что существует определенный способ производства, который обуславливает сказку, была опровергнута В. Я. Проппом. Он утверждал, что

возникновение сказки связано вовсе не с производственным базисом, что сказку надо сравнивать с исторической действительностью прошлого и корни её искать тоже в истории (Пропп 1986: 64). Кроме того, В.Я. Пропп вместе с Е. М. Мелетинским последовательно обосновали развитие сказки из мифа, или её отпочкование от мифа. Присоединяясь к вышеприведенной точке зрения этих исследователей, сделаем вывод, что выделение сказки из сакральной субстанции мифов происходило там, где миф терял свою религиозную сущность. Таким образом, миф и сказка отличаются не по своей форме, а по своей социальной функции. (Пропп 1986: 98). В связи с необходимостью проследить развитие не только средств выражения, но и самих сюжетов сказки представляется необходимым вернуться к начальному этапу её развития, не отходя от концепции её исторического прошлого. Однако рассмотрение истории как непосредственного и прямого прототипа фольклорных сюжетов чревато ошибочным пониманием происхождения образов и мотивов сказки. Такое чисто эмпирическое рассмотрение проблемы, считает В. Я. Пропп, приводит нас к поиску реальных крылатых змеев или крылатых коней в истории и к убеждению, что сказка сохранила воспоминание о них, что в корне неверно. (Пропп 1986: 108). Чтобы разобраться в этом вопросе, приведем ещё один пример: Баба Яга, которая собирается съесть героя, вовсе не является сказочным отражением каннибализма. Этот образ рождается из многих прошедших через время коллективных ассоциаций, из мыслительной деятельности, перекодирующей бытовые образы в образы абстрактные. Таким образом, развитие сказки – это не развитие хронологического отражения действительности со временем, с ходом истории, а эволюция образов и ассоциаций в процессе становления национальной картины мира, коллективного и индивидуального мышления, и вербализация этих образов – их выражение через знаки фольклорного языка.

Фольклорная загадка представляет собой один из любопытных игровых приемов тренировки рефлексии в определении концептов. В толковом словаре Ожегова и Шведова находим такое определение предметов. Хлеб – это пищевой продукт, выпекаемый из ржаной или пшеничной муки А в загадке читаем: И комковато, и ноздревато, и кисло, и ломко, а всех милей. В загадке определение хлеба построено на контрапозиции и содержит аксиологическую

доминанту. Есть и другое определение хлеба. Грузинской детской аудитории (знакомясь со сказкой «Колобок») преподаватель объясняет, что колобок – это хлеб, но только кругло испечены. В фольклорной загадке читаем фольклорно-загадочную концептуализацию лука: Сидит дед в семь шуб одет, кто его раздевает, тот слезы проливает. А в словаре лук – это огородное растущее растение семейства лилейных с острым вкусом луковичи и съедобными трубчатыми листьями.

Семиотика, в свою очередь, изучает фольклор как знаковую систему в синхронии, отвлекаясь от исторического аспекта. Именно поэтому Е.М. Мелетинский утверждает, что фольклор гораздо более подходит семиологам в качестве объекта изучения, чем литература: фольклор коллективен, а не индивидуален, сказитель, в отличие от автора, работает не по принципу своеобразия творческой личности, но по принципу фольклорной нормы – воспроизведения сказки с помощью отдельных формул, поэтической лексики, опираясь на знакомый сюжет и стиль (Мелетинский 1977: 23). В процессе такого воспроизведения сказитель остается в пределах символической моделирующей системы, которую, как язык, можно рассматривать с позиций семиотики, а именно с позиций триады Ч.Пирса: структуры (синтактика) – отношений структурных элементов фольклорного образования друг к другу; смысла (семантика) – отношения формы к содержанию, знака к денотату; а также с позиции прагматики, которая включает объяснение диалогической природы фольклорного текста и имеет дело с отношением качества и количества культурной информации и коммуникативной ситуации воспроизведения текста.

Изучение же сказочной концептосферы с целью выявления особенностей вербализации в ней тех или иных концептов, сходства и различия фольклорных и общекультурных концептов способствует решению проблем взаимодействия языка и культуры, формирования этноязыковой картины мира, «сгусток культуры в сознании человека», известное определение концепта, данное Ю.С. Степановым (Степанов 2007: 89).

Русская фольклорная концептосфера отличается от общекультурной как по составу компонентов, так и по строению. Поскольку в фольклорной языковой картине мира фиксируются донаучные, наивные, мифологические представления, набор

наиболее существенных из них, подвергшихся концептуализации, не совпадает с представленным в русской языковой картине мира в целом. Те из фольклорных концептов, которые на понятийном уровне совпадают с общекультурными, отличаются от них на уровне аксиологическом. Структурирована фольклорная концептосфера на основе противопоставления концептов «Бог» и «Черт», что также отличает ее от современной этноязыковой.

Концептосфера русского фольклора представляет собой сложную антропоцентрическую структуру. Ее отражение в текстах русских народных сказок опирается на христианское мировоззрение, народное православие. Составными частями фольклорной концептосферы являются такие субконцептосферы, как «Живая природа», «Неживая природа», «Рукотворный мир», «Общество», «Семья» и др. Фольклорная концептосфера, реализованная в сказочных текстах, может быть структурирована как антропоцентрическое, теистически направленное образование. В центре находится концепт «Человек», включенный в субконцептосферы «Общество» и «Семья». Над ним располагается биполярная структура, один из полюсов которой составляет концепт «Бог», а другой — «Черт». Концепт «Человек» как часть названных субконцептосфер находится на одном уровне с субконцептосферами «Живая природа» и «Неживая природа», поскольку определяется вместе с ними как творение Божье. Совокупная языковая личность вербализует как социальные, так и семейные отношения человека с Богом и нечистой силой, живой и неживой природой, другими членами этноса. В языке сказки отражаются представления о доме, «своем» и «чужом» пространстве, времени, стихиях и т. д. Но одним из самых важных вопросов, поднимаемых сказкой, являются проблемы моральные, которые чаще всего решаются на основе православного мировоззрения.

Применяя методику послойного анализа фольклорного концепта, мы определили особенности его отражения в сказке и отличия от общекультурного, которые проявляются на образном и оценочном уровнях. Понятийные уровни фольклорного и общекультурного концептов совпадают. Средством отражения фольклорного концепта в сказочном тексте является вербализация. Участвуют в ней языковые единицы различных уровней, но ведущая роль принадлежит лексическим и фразеологическим.

Среди них выделяются сказочные формулы, в состав которых входят зачины, концовки, рифмованные формулы, а также фразеологические единицы, которые, в широком понимании термина, включают в себя поговорки, фольклорные афоризмы и т.д. Значительную роль играют и отдельные лексемы — имена концептов и мифоконцептов. Все эти единицы являются культурно-значимыми, несут определенную прагматическую нагрузку, регулярно воспроизводятся в текстах русских народных сказок. Следовательно, их изучение позволяет получить исчерпывающее представление о русской фольклорной языковой картине мира и отраженном в ней менталитете этноса. Используя методы этнолингво-культурологического анализа, культурной интерпретации языковых знаков, при опоре на представление о менталитете, национальных особенностях русского этноса мы можем выявить прагматический, коннотативный и культурологический потенциал рассмотренных языковых единиц.

Вербализация ФК отражает закрепленные в языке народные представления о социальной иерархии, семейных ролях, окружающем мире — ближнем, «своем», и дальнем, неизведанном, о природе, животных и многом другом. Выбор лексических средств обуславливается ментальными особенностями русских. ФК, вербализованные в народной сказке, не следует рассматривать как зеркальное отражение жизненных реалий. Сказка в силу своих жанровых особенностей отличается целым рядом условностей, которые принимаются слушателями как данность. В связи с этим отраженные в языке сказки взгляды и установки преломляются через фольклорную картину мира, которая отличается от общезыковой особой ценностной ориентацией.

В связи с невозможностью проанализировать всю фольклорную концептосферу рассмотрим некоторые ФК, которые представляются в сказочных текстах особо значимыми: «Бог», «Черт», «Человек», «Царь», «Мать», «Сестра», «Храм» и некоторые другие. В современном русском этноязыковом сознании отражены ФК «Мачеха», «Баба-Яга», «Кощей Бессмертный» и другие, в качестве стандартизированных единиц используются сказочные формулы: и стали они жить-поживать и добра наживать; вот и сказке конец, а кто слушал — молодец; утро вечера мудренее; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и др., что подтверждается результатами лингвистического эксперимента. В

течение жизни человека происходит накопление представлений о различных сторонах жизни, пополнение их за счёт приобретенного опыта, обучения, воспитания, самообразования. Каждый факт реальности получает вербализованный образ, который может со временем меняться, приобретать другие языковые обозначения, уходить в пассивный запас, обрастать коннотациями. ФК в этом отношении особенно показательны своими отличиями на аксиологическом и образном уровнях от общекультурных концептов.

Литература:

1. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора. М.,1977.
2. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М.,2008.
3. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.,1986.
4. Степанов Ю.С. Концепты. М., 2007.

Dali Doborjginidze

FOLKLORE AS A SECONDARY SIGN SYSTEM

Summary

The article analyses the folklore conceptosphere representing a complex anthropocentric structure. Its reflection in Russian fairy tales is based on the Christian mentality, national orthodoxy. The elements of the folklore conceptosphere are sub-conceptospheres like *Живая природа*, *Неживая природа*, *Рукотворный мир*, *Общество*, *Семья*, etc. Folklore conceptosphere reflected in fairy tales may be structured as an anthropocentric, theistic element.

**COLOUR-CREATING FUNCTION OF LEXICAL
ELEMENTS IN FAULKNER**

For William Faulkner the human being is the sum of all his past experiences which encompass not only the person's own past but also the past of the community. In Faulkner's works the character's stream of consciousness reflects both the present and the past of the South. The southern world and its pain together with its mode of life are reflected so vividly in William Faulkner's novels that the South, Yoknapatawpha appears with all its smells, temperament and colours in the consciousness of the reader.

Among different means creating the southern atmosphere and the picture of Yoknapatawpha mentioning of southern plants in blossom has special importance in some novels by William Faulkner. These plants are a wistaria and a honeysuckle. The writer mentions them especially extensively in the novels *The Sound and the Fury* and *Absalom, Absalom!*. Forming part of Faulkner's South, the novels are united not only by the name of the place (Yoknapatawpha), problems of the South and the common character (Quentin Compson) but also by the southern plants which being used repeatedly and often in a peculiar way create the entity of the southern atmosphere.

The wistaria as well as the honeysuckle appears in the very first novel by William Faulkner *Soldier's Pay*. In the novel the honeysuckle is mentioned, but the wistaria is repeatedly used and becomes the characteristic feature of the place of action. The examples from the novel *Soldier's Pay*:

"... leaned upon a gate of iron grill-work breaking a levee of green and embryonically starred honeysuckle, watching April bury in hyacinth bed." (Faulkner 1982: 47).

"Upon a lattice wistaria would soon burn in slow inverted lilac flame, and following it they came lastly upon a single rose bush." (Faulkner 1982: 51).

"She and the baleful speechless Emmy preceding him sat arm in arm in a porch swing while afternoon sought interstices in soon-to-be lilac wistaria: afternoon flowed and ebbed upon them as they swung ..." (Faulkner 1982: 76).

“The sun flamed slowly across the wistaria, seeking interstices.” (Faulkner 1982: 152).

“The sun lengthened the shadow of the wistaria-covered wall, immersing the grouped chairs in cool shadow.” (Faulkner 1982: 153).

“At last the reddened edge of the disc was sliced like a cheese by the wistaria-covered lattice wall and the neutral buds were a pale agitation against the dead afternoon.” (Faulkner 1982: 238).

The above sentences are taken from different passages of the novel. These sentences and parts of the sentences with the wistaria mentioned in them create the southern atmosphere throughout the novel but the name of the place where the action takes place is not Yoknapatawpha yet and nor is Quentin Compson a character. A mention should be made that the wistaria in *Soldier's Pay* as well as in some other novels by William Faulkner is often mentioned and connected with *the sun, afternoon, dead afternoon*, which emphasizes the southern colour.

If the wistaria appears several times in the novel *Soldier's Pay*, *Absalom, Absalom!* is all permeated with the fragrance of the plant. The wistaria reflected in the consciousness of the character is mentioned in the very first paragraph of *Absalom, Absalom!* and bringing the scent of the southern world to the reader throughout the novel, often becomes the reader's allusion.

As it has already been mentioned, in *Absalom, Absalom!* the wistaria appears for the first time in the second sentence, which is loaded with different points of view and refers to the time when one afternoon Rosa Coldfield was telling Sutpen's story to Quentin Compson and when the character of the novel saw that “There was a wistaria vine blooming for the second time that summer on a wooden trellis before one window . . .” (Faulkner 1982: 31). Here the wistaria blooming for the second time, introduces two layers of time and is an indicator of the character's point of view. The phrase “There was . . .” emphasises the fact that the person thinking about the wistaria now sees it for the first time while the phrase “. . . wistaria vine blooming for the second time that summer . . .” is the knowledge got by someone or received by the character from somewhere and includes the information about the wistaria blooming in the past which contradicts the fact “there was”. Thus, the different layers of time exist together in Faulkner's character's consciousness at the time of narration and the phrase becomes a vehicle for expressing an element of the writer's world outlook, in particular of his famous conception of time that the past (in this case it is the moment when

the wistaria vine was in blossom) does not disappear and constitutes part of the human being's present.

The wistaria as reflected in the character's consciousness appears many times in the novel and its appearance always brings to the reader the September afternoon filled with the scent of the wistaria from the beginning of the novel when Quentin Compson was listening to the story told by Rosa Coldfield. So, first the wistaria as reflected in the character's mind and expressing the conception of time that there is no past and there is only *is* appears in the text. Then having become the reader's allusion, the wistaria introduces one more additional time layer, the period when the story was being related to Quentin Compson and this way the plant is again connected with the writer's conception of time. In other words, reminding the reader of the September day filled with the scent of the wistaria, the above allusion makes the reader feel the southern atmosphere and at the same time expresses the writer's conception of time on the supersemantic level. Through extensive repetition and multi-functional use the wistaria makes a special impact on the reader and creates the vivid picture of the South in *Absalom, Absalom!*.

Also of special importance is mentioning of another fragrant southern plant *the honeysuckle*, which brings the smell of honey. Mentioning of both the wistaria and the honeysuckle creates a continuum not only in the character's mind but also in the consciousness of the reader and has the function of a kind of "memory belt". As it is known, in the culture of one of the African tribes people wear belts with many pockets to remember different events in their lives. Each important event is connected with a different fragrant plant. The belt is prepared to help the owner bring back all the details of the past to the consciousness when needed. Like plants of the belt, the honeysuckle and the wistaria bring back to life the events described in "Absalom, Absalom!" not only to the character's but also to the reader's mind.

With their sweet smells the wistaria and the honeysuckle become inseparable parts of Faulkner's Yoknapatawpha and on the supersemantic level together with other elements convey the idea that the character and the world around him create a single entity. If in *Absalom, Absalom!* it is the wistaria which becomes the plant of special importance (the honeysuckle being repeatedly mentioned though), in *The Sound and the Fury* both the whole community and the character's, in particular Quentin Compson's inner world are permeated with the smell of the honeysuckle. Several examples from the novel *The Sound and the Fury*:

“her knees her face looking at the sky the smell of honeysuckle upon her face and throat”

(Faulkner 1982: 46).

“ . . .where that damn honeysuckle trying not to think the swing the cedars . . .

(Faulkner 1982: 147).

“ . . .I could smell the honeysuckle on the water gap the air seemed to drizzle with honeysuckle and with the rasping of crickets a substance you could feel on the flesh . . .” (Faulkner 1982: 148).

“ . . .then she talked about him clasping her wet knees her face tilted back in the grey light the smell of honeysuckle . . .” (Faulkner 1982: 149).

“ . . .I had to pant to get any air at all out of that thick grey honeysuckle” (Faulkner 1982: 150).

“ . . .the willows in the dark and waves of honeysuckle coming up the air my arm and shoulder were twisted under me . . . “ (Faulkner 1982: 151).

“ . . .damn that honeysuckle I wish it would stop . . . “ (Faulkner 1982: 152).

“ . . .the honeysuckle drizzled and drizzled . . .” (Faulkner 1982: 153).

“ . . .damn that honeysuckle . . .” (Faulkner 1982: 153).

“ . . .that were hard to turn and the honeysuckle come here . . .” (Faulkner 1982: 154).

“ . . . I began to smell honeysuckle again . . .” (Faulkner 1982: 154).

“ . . . I could see the water the colour of grey honeysuckle . . .” (Faulkner 1982: 154).

“ . . .I couldn’t smell the honeysuckle I couldnt smell it then . . .” (Faulkner 1982: 155).

“ . . .and honeysuckle beginning to come from the garden fence . . .” (Faulkner 1982: 156)

As it can be seen from the above sentences, there are passages in the novel, in particular in the part narrated by Quentin Compson, where the honeysuckle reflected in the character’s consciousness is mentioned (sometimes even twice) on almost all the pages and because of this extensive use the world of Yoknapatawpha is represented so vividly in the novel that the smell of the South together with the character’s emotion reaches the reader’s consciousness. As one of the characters in the novel

says, the “Honeysuckle was the saddest odor of all, I think. I remember lots of them. Wistaria was one.” (Faulkner 1995:168). The environment, fragrant plants exist not only by themselves but in the character’s inner world together with his emotion. Thus, the vivid picture of the southern world is created and the impression that the character and the nature create one entity is conveyed.

The Sound and the Fury and *Absalom, Absalom!* are notable for the extensive use of the honeysuckle and the wistaria. In some works of William Faulkner the honeysuckle and the wistaria are not used at all. In *Sanctuary* the honeysuckle is not mentioned throughout the novel, but being repeatedly used and described through similes it does create the southern colour in one of the passages of the novel:

“He walked quietly up the drive, beginning to smell the honeysuckle from the fence. The house was dark, still, as though it were marooned in space by the ebb of all time. The insects had fallen to a low monotonous pitch, everywhere, nowhere, spent, as though the sound were the chemical agony of a world left stark and dying above the tide-edge of the fluid in which it lived and breathed. The moon stood overhead, but without light; the earth lay beneath, without darkness. He opened the door and felt his way into the room and to the light. The voice of the night-insects, whatever it was-had followed him into the house; he knew suddenly that it was the fiction of the earth on its axis, approaching that moment when it must decide to turn on or to remain forever still: a motionless ball in cooling space, across which a thick smell of honeysuckle writhed like cold smoke.

He found the light and turned it on. The photograph sat on the dresser. He took it up, holding in his hands. Enclosed by the narrow imprint of the missing frame Little Belle’s face dreamed with that quality of sweet chiaroscuro. Communicated to the cardboard by some quality of the light or perhaps by some infinitesimal movement of his hands, his own breathing, the face appeared to breathe in his palms in a shallow bath of highlight, beneath the slow, smokelike tongues of invisible honeysuckle. Almost palpable enough to be seen, the scent filled the room and the small face seemed to soon in a voluptuous languor, blurring still more, fading, leaving upon his eye a soft and fading aftermath of invitation and voluptuous promise and secret affirmation like a scent itself.” (Faulkner 1985: 332-333).

In conclusion, it can be said that the scents of the wistaria and the honeysuckle create the continuum not only in the character’s conscious-

ness but also in the reader's mind in William Faulkner's text. With their meaning and semantics of the event the plants create the entire emotional atmosphere of the South and become one of the means of expressing the idea that the character, the community, the nature exist as an inseparable entity.

References:

1. Faulkner 1982: W. Faulkner, *Absalom, Absalom!*, Moscow: Progress Publishers.
2. Faulkner 1985: W. Faulkner, Novels 1930-1935, *As I Lay Dying, Sanctuary, Light in August, Pylon*. New York: The Library of America.
3. Faulkner 1982: W. Faulkner. *Soldier's Pay*. Harmondsworth: Penguin Books.
4. Faulkner 1995: W. Faulkner. *The Sound and the Fury*. London: Vintage.

Нино Дондоладзе (Грузия)

ФУНКЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЦВЕТУЩИЕ РАСТЕНИЯ, В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ У.ФОЛКНЕРА

В романах У.Фолкнера изображение юга, его особого мира и реального быта столь выразительно и осязаемо, что перед читателями предстает юг с его особым южным темпераментом, яркими красками, запахами.

В статье анализируются функции лексических элементов, обозначающих цветущие растения, а точнее – роль цветущих южных растений в романах Фолкнера «Солдатская награда», «Шум и ярость» и «Адесалом, Абесалом!», эти растения: глициния и медосбор.

**KAUKASUSTHEMA IM „ZAUBERBERG“
VON THOMAS MANN**

Was ist für uns der Ausgangspunkt, dass wir versuchen nachzuweisen, dass Thomas Mann in seinem Werk das Kaukasusthema behandelt hat. Dafür haben wir uns nur mit dem Zauberberg auseinandergesetzt. Der Text liefert genügend Anhaltspunkte dafür. Gleichzeitig kann man feststellen, dass diese Problematik in der Literatur noch nicht ausführlich behandelt und erforscht ist. Es ist bereits nach einem ersten Blick in den Wortindex von Francis Bulhof ersichtlich, dass es eine Reihe von Bezügen auf der Wortebene gibt, die mit Thema Kaukasus zusammenfallen. So findet man die folgenden Stichworte: „Asien“ taucht zehnmal auf, „Kaukasus“ siebenmal, „Daghestan“ achtmal, „Georgien“ sogar einmal, „Skyten“ fünfmal, „Prometheus“ kommt dreimal vor. Alle diese Stichpunkte lassen sich im Größten und Ganzen in das Thema Kaukasus integrieren. Die Zusammengehörigkeit der genannten Stichpunkte zum Gesamtkomplex Kaukasus lässt sich besonders dann begründen, wenn man sich der besonderen Schreibweise des Erzählers Thomas Mann vergewissert. In seinen Werken hat alles einen Bezug untereinander. Alle Themen und Motiven gehören zusammen. In unserer Untersuchung soll nun geprüft werden, wie das Bezugsfeld Kaukasus mit anderen dazugehörigen Bezeichnungen korespondiert. Zu diesem Zweck sollen nun alle als Nachweis für dieses Thema aufgezählte Begriffe näher untersucht werden. Am Anfang steht die Auseinandersetzung mit dem Wort „Kaukasus“, das ja siebenmal im Text auftaucht. Wir zitieren jetzt die Stellen aus dem Text, die das beweisen können:

1: „Daghestan, wissen Sie, das liegt ganz östlich über den Kaukasus hinaus“ (III/193). 2: „Vielleicht gefällt es ihr nicht in Daghestan hinter dem Kaukasus, einer so wilden, entfernten Gegend, das wäre am Ende nicht zu verwundern“ (III/194). 3: „Sechs Wochen seit dem folgenden Tage, der Frau Chauchats Abreise gebracht hatte, ihre Abreise für diesmal, ihre vorläufige Abreise nach Daghestan, ganz östlich über den Kaukasus hinaus“ (III/483). 4: „so, dass Hans Castorp den Genius über den Kaukasus begleiten, ihm nachreisen, ihn an dem Orte, den die freizügige Laune des Genius sich zum nächsten Domizil erwählen werde, erwarten wolle, um sich niemals mehr von ihm zu trennen, und andere Unverantwortlichkeiten mehr“ (III/486) u.s.w.

Wie wir den zitierten Stellen entnehmen können, ist das Wort „Kaukasus“ sehr mit „Daghestan“ verbunden und hat fast in jeder Stelle nur die Bedeutung der Ortsangabe. Man kann also daraus schließen, dass der Erzähler eine gewisse geografische Kenntnis besitzt, denn er ordnet dem Gebirge Kaukasus die nahe gelegene Gegend Daghestan zu. Obwohl Thomas Mann den Kaukasus als wilden, fremden und sehr weit liegenden Ort beschreibt, kann man hier schon sein großes Interesse an diesem Thema und sein geografisches Fachwissen sehen. Mit der Formulierung „hinter dem Kaukasus“ ist aber weit mehr verbunden als nur eine geografisch exakte Lokalisierung.

„Hinter dem Kaukasus“ – in diesen drei Wörtern könnte ein sehr großer Raum versteckt sein. Was passiert hinter und über dem Kaukasus, was könnte dort wild, fremd, besonders, romantisch sein? Eben das bleibt für den Leser offen. Auf diese Art und Weise eröffnet der Erzähler einen ungewissen Raum. Was hinter dem Kaukasus liegt, bleibt ebenso unbestimmt wie rätselhaft. So treffen wir auf eine Raumgestaltung, wie wir sie in der Textsorte Märchen konstitutiv antreffen. Die Orte sind hier völlig unbestimmt, sie können hier und überall liegen. Thomas Manns lebenslanges Interesse für das Märchen ist wiederholt in der Forschung betont worden. Viele seiner sprachlichen Formulierungen lehnen sich eng an das Märchen an. So scheint es hier auch zu sein. Die Formulierung „hinter dem Kaukasus“ erinnert an die Märchenformel „über den Bergen“. Es ist hilfreich dazu direkt ein Märchen der Brüder Grimm zu zitieren. Im Märchen „Sneewittchen“ fragt die Königin ihren Zauberspiegel, wer die Schönste im ganzen Land sei. Und der Spiegel antwortet mehrere Male:

„Frau Königin, Ihr seid die schönste hier, aber Sneewittchen über den Bergen bei den sieben Zwergen, ist noch tausendmal schöner als Ihr“. (Grimm 1984: S. 274)

Im Falle des Märchens „Sneewittchen“ ist es unmittelbar einsichtig, wie sehr die Formulierung „über den Bergen“ einen unbestimmten Raum angibt. Indem Thomas Mann die kleine Andeutung „hinter dem Kaukasus“ verwendet, verweist er intertextuell auf das Märchen.

Wie schon oben gesagt wurde, stehen im Romantext Kaukasus und Daghestan sehr oft im Zusammenhang. Deshalb halten wir es für notwendig, uns weiter mit dem Wort „Daghestan“ zu befassen. Die Stellen, in denen das Wort „Daghestan“ vorkommt, sind im Roman achtmal vorhanden:

1: „Beamter. Russischer Administrationsbeamter, in einem ganz entlegenen Gouvernement, Daghestan“(III/193). 2: „Vielleicht gefällt es ihr nicht in Daghestan“(III/194). 3. „Hans Castorp sagte: „Wohin?“ „Sehr weit fort.“ „Nach Daghestan?““(III/470). 4: „Et ton mari au Daghestan te l'accorde, - ta liberte?““(III/471). 5: „Sechs Wochen seit dem folgenden Tage, der Frau Chauchats Abreise gebracht hatte, ihre Abreise für diesmal, ihre vorläufige Abreise nach Daghestan“(III/483). 6: „Wer ist der neulich noch abgereist? Eine Dame, vom Guten Russetisch, Mme Chauchat. Nach Daghestan, wie erzählt wurde“(III/488). u.s.w.

Wenn wir anfangen, diese Stellen zu interpretieren, so bekommen wir ein ähnliches Bild, wir beim Wort „Kaukasus“. Wie Kaukasus hat Daghestan auch die gleiche Funktion, es ist nämlich Herkunftsland und Wohnort der Hauptfigur. Und genau diese Tatsache bestärkt unsere These, dass hier von dem Kaukasusthema die Rede ist. Warum lässt Mann Mme Chauchat ausgerechnet aus Daghestan kommen? Bei den zitierten Stellen ist es nicht schwer zu sehen, dass Thomas Manns Interesse am Kaukasusthema sehr ausgeprägt ist. Wie oben bereits dargestellt, spricht einiges dafür, dass ihn der Kaukasus und Daghestan besonders wegen des Amazonenmythos interessierte. Zu fragen bleibt darüber hinaus, ob mit der Ortsbezeichnung „Daghestan“ ebenso Märchenmotive verbunden sind, wie das bei der Bezeichnung „Kaukasus“ aufgezeigt wurde. Nehmen wir zu diesem Zweck das oben zitierte Zitat Nummer drei. Hans Castorp erkundigt sich, wohin Mme Chauchat abgereist sei. Er erhält zur Antwort: „Sehr weit fort“. Das ist eine Ortsangabe, die nichts und alles kennzeichnet. So könnte sie auch im Märchen formuliert sein. Es ist eine unbestimmte Ferne, die sich direkter Vorstellung entzieht. Interessant ist auch Castorps Antwort, die zugleich eine Frage ist: „Nach Daghestan?“. So liegt es nah, dass Hans Castorps Wissen über das ferne Land „Daghestan“ sich primär darauf beschränkt, dass es in märchenhafter Ferne liegt.

Als Fortsetzung des Kaukasusthemas bei Thomas Mann sehen wir auch die Tatsache, dass im Roman von den Skythen die Rede ist. Der Kommentar zur GKFA informiert über die Hintergründe:

„Skythen nannten die Griechen die ‚barbarischen‘ Völker nördlich von Kaukasus und Schwarzem Meer; Ptolemaios bezeichnete als asiatisches Skythia das Land zwischen Indien im Süden und dem ‚unbekannten Land‘ im Norden. So wird ‚Parther‘ wie ‚Skythen‘ seit der Antike als Konkretum für ‚Barbaren‘ verwendet. Settembrini benutzt

beides als Metonymie für das gehasste untätig-träge Asien“(Neumann 2002: S. 204).

Im Roman beschäftigt sich Mann mit diesem Thema in folgenden Stellen:

1: „Nun gehen Sie auf Ihr Dach hinauf, Herr Settembrini. Es muss lustiger sein, so in Gesellschaft zu liegen, als allein. Unterhalten Sie sich? Sind es interessante Leute, mit denen Sie Kur machen?“ „Ach, das sind lauter Parther und Skythen!“ „Sie meinen Russen?“ „Und Russinnen“, sagte Herr Settembrini, und sein Mundwinkel spannte sich. „Adieu, Ingenieur!“ Das war mit Bedeutung gesagt, unzweifelhaft“(III/312). 2: „Hans erinnerte sich auch der wegwerfenden Gebärde, womit der Humanist von den „Parthern und Skythen“ gesprochen hatte, mit denen er Liegekur halten müsse, einer Gebärde natürlicher und unmittelbarer, nicht erst zu begründender Geringschätzung und Ablehnung, auf die Hans Castorp sich von früher her wohl verstand“(III/319). 3: „Und der Italiener war es vielmehr, an dem Hans sich ärgerte, weil dieser in seinem Dünkel von „Parthern und Skythen“ gesprochen, - während er doch nicht einmal Personen vom „Schlechten“ Russentisch im Auge gehabt hatte“(III/319) u.s.w.

Zusammenfassend kann man hier sagen, dass Settembrini im Text über die Skythen spricht, aber nicht immer positiv:

„Dass diese Qual in Skythien statthat, wirft ein Licht auch auf Settembrinis Abneigung gegen ‚Skythen und Parther‘ (Textband S.339) (Neumann 2002: S. 265-266) - wird von M. Neumann kommentiert.

In der Gesellschaft, in der Skythen sind, fühlt sich Settembrini allein und unwohl. Er kennt gut diese Leute und vermeidet den Kontakt mit ihnen. Nach seiner Meinung, können sie die gesellschaftliche Ordnung nicht verstehen. Und die Regeln, denen sie folgen, sind für Settembrini gute Beweise dafür, warum zwischen ihnen eine gemeinsame Brücke nicht sein kann. Settembrini ist immer aufgeregt und unruhig, wenn er über die Skythen spricht. Das erkennt man an seiner Körperhaltung, seiner Mimik und Gestik. Für Settembrini ist der Begriff „Parthern und Skythen“ ein Sammelbecken für alles Unbürgerliche. Geographisch werden die Skyten im Gebiet des Kaukasus angesiedelt. Dieser Volkstamm ist so eng mit dem Amazonen verbunden, die ja auch aus dem Kaukasus kommen.

Auch mit der Figur des „Prometheus“ ist das Kaukasusthema verbunden. In besonderer Weise sind mit diesem Helden die Themen Kau-

kasus und Skythen genannt. So ist im Zauberberg dreimal die Rede von Prometheus.

1. „Der Titan Prometheus hat den Menschen gegen des Verbot des Zeus das Feuer gebracht; zur Strafe lässt Zeus ihn an den Kaukasus schmieden, wo ihm ein Adler täglich die Leber aus dem Leib frisst, die dann allnächtlich wieder nachwächst“. 2: „Prometheus! Er sei der erste Humanist gewesen, und er sei identisch mit jenem Satanas, auf den Carducci seine Hymne gedichtet...“(III/223). 3: „Sie sind Humanist!“ Allerdings bin ich es, denn ich bin ein Freund des Menschen, wie Prometheus es war, ein Liebhaber der Menschheit und ihres Adels“(III/348).

Wir müssen die Geschichte von Prometheus nicht noch einmal erzählen, die sowieso allen sehr bekannt ist. Mit der Wiedergabe der oben genannten Stellen wollten wir eher nachweisen, dass bei Thomas Mann dieses Thema mit dem Kaukasus verbunden ist. Aus den oben angegebenen Stellen kann man schließen, dass Thomas Mann Prometheus als einen guten Helden bezeichnet. Und Mann will in seinem Roman ausgerechnet einen Helden nennen, dessen Leben und Taten mit dem Kaukasus verbunden sind. Man kann gleich Manns Sympathie zu diesem Helden sehen. Dass im Roman die Stichpunkte wie „Dagesthan“, „Skythen“, „Asien“, „Prometheus“, „Russland“ sehr oft vorkommen, kann unsere Vermutungen unterstützen, wo wir beweisen wollen, dass in dem Werk Thomas Manns das Kaukasusthema eine besondere Bedeutung hat.

Und ein ganz wichtiger Teil des Kaukasusthemas bei Thomas Mann ist natürlich Asien. Im Roman kommt das Wort „Asien“ elfmal vor. Wir zitieren die Stellen aus dem Text:

1: „Dann immer neue Völker raffte die Menschlichkeit auf ihrem glänzenden Wege mit fort, immer mehr Erde eroberte sie in Europa selbst und begann, nach Asien vorzudringen“(III/221). 2: „Nein. Oh, Sie bevorzugen östliche Vergleiche. Sehr begreiflich. Asien verschlingt uns. Wohin man blickt: tatarische Gesichter.“ Und Herr Settembrini wandte diskret den Kopf über die Schulter. „Dschingis-Khan“, sagte er, „Steppenwolfslichter, Schnee und Schnaps, Knute, Schlüsselburg und Christentum“(III/337). 3: „Reden Sie nicht, wie es in der Luft liegt, junger Mensch, sondern wie es Ihrer europäischen Lebensform angemessen ist! Hier liegt vor allem viel Asien in der Luft, - nicht umsonst wimmelt es von Typen aus der moskowitzischen Mongolei!“ (III/339). 4: „Ich denke an Elemente der Ruheseligkeit und der hypnotischen Versenkung, die nicht europäisch, die dem Lebensgesetz dieses tätigen Erdteils fremd

und feindlich sind. Sehen Sie ihn sich doch an, diesen Luther! Betrachten Sie Bildnisse von ihm, jugendliche und spätere! Was ist denn das für ein Schädel, was sind das für Backenknochen, was für ein seltsamer Augensitz! Mein Freund, das ist Asien!“(III/714). 5: „Nach Settembrinis Anordnung und Darstellung lagen zwei Prinzipien im Kampf um die Welt: die Macht und das Recht, die Tyrannei und die Freiheit, der Aberglaube und das Wissen, das Prinzip des Beharrens und dasjenige der gärenden Bewegung, des Fortschritts. Man konnte das eine das asiatische Prinzip, das andere aber das europäische nennen, denn Europa war das Land der Rebellion, der Kritik und der umgestaltenden Tätigkeit, während der östliche Erdteil die Unbeweglichkeit, die untätige Ruhe verkörperte“(III/221) u.s.w.

Die oben zitierten Stellen aus dem Text stellen ein klares Bild dar, wie das Asienthema im Roman behandelt ist. Wie wir sehen, wird über Asien meistens von Settembrini gesprochen. Man kann nicht übersehen, was für eine negative Stellungnahme er zum Thema hat. Er beschreibt Asien als einen wilden, fremden, für die andere Welt gefahrbringenden Teil auf unserer Erde. Er mag diesen Teil der Erde nicht wegen dessen barbarischen Volks, besser gesagt, nicht wegen der dort herrschenden barbarischen Sitten. Das heißt, wegen des unbürglichen Kulturzustands. Settembrini hat Angst vor dem asiatischen Prinzip, vor der fremden, seltsamen, barbarischen asiatischen Luft und vor allem vor dem feindlichen Gegenbild zu Europa.

Obwohl im Roman Asien so dargestellt ist, kann man auch aus den Aussagen von Settembrini den Schluss ziehen, dass trotz dieser negativen Beschreibungen Asien sehr verlockend und interessant sein kann. Als Beweis dafür scheint uns die Stelle, in der er über den Zeitmangel der Europäer spricht. Da bekommen wir den Eindruck, dass Settembrini auch gerne gelebt hätte im Ort, wo es viel Raum und Zeit gibt. Dass Thomas Manns Behandlung des Asienthemas nicht nur in die negative Richtung geht und dass er auch sein Interesse an dem asiatischen Motiv zeigt, kann auch dadurch behauptet werden, dass im Text über Asien auch positiv gesprochen wird. Herr Ferge erzählt Hans Castorp viel und interessant über die abenteuerlichen Geschichten und Exotik der im Asien lebenden Menschheit. Auch die Tatsache, dass wir im Roman im Zusammenhang mit Mme Chauchat noch mehrmals die asiatischen Motive begegnen, kann auch noch einmal ein Beispiel dafür sein, dass Thomas Manns Interesse für das Asienthema nicht zu verleugnen ist.

Unbedingt anzumerken finden wir auch den Fall, dass im Roman Zauberberg einmal sogar so ein kleines und vielen noch nicht bekanntes Land wie Georgien erwähnt ist:

1: „Herr Ferge war außer Bett; auch ohne Pneumothorax hatte sein Zustand sich so gebessert, dass er den größten Teil des Tages mobil und angekleidet verbrachte und an den Mahlzeiten teilnahm. Die Vettern plauderten manchmal mit ihm in Saal und Halle, und auch für die Dienstpromenaden taten sie sich dann und wann, wenn es sich eben so traf, mit ihm zusammen, Neigung im Herzen für den schlichten Dulder, der von hohen Dingen gar nichts zu verstehen erklärte und, dies vorausgesandt, überaus bahaglich von Gummischuhfabrikation und fernen Gebieten des russischen Reiches, Samara, Georgien, erzählte, während sie im Nebel durch den Schneewasserbrei stapften“(III/501-502).

Es liegt auf der Hand, dass diese eine Stelle nicht so informativ und ausreichend ist, um eine gute Interpretation abzugeben. Man versteht einfach, dass Georgien ein Gebiet im Kaukasus und kein so wichtiger Punkt des Romans ist. Tiefer verfolgt Thomas Mann dieses Thema im Roman nicht. Aber es stellt sich nur die Frage, wenn Georgien als Land und Ort keine wichtige Bedeutung haben sollte, warum ist es doch im Roman genannt? Thomas Mann könnte an dieser Stelle nur Russland und Samara erwähnen und nicht Georgien. Das lässt uns noch mehr den Standpunkt verteidigen, dass Thomas Mann sich im Zauberberg mit dem Thema Kaukasus auseinandergesetzt hat. Als Beweis dafür sehen wir nicht nur die Tatsache, dass Georgien ein wichtiges Land im Kaukasus ist. Besonders hervorzuheben ist, dass nach vielen Forschungen in Georgien (Kolchi) von den Spuren der Amazonen die Rede ist. Und selbst das Thema Amazonen lässt sich leicht und unbestritten mit dem Kaukasusthema verbinden. Und offensichtlich ist nicht übertrieben zu behaupten, dass dieser ganze Kreis um das Thema Kaukasus mit vielen Einzelaspekten verbunden ist: „Asien“, „Daghestan“, „Prometheus“, „Skyten“, „Amazonen“.

Literaturhinweise:

1. Francis Bulhof: Wortindex zu Thomas Mann: Der Zauberberg, Texas at Austin, Xerox University Microfilms 1976.

2. Michael Neumann: Thomas Mann: Große kommentierte Frankfurter Ausgabe: Werke-Briefe-Tagebücher, Der Zauberberg, Roman, Band 5.2, Fischer Verlag 2002.
3. Brüder Grimm: Kinder- und Hausmärchen. Ausgabe letzter Hand mit den Originalanmerkungen der Brüder Grimm, Stuttgart, Reclam, 1984.
4. Thomas Mann: Der Zauberberg, Roman, Kommentar von Michael Neumann, Fischer Verlag 2002.

Maia Dumbadze (Georgia)

**THE THEME OF CAUCASUS IN “THE MAGIC MOUNTAIN”
BY THOMAS MANN**

Abstract

The main goal of the work is to prove that famous German writer Thomas Mann worked on the topic of Caucasus in his novel “The Magic Mountain”. It should be outlined here that this problem has not been researched yet. The fact that in the novel the word “Asia” is mentioned ten times, “Caucasus” seven times, “Dagestan“ eight times, “Scouts” five times, “Prometheus” three times and “Georgia“once –these are sufficient grounds to prove that Thomas Mann was indeed interested in the theme of Caucasus which he showed in the novel “The Magic Mountain”. In accordance with the analysis of quotes from the novel it is evident that in the novel there are plenty of issues that are closely related to the topic of Caucasus. Why is the main character- a heroine of the novel from Dagestan and her husband lives “somewhere far in the Caucasus”? Why does a philosopher Setembrini mention and describe Scouts who lived in Caucasus? Why is Prometheus mentioned peculiarly whose life and work is in contact with Caucasus directly? What does it indicate that even Georgia in mentioned in the text? The answer to these questions is vivid and gives the ground to prove that Thomas Mann referred to the topic of Caucasus in his work.

СОВРЕМЕННАЯ МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И УРОВЕНЬ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Переосмысление функций литературы на современном этапе вызвало изменение характера самого литературного процесса и его составляющих компонентов. Изменился характер чтения, он стал более прагматичным, информационным. Изменился и тип читателя, а также уровень его компетенции. Т.н. «высокая», серьезная литература требует от читателя не только активной мыслительной деятельности, но высокого уровня подготовки.

Совершенно естественно, что каждая эпоха осмысливает явление под своим углом зрения, актуализирует смысл и значение, заложенные в нем, но ранее не замеченные. Соответственно, у каждого читательского поколения свои требования перед литературой, свой интерес, свои темы. В современной литературоведческой науке понятие «читатель» приобретает доминирующее значение. Читательская рецепция представляет собой «замыкающее» звено творческого процесса, без читательского сотворчества, домысливания невозможно полное осуществление самого процесса творчества.

Ныне литературная критика все больший интерес проявляет к процессу художественной рецепции, восприятию художественного текста, его расшифровки и интерпретации.

Отмеченная проблема приобретает особую значимость в контексте современного литературного процесса. Литература конца XX века и начала XXI представляет собой сложную художественную систему, перекресток идей и тенденций, традиций и новаций. Для читателя XX века литература стала средством, дающим «возможность отдохнуть от социальной ответственности и необходимости личного выбора» (Черняк 2007: 206). Т.н. массовая, усредненная литература характеризуется заниженными требованиями к индивиду. Следовательно, следует говорить и о массовом, усредненном читателе. Разница между т.н. массовой и серьезной, элитарной литературой заключается в целевых установках. Массовая литература обслуживает «первичные культурно-психологические потребности и запросы широкой публики, то есть в развлечении, отвлечении от забот, горестей, проблем и вообще рутины повседневности» (Амусин 2009: 6).

Весьма справедливо говорят о кинематографичности произведений массовой литературы. Современная массовая литература дает читателю возможность погрузиться в чужую игру, возможность хоть глазочком заглянуть в чужой мир, в чужую жизнь и этим стать как бы участником, пассивным, разумеется. «Читать – значит желать произведение, жаждать превратиться в него» (Барт 1994: 112). В жанровой структуре современной массовой литературы появляются такие синкретичные жанры как кинороман, теленовелла. «Образы и приемы кинематографа повлияли на литературу XX века, в которой расширился репертуар аллюзий и прецедентных текстов» (Мартыанова 2001: 216).

Экранная культура сформировала у реципиента способность плоскостного восприятия, что, в свою очередь, несколько снизило способность к размышлению. Большинство современных читателей читают книги лишь для того, чтобы удовлетворить потребность чтения. Процесс чтения ускоряется и становится беглым. Поэтому исследователи часто говорят о том, что «люди читают книги так же, как смотрят телевизор» (Черняк 2007: 212). Чтение без вдумчивого рассуждения, без постижения глубинных онтологических структур произведения приводит, в конце концов, к понижению уровня читательской компетентности. В свою очередь, неуверенность автора в глубокой информированности читателя приводит к трансформации образной системы, стилистических особенностей и других моментов художественного творчества. Так, например, в текстах массовой литературы в довольно упрощенном виде обнаруживается такая основополагающая категория современной постмодернистской литературы, как интертекстуальность. Авторы в ряде случаев снабжают тексты своих произведений внутритекстовыми или затекстовыми толкованиями, появляются исторические сноски. Поэтому современная массовая литературная продукция характеризуется некоторым упрощением, наивным использованием интертекстуальных маркеров. На современном этапе развития в общественном сознании складываются иные подходы к старым истинам, «вечным» ценностям, меняются приоритеты при выборе чтения. Меняется и тип читателя, степень читательской компетенции, подготовленности. Если в 1989 г. Е. Добренко говорил о том, что возрастает степень читательской готовности к диалогу с автором (Добренко 1989: 11), то в XXI веке наблюдается совершенно иная ситуация. Современный массовый читатель «играет на понижение», от него не требуется эстетического

восприятия текста. Современная литературная ситуация порождает особый тип «наивного читателя» и уводит этого читателя от реальности (Черняк 2007: 226).

Для современного читателя основным принципом чтения становится «удовольствие от текста», а само произведение - своеобразным источником энергии. Следовательно, в условиях рынка авторам и издательствам приходится разными способами привлечь читателя, например, специфическими рецептивными сигналами (название, фамилия автора, жанр...), а также использованием яркого оформления, принципа серийности, различных грифов, слоганов и т.д.

Литература:

1. Амосин М. ...Чем сердце успокоится. Заметки о серьезной и массовой литературе в России на рубеже веков // «Вопросы литературы», май-июнь, 2009.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
3. Добренко Е.А. Читатель и автор как проблема исторической поэтики в контексте современного литературного процесса // Читатель и современный литературный процесс. Грозный, с. 9-12. 1989.
4. Черняк М. А. Массовая литература XX века. М., 2007.
5. Мартынова И.А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб. 2001.

NanaKajaia (Georgia)

MODERN MASS LITERATURE AND THE COMPETENCY LEVEL OF READERS

Abstract

At the present stage the reinterpretation of literature's function has caused a change in the nature of the literary process. Has changed and the type of reader, his competency level and preparedness. For the modern readers the basic principle of reading is the "pleasure of the text", and itself the book is a kind of energy source for them. Consequently, under the market conditions the authors and publishers need to have different ways to attract the readers.

СТИЛЬ РОМАНА «ДАТА ТУТАШХИА»

Роман Ч. Амiredжиби «Дата Туташхиа» был опубликован в 1974 году и сразу же привлек внимание широкого круга читателей. Он стал истинно народным романом. Им интересовались как профессиональные критики, так и рядовые граждане, представители всех поколений. Смело можно сказать, что после романов Н. Думбадзе лишь немногие произведения пользовались такой популярностью и всеобщей любовью. Созданные писателем образы обладают большой силой обобщения и, следовательно, имена многих персонажей стали нарицательными: Туташхиа, Сетури, Тофана, «крыса-людоед» и др.

Всеобщему признанию романа во многом способствовали динамический, острый сюжет, интересная, привлекающая манера повествования, оригинальная архитектоника произведения. Каждая глава романа читается как законченная новелла. Меняются фигуры повествователей, у каждого из них индивидуальная манера и интонация повествования. Протоколы допроса, архивные записи, дневники, эпистоле, философские размышления и авантурные ситуации, пропитанные легким юмором образуют основную сюжетную линию, создавая разнообразную мозаичную картину.

Успех романа во многом был обусловлен также колоритностью и неповторимостью образов персонажей. В произведении 150 персонажей. Без преувеличения можно сказать, что большинство из них запомнились читателю своими индивидуальными характерными чертами.

Интерес к роману усиливает и тот факт, что несмотря на исторический фон, в произведении сильно чувствуется современность. Роман «Дата Туташхиа» пронизан болью наших дней. В этом многоплановом романе гармонично слиты глубина мысли со скромностью передачи, что, с одной стороны, указывает на высокое мастерство писателя и, с другой, делает роман доступным и понятным для читателей разного возраста, образования, вкуса и душевного склада.

Хосе Ортега-и-Гассет в «Мыслях о романе» писал: «Не говорите мне, каков персонаж, - я должен увидеть его воочию» (Ортега-и-Гассет Хосе 1991: 264). Чабуа Амiredжиби мастерски

высокохудожественно выполняет отмеченное требование. Большинство персонажей романа действует в рамках отдельной новеллы, однако писатель рисует настолько живой психологический портрет каждого персонажа, настолько колоритные, индивидуализированные фигуры, что невозможно их забыть. Амиреджиби для каждого образа находит свойственный только ему стиль поведения, речи и даже мышления. Мы не только видим живых людей, но и слышим их, чувствуем их интонацию, модуляцию голоса. В речи персонажа виден его характер, социальное происхождение, темперамент, настроение. Подобная речевая характеристика позволяет нам воспринимать каждый образ как уникальный, неповторимый микромир. Персонификация характера посредством речи является мощным стилевым средством писателя.

По словам критика Дж. Титмерия, «стиль Сегеди – вельможно-бюрократический, а стиль Мушни Зарандиа – стиль категорий и понятий, грузинская речь Даты Туташхиа – это яркая, утонченная грузинская речь, заправленная одишским говором» (Титмерия 1976: 80). Автор точными и четкими нюансами передает звучность мегрельского языка, его ритмику.

Писатель большое значение придает синтаксическому строю. По мнению Сосо Сигуа, «синтаксис - это оригинальное прояснение души творца» (Сигуа 2001:185). Именно в нем проявляется писатель. Ч. Амиреджиби использует все три вида синтаксической инверсии: определяемого и определяющего, обстоятельства наречия и глагола-сказуемого, подлежащего и сказуемого.

Индивидуализирован не только стиль речи персонажей, но и стиль их размышлений. Язык героев сугубо реалистический, однако отнюдь не натуралистический.

Писатель смог добиться гармонии между системой образов и художественной речью. Соответственно, нигде не чувствуется искусственность стиля, он удивительно легкий и скромный, одновременно глубокий и индивидуальный.

Эмоциональные и эстетические впечатления от романа усиливаются особенностью художественно-языковой ткани, что является одной из причин, обуславливающих оригинальность стиля романа. У каждого действующего лица романа собственная манера речи, благодаря чему они приобретают большую конкретность и индивидуальность. В их речи отражается их же

жизненный опыт и психология. Персонажи говорят по-своему, и этим становится ясно, что у каждого из них собственная особая жизнь, собственный стиль видения и оценки явлений. Специфический строй речи персонажа, словесно-языковая ткань помогают воспринимать его как уникальный, неповторимый мир, как особый характер. Как только начинает говорить новый персонаж, несколькими фразами уже создается определенное впечатление о говорящем, о его социальном происхождении и уровне образования (не следует забывать о том, что культура речи выявляет и культуру мышления). Чем обусловлена необходимость такой резкой индивидуализации речи? Возможно, то обстоятельство, что в произведении автора не видно (если не считать предисловия и ремарку в каждой главе). В художественную действительность романа нас вводят разные персонажи, они являются своего рода медиаторами между читателем и художественным миром романа. В результате этого словесная ткань романа становится весьма разнообразной, и одновременно, в единстве своем – синтетической. Определенную цельность ей придают монологи графа Сегеди, героя, наиболее близко стоящего к «рацио» автора. Так создается сложная интонационно-повествовательная и стилистическая картина романа. Повествование в нем течет легко и плавно, однако нетрудно представить, какой непосильный труд, какое внутреннее напряжение таится за этой легкостью.

Ч. Амiredжиби хорошо осознает свою позицию. В одном из интервью он пишет: «Одно дело, сказать читателю, что некий персонаж в плохом настроении, и совершенно другое, нарисовать ему это обстоятельство. Первое я считаю легким путем в искусстве, а второе – настоящим искусством и достойной трудностью» (Амiredжиби 1990: 24).

Характерной чертой Ч. Амiredжиби является также подчеркнута документальная форма романа, за которым таится высокий лиризм, искания писателя и его духовные медитации. Стилиевой особенностью Амiredжиби представляется нам гармоническое слияние реальности и символики. Вспомним эпизод в Саирме, а также эпизод с крысами-людоедами, или же цветные тетради в эпизоде с Арзневом Мускиа (цвета – белый, голубой, розовый, желтый – создают настроение, соответствующее событиям из тетрадей). Также органически сливаются друг с

другом мифический и реалистический, бытовой и философский пласты романа. Писателю удастся показать связь мифического с «земным».

Кроме особого умения словотворчества, создатель романа «Дата Туташиа» обладает еще одним талантом, который во многом способствует сделать книгу легко читаемой, несмотря на ее большой объем. Это чувство юмора, без которого, как говорил Н. Думбадзе, писатель похож на луну, одна сторона которой вечно затемнена (Думбадзе 1978: 4). Думается, юмор является особенной чертой художественного стиля Амiredжиби. Ведь сегодня невозможно представить серьезную большую литературу без сатиры, юмора, иронии и гротеска. Достаточно вспомнить два великих романа 20 века – роман Томаса Манна «Иосиф и его братья» и «Сто лет одиночества» Маркеса.

Легкий юмор, грозный сарказм, уничтожающая ирония и острая сатира, философский гротеск – такой разнообразный регистр смеха предлагает Амiredжиби и, что самое главное, заставляет нас смеяться там, где мы этого вовсе не ожидаем.

Посредством юмора автор преобразует исторический, автобиографический, философско-психологический материал, довольно «тяжеловесным» этико-философским размышлениям придает легкость и воздушность.

Писатель незаметно вводит юмор в ткань произведения, при этом его представляет то в виде фарса, то иронии или же гротеска. А иногда юмор становится основой пародии. Нередко юмор проявляется в драматических и трагических ситуациях, этим автор как бы позволяет читателю передохнуть. Иначе очень трудно пережить те страшные картины бесчеловечности и нравственного падения, которые рисуются в романе. Критик Л. Нароушвили замечает, что без юмора трудно выдержать сцену нападения голодных, разъяренных детей на Дату и Мосе Замтарадзе в эпизоде с Сетури (Нароушвили 1970: 136).

Вспомним эпизод с крысами-людоедами, в котором также чувствуется юмор и это облегчает нам восприятие страшной картины духовного падения и вырождения людей. В произведении много подобных сцен, свидетельствующих о том, насколько органически вплетены тонкие юмористические пассажи в художественную ткань романа, размышления на глубоко серьезные темы сливаются с веселым настроением. Подобное широкое

использование юмора показывает снисходительное отношение писателя к человеческим слабостям. Автор напоминает читателю, что эти потерявшие человеческий облик персонажи – Кажа Булава, Бония, Чония и др. - все-таки люди, вызывающие жалость своими духовными пороками. Поэтому стоит заботиться о спасении их душ. Главным в романе является борьба за спасение души человека, пусть даже убийцы. Осознанию этой мысли способствует юмор Амiredжиби. Вспомним блестящий образ экспрориятора Никифоре Бубутеишвили, в котором слиты глубокий психологизм, точность социального осмысления и бесподобный юмор.

Ч. Амiredжиби писал: «Пишу медленно и трудно, но понятным, легким языком на сложные и нетронутые темы...» (Амiredжиби 2003: 14). Так достигается «гениальная простота», характерная роману «Дата Туташиа».

Роман в композиционном плане решен как сплав отдельных новелл, документального материала, писем. Однако большой победой писателя следует считать то обстоятельство, что он сумел вместить это разнообразие в единые структурные рамки и придать ему стилистическую целостность.

Таким образом, Чабуа Амiredжиби в своем романе смог добиться истинного полифонизма, создать прекрасное единое целое из различных частиц, объединяющихся в конртапункте. Особенно импонирует то, что стиль писателя совершенно свободен от манерности, литературной позы. Это чистосердечное и понятное воспроизведение жизненной правды.

Ч. Амiredжиби умеет находить то единственное слово, ту единственную фразу, тот единственный прием, который необходим для изображения предмета и явления. У читателя романа остается впечатление, что писатель способен трансформировать любой языковой элемент (в том числе варваризмы, диалектизмы, вульгаризмы, жаргон и др.) в органический элемент художественного стиля. Именно поэтому роман является диалогическим не только на концептуальном уровне, но и множеством языковых структур. Использование писателем языковых элементов для создания новых комбинаций всегда образует новый эстетический феномен.

Литература:

1. Амiredжиби Чабуа. Беседа // в кн.: К. Имедашвили «Беседы», Тбилиси, 1990.
2. Амiredжиби Чабуа. Вступление к «Георгию Блестящему» // газета «Сакартвелос республика», №219, 2003, 18\08.
3. Титмерия Джумбер. Круглый стол критики // журнал «Критика», №2, Тбилиси. 1976.
4. Нароушвили Леила. «Дата Туташхиа» // журнал «Гантиади», №1, 1970.
5. Сигуа Сосо. Мартвили и Аламдари. Т. II, Тбилиси. 2001.
6. Думбадзе Нодар. С юмором не расставайтесь // «Литературная газета», 4.01.1978.
7. Ортега-и-Гассет Хосе. Летняя соната // в кн.: Эстетика, философия, культура. М., 1991.

Shorena Makhachadze (Georgia)

THE STYLE OF “DATA TUTASHKHIA”

Abstract

The style of Chabua Amirejibi’s “Data Tutashkhia” is unrepeatable and this is achieved by the manner by which the author conveys the mood and sounds of the Megrelian language, its rhythm with delicacy and sharp, natural nuances, he gives such an emphatic pulsation to the speech of the personages that the voice of the characters is obviously heard.

There is individualized the manner of not only the speech of personages, but even the way of their thinking. The language of characters is exceptionally life-like but it is never naturalistic.

Humour is the distinguished feature of Ch. Amirejibi’s literary style. In the plot tissue of “Data Tutashkhia” there are organically weaved refined humorous passages, discussions on deep serious topics and dramatic situations are beautifully combined with smiling mood where the expressive power of humour is perfectly used.

LE MYTHE DU LABYRINTHE DANS LES ÉCRITS DE MARGUERITE YOURCENAR

L'image de labyrinthe, que Marguerite Yourcenar utilise souvent dans ses écrits, sert à nous conduire vers la pensée de l'auteur, qui suit, dès ses débuts, une ligne claire de sagesse, et dont le labyrinthe serait, inconsciemment d'abord, et puis avec une intention précise, le symbole représentatif de l'évolution alchimique.

Le premier ouvrage de Marguerite Yourcenar, œuvre de jeunesse et presque d'enfance, aborde le thème du labyrinthe. Le Jardin des Chimères est un poème qui chante les aventures d'Icare, lequel, une fois qu'il a réussi à dompter la Chimère, monstre qui gardait la porte du labyrinthe, et après lui avoir pris ses ailes, s'envole vite vers le Soleil, à la recherche de l'Absolu:

“Soleil! Je viens! Puisque ma vie n'est qu'un rapide instant de ton éternité...”

Il ne craint pas de se brûler en approchant le soleil, il veut s'unir et se fondre avec cet Hélios qui l'attire. Le poème finit avec la voix d'Helios:

Moi qui suis l'Absolu, moi qui suis l'Eternel...”, en glorifiant l'effort humain, même inutile, vers la lumière et la Beauté.

Marguerite Yourcenar prend de nouveau le sujet de labyrinthe vers 1933 quand, dans une réunion avec des amis, où l'on propose de faire chacun un “sketch” sur les personnages de Thésée, d'Ariane et du Minotaure, lui échut le personnage d'Ariane. Mais elle “tricha un peu”, parce qu'elle mit d'autres personnages dans sa piécette. L'œuvre, qui avait été publiée en 1939 par un directeur de revue, tomba dans l'oubli pendant plusieurs années, et ce fut en 1944, que Marguerite Yourcenar reprit le sujet; cette fois encore elle le laisse incomplet jusqu'en 1963, année où la pièce sera finie et verra la lumière avec toute la transcendance que Yourcenar sait communiquer à ses écrits.

Qui n'a pas son Minotaure? est une allégorie chargée d'intentions. L'insistance sur le thème montre une préoccupation envers lui ou envers ce qu'on peut dire avec lui.

Le labyrinthe est un symbole très ancien qui se trouve dans les peintures préhistoriques de lieux très divers de l'Europe (Espagne, Bretagne, Angleterre), assez séparés les uns des autres, symbole auquel on

attribue une valeur magique, ésotérique et “symbolique”. Il apparaît un peu plus tard uni à la hache, symbole de Minos, dans la route des travailleurs du cuivre dans la Méditerranée, ce qui indique déjà une adhésion “symbolique” du labyrinthe avec les forgerons. Rappelons-nous que Mircea Eliade assimile les origines de l’alchimie avec les premiers forgerons et chamans, qu’il identifie la naissance de l’alchimie avec le moment où l’homme remarqua qu’il pouvait “assumer l’œuvre du Temps”, qu’il pouvait accélérer avec le feu ce que la nature ferait avec le temps.

Au Moyen Age nous trouvons le labyrinthe dans les églises gothiques françaises (Chartres, Sens, Reims, Auxerre, Siant-Quentin, Amiens, Poitiers et Bayeux), dessiné dans leur base, à l’intersection de la nef et du transept; c’est un labyrinthe que les fidèles, en continuant une tradition sûrement importée de l’Orient, parcourent à genoux, pour faire pénitence. Il est appelé “labyrinthe de Salomon” et il est formé par “une série de cercles concentriques, interrompus à certains points, de façon qu’ils forment un trajet choquant et inextricable”.

Le plus connu des labyrinthes est celui de Cnossos, dans l’île de Crète, qui, découvert par Evans au début de ce siècle, fut identifié avec celui du mythique Minotaure. Le roi Minos ordonna à Dédale la construction d’un labyrinthe et, une fois fini, il châtia Dédale, qui avait caché les amours de la Reine Pasiphaé avec le taureau, à rester dedans pour toujours, avec son fils Icare et avec Le Minotaure, fruit des amours de la reine Pasiphaé. Ce labyrinthe de Crète est resté comme point de repère pour toute la “symbolique” labyrinthique. Le tribut que la ville d’Athènes devait payer à la Crète, livrant tous les ans des victimes humaines pour le Minotaure, et la contribution d’Ariane, en aidant au rachat de Thésée, sont des points fondamentaux de ce mythe du labyrinthe.

Quelle est la cause qui attire l’attention de Marguerite Yourcenar sur ce mythe du labyrinthe? Psychologiquement on a étudié le labyrinthe comme une “représentation de l’inconscient avec ses possibilités inconnes”. La sortie du labyrinthe est quelque chose que le héros doit réussir en tirant des forces de lui-même. “Dans toutes les cultures le labyrinthe a la signification d’une représentation confuse du monde de la conscience matriarcale; peuvent seulement le traverser ceux qui sont disposés à une initiation spéciale dans le monde mystérieux de l’inconscient collectif”. La bataille entre le héros et le dragon, le Minotaure dans ce cas, indique, pour Henderson, que le héros doit “percevoir que l’ombre existe et qu’il peut en obtenir la force”. C’est-à-dire, que le héros doit gagner

le combat, doit dominer et “assimiler son ombre”. Bachelard étudie les rêves labyrinthiques avec des couloirs souterrains et nocturnes ou “l’air est lourd”. On peut identifier avec des couloirs labyrinthiques, ceux que parcourent Achille et Misandre dans Achille ou le Mensonge, avec sa “descente en spirale” et sa totale obscurité jusqu’à ce qu’ils arrivent à ouvrir la porte qui donne sur la mer et l’air salé “comme le sang et les larmes”. Mircea Eliade présente le labyrinthe comme un “noeud” qu’on doit délier; il l’inclut dans la “symbologie” du noeud parce que quelques peuplades des Nouvelles Hébrides emploient le labyrinthe en forme de noeud dans les rituels et dans leurs croyances funéraires; l’idée de détacher le noeud “se trouve dans un ensemble métaphysique-rituel qui contient des idées de difficulté, de danger, de mort, d’inanition”.

Dans certains écrits alchimiques on peut voir le labyrinthe de Salomon, qui est pour Barthelot, “une figure cabalistique qui se trouve au commencement de certains manuscrits alchimiques et qui fait partie des traditions magiques attribuées au nom de Salomon”. Le labyrinthe, en alchimie, est le symbole de l’Oeuvre, et c’est avec ce sens que Marguerite Yourcenar l’utilise. Pour Fulcanelli “l’image du labyrinthe nous apparaît, donc, comme emblématique du travail complet de l’Oeuvre, avec ses deux difficultés les plus grandes: celle du chemin qu’il faut suivre pour arriver au centre - où se livre le dur combat entre les deux natures -, et celle de l’autre chemin que l’artiste doit enfile pour sortir de celui-là”. et c’est en ce moment que Thésée a besoin du fil d’Ariane, la seule aide qui lui permettra d’atteindre de ce chemin embrouillé: “C’est ici qu’il a besoin du fil d’Ariane, s’il ne veut pas s’égarer dans les méandres de l’oeuvre et se voir dans l’incapacité de trouver la sortie”. Yourcenar s’exprime de cette façon: “Ariane, donnant à Thésée le fil conducteur qui lui permettra de sortir sain et sauf du Labyrinthe est restée pour les hermétiques l’un des symbole de l’intellect, de la nous qui guide l’homme”.

Dans Qui n’a pas son Minotaure? la scène du labyrinthe est clairement une réplique de l’Oeuvre: scène noire, avec la couleur noire au fond et le chaos de la matière qui se désintègre; Thésée n’est plus un seul corps, mais plusieurs en même temps, et son esprit traverse simultanément tous les états de sa vie passée, présente et future. C’est la désintégration du corps, la première phase de l’Oeuvre. Marguerite Yourcenar utilise le mythe du labyrinthe avec un sens de symbole. Quand en 1944 elle écrit de nouveau sur la légende de Thésée, elle le fait avec un symbolisme qui participe de la magie, du mystère, mais qui

nous parle surtout d'alchimie, de désintégration personnelle. L'auteur dit que dans cette occasion-là: "La promenade de Thésée dans les détours du labyrinthe (...) me donnait envie de décrire la grotesque démarche d'un homme égaré dans les replis de soi-même". C'est un symbole de l'essence de l'homme et de la fin qu'il poursuit, uni, à la fois, à un symbolisme de l'Histoire Universelle, puisque Thésée avec son bateau chargé de prisonniers, est représentatif de l'histoire contemporaine. La désintégration de l'âme de Thésée dans la noirceur du labyrinthe peut arriver de nouveau à la calcination et à la cristallisation, grâce au fil d'Ariane, à la chaleur du "soleil qui se lève". Le combat de Thésée contre lui-même, contre sa voix intérieure qui est "la Cause de tout mal, est sa propre mort:

"J'ai tué mon fils...Mon fils unique... (...) C'est comme si je m'étais tué moi-même à vingt ans..."

Thésée père tue Thésée fils et celui-ci, à son tour, tue Thésée père, au cours d'une bataille qui est un chaos:

"... Tiens, sur le nez! Tiens sur l'oeil! Il ya longtemps que j'ai envie de démolir sa figure... (...) Ton fils, hein? ... Mes mains qui saignent... J'ai cogné trop fort.Un bon couteau... En finir. (...) Ah, misère! Il me semble que c'est moi qui meurs."

La mort de Thésée dans le labyrinthe est le passage des métaux dans sa première transmutation, c'est la mort de l'âme pour renaître purifiée. Dans la scène suivante, Thésée, déjà sorti du labyrinthe, donne des détails de la lutte qu'il a livrée avec le Minotaure et avec lui-même:

"Il est invisible.Sans voir le général j'ai subi l'assaut d'une armée...Et je marchais, écartant de mon corps des bataillons de mauvais anges..."

Le général dont on parle est Mars, le guerrier, "un corps dur et fort, solide et robuste (...) C'est la cause pour laquelle il est extrêmement difficile de surpasser un capitaine aussi intrépide, car son corps est tellement dur qu'on peut à peine le blesser". Thésée continue à décrire sa rencontre avec le Minotaure:

"Pas à pas j'ai suivi cette Bête sans forme, cet adversaire dont la stratégie est de reculer toujours, j'ai été pris dans le sillage de ce souffle qui épouvante et pue comme celui d'un fauve..."

La Bête sauvage est le tigre alchimique. A ce moment est notoire la puanteur de la putréfaction, que Fulcanelli, en citant Le filet d'Ariane, oeuvre d'un auteur inconnu, décrit ainsi: "Il en résulte alors que par cette putréfaction se produit la séparation de ce qui est pur et ce qui est im-

pur. Cependant les signes d'une bonne et véritable putréfaction sont: une noirceur très noire ou très profonde, une odeur fétide, mauvaise ou infecte, appelée par les philosophes toxicum et venenum, odeur qui n'est pas sensible à l'odorat, mais seulement à l'intelligence“.

Thésée continue: “Il m'a traîné jusqu'à cette plage... Une mer immobile, des vagues vitrifiées...”

Les vagues font allusion au mercure, présent dans toute transformation métallique.

“Le Minotaure se collait à moi, réduisait à chaque instant l'espace nécessaire à mes poumons, à mon coeur... J'ai frappé du poing... Du pommeau de l'épée...”

C'est le commencement de la calcination dans l'athanor.

“J'étais comme un homme enfermé dans une prison de verre, qui, pour s'évader, crée à grands coups une étoile...”

La prison de verre est le vase de l'athanor, où a lieu la transformation de la “matière première”, ou encore l'âme où L'Oeuvre se réalise. Le récipient hermétique est de verre transparent, ce qui indique sa nature psychique; on l'appelle aussi “oeuf”. “Pendant la “coction” il doit rester “hermétiquement scellé”, les forces qui se développent dans son intérieur ne doivent pas s'échapper, car au contraire l'oeuvre serait manquée”.

“La Bête m'a mordu. Voyez mon front, voyez mes mains. J'ai entendu craquer la glace sous laquelle s'ouvraient des abîmes. Mais je n'ai du combat d'autre preuve que cette flaque rouge...”

La bête qui mord est Saturne qui dans sa signification mythologique “répond à cette première étape de l'oeuvre, en tant que Saturne-Cronos, qui dévore ses propres enfants, est la divinité qui, par l'action du temps et de la mort, fait retourner tout ce qui est temporel à son origine amorphe”. Le sang liquide est la nouvelle fusion après la cristallisation.

Ce monologue, uni à la scène précédente, décrit les transformations que Thésée a subies à l'intérieur du Labyrinthe. Thésée ne suit pas toute l'évolution de l'Oeuvre, mais seulement la première partie, la dissolution qui va lui servir de préparation pour prendre une nouvelle forme. Cette première partie de l'Oeuvre, l'Oeuvre au Noir, est divisée à son tour en plusieurs phases de calcination, fusion et cristallisation. Si on suit la division en “oeuvre mineure” et “oeuvre majeure”, la première des deux fait référence à la première partie de l'Oeuvre et se divise de même en trois autres phases que nous pouvons suivre parallèlement à la démarche de Thésée dans le Labyrinthe.

“La première étape de l’oeuvre “mineure”, dominée par Saturne, correspond au “noircissement”, à la “putréfaction” et à la “mortification”. Nous avons déjà remarqué putréfaction, la mortification et l’action de Saturne en forme de Bête, et si nous revenons à l’entrée de Thésée dans le Labyrinthe, nous aurons, de forme évidente, le noircissement:

“Je m’y perds... Il fait noir comme dans un antre. Rien de plus exténuant que de se battre avec la nuit. Elle supprime le monde extérieur. J’ai l’impression de plonger dans mes ténèbres internes et les circonvolutions du Labyrinthe me font penser à mes entrailles”.

La deuxième étape de l’oeuvre “mineure” est présidée par Jupiter et indique que “l’âme s’est élevée du règne de la Terre auquel elle était retournée et est sortie de la nuit du chaos originel pour développer maintenant toute sa force”. Cette lutte est celle que soutient Thésée en frappant de tout son élan. Elle représente le passage de la cristallisation première, de cette mer de vagues “vitrifiées”, à la sublimation.

Dans la troisième étape, régie par la lune, “on atteint à la couleur blanche (...) C’est la fin de la “solution” qui sera suivie par une nouvelle “cristallisation”. La luminosité, la couleur blanche est représentée par l’étoile, et la nouvelle cristallisation est la glace qui craque sur l’abîme. Thésée ne complète pas la réalisation de l’Oeuvre, cependant, on peut voir la couleur rouge, ce qui suggère une allusion à la réussite de l’Oeuvre au Rouge. Car ce rouge est plutôt le feu de coeur, qui avec sa chaleur lente fond la glace qui craque de nouveau et reste le sang liquide qui attend la coagulation définitive. Ariane confirme: “Le Minotaure est mort, puisque vous saignez”.

Thésée a vaincu. Il y a eu une mort dans le Labyrinthe, par laquelle Thésée en ressort régénéré. Il a trouvé l’issue à l’aide du fil d’Ariane, même si elle montre des doutes sur l’utilité de ce fil qu’elle lui avait attaché à la main.

“Si j’ai voulu vivre, c’est pour sentir de nouveau l’odeur de miel des cheveux d’Ariane...”

Le miel sur les cheveux d’Ariane peut nous suggérer le mélange que l’alchimie chinoise propose concernant la régénération par la mort, et qui a pour fin l’immortalité. Nous trouvons une fois encore la similitude entre le désir que montre Thésée de sortir du Labyrinthe pour sentir l’odeur de miel des cheveux d’Ariane, et ce que propose le savant chinois. Lisons Mircea Eliade:

“Pao Put-su écrit que si on mélange trois livres de cinabre avec une livre de miel et on laisse le tout sécher au soleil pour faire ensuite,

de ce mélange, des pilules de la grandeur d'un grain de chanvre, dix de telles pilules, prises au cours d'une année, rendent noirs les cheveux blancs, et font ressortir les dents tombées, et si on continue à les prendre pour plus d'un an, on arrive à atteindre à l'immortalité".

Fulcanelli attribue au labyrinthe de Crète le nom de Absolum, et ajoute: "Et observons que ce terme ressemble beaucoup à absolu, qui est le nom avec lequel les alchimistes anciens désignaient la pierre philosophale". Et qu'est-ce que c'est que la pierre philosophale? C'est le nom que les alchimistes donnent à l'obtention de leur fin, à la purification de leur âme et à leur intégration avec l'Être, avec Dieu. L'œuvre de Marguerite Yourcenar est toute acheminée à la poursuite de l'absolu, et c'est la raison pour laquelle le labyrinthe est pour elle le symbole par excellence. On pourrait voir là la cause de ce qu'elle l'ait déjà pris dans son premier ouvrage, quand elle ne savait pas encore exactement ce qu'elle cherchait, mais qu'elle se sentait attirée par le mythe. Peut-être que Marguerite Yourcenar connaissait l'alchimie à ce moment-là, étant donné qu'elle possédait une précoce instruction littéraire. Ou plutôt il serait simplement cette soif d'absolu qu'Icare proclame en s'envolant du Labyrinthe vers le Soleil. Ce serait peut-être après que le symbole prend pour Yourcenar sa valeur alchimique, pour se convertir en scène de la désintégration spirituelle de Thésée. De toutes façons, le labyrinthe porte implicite l'idée d'absolu, et l'Absolu est la plus grande aspiration de Marguerite Yourcenar, qui le cherche fondamentalement au moyen de l'alchimie, puisque "tout revient à l'alchimie". De cette façon, l'identification Labyrinthe- Absolu que Fulcanelli propose, est adoptée par Marguerite Yourcenar, qui utilise le labyrinthe pour y accomplir le procès de régénération nécessaire pour atteindre l'Absolu. En finissant cette évolution l'homme est délivré avec une forme nouvelle, et il est préparé pour compléter le Grand Œuvre et connaître l'Absolu.

Dans *Le Jardin des Chimères*, Icare part vers le Soleil qu'il invoque avec le nom d'Absolu. Tout le procès de préparation, de transformation et d'obtention de ses ailes pour adopter la nouvelle forme qui lui permet de voler, s'était réalisé à l'intérieur du Labyrinthe. Thésée, à son tour, est l'objet de son plus grand combat à l'intérieur du Labyrinthe; il tue et il meurt pour réussir à en sortir victorieux et régénéré, il acquiert une nouvelle forme après sa désintégration, qui n'est autre chose qu'une étape nécessaire pour la réalisation de sa fin. L'un et l'autre, Icare et Thésée, se transforment à l'intérieur du Labyrinthe et en ressortent pour

chercher l'Absolu. Tout le récit de L' Œuvre au Noir ne serait que le procès du labyrinthe parcouru par Zénon.

Le labyrinthe n'est pas l'Absolu, mais le difficile chemin qu'il faut parcourir pour arriver à Lui. Zénon, qui emploie toute sa vie pour traverser l'Œuvre au Noir, sait "qu'il ne sortira du labyrinthe qu'à la fin des temps", au moment où il pourra aspirer à quelque chose de meilleur.

Le Labyrinthe du monde, trilogie dont le troisième volume, postume, nous confirme un peu plus ce que nous connaissions sur l'auteur à travers ses ouvrages, montre dans son titre toute l'inquiétude de Marguerite Yourcenar, pour qui le monde n'est qu'un labyrinthe plein d'épreuves qui purifient l'homme. Nous lisons, dans le troisième tome, que pour Michel "les corridors du Labyrinthe se recourent" quand sa vie prend, sans trop y penser, le chemin de Jeanne.

Le labyrinthe, présent dans le monde et dans l'esprit, a été pour Marguerite Yourcenar, la représentation de la vie même.

Littérature:

1. Chancel J. Radioscopie de Marguerite Yourcenar. Enregistrement de l'émission du 11 juin 1979.
2. Goslar M. Marguerite Yourcenar. Biographie, Bruxelles, 1998.
3. Fulcanelli. Le Mystère des cathédrales et l'interprétation ésotérique des symboles hermétiques du Grand-Oeuvre. 2007.
4. Roman, histoire et mythe dans l'œuvre de Marguerite Yourcenar, actes du colloque d'Anvers mai 1990, Simone et Maurice Delcroix, éditions Tours, 1995.
5. Rosbo P. Entretiens radiophoniques avec Marguerite Yourcenar, Mercure de France, 1972-1980.
6. Yourcenar M. Le Jardin des Chimères. Edition Gallimard, Paris, 1990.
7. Sarde M. Vous, Marguerite Yourcenar, Robert Laffont 1995.
8. Yourcenar M. Œuvre au Noir. Edition Gallimard, Coll. Folio, 1985
9. Yourcenar M. Labyrinthe du monde. Edition Gallimard, Coll. Folio, 1985
10. Yourcenar M. Qui n'a pas son Minotaure? Edition Gallimard, Paris, 1985.
11. Yourcenar M. Lettres à ses amis et à quelques autres, Folio 2983, 1987.

ТЕМА ЛАБИРИНТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАРГЕРИТ ЮРСЕНАР

Резюме

Маргерит Юрсенар, большая поклонница греческой цивилизации, а именно критской мифологии, истории Тезея, лабиринта и Минотавра. В творчестве Маргерит Юрсенар огромное место занимает тема лабиринта. Начиная с первого произведения, поэмы «Сад Химер», писатель касается этой темы. Она рассказывает о приключениях Икара, победителя Химеры, охраняющей двери лабиринта. В первой книге трехтомной семейной хроники "Лабиринт мира", написанной Юрсенар в конце жизни, "Благочестивые воспоминания", автор затрагивает тему лабиринта. Впрочем, жанровые обозначения всегда, особенно в 20 веке, условны. Семейная хроника сливается здесь с воспоминаниями, с биографией отдельных, наиболее примечательных персонажей прошлого, с картинами навсегда исчезнувшей жизни, с мифологией.

В романе «Кто не имеет Минотавра?» Юрсенар поднимает эту тему через образы Тезея, Ариадны и Минотавра. В романе соблюдены три единства – единство времени, места и, как писал Корнель, единство опасности, персонажей немного, действие неотвратимо устремляется к роковой развязке. В прозе, правда, несравненно большую роль играет анализ, анализ чувств и отношений, поручаемый, как правило, одному из действующих лиц, тем более если, как в данном случае, повествование ведется от первого лица – лица, выступающего, соответственно, в роли героя и в роли рассказчика, то есть обладающего как бы двойным зрением, двойным взглядом, взглядом участника и взглядом постороннего наблюдателя, свидетеля.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА НАРОДНЫХ АНГЛИЙСКИХ СКАЗОК И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Народная сказка - это классический образец фольклора. Она "содержит какие-то вечные, неувядаемые ценности" (Пропп 1984:27). Одним из самых важных структурных и жанро-образующих элементов сказочной поэтики является категория пространства-времени.

В британских сказках основным средством создания сказочности являются пространственные характеристики сказки. В большинстве британских сказок пространство ограничено обжитой территорией жилых объектов (thehouse) и местами общественных посещений (themarket, thechurchyard). Временные характеристики представлены нечетко. В более чем половине сказок временные характеристики неконкретны и размыты. Менее половины сказок означено временными словосочетаниями oneday или onenight.

Материалом для нашего анализа послужила книга «Сквозь волшебное кольцо», которая является сборником британских легенд и сказок в переводе Н.В.Шерешевской. Для анализа мы выбрали те британские сказки, которые нам показались наиболее интересными с точки зрения рассмотрения пространственно-временного континуума.

Так, в сказке «Том Тит Тот» отчетливо выделяется топос дома девушки, откуда она перемещается, выйдя замуж за короля. Дом Короля является центром сказочного пространства, где героиня подвергается смертельной опасности. В уговоре, когда король хотел жениться, было условие «...одиннадцать месяцев в году твоя дочь будет есть любимые свои кушанья,...но последний месяц в году она должна будет прясть по пяти мотков в день, а не то я ее казню.» “Eleven months out of the year she shall have all she likes to eat... but the last month of the year She’ll have to spin five skeins every day, and if she don’t I shall kill her” (<http://www.dreams4kids.ru/anglijskie-skazki-i-legendy>). Язык оригинала соотнесен с языком перевода в равной степени. В сказке прослеживается сжатие времени: «Ну вот, сыграли свадьбу, одиннадцать месяцев

молодая королева ела любимые свои кушанья, одевалась в самые красивые наряды и веселилась с кем только хотела».

В пространстве сказки есть как горизонтальная, так и вертикальная оси, определяющие оппозицию «свой - чужой». «Свой» - это мир людей, «чужой» - темных сил. Помня об уговоре, король отвел королеву в «какую-то комнату», которой она раньше никогда не видела. Казалось бы опять образ пространства размыт. Но это на первый взгляд. Комната эта становится своего рода сакральным местом, где девушка увидела бесенка. Время, когда появляется бесенок – вечер (в английском варианте ночь) и утро, когда по поверьям, нечистая сила может вступить в контакт с человеком. Бесенок идет на сговор с королевой: «Каждое утро я буду подходить к твоему окну, и забирать шерсть, а к вечеру приносить мотки пряжи. Каждый вечер я буду тебя спрашивать, как меня зовут. До трех раз. Если к концу месяца не угадаешь, пойдешь со мной». “I’ll come to your window every morning and take the flax and bring it spun by night. I’ll give you three guesses every night to guess my name, and if you haven’t guessed it before the months up you shall be mine”(http://www.dreams4kids.ru/anglijskie-skazki-i-legendy). В переводе сказки в культурной традиции славян временем для происхождения волшебного таинства выступает обычно вечер, в английских поверьях для этого определена ночь.

Бесенок не вторгается в пространство, где находится королева. Но время отведенное ей на то, чтобы правильно отгадать имя бесенка, быстро истекает. Наречие «как всегда» используется для описания постоянства происходящих событий. В предпоследний день «...бесенок, как всегда, пришел с пятью мотками пряжи».

- «Слушай! Остался один день! Не угадаешь – завтра вечером пойдешь со мной». “Woman, there’s only tomorrow night, and then you’ll be mine”. Бесенок пропадает.

Диспозиция сказки меняется. В комнату входит король, который решил поужинать со своей женой. Король пребывает в хорошем настроении, считая, что его жена великая труженица и мастерица. Он рассказывает ей историю о том, что (в сказке опять появляется новое пространство) заехав в лес, он очутился в незнакомом месте. “... A place in the wood I’d never seen before”. Из меловой ямы доносилось жужжание, он туда заглянул и увидел маленького бесенка, который пряд и напевал при этом песенку.

«Нимми – Нимми – Нот
А зовут меня Том – Тит – Тот»

Королева обрадовалась. Прекрасное стечение обстоятельств! Бесенок пока не знает, что тайна его раскрыта. Слушатели уже знают об этом, поэтому повтор наречий «опять», «как всегда» звучат с легким юмором. Бесенок предвкушает победу. Ему думается, что он заполучит еще одну душу, но королева со смехом промолвила его имя. Бесенок пропадает во времени и пространстве. «Как услышал это бесенок, взвизгнул и пропал во тьме за окном. С тех пор его никто и не видел». “Well, when that heard her, that gave an awful shriek and away that flew into the dark, and she never saw it anymore”.

Волшебная сказка «Рыжий Эттин», также как и сказка «Том Тит Тот», связана с представителями иного мира: великаном Эттиным, феей неведомыми зверями. Здесь также представлено пространство этого мира и другого.

Динамика времени передается глаголами. «Юноша все шел и шел, пока не увидел старика». “Hewentonthegreatwayfarther”. «Но юноша опять не отгадал. Тогда Рыжий Эттин схватил деревянный молоток, ударил им юношу по голове и тот превратился в каменный столб». “But the young man had to give it up. The lad not being able to answer one of these questions, the Red Ettin took a mallet and knocked him on the head, and turned him into a pillar of stone”.

Сам герой сказки не обладает сверхъестественными силами и получает волшебную палочку от феи. Юноша входит в «иной» мир, который представляет собой загадочный замок на невысоком холме. Юноша отгадывает загадки, которые задает ему Эттин. «Услышал Эттин его ответы и понял, что пришел конец его власти». “When the Ettin found this, he knew that his power was gone”. Указание, что время колдуна прошло, закончилось.

Юноша отрубил чудовищу его головы. Наступает новое время, юноша освобождает пленниц Рыжего Эттина, снимает волшебной палочкой чары с брата. (Как и подобает волшебной сказке, волшебство творится волшебными предметами). Сказка заканчивается хорошо. «Братья жили счастливо до конца своих дней». “...And so they all lived happily all the rest of their days”.

Интересной на наш взгляд является сказка «Джек и бобовый стебель». Сюжет сказки, изложенный в рамках причинно-следственной обусловленности, представляет собой последователь-

ность событий и развивается в условиях пространства и времени. Действие сказки начинается с того, что Джек отдает самое ценное (корову Белянку) за несколько бобовых зернышек. Старичок-волшебник, давший ему бобовые зернышки, своего рода является проводником во времени и пространстве. Мать Джека в злости выбросила зернышки в окно, паренек ложится спать, и каково же было его удивление, когда на следующее утро стебельки проросли выше облаков. Хотелось бы отметить, что топос неба – встречается в сказках крайне редко. Обычно в сказках встречаются топосы леса, пещер, озер, подземного царства и т.д. Но данный топос использован не напрасно. Пребывание Джека на вершине стебля высоко в небе эквивалентно его моральному состоянию. Джек движется по траектории восхождения. Из бедности – стремится к благосостоянию. Пространство, находящееся на вершине стебля можно рассмотреть, как искусственно созданную среду, (виртуальное пространство) в которую можно проникать и испытывать при этом ощущения реальной жизни.

Динамика событий передается глаголами «полез Джек по бобовому стеблю и все лез, лез и лез, лез, лез и лез, пока наконец не добрался до самого неба....Пошел по этой дороге и все шел, шел и шел, пока не пришел к огромному-преогромному высоченному дому». “So Jack climbed and he climbed and he climbed and he climbed and he climbed and he climbed and he climbed till at last he reached the sky.... So he walked along and he walked along and he walked along till he came to a great big tall house”.

Представителем «иногo» мира, куда попадает Джек - являются «огромная-преогромная высоченная женщина» и ее муж великан- людоед.

Сказочное время мы можем условно разделить на три периода, в каждом из которых Джек отправляется в дом людоеда «попытать счастья». В первый раз Джек украл у людоеда мешочек с деньгами. Но как только мешочек опустел, Джек снова отправляется в дом людоеда. «Вот в одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель». “So one fine morning he got up early, and got on to the beanstalk”. Он спрятался в печи, чтобы великан не отыскал его, и на этот раз он украл у людоеда «золотую курочку», которая несла золотые яйца. Казалось бы, что еще нужно для хорошего финала, ведь теперь Джек живет в достатке. Но через некоторое время опять решил Джек попытать счастья. Дальнейшие

события третьего периода сказочного времени, как и двух предыдущих, разворачиваются опять-таки в доме великана. «...Через некоторое время решил опять попытать счастья на верхушке бобового стебля». “... It wasn't very long before he determined to have another try at his luck up there at the top of the beanstalk.”

На сей раз Джек, в качестве укрытия решил спрятаться в медном котле. Учувя запах Джека, великан обыскал весь дом, но в котел заглянуть не догадался. И в третий раз Джеку сопутствует удача, и он ворует у великана золотую арфу. Джек стал спускаться по стеблю, а великан вслед за ним. Но Джек успевает срубить ствол, и великан падет на землю и погибает. Отрубив бобовый ствол, Джек прерывает связь с волшебным пространством. Для читателей оно остается по ту, неведомую для нас сторону.

Одной из лирических сказочных легенд является «Дева Озера». В формировании особого колорита легенд далеко не последнюю роль играют имена собственные и нарицательные. В первую очередь это связано с информативной функцией легенды, где адресант старается указать конкретное время, место и участников событий, в которые адресат должен поверить, поэтому хронотоп легенды на воображаемой шкале сказочного времени тяготеет к постепенному переходу от неопределенного ирреального к более или менее определенному. Перевод легенды на русский язык дан свободный. Сохранив сюжетную линию, автор перевода привнес в легенду элементы, свойственные русской традиции. Если легенда в английском языке начинается с описания конкретного места действия и указывается дата, когда произошли события, то в русском переводе это обозначается в неопределенном времени и месте.

Таким образом, пространство и время являются основополагающими конструктивными категориями художественного освоения действительности. В английской и русской лингвокультурах пространственная семантика этимологически предшествует временной, где время подчиненно пространству.

Виртуальность сказочного мира обусловлена спецификой пространственно-временной организации мира модели невозможных и невероятных событий: логически невозможное время, инверсионный ход событий взаимодействуют с многообразием нереальных пространственных измерений и координат.

Литература:

1. Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984.
2. <http://www.dreams4kids.ru/anglijskie-skazki-i-legendy/>

Viktoria Sitnikova (Georgia)

**SPACE-TIME STRUCTURE OF ENGLISH FOLK TALES
AND PROBLEMS OF TRANSLATION**

The time and space are fundamental structural categories of artistic assimilation of reality. Spatial semantics of English and Russian cultures etymologically precedes the temporary semantics, where the time obeys the space.

*Малхаз Чохарадзе,
Манана Тавдгиридзе (Грузия)*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Правительство Советского Союза в 1941-45 годах перевело всю страну на военные рельсы, что общеизвестно. Военным законам подчинилась и литература. Писатель стал воином, который сражался на идеологическом фронте. В этот процесс, естественно, включена была также аджарская организация союза писателей Грузии.

В 1941 году 9 июля состоялось общее собрание «Союза советских писателей Аджарии». Писатели говорили о необходимости создания и издания так называемой «оборонной литературы». Это стремление было высказано в постановлении: «Считаем необходимым издать в ближайшее время сборник художественной литературы, где должны быть размещены материалы и письма на тему обороны, и о тех больших боях, которые ведет великая партия против коварных фашистов. Сбор материала должен быть окончен до 20 июля» (АУА ЦГА- 928).

Среди сочинений, созданных на военную тематику, очень редко можно было найти произведения, которые были бы по-настоящему достойными с точки зрения их художественной ценности. Литературная продукция низкого качества, возможно в какой-то степени, удовлетворяла идеологический заказ, но из-за чрезмерной неправдоподобности для заказчиков была раздражительной. Известный советский критик Бессарион Жгенти, рассматривая прозу военного периода, писал:

«Главный недостаток, который был характерен для большинства произведений, написанных на тему Отечественной войны, состоит в том, что часто сами авторы не были знакомы с тем материалом, о котором писали, они удовлетворялись своей изобретательной способностью, своей художественной фантазией, с помощью чего в произведениях «изобретателя» нашлось место искусственным и насильственным ситуациям. Сюжеты произведений часто опирались на неожиданные и невероятные события. Выработались сюжетные стандарты и схемы, которые со всей

силой художественной правдоподобности в состоянии были передать живую правду борьбы» (Жгенти 1949:138).

Естественно, что сюжетные стандарты и схемы так называемого изобретательства не могли миновать и созданную в Аджарии литературную продукцию. Ниже мы рассмотрим лишь несколько примеров для того, чтобы представить реальную картину.

В произведении «Баллада о поваре» рассказывается о геройстве повара полка. Он жалуется, что судьба предназначила ему возню с кастрюлями, а не борьбу на поле боя. Переживает, что после войны у него не будет ничего, чем он сможет гордиться. Хотя, вскоре ему предоставляется возможность показать себя, так как ему судьба предоставила шанс проявить геройство, когда неожиданно перед ним появляется вражеский танк:

„na^žaxsxelic□amoavlo
dathvalc□indgasdanarčeni:
thu mtris tankze rogor šexta,
rogor č□ekhda lomkacivith,
an tg□viamphkhvevs rogor šexda
phxanac□rthobirkinacivi” (Малазония 1953:92).

Он с наточенным топором вступил в бой с фашистами и расправился с ними, а затем очень спокойно вернулся к своему делу - к готовке обеда. Поле брани было усеяно трупами немцев и раскареженными танками. После этой истории уже не удивляет и заключение баллады о том, что существует множество путей к героизму.

В произведении Капитона Русидзе «Тензиле» стандартный сюжет: Тензиле была медсестрой. Ушла на фронт и не щадила себя, спасла не одного раненного солдата. «Ее знали не только в госпитале, но и во всем полку, ее называли бесстрашной девушкой, уважали и любили истинной братской любовью, вознаграждали за ее отвагу».

Тензиле искренне любила Рамиза, который был из ее деревни. В госпитале она случайно встретится именно с ним, после чего они попадут в один и тот же партизанский полк и вместе продолжат фронтовую жизнь. Рамиз погибает. Тензиле возвращается домой с ребенком. Семья Рамиза принимает Тензиле и они вместе воспитывают дитя (Газета «Советская Аджария», №83, 28.04.1946 – №86, 1.05.1946).

Пармен Лория в своем рассказе «Вернувшийся» рассказывает о судьбе дезертира. Сбежавший с войны солдат, до того как войти в дом, останавливается у двери и прислушивается. Он слышит, как мечтает его мать, чтобы ее сын вернулся с войны героем, а младший брат посвящает ему патриотическое стихотворение. Одним словом, солдат убеждается в том, что семья не примет дезертира, поэтому он не осмеливается войти в дом и возвращается на фронт, где мужественно сражается и становится известным героем.

Советская критика поставила под сомнение художественную убедительность рассказа, что было вполне справедливым, но дело в том, что ей также не понравилась идейная функциональность.

«Подобное описание наших героев Отечественной войны абсолютно невозможно, - писал Бессарион Жгенти, - мужчина, который сбежал с войны, который совершил подобный предательский поступок, героем не может стать, поскольку героизм не может быть случайным, героизм - это дело веры. Герой тот, кто верит в наше правое дело и готов сложить голову за это. Тот, у кого нет подобной веры, героем не сможет стать. Таким образом, описанная Парменом Лория ситуация, дает абсолютно неправильное, ложное представление об образе героя Отечественной войны. Неужели нужно было дезертировать с войны и подслушать беседу у родного порога, для того чтобы понять, как любит наш народ своих героев и как презирает трусов, дезертиров и предателей родины?» (Жгенти 1949:142).

Кроме вышеупомянутых сюжетных стандартов и схем, в советской литературе и соответственно в творчестве писателей Аджарии, обязательно фигурировали темы, концептуальное мнение, идеологическая основа или пропагандистская структура которых, с момента становления, были однообразны. Эти произведения в развитии нашей литературы не оставили достойного следа, но «в текущем историческом моменте» с успехом совмещали роль пропагандиста и в той или иной мере воздействовали на сознание читателя. Имеется в виду, с одной стороны - поэзия, где воспевали вождей и героев войны, а с другой стороны - единая братская семья различных народов Советского Союза, в борьбе с общим врагом.

Идеологическая литература с упрямством выражала мысль, что победа СССР неизбежна в этой войне, поскольку руководит

страной мудрый Сталин, а делами страны управляют мудрые и рассудительные члены правительства. Вождемания была характерной для всей советской литературы. Ниже мы приведем всего лишь один пример, хотя нужно отметить, что количество такого типа воспеваний и восхвалений вождей разного калибра было неограниченным.

”da mters davzlevth ueč□velad,
radgan klimi uzyvis laškhers!
vaša stalins_xalxtha belads!

Vošolovs – čvenivaša!” в стихотворении Нестора Малазония «Походная» (газета Советская Аджария 23.02.1938№44).

Вместе с тем, идеологическая литература описывала героизм воинов для того, чтобы показать насколько сильно были сплочены и объединены нации и народы СССР. Идея пропаганды заключалась в том, что читатель должен был верить, что несмотря на большие искушения, Советский Союз оставался братской многонациональной семьей и все народы еще больше сплотились и воедино боролись с фашизмом.

Говоря о военной тематике в идеологической литературе, соответствовавшей схемам и стандартам, созданным согласно требованиям эпохи, следует отметить, что эта псевдолитература была не единственной линией в нашей литературе. Нельзя сказать, что будто все было заключено в идеологические рамки. Войну сопровождала большая боль и эту боль грузинский народ, как и многие другие народы, перенес во время борьбы с фашизмом. У многих писателей в откровенных строках описывался весь ужас войны, огромные жертвы, которые понесла наша страна, героизм и мужество, проявленные грузинскими воинами или оставшимися дома гражданами.

Ниже мы коснемся части военной тематики в произведениях писателей, которые вели свою деятельность в Аджарии и обратим внимание на интересную тенденцию.

Характерно, что часто грузинские писатели в смысл понятия «родина» вкладывали не обязательно Советский Союз, а, в первую очередь, Грузию и этим вызывали ярость у критики, которая стояла на идеологическом посту. В 1951 году в газете «Коммунист» передовица еще раз строго напомнила писателям:

«Когда некоторые наши писатели отстраненно воспевают родину, то они не говорят отчетливо о том, о какой родине они

говорят, не уточняют, что родина - это не только Грузия, а весь большой Советский Союз, не подчеркивают, что родина – это под руководством партии Ленина-Сталина, а также отважным трудом и отважной борьбой построенная советским народом, новая социалистическая страна, – это нездоровый подход, под такими произведениями могут подписаться и наши враги из националистического лагеря» («Коммунист» 1951).

То, из-за чего протестовала газета «Коммунист», то есть настроение «моя Родина - Грузия», отчетливо видна в военной тематике (и не только в военной), которая была создана в литературной продукции. Иногда складывается такое впечатление, что будто писатели воспользовались временем и под кровлей «советского патриотизма» возрадили находящуюся под табу тему понятия родины, открыли путь именно национальным чувствам: пропагандистская машина времен войны дает возможность развития патриотическому чувству, без этого победить в войне было бы очень сложно и даже невозможно. В соответствии с этим, «советский патриотизм» и истинный патриотизм так переплелись, что протест не прекратился, и писатели будто воспользовались данной ситуацией.

Шалва Иоселиани бесспорно был талантливым поэтом, он погиб на фронте в 1943 году, в возрасте 26 лет. Несмотря на это, вышеупомянутая тенденция («моя Родина Грузия»), наглядно видна в его стихотворениях, написанных на тему войны:

“čemsvažkacobasmoesc □ rodeda,
mamulisathvismzrdidamšobeli.
da mec movdivar metro tialo,
movdivar risxvith, vith kharišali,
rom šens gulγvizlši davatrialo
saakazis da erekles xmalī” (Бибилеишвили 2003:78)

Особенно следует обратить внимание на последние строки. Упоминание мечей Саакадзе и царя Ираклия не оставляет места для «Великой Державы» и чувство любви к родине приобретает тут конкретное содержание.

Саакадзе и царь Ираклий, а также Шота Руставели и царица Тамар упомянуты и в стихотворении Наны Гваришвили:

“kharthlis gulidan modis phesvebi,
čveni modgmis dačveni nag □ ophis,
žabans c □ g □ evlian šothas lekhsebi,

Didi thamaris natrphobi lekhsebi,
Šen saakazis mic□a gavalebs,
c□minda kharthuli guli mphethkhavi
gmir c□inapartha šthamomavali, _
ahkapho mteri erekles malith!” (Гваришвили 1948:15).

В другом случае указание на родное окружение возможно будет очень туманным или вообще может не быть. К примеру, прибегнем к одному не претенциозному стихотворению Мамии Варшанидзе “Alalig□os”:

“asi tg□via momxvdes thunda
niaγvarith gadamthelon
es sicocxle alal ig□os
Šemikhveg□nissasaxelod” (Варшанидзе 1960:208).

Если мы под «нашей страной» будем подразумевать СССР, то это не будет лишено логики. Но в стихотворении нет даже указания на безмерное пространство или на интернациональную братскую семью. С таким же успехом можно сказать, что под понятиями «моя страна» и «родина» возможно подразумевается Грузия, тем более, если мы учтем все творчество Мамии Варшанидзе.

Как мы уже сказали, созданную всю литературную продукцию на военную тематику невозможно втиснуть в рамки идеологической литературы. Естественно, что в подобной литературной продукции временами виден национальный мотив и дается возможность проявления национальных чувств.

Литература:

1. Аджарскоеархивное управление центрального государственного архива, фонд Р - 928, запись 1, дело 2(АУА ЦГА).
2. Бибилеишвили Юрий.«Бессмертная душа», книга I. Батуми, 2003.
3. Гваришвили Нана. «Моя Аджария». Батуми, 1948.
4. Гваришвили Нана. «Девушки нашей страны». Батуми, 1953.
5. Варшанидзе Мамия. «Мой храм». Батуми, 1960.
6. Малазония Нестор.«Стихи и поэмы». Батуми, 1953.

7. Жгенти Бессарион. «Современная грузинская литература». Тбилиси, 1949.
8. Нестор Малазония.«Советская Аджария» 23.02.1938, №44.
9. Пармен Руруа.«Советская Аджария» 28. 08.02.1946.
10. «Под флагом пролетарского интернационализма», газ. «Коммунист», передовица,1951 г., 29 сентября).

*Malkhaz Chokharadze,
Manana Tavdgiridze (Georgia)*

SOME PECULIARITIES OF IDEOLOGICAL WRITING IN THE EPOCH OF SOCIAL REALISM

Abstract

The paper deals with some peculiarities of Soviet propaganda on the basis of literary works of Ajara dedicated to the theme of World War II. Analyzed materials reveal that not all the works of the war period should be considered in the frames of the ideological literature. It is obvious that in the literary products of that period here and there national motives and approaches can be distinctly noticed.

ЖУРНАЛИСТИКА

Саникидзе Иосеб (Грузия)

РОЛЬ ПРЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

«Если когда-нибудь улучшится положение человечества, философы, теологи, законодатели, политики и моралисты обнаружат, что регулирование прессы есть самое сложное, опасное и важное среди вопросов, которые они когда-либо решали»

Джон Адамс

Журналистика играет важнейшую роль в жизни современного общества. Она представляет смоделированную действительность важных и интересных явлений. Именно в соответствии с журналистской информацией общество вырабатывает определенный взгляд, мнение, представление на интересующую его тему. Т.е., мы имеем дело с весьма сложным и, в определенной степени, противоречивым процессом, с одной стороны потому, что массовая аудитория получает смоделированный материал о фактах и явлениях, существующих в ней же, в соответствующем жанровом одеянии с другой, та же аудитория не может нормально существовать без этой информации. Чем объемнее информация, тем адекватнее представляет себе журналист существующую действительность, тем выше качество информации, получаемой аудиторией. На основе смоделированного текста, представленного канонем, происходит формирование общественного мнения о событиях или новостях, т.е. формирование-изменение сознания личности. Интерес и тяга к новой информации особенны. Можно сказать, что с этой точки зрения возраст не имеет значения. Важна дифференция интересов в соответствии с возрастом. Может возникнуть вопрос: что вызывает в человеке такую заинтересованность в новой информации? Что за притягательную силу имеет новизна, жажда ощущения, которая все сильнее в людях? Как видно, стремление к новизне инстинктивно заложено в человеке. Начало каждого нового дня любого человека

характеризуется острой жаждой ощущения новизны и света. Получается, что каждое новое явление, каждую новую мысль личность воспринимает как изменение своего мировоззрения, рост своих умственных способностей, шаг, сделанный вперед в своей жизни или хотя бы связывает с новой, более высокой ступенью в своем благосостоянии, в отношениях с друзьями и знакомыми, с улучшением личного здоровья? Хорошо информированный, обладающий новизной человек, находится под особым вниманием общества, им интересуются, он открыт как личность и более коммуникабелен, внутренне свободен, влиятелен, легко преодолевает трудности на своем пути. Одним словом, человек, владеющий информацией, оказывает большое внимание на общество, а оно, со своей стороны, относится к нему с особым вниманием. Исходя из этого, можно предполагать, что влияние журналистов на процесс формирования общественной мысли огромно. Позиция талантливого журналиста - всегда быть в центре событий. Таким образом, ответственность журналиста не то что удваивается, т.к. в таком случае журналист должен хорошо понимать, что найденная им информация является важнейшей для слушателя или зрителя и даже чуточку тенденциозное отношение к ней увеличивает в том же обществе риск неправильного понимания явления или факта и, к тому же, вызывает злобное отношение к журналисту. Подтверждением этого может служить своеобразное разочарование общества по отношению к журналистам, проявившееся в начале XXI века, вызванное подачей неверной, тенденциозной, непроверенной информации. Реакция общества безальтернативна-объективная, беспристрастная информация, дабы будущие поколения при анализе прошлого не были введены в заблуждение и журналист не оказался бы автором недопустимого поступка. Современные социально-экономические процессы основательно изменили отношение вообще к журналистике. Это частично вызвано и информационным бумом, существующим сегодня. Следует признать, что наступление непрофессионализма вызвало среди самих журналистов подозрение и недоверие, противостояние и неясность при подаче ими интерпретации материала, а это значительно осложнило отношение общества к этой профессии.

Завершение государственной монополии и государственного контроля в европейском вещательном пространстве, начиная с 80-

ых годов, значительно повысило уровень демократии на этом континенте и способствовало развитию медики. В XX веке существование растущей коммерциализации медики и концентрации собственности с плюрализмом медики стало вызывать вопросы. "Конгломератизация" является не очень приятным контекстом в процессе обеспечения необходимого для медики независимости. Журналисты мало что понимают в своих правах и обязанностях. Целью медики не может быть только зарабатывание денег, так же, как и только свобода: свобода необходима, но только она недостаточна. Задачей медики является надлежащее служение каждому гражданину. Нарушение журналистом норм профессиональной этики и является основанием возникновения подобных неясностей. Когда журналист стремится привлечь внимание непрофессиональными методами, выносит "на люди" непроверенную, неуточненную информацию, когда он действует по принципу "обогнать" кого-либо, проблема и впрямь возникает. Среди демократических институтов журналистика занимает особое место и потому, что ее статус неопределяется социальным контрактом, ни властью, ни выборами или назначениями, ни даже тем законодательством, которое определяет нормы ее поведения. Поэтому для сохранения своего престижа и независимости медики должна глубоко осознать свою первейшую обязанность - обеспечить подлежащее служение обществу. Распространено мнение, согласно которому журналисты лучше пишут статьи критического характера, чем положительные. Это, вероятно, является следствием того, что внимание читателей заостряется именно на материалах критического характера. Когда автор внимание переносит на критику и не ограничивается лишь похвалой в адрес респондента, это можно объяснить одним обстоятельством - неограниченным интересом человека к новизне. Там, где критика, явления более или менее динамично развиваются, процесс идет, автор так настраивает читателя, что после ознакомления с письмом, тот ждет чего-то нового об этом явлении или факте. Именно желание проследить за новостями-событиями или фактами является причиной возникновения большего интереса в обществе, которое материал, написанный о положительных тенденциях рассматривает как уже прошедшее явление и факт. Это не является для него новизной, предложенной в динамике. Такое явление или факт уже был, но оно завершилось.

Интерес к случившемуся, с точки зрения эффективности, далеко не идет, т.е. качественный показатель “скоро успокаивается” и даже забывается. В случае же критики читатель все еще ожидает ответа и именно этот общественный заряд пребывания “в режиме ожидания” есть основа острого желания получить информацию. В современной журналистской деятельности есть также ряд проблем, касающихся двух важных моментов информации. Один, когда журналист предоставляет информацию обществу, и второй, когда дело касается государственной секретной информации и личных прав и свобод личности. Т.е., когда профессиональной обязанностью журналиста является освещение процессов, идущих в стране и, с другой стороны, информация, поданная им, вредит государственным интересам, а также наносит урон правам и свободам личности. Трудно сразу провести грань между тем, что журналист может, а что не может: если журналист обязан “питать” общество новой информацией, то почему должны существовать запрещенные темы? Если вопрос касается жизненных интересов страны, журналист должен отложить в сторону “строгие правила” журналистской деятельности и его работа должна быть подчинена национально-государственному интересу. Одним словом, журналист сам должен решать, что важнее для общества: сообщить ему информационные новости или сделать весьма чреватый шаг: “предать” профессиональные обязанности и “забыть” о необходимости распространения информации. Этот решающий момент прямо связан с профессионализмом, когда журналист фактически сам решает, что и как сделать в своеобразной форме отдаленно от установленных порядков и норм. Часты разговоры о том, что журналистика - это “четвертая власть”, что означает следующее: журналистика основа основ утвердившегося общественного мнения и существующих взглядов на политику и экономику, культуру и искусство, литературу и музыку, медицину и спорт и на все те явления или факты, которые сопровождают нашу жизнь. Следует понимать, что низкий уровень медики вредит и тем, кто отвечает за средства информации. Владельцы средств массовой информации почти везде жалуются на трудности с распространением газет, на уменьшение числа тех, кто смотрит информационные передачи ведущих каналов. В свою очередь те, кто размещает свою рекламу в медики, выражает сомнение в надежности тех средств информации, в которых рекламируют свою

продукцию и услуги. Растущая организация медики на прибыль делает ее чувствительной по отношению к общественному мнению, хотя в тоже время вызывает искажение новостей и излишество вульгарных развлечений - или смешение обоих. Так что же получается? Без журналистики и журналистов любая массовая “новизна” недостижима. Было время, когда журналисты ничего не представляли собой, кроме как покорных “нанятых писак”. Сегодня это “ремесло” постепенно приобретает признаки профессии. Специальное университетское обучение журналистике развито во всех передовых демократических странах. В этих странах созданы профессиональные ассоциации и действуют этические кодексы. ”Профессиональная” журналистика ориентирована на потребителя и своей задачей номер один считает его надлежащее обслуживание. А это дает повод думать, что если журналистика управляет общественным мнением, если создает и формулирует основные взгляды и представления о нем, то сама, в свою очередь, является силой, воздействующей на власть. Вот почему сегодня так важно повышение профессионального уровня средств массовой информации и воспитание новых поколений журналистов, принципами деятельности которых будут толерантность и ответственность за написанное слово. Таким образом, очень многое зависит от личного вклада профессионального журналиста и от того, как мы представляем себе профессию журналиста.

Литература:

- 1.Репкова Т. Новые времена. Тбилиси. 2006(на груз.яз.).
- 2.Ковач Б., Розенстыл Т. Элементы журталистики. Тбилиси. 2006(на груз.яз.).
- 3.Международные принципы профессиональной этики в журналистике. Юнеско, 1983(на груз.яз.).
- 4.Сургуладзе Р., Ибери Е. Массовая коммуникация.Тбилиси. 2003 (на груз.яз.).
- 5.Шубитидзе В., Бочоридзе М. Взаимоотношение с обществом.Тбилиси. 2005-2006(на груз.яз.).
- 6.Журналистские изыскания.Издательство ТГУ. Тбилиси. 2003 (на груз.яз.).

Ioseb Sanikidze (Georgia)

ROLE OF PRESS IN THE MODERN SOCIETY

Summary

The role and meaning of journalism in the life of the modern society is gradually increasing not only in terms of quality of information. The interest towards new information means higher responsibility for a journalist, who undertakes the responsibility for the information obtained and published, as well as for the audience when its focus is shaped in accordance with the modeled information and little attention is paid to the reality. In such case journalists bears the professional responsibility when taking decisions on how to cover certain events and facts; thus, the role and the meaning of journalism are not identical notions and a journalist has to be a true professional.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ – ПУТЬ ОТ ТЕЛЕГРАФА ДО СОВРЕМЕННОЙ МЕДИИ

Благодаря изысканным технологиям у сегодняшних средств массовой информации невообразимо большая аудитория. Медиа является неотделимой частью всех социальных институтов - экономических, образовательных, политических, религиозных и конечно семейных. Уже давно массовые коммуникации стали значительным аспектом дипломатической политики европейских стран. Величайшее в истории человечества техническое достижение – изобретение немцем Иоганном Гуттенбергом печатного станка – стало основой прогресса. Изначально книгу никто не воспринимал как политическую силу, но очень скоро в правящих кругах убедились в значимости распространения с помощью книг тех или иных мыслей. На жизнь европейских стран все большее внимание оказывало общественное мнение. Оно не могло смириться со собственными дипломатии закрытыми связями а подчас и наложенными на них табу. Контроль над дипломатией существовал еще в период кризиса а во времена французской революции законодательное собрание основало специальный дипломатический комитет который контролировал дипломатический корпус и международные контакты. Несмотря на то что в других европейских странах внешняя политика было вынуждено прислушиваться и к общественному мнению

Вместе с книжностью мировое распространение в Европе получили периодические издания. В середине 1500-х правители Венеции регулярно информировали жителей о течении военных действия в Далмации. За эту печатную информацию расплачивались маленькими монетами, которые назывались gazette (отсюда происхождение слова „газета”). Скоро газеты стали играть важную роль в жизни европейских стран. В период выборов парламента или главы правительства министры и дипломаты осознали что их действия должны быть согласованы с общественным мнением. Во время либерально – демократического режима дипломатия становилась политизированной .

В 1877 году после окончания франко-прусской войны появились первые известные систематические публикации.

Секреты дипломатии стали достоянием общественности. Впрочем из сборников убиралась та документация, которая могла поставить государственную политику в щекотливое положение. Несмотря на это, уже само существование таких сборников и так называемых „цветных книг” позволяло привлечь внимание общественности к международным проблемам, дискуссировать и полемизировать. В конце 19-го века в учреждениях по внешней политике появилась фигура заместителя министра внешней политики по парламентским связям, что повысило уровень контроля демократичности внешней политики. Естественно журналистская деятельность в условиях развития средств коммуникации, была бы более эффективной. Немногим более века назад недостаточность коммуникационных технологий тормозила координирование деятельности человека. Так было всегда. Невозможность быстрой коммуникации на дальние расстояния, не раз меняла судьбу мира. В 1588 году испанский король Филипп II –ой под предводительством герцога Сидонии отправил армаду непобедимый испанский флот, численностью в 130 военных кораблей. Армада должна была уничтожить англичан, которые поддерживали врагов Испании. У берегов Фландрии к испанскому флоту должны были присоединиться корабли герцога Пальмы Алесандро Фарнеса и направившись к каналу завладеть Англией, дабы восстановить там католицизм. Для того времени это было величайшим в мире морским и военным событием. Но разразившееся стихийное бедствие а также отсутствие средств коммуникации между союзниками, помешало достижению цели.

Средства коммуникации, которые бы позволяли людям быстро связываться между собой на дальних расстояниях издревле. Было мечтой человечества. В шестнадцатом веке Джованни дела порта в своей книге описал „симпатетически телеграф,” который „мог писать на расстоянии (от греческого tele - далеко, graphos – письмо).(Дефлор Денис, осмысление массовой коммуникации, институт общественных дел Грузии, 132 стр; 2009г) Известное послание Морзе „И что же создал бог ?”, которое он передал на расстояние в сорок километров из Балтимора в Вашингтон улетело с молниеносной скоростью. По сравнению со скоростью поезда или полетом ласточки это был огромный шаг вперед. Естественно, что изобретение этого средства коммуникации сделало дипломатию европейских стран более общественной и утонченной.

В годы проведения Венского конгресса (1814 –1815) дипломаты стран-участниц широко использовали прессу, пропагандируя и утверждая точку зрения своей державы. Конгресс 1818 г. в Ахене стал первым международным форумом, который пространно освещала пресса. Генеральный секретарь конгресса периодически встречался с редакторами газет и журналистами. Можно предположить, что именно тогда и появились первые предназначенные для опубликования в прессе коммюнике и были сделаны первые шаги в направлении так называемого „пиаровского” аспекта дипломатии. Правительства стимулировали дипломатических представителей на общение с депутатами законодательных собраний.

В годы Первой мировой войны внешнеполитическая пропаганда стала играть еще большую роль. Форин офис в самом начале войны открыл „*News Department*”, с целью ознакомления общественного мнения с политикой Великобритании. Бюро военной пропаганды, которое сначала находилось под началом Министерства внутренних дел, было переподчинено Форин офис. В 1918 г. с образованием Министерства информации Форин офис учредил „*Political Intelligence Department*”. Критики дипломатии утверждали, что старая система, основывавшаяся на откровенно силовой политике, контролируемой аристократией и военными, циничная и закрытая, полностью доказала свою несостоятельность. Это отразилось в необыкновенной популярности Союза демократического контроля над дипломатией, основанного в Англии в 1915 году. Германское правительство, не соглашаясь с положениями Версальского мира, положило начало гласной дискуссии о выявлении подлинных виновников в развязывании войны –*Kriegschuldfrage*. В германском Министерстве иностранных дел был создан соответствующий отдел –*Schuldreferat*. Под его эгидой стал выходить журнал „*Die Kriegsschuldfrage*”. Цель отдела состояла в привлечении внимания широкой мировой общественности к проблемам версальского урегулирования. Для этого по решению правительства была предпринята публикация компрометирующих страны Антанты секретных дипломатических документов предвоенного и военного периода. Особый интерес вызвал многотомный сборник „*Die Grosse Politik*”, подготовленный германским министерством иностранных дел, последний том которого увидел свет в 1926 году. (Зонова Т.В. Современная

модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития М.: „Российская политическая энциклопедия” 2003). . Относительно открытой дипломатии демократических стран противостояла тайная дипломатия фашистских и тоталитарных государств. „Рассматривая вопрос о тайной дипломатии, имеет смысл вспомнить позицию, занятую правительством США в более ранний период. По окончании Первой мировой войны американский президент Вудро Вильсон провозгласил в 1918 году эру открытой дипломатии.

Объявляя о своих "Четырнадцати пунктах", он заявил: "Это будет нашим стремлением и целью, что процессы мира, когда они начались, были бы абсолютно открытыми, и чтобы они не включали в себя и не позволяли отныне никаких тайных договоренностей любого сорта. Дни завоеваний и возвеличивания ушли в прошлое; так же точно ушли в прошлое дни секретных соглашений, заключаемых в интересах отдельных правительств, которые могли бы в один непредвиденный момент опрокинуть мир во всем мире". (Джозеф Кишор, Викиликс и тайная дипломатия, 8 декабря 2010 г.)

Радио разделило судьбу телеграфа. Человечество осуществило древнюю мечту – прятать и передавать информацию на расстоянии и во времени. Первое беспроводное радио запатентовал итальянец Гильермо Марконе. Сообщение, отправленное по его беспроводному телеграфу, в 1897 году пересекло Ла-Манш, а в 1901-ом – Атлантический океан. Дипломатическая служба, традиционно рассматривающая информационно-аналитическую работу как одно из важнейших направлений своей деятельности, в XX столетии приобрела новые возможности. Развитие радиовещания, специальные программы которого выполняют функции публичной дипломатии, позволило значительно расширить радиус сбора и обработки информации.

Возможность осуществлять трансграничное телевизионное космическое вещание открыла многообещающие перспективы выхода на общеевропейскую аудиторию, чему способствуют углубляющиеся процессы интеграции и расширения границ объединенной Европы. Политическая интеграция европейских стран, всестороннее сближение народов единой Европы диктуют необходимость создания наднациональных панъевропейских информационных институтов. Одним из таких институтов стала

многонациональная спутниковая служба теленовостей Euro News, начавшая вещание с 1 января 1993 года. (И.Н. Панарин, СМИ, пропаганда и информационные войны; 2012)

История появления Интернета связана с военными разработками Пентагона (Министерства обороны США), которые были начаты в 70-е годы XX века. Первоначальная технологическая задача состояла в поиске такой общей схемы взаимодействия компьютеров, которая обеспечивала бы ее бесперебойную работу и в условиях выхода из строя отдельных ее элементов во время войны.

Дальнейшее совершенствование идеи привело к созданию зрелой и практичной технологии создания глобальной электронной сети, открывшей к концу XX века неограниченные возможности для многопланового взаимодействия, управления и общения. Глобальные информационные сети выполняют двойственную функцию коммуникационную как средство межчеловеческого общения и собственно информационную – формирование и запуск в общественный обиход информации, ориентированной на определенные культурологические ценности.

Тем самым одним из основных инструментов глобальной социально-политической палитры объективно становится **публичная дипломатия**. Её искусное осуществление вкупе с грамотным использованием иных «гуманитарных ресурсов» подчас даёт государству гораздо больше того, на что оно может претендовать по объективным показателям своей политической, экономической и военной мощи. Максимальному **раскрытию потенциала** публичной дипломатии способствует необходимость всестороннего коммуникационного обеспечения новой модели общественного взаимодействия, а также интенсификация процессов, рождаемых на глобальном и региональном горизонтах национальных и транснациональных институций.

Успехи и недостатки в проведении публичной дипломатии хорошо видны в деятельности Европейского Союза. Это специфическое содружество европейских народов словно призвано служить примером для обоснования теоретических построений Ф. Броделя, описавшего, в частности, трудности интеркультурной, интернациональной коммуникации при рассмотрении целостной истории в контексте «мир-системного анализа». В логике подхода Броделя целостность носит, с одной стороны, мировой характер

(это объясняет использование терминов «глобальная история», «мондиализм»), с другой – характер социальный. Поскольку развитие социума нельзя разрывать на сферы, публичная дипломатия естественным образом превращается в часть системы международных отношений. (Галумов Э.А. Публичная дипломатия европейского союза, проблемы и перспективы развития; 2011)

Нередко термины *публичная дипломатия* и *дипломатия масс-медиа* взаимозаменяемы. Дипломатия СМИ, включающая в себя и понятие пропаганды, несомненно, стала частью публичной дипломатии. В настоящее время дипломаты и правительства имеют в своем распоряжении дополнительный канал связи, позволяющий осуществлять функции, характерные для дипломатической работы – обмен мнениями, заявление позиции, совершение символических жестов и подача определенных сигналов, подтверждение взятых на себя обязательств. СМИ вносят два оригинальных момента в дипломатический процесс. Во-первых, это скорость передачи информации. Во-вторых, подтверждение возрастающей роли все более осведомленного общественного мнения. Дипломаты и государственные деятели могут извлечь немалую пользу из того факта, что СМИ молниеносно воздействуют на общественное мнение и используют его потенциальные возможности для достижения поставленных целей.

Таким образом, европейская публичная дипломатия, одновременно с развитием средств коммуникации, постепенно становилась все более открытой и демократичной.

Литература:

1. Дефлор Д. 2009: Осмысление массовой коммуникации, институт общественных дел Грузии.
2. Зонова Т.В. 2003. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития М.
3. Кишор Дж. 2010: Викиликс и тайная дипломатия.
4. Панарин И.Н. 2012: СМИ, пропаганда и информационные войны;
5. Кашлев Ю.Б., Лепский В.Е., Галумов Э.А. 2002: Информация, дипломатия, психология. М.

6. Галумов Э.А. 2011: Публичная дипломатия европейского союза, проблемы и перспективы развития.

Guranda Shamilishvili (Georgia)

EUROPEAN PUBLIC DIPLOMACY - THE WAY OF THE TELEGRAPH TO THE CONTEMPORARY MEDIA

Abstract

Thanks to sophisticated technology in today's media unimaginably large audience. It has long been massive communications become significant aspect of the diplomatic policies of European countries. Global information networks perform the dual function of communication as a means of communication between humans and their own information - the formation and launch of public usage-oriented information on specific cultural values. Often the term public diplomacy and diplomacy media interchangeable. Diplomacy Media, which includes the concept of propaganda, of course, has become part of public diplomacy. Currently, diplomats and governments have at their disposal an additional channel of communication that enables the features from diplomatic service - the exchange of views, the position statement, the commission of symbolic gestures and delivery of certain signals, confirmation of commitments.

ИСТОРИЯ

Lasha Bazhunaishvili (Georgia)

IRAN, “NUCLEAR SYNDROME” OF THE 1970S AND THE US POLICY

“The principal determinant of the extent of nuclear weapons proliferation will, however, be political considerations – including the policies of the superpowers with regard to proliferation, the policies of suppliers of nuclear materials and technology, and the regional ambitions and tensions.” CIA Estimate, 23 August, 1974

In 1974 Iran announced intention for nuclear program development in order to seek alternative energy sources. In August 1975, the Shah of Iran stated, “Petroleum is a noble material, much too valuable to burn... We envision to producing, as soon as possible, 23 000 megawatts (MW) electricity using nuclear plants”. During the 1970s Shah of Iran argued, like current Iranian leaders today, for the capability of a peaceful nuclear energy on the basis of national rights (Burr2009: 9). What were the reasons of starting such a huge nuclear program? Only peaceful or it was directly intended for military purposes? What was the attitude of the US?

“Nuclear Syndrome” of 1970s and the real purposes of Iranian nuclear program.

Nuclear energy is a one of the alternative energy source. Nuclear weapons, like other weapons, are more than tools of national security; they are political objects of considerable importance in domestic debates and internal bureaucratic struggles and can also serve as international normative symbols of modernity and identity.

Why do states built nuclear weapon? There are three alternative theoretical frameworks – models why states decide to built or refine from developing nuclear weapons: 1- “the security model”, according to which states built nuclear weapons to increase national security against foreign threats, especially nuclear threats; 2- “the domestic politics model,” which envisions nuclear weapons as political tools used to advance parochial domestic and bureaucratic interests; and 3- “the norms mo-

del,” under which nuclear weapons decisions are made because weapons acquisitions, or restraint in weapons development, provides an important normative symbol of state’s modernity and identity (Sagan 1997: 54).

All varieties of these models we met around Iranian nuclear program of 1970s. Let’s separately discuss these three models from the point of Iranian nuclear program.

First, the “the security model” of Iranian nuclear program:

According to the neorealist theory in political science, states exist in anarchical international system and must therefore rely on self-help to protect their sovereignty and national security. If one state develops nuclear weapons to balance against its main rival, it also creates nuclear threat to another state in the region, which then has to initiate its own nuclear weapons program to maintain its national security. The proliferation of nuclear weapon becomes like nuclear chain reaction. George Shultz once nicely summarized the argument of proliferation of nuclear weapon: “proliferation begets proliferation” (Sagan 1997: 57).

In the end of the 1960s and beginning of the 1970s in the Southern Rim of Asia the turbulent political events had laid the basis for nuclear proliferation. These were new challenges which the US and all its ally countries, especially Iran, were faced for.

During the 1960s the turmoil political and military events (Sino-Indian military conflict from 1962 to 1967, India-Pakistan war from 1965 to 1971) forced China, India and Pakistan embarking nuclear program such as “chain reaction”. On October 16 of 1964 China realized first nuclear weapon test. After the Chinese nuclear test, hence from India’s national security and strategic interests, New Delhi began actively working in order to acquire nuclear weapon. In the 1967 India started its nuclear program and on May 18, 1974 India detonated his first experimental nuclear devise. Soon after India for the same reasons and interests Pakistan began developing its nuclear program in order to produce Weapon of Mass Destruction (WMD). Since Israel already had Nuclear Weapon, Iraq, Syria and Egypt also tried to start their nuclear programs for the same purposes.

In the Middle Eastern balance of power main line was drawn to hold nuclear capability. One of the challenges was Iranian security issue. It was important to acquire WMD to keep its position in the Persian Gulf. On August 23, 1974 CIA, in his Special National Intelligence Estimate (Top Secret) titled “Prospects for Further proliferation of Nuclear

Weapons” stated that “Iran’s course will be strongly influenced by Indian Nuclear programs” (Central Intelligence Agency 1974: 38).

On July 29, 1975 the staff of the Hudson Institute Lewis A. Dunn and staff of the Pentagon (Office of Director, Near East/South Asia Region, ISA) Major General Gordon Semner, Jr. published research about “Iran and Nuclear Weapon”. In this research the authors discuss the main points and reasons why Iran might acquire weapon of mass destruction. Major factors might dictate to produce WMD by Iran in the in the mid-1980s was:

1. Dismemberment of the Pakistan Buffer-State, leading to direct confrontation with a nuclear-armed India;
2. Traditional fears of the Soviet Union, reinforced by Gallois-type arguments in favor of an undefended Nuclear-weapon capability;
3. Quest to be recognized as “the Fifth Great Power”
4. A decision by its fellow Muslim States, Pakistan, to develop nuclear weapon;
5. Iranian desire for political-military hegemony within the Persian Gulf;
6. Weakened constraint of foreign dependence (Dunn...1975: 2-3).

Thus, from the 1950 up to the end of the 1970s “Nuclear Syndrome” was extended over the South line of Eurasia and North Africa, from China till Morocco. This political situation which threatened Iran’s national security and Interests dictated to start and develop its nuclear program. In addition, Iran had arrogance to become great power of Persian Gulf and be hegemony force in region. Therefore, it was a significant issue for this country.

It was evident that besides the peaceful purposes officials of Tehran and His imperial Majesty had a strong desire to acquire WMD by the means of Peaceful Nuclear Explosion (PNE), like India. When a journalist asked (correspondent of journal *La Monde*) whether Iran would have nuclear weapons: “without any doubt, and sooner than one would think” - responded Reza Pahlavi. When the Washington meet this statement with big concern, Shah interpreted its statement as follow: „If in this region (Middle East) each little country tries to arm itself with armaments that are precarious, even elementary, but nuclear, then perhaps the national interests of any country at all would demand that it do the same...(Bundy 1998:107-108). The same statement was made officially

by the Iranian Government Spokesmen and Minister of Information and Tourism Gholam Reza Kianpour on June 24, 1974. „Iran could not stand idly if other nations like Israel and Egypt should go nuclear” (National Military Command Center 1974:1).

This was hidden term (or promise) toward the world community that Iran would not develop its WMD until the other regional countries did not obtain WMD. Nevertheless, development the WMD by Tehran was inevitable for the following processes which developed around the nuclear weapon in the Middle East: 1 - not officially but actually in the 1970s Israel held nuclear weapon already. According to the CIA Special National Intelligence Estimate, under the title „Prospect for Further Proliferation of Nuclear Weapon,” Israel in the 1970s produces a certain number of nuclear warheads. “We believe that Israel already has produced and stockpiled small number of fission weapons” stated in CIA estimate (Central Intelligence Agency 1974: 2), 2- India held WMD also; and 3 - Egypt and Libya announced intention to develop a bomb in the basement. In this case Tehran would nullify its “conditional obligation” and its aspirations in the nuclear field has been appeared “fair base”, because of the other regional countries such as Israel acquired WMD and abrogated power of balance in the Middle East.

Second, “The domestic politics model” – A second model of nuclear weapons proliferation focuses on the domestic actors who encourage or discourage governments from the bomb. Whether or not the acquisition of nuclear weapons serves the national interests of a state, it is likely to serve the parochial bureaucratic or political interests of at least some individual actors within the state. Three kinds of actors commonly appear in historical case-studies of proliferation: the state’s nuclear energy establishment (which includes officials in state-run laboratories as well as civilian reactor facilities); important units within professional military (often within the air force, though sometimes an navy bureaucracies interested in nuclear propulsion); and politicians in states in which individual parties or the mass public strongly favor the government’s decision-making process-either through their direct power or indirectly through their control of information-nuclear weapons programs are likely to thrive (Sagan 1997: 63).

In the Iran’s case the domestic actors interests were coexists around the Shah’s authority. Shah was first major domestic actor and supporter around which were gathered military and scientific establishments interested to create Weapon of Mass Destruction. He was the fi-

rst military of country and first decision-maker figure in the government regarding to the nuclear program. He was personally interested in each step of program, by his initiative the Atomic Organization of Iran was an autonomous government agency headed by President who had the rank of Deputy Prime Minister and the President of AEOI reported directly to Shah, and all major problems were referred to Shah for the ultimate decision.

Third, The Norms Model – this model provides an important normative symbol of state's modernity and identity and also was connected with Shah. Generally, if we briefly review Iran's foreign purposes in the 1960s – 1970s it's become evident that exactly Shah had personally strong desire and tried to achieve goals which was significant for Iran's regional hegemony and prestige, which were legitimated and appropriate in international relations. For Shah nuclear weapon was not only guarantee of Iran's national security, also was the issue of prestige. The question was as follow: if in the Middle East region Israel, India already had WMD, Iraq, Libya, Egypt and Syria are working why Iran should stand alongside?

All in all, in the 1970s Government of Iran argued that Iran's nuclear program was peaceful, but some facts asserted opposite. Iran had a great aspiration to hold WMD. During the 1970s Tehran tried to acquire full domestic fuel reprocessing cycle and other nuclear facilities. Moreover, Iran tried to purchase from Israel surface-to-surface nuclear missiles capable to carry nuclear warhead (National Military Command Center 1974: 1-2). There evidently seems as well as from the latest statements of Iranian key political figures which were involved in this process. According to Dr. Etamad, who was the founder and first President of the Atomic Energy Organization of Iran from 1974 to 1978, the Tehran Nuclear Research Center (TNRC) carried out experiments in which plutonium was extracted from spent fuel using chemical agents. It was also believed that the Shah assembled at the TNRC a nuclear weapon design team. Asadollah Alam, the long-time Imperial Court Minister and the Shah's close confidant, wrote in his memoirs that the Shah had envisioned Iran having nuclear weapons. The foreign Minister and later ambassador in the US Ardeshir Zahedi in the interview with Wall Street Journal (June 25, 2004) stated that the "Iranian strategy at the time was aimed at creating what is known as a "surge capacity, that is to say to have the know-how, the infrastructure and the personnel needed to develop a nuclear military capacity within a short time without actually do-

ing so. ...The assumption within the policy-making elite was that Iran should be in a position to develop and test a nuclear device within 18 months" (Zahedi 2004: 16).

The US policy toward Iran's Nuclear Program during the 1970s

The Washington supported Iran's Nuclear Program *only for peaceful uses*. The R. Nixon's, J. Ford's and J. Carter's administrations supported Iran for the following reasons:

First, restore balance in trade between Iran and the US after the 1973-1974 energy crises. During the energy crises Western developed democratic countries, including the US, lost their position in the balance of trade with oil production countries. Results were catastrophic. OPEC countries increased oil price up to \$11.65 per barrel (for 276%). It was astronomical price for that time; The New York Stock Exchange lost \$97 billion in value in six weeks (the equivalent of more than \$400 billion), Arabian countries and Iran as well fully completed the nationalization of oil companies that operated the oil industry in those countries.

To restore balance the US government used the most effective instrument for its ally Middle Eastern oil producing countries, exactly for Iran. Washington opened market of military sales and peaceful nuclear capability (Washington was planning to sell to Iran 9 reactors), both were most expensive projects.

Second, save Iran's oil resources like reliable source for the Western industrial developed democratic countries. The US expected that if Iran developed its peaceful nuclear capability to satisfy the growing requirement of internal energy market, there was great chance that Iran would save its oil for trade under profitable conditions with western countries. Tehran was really reliable partner for the Western industrial democratic countries. During the Arabian oil producing countries embargo in the 1974 and followed by embargo the energy crisis Shah of Iran made significant steps. He offered to sell the US and its ally countries oil beyond the OPEC quota at a hidden discount.

Third, severe anti-nuclear policy toward Iranian nuclear project would be coerced Tehran to seek alternative partner for its nuclear program. Such incident happened with Israel. During the Kennedy-Johnson's administration Washington took rigorous policy toward Israel's nuclear program, which forced Tel-Aviv to enter in close cooperation with France. The US, with its companies which were involved in nuclear business, becomes outside from processes. Moreover, policy of Kennedy's

administration, which situated to press Tehran to minimize its military expenses and focused on internal problems (political reforms, economic development and human rights), yielded a bad results for the US. Namely, Tehran took policy of rapprochement with Soviet Union. After the exchange of high level visits between Iran and Soviet Union, firstly after the 1948 crises, established normal relations. In 1965, the Shah traveled to Moscow, and the Soviet Union and Iran negotiated an economic agreement in which the Soviets offered to build a major metallurgical complex in exchange for Iranian natural gas. And in 1966 the Shah purchased \$ 110 million worth of Soviet military equipment. The relations between the US and Iran was normalized during the Nixon's administration.

Thus, we can assume that the coincidence of interests create such a condition that the US was forced to support Iran's nuclear ambitions only for peaceful uses and strongly excluded production of WMD by Iran. To avoid Peaceful Nuclear Explosion (PNE) of Iran (like India) the American policymakers chose contribution policy, which considered as a strict control and influence on the process of development of Iran nuclear program through close collaboration. As a Washington's reliable ally, Iranian Shah's requirements were satisfied by the US presidents of 1970s. American nuclear technologies were purchased by Iranian side, although all radio-active elements and purpose of using technologies, given by Americans, were under a strict control.

Washington was tried to realize its policy by new Nuclear Cooperation Agreement between the US and Iran. When Iranian Government decided to launch a nuclear power program, it became necessary which became necessary since Tehran decide to purchase from the US industry 9 nuclear reactor and other nuclear facilities, equipments and technologies.

During the negotiations the US government presented to the Iranian side an agreement which offered to construct multinational reprocessing facilities out of Iran's territory, „Bay Back” reprocessing fuel (Plutonium), and had a right of veto over the reprocessing, fabrication and storage of the US materials and plutonium produced through the using of material or equipment supplied by the US. This was a “New Standard” of agreement in the nuclear cooperation.

Tehran met this draft with great concern. Shah of Iran told the US officials “In atomic energy you are asking as for safeguards that are incompatible with our sovereignty, things that French or Germans would

never dream of doing... Such safeguards are absolutely unnecessary because Iran is a signatory to the Nuclear Non-proliferation Treaty.” No country has a right dictate nuclear policy to another said the Chief of AEOI Dr. Akbar Eitamad (Department of State 1977: 2).

In conclusion, in the 1970s Iran tried to develop its nuclear program and acquire WMD under the PNE for the following reasons: 1) ambitions of regional hegemony, 2) extension of “nuclear syndrome” over the Middle East 3) seeking resources of alternative energy.

The US was forced to support only peaceful nuclear project through the close and strict control over the use of supplied nuclear materials by Iran. To avoid Iran’s PNE they were determined following policy “...to enter into a close relationship with Iran which would have the US as its principal supplier for fuel and plant...” as for Iranian PNE, the Washington’s ultimate sanction against an Iran desire to develop a nuclear weapon capability would be the cut of fuel and plant maintenance and replacement parts.”

References

1. Burr W. A. Brief History of U.S.-Iranian Nuclear Negotiations. NSAE, The bulletin of the Atomic Scientists. Briefing Book No. 268, Jan. 2009;
2. Central Intelligence Agency. Prospects for Further proliferation of Nuclear Weapons. Special National Intelligence Estimate, Top Secret. SNIE 4-1-74, Copy № 157. 1974, Aug. [Online]. available: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb268/index.htm>;
3. Department of State. Nuclear Power: Comments of Head of Atomic Energy Organization of Iran (AEOI). WD, 1977. [Online]. available: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb268/index.htm>;
4. Dunn L. A., Major General G. Sumner, Jr. Iran and Nuclear Weapons, Briefing Notes; Hudson Institute. 1975 29 Jul. [Online]. Available: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb268/index.htm>. pp. 2-3
5. Bundy W. A tangled Web, The making of Foreign policy in Nixon Presidency. L- NY 1998;
6. National Military Command Center, Department of Defense. Telegram To American Embassy Tehran. Subject: Further Remarks By

- Shah on Nuclear Weapons. 1974, Jan. [Online]. available: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb268/index.htm>
7. National Military Command Center, Department of Defense. Telegram To American Embassy Tehran Subject: Shah's Alleged Statement on Nuclear Weapons. 1974, Jan. [Online]. available: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb268/index.htm>
 8. Zahedi A. Iran's Nuclear Ambition. The Wall Street Journal; June 25, 2004. available: <http://www.ardeshirzahedi.org/>
 9. Sagan D., "Why Does States Built Nuclear Weapons?: Three Models in Search of a Bomb", in journal "International Security", Vol. 21, No: 3, NY. 1997;

Лаша Бажунашвили (Грузия)

ИРАН, "ЯДЕРНЫЙ СИНДРОМ" 1970-Х И ПОЛИТИКА США

Р е з ю м е

Основное внимание в работе уделяется выяснению главных причин развития Иранской ядерной программы в 1970-х и политики США по отношению к этой программе. Статья описывает основные причины «ядерного синдрома» Тегерана. Создание проекта категорично было отвергнуто иранской политической элитой (ситуация очень похожа на иранскую ядерную политику). В статье рассматриваются ирано-американские тесные отношения в 1970-х годах. К этому времени Иран был страной, который защищал интересы США на Ближнем Востоке. Методология статьи основана на эмпирических источниках, опубликованных в США Архивом Национальной Безопасности

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО И РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ*

Цель статьи представить несколько аспектов деятельности мусульманского духовенства в Аджарии. Данная работа основывается на полевых материалах собранных в 2004-2010 годах и отражает ситуацию характерную в периоде с 1990-их годов до 2005 года.

В начале 200—их годов в Аджарии можно выделить две группы духовных лиц. Во-первых, это «традиционалисты» (в основном люди более старшего возраста). Они получили образование в советский период, поэтому сопоставляют религиозные нормы с элементами ограничений, характерными для того периода, к чему добавились и некоторые современные представления. Дополнительное образование они получили, в основном, с помощью литературы и в меньшей степени на специальных курсах повышения квалификации. Это выражалось и в проводимых ими ритуалах. Как мне рассказал один из молодых имамов: «Например, когда я приехал с Турции, в день 10-15 мест обходил, потому что все хотели молодого увидеть, послушать. Фактически старые люди говорили по услышанному. У старых людей заметно было самообразование. Не могли проводить агитацию, не знали, о чем говорить» (Барамидзе 2004: 27).

Другая группа это новое поколение, которое образование получило в конце 80-х и в течение 90-х годов. Эти люди вместе с практическими навыками обладают теоретической подготовкой, что придает их суждениям больший вес. Среди них встречались энтузиасты, выступающие против «ислама по преданиям», за что считаются борцами за нововведения и изменения, как на практике, так и в теории. Интересен тот факт, что желающие получить религиозное образование, в основном, выходцы из горных селений, поэтому изначально «нововведения» фиксировались именно в горной части, либо через ее жителей. Впоследствии они больше стали ориентироваться на город и равнинные мечети.

Несмотря на значительное распространение религиозного образования, большинство представителей мусульманского духовенства в Аджарии имеют невысокий уровень образования, поэтому, в основном, они выполняют функции имама – ведущего молитву. Лишь малая часть духовенства - в основном руководящий

состав - подготовлена настолько, чтобы со знанием дела руководить общиной. В больших мечетях одновременно работают несколько имамов, а в малых несколько функций одновременно выполняет один человек (например, муэдзин, кассир, сторож и т.д.). Нужно отметить, что духовенство, кроме чисто религиозных функций, в разной степени выполняет и отдельные так или иначе связанные с исламом действия. Согласно А.Малашенко, это указывает на степень «нормализации ислама» в обществе (Малашенко 2003: 59). В горной общине (Горджоми) имамов приглашают на разные мероприятия, в основном, по причине знакомства и уважения к ним. В равнинной части (Хелвачаури), - в основном, по мере потребностей (как правило, для выполнения ритуала Мавлюд). В общих чертах можно сказать, что основная сфера деятельности духовенства – это праздники, исполнение ритуалов, связанных с похоронами, свадьбой и - в меньшей степени - рождением и крестинами. Особенно важно то, что, по моим наблюдениям, духовенство также приглашают для урегулирования вопросов, связанных с землей, имуществом, колдовством и изредка с семейными проблемами.

В горной части из-за повышенного внимания к религиозно-моральным вопросам прибавляются дополнительные функции духовенства (семейные и имущественно-земельные проблемы), тогда как в равнинной части акцент делается на ритуальных практиках. По словам информанта X: «там [в горных селениях – Р.Б.] пожилых людей больше, больше влияют родственные связи. Поэтому там более доверяются мечети. Здесь [в равнинных селах – Р.Б.] разные люди, родственники в отдалении, поэтому - что должны делать? С другой стороны, там все исповедуют одну религию, а здесь человек может быть православным, католиком, или вообще неверующим» (Барамидзе 2004: 31). Нужно отметить, что религиозная жизнь в равнинной части менее разнообразна, поэтому основной ритуал, который там исполняется – Мавлюд, празднование дня рождения пророка Мухаммеда. В Аджарии этот ритуал проводится и в другие дни, на что указывает имам местной мечети:

«В те дни, когда водят для чтения, для агитации <...> настолько часто, что ежедневно иногда не справляется четыре ходжи. Здесь четыре ходжи, кроме того, есть несколько самоучек, в некоторых семьях есть ученые люди, которые читают, но, несмотря на это, в месяц Мавлюд мы все равно не справляемся. Это основной ритуал, которые люди выполняют» (Барамидзе 2004: 27, 35). Кстати, в горной

части этот ритуал в основном имеет религиозную нагрузку, тогда как в равнинной ее нередко воспринимают как «бытовую традицию».

Очень часто в равнинной части люди лишь эмоционально дают определение ритуалам, и считают их «богоугодными», «благодатными» и т.д., которые «нам порекомендовали, чтобы мы выполнили». Мавлюд или чтение Корана проводят как правило для больных, покойников и т.д. Ниже я приведу одну запись, которая хорошо иллюстрирует довольно распространенное в равнинной части отношение к ритуалам и духовенству:

«Во двор мечети, покуривая сигарету, вошел мужчина среднего возраста. Он поздоровался и спросил «Вы здесь работаете?» «Нет, а в чем дело?» «А где ходжи?» «Они сейчас молятся <пауза> а в чем дело?» «Нет, просто хотел взять для чтения Мавлюда». После короткой паузы я спросил «А в чем дело, все в порядке, или просто хотите, чтобы прочел Мавлюд?» «Да, ничего, просто моя сестра скончалась и сегодня у нее день рождения. Соседи, люди порекомендовали хорошо будет, если прочитают. И вот я пришел». «Вы конкретно кого-то ждете?» «Нет, для меня все равно, я не различаю их». «Понятно, N нет на месте, а остальные на месте будут». «Хорошо. - <через некоторое время мы вернулись к разговору> - Вообще я не верю в таких ходжей, которые после 40 лет начинают молиться и читать. До того он мог заниматься разбоем, воровством и т.п., а после 40 лет стал ходжей. Бог меня простит - говорит. Что простит Бог?! И Бог не простит и другие! У меня случай был, я в больнице лежал, и ко мне один из них подходит, и говорит я тебе лекарства куплю. То лекарство 25 лари стоит. Но я отказался, я ему что, попрошайкой кажусь? Потом подумал: не отбирал, не просил, не настаивал и дает. Позвал «покупай». Потом спросил его «как давно вы стали ходжей». А он ответил «так, после 40 лет». Тогда я сказал «давай <...(использовалась ненормативная лексика)...> отсюда». Извини, я здесь такое не должен говорит, и он обиделся и вообще ушел, но они зачем туда пришли после 40 лет? Сначала воровали, разбойничали, а потом стали духовенством, Бог нас простит. Не-е, они и там хотят деньги делать и разбойничать» (Эта беседа была записана позже, но я попытался полностью представить ее суть и стиль, так как она содержит широко распространенные взгляды - Барамидзе 2004: 1-3).

Как видно, религиозность прямо символизируется положением духовенства, отношением к нему и в «ритуализации» повседневности. Можно сказать, что этот момент является самой выразительной и

показательной особенностью, характеризующей религиозность в общине. Духовные лица делятся на три группы – традиционная (более старшая по возрасту и консервативная), молодое поколение (образованное и по-новому мыслящее духовенство) и переходная группа, которая учитывает обе позиции. В горных общинах влияние духовенства большое, тогда как в равнинной части взаимоотношения ограничиваются проведением обязательных ритуалов. Слабость религиозного образования вынуждает равнинное население платить за религиозное обслуживание, а нередко ритуалы выполняются вслепую или для показательной демонстрации. В горах же выполнение ритуалов считается личным и богоугодным делом.

* Статья подготовлена при поддержке ЮжноКавказского Регионального Бюро фонда Генриха Белля.

Использованная литература:

1. Барамидзе 2004 - Барамидзе Р. Полевой дневник №9. Хелвачаурский р-н (Шарабидзееби), 2004.
2. Малашенко 2003 - Малашенко А. Два несхожих ислама, - Отечественные записки, № 5 (14) 2003.

Ruslan Baramidze (Georgia)

THE MUSLIM CLERGY AND RITUAL PRACTICES

Abstract

The clergy is divided into three groups - traditional (older and conservative), the younger generation (educated and innovative clergy) and a transitional group with features of both. In the mountainous community the clergy is very influential. In the lowland the relationship is confined to observing mandatory rituals. Due to the minimal religious education locally, the lowland population has to pay for religious services and rituals. Rituals are often performed haphazardly, or for an exemplary demonstration. Performance of rituals is considered personal and as a pious deed in the mountainous villages.

*Исмаил Гаджиев,
Гамза Джафаров (Азербайджан)*

АРМЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ - МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Последнее средневековое армянское государство, как и три предыдущих, существовало в Малой Азии и было ликвидировано в XIV веке. С тех пор, на протяжении более 500 лет, армянской государственности не было. Армянам пришлось ждать её возрождения вплоть до начала XX века, причём там, где никогда ни самих армян, ни их государственности вообще никогда не существовало. А именно – на азербайджанской земле. Суть этого следующая.

В первой трети XIX века Российская империя приступила к решительным действиям на Южном Кавказе, в первую очередь в Азербайджане. Это привело к двум русско-иранским войнам, в результате которых Россия аннексировала азербайджанские ханства в северной части страны, в том числе Нахчыванское (в июне 1827г.) и Иреванское (Эриванское, в октябре 1827 г.). Нахчыванское ханство было захвачено в основном мирным путем, поскольку сыновья хана - Эхсан-хан и Шыхали-бей - были офицерами российской армии. Хотя Россия не подписала с Нахчыванским ханством договор, аналогичный договорам с Карабахским, Шекинским и Ширванским ханствами, оно получило в составе Российской империи определенные привилегии. Иреванское же ханство было ликвидировано, что не в последнюю очередь объяснялось планами изменения этнического состава его населения.

6 октября 1827 года, спустя считанные дни после взятия Иревана, командующий российскими войсками И.Ф.Паскевич сформировал временный комитет управления городом в составе трех человек – генерал-лейтенанта Красовского (председатель), подполковника Бородина – комендант крепости и армянского епископа Нерсеса Аштаракеци (Naхçıvan Ensiklopediyası 2005:144). В связи с этим отметим, что, хотя азербайджанцы составляли преобладающее большинство населения Иреванского ханства, российские власти не нашли нужным включить в состав комитета азербайджанского представителя. Перед комитетом временного

управления поставили следующие задачи: 1) управлять ханством на основе порядков, отвечающих интересам России; 2) решить вопросы охраны границ ханства и крепостей Иреван и Сардарабад, а также снабжения размещенного здесь российского военного гарнизона; 3) организовать из армян пешие и конные дружины для несения караульной службы для обеспечения безопасности в ханстве; 4) наладить связи с Грузией через Дилижан и Апаран; 5) восстановить торговлю с Грузией, развивать в ханстве хлопководство и увеличить добычу соли; 6) переписать имущество Иреванского хана и конфисковать его в пользу России (Парсамян 1972: 71).

Аннексия Российской империей Нахчыванского и Иреванского ханств была воспринята армянскими лидерами как шанс для реализации их плана создания на Кавказе армянского государственного образования - в форме административной единицы в составе России. Однако Россия, организовав массовое переселение армян из Османской империи и Иранского государства на захваченные азербайджанские земли, не посчитала нужным передать местное управление самим армянам.

После заключения 10 февраля 1828 года русско-иранского Туркменчайского договора российский император Николай I подписал 21 марта того же года указ, в котором сказано: *«Согласно договору, заключенному с Ираном, повелеваю Иреванское и Нахчыванское ханства, присоединенные к России, отныне именовать Армянской областью и включить в наш титул. Об устройстве этой области и положениях ее управления высший сенат получит необходимые указы в свое время»* (Собрание актов 1933: 178-179).

После этого указа комитет временного управления Иреваном был ликвидирован. Армянская область, конечно, не была армянским государством, но она стала плацдармом для последующего его создания на исконно азербайджанских землях. Её создание явилось очередным этапом российской политики по христианизации и арменизации Северного Азербайджана.

В результате противоречий между командующим отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютантом Паскевичем с одной стороны, Красовским и Нерсесом с другой, в апреле 1828 г. Красовский покинул Иреван, Нерсеса же сочли целесообразным выселить из Армянской области как лицо, чье присутствие не

отвечает интересам России. Для этого Паскевич добился его назначения главой армянской епархии в Бессарабии (Süleymanov 2008: 366).

В Армянской области создали Иреванский и Нахчыванский уезды и Ордубадский округ. Во главе уездов стояли Эхсан-хан и Шыхали-бей, хотя армянские лидеры рассчитывали, что после указа императора все пойдет в желаемом для них русле. Однако на ключевых постах в местных органах власти оставались чиновники-азербайджанцы. Начальником управления областью был назначен Александр Чавчавадзе, а членами управления стали двое русских военных и представители азербайджанской и армянской знати. Реально же управление областью, суды, полиция, финансовые дела находились в руках русских чиновников (Rəhimova2002: 192).

В 1830 году управление Армянской областью было возложено на российского генерала армянского происхождения В.О.Бебутова. Он повел линию на укрепление армянских позиций на вверенной ему территории (Nasıyev 2006:41) и начал притеснять азербайджанскую знать и чиновников. Система управления была им изменена, что расширило его полномочия и ликвидировало совещательные органы (Süleymanov 2008: 367). Кроме того, по настоянию армян, в нижней части герба области появилось изображение горы Агрыдаг (Арагат) на фоне короны и монастыря Эчмиадзин, а в верхней – российский двуглавый орел. Этот герб был утвержден указом императора России от 27 февраля 1833 года (Парсамян 1972: 78) и должен был подчеркнуть принадлежность данной территории армянам. 23 июня того же года российское правительство приняло Положение о структуре управления Армянской областью. Оно внесло в её административно-территориальное деление изменения. Теперь область состояла из четырёх округов – Иреванского, Шарурского, Сурмалинского и Сардарабадского, которые состояли измагалов (округов). Нахчыванская провинция и Ордубадский округ сохранили прежнее административно-территориальное деление (Шопен 1852:448). Назначенные полицмейстерами Эхсан-хан и Шыхали-бей подчинялись непосредственно начальнику областного управления (Мильман 1966: 72). Был также создан Нахчыванский провинциальный суд.

В 1836 году было принято Положение об управлении армянской церковью в России. В этом документе были определены

рамки политических прав армянского духовенства, ему запрещалось вмешиваться в государственные дела (Süleymanov2008: 368). Учреждалась армянская епархия, а Албанский католикосат в Карабахе был ликвидирован и превращён в епархию, подчиненную Эчмиадзину (4, с. 81-82).

Что же касается утверждения армянской пропагандой того, что Нахчыванская и Иреванская провинции – это армянские земли, то оно опровергается историческими фактами. Дело в том, что до массового переселения Россией армян на земли, ставшие Армянской областью, из 107.224 местных жителей армяне составляли чуть больше 24% (Naхçivan Ensiklopediyası 2005: 144). Даже после массового переселения сюда османских и иранских армян не удалось кардинально изменить этнодемографическую обстановку на этой территории. Как признавал Паскевич, и после переселенческой кампании три четверти населения Иреванской провинции составляли азербайджанцы (Акты 1874: 888). В 1829-1832 годы по его поручению И.И.Шопен провел камеральную перепись населения Армянской области. Согласно этому документу, из 1125 её сёл 1111 были исключительно азербайджанцами (İrəvanxanlığı2009: 26). Кроме того, они же были жителями 359 сёл, разрушенных в результате военных действий. Это 310 сёл в Иреванской провинции, 42 - в Нахчыванской провинции, 6 - в Ордубадском округе. Их жители стали беженцами (Шопен 1852: 510). По результатам переписи, в Армянской области имелось 164.450 жителей, из которых 81.749 – азербайджанцы, 25.151 - армяне, жившие здесь, а также 35.560 армян из Иранского государства и 21.666 – из Османской империи (Naхçivan Ensiklopediyası 2005: 144-145).

Известный российский автор Н.Н.Шавров писал в 1911 году, что из 1,3 млн. армян на Южном Кавказе более одного миллиона составляют переселенцы (Шавров 1911: 63). В результате искусственного роста численности армян в Армянской области и одновременного выселения Россией с Южного Кавказа в Иранское государство и Османскую империю местных азербайджанцев этнический состав в регионе неуклонно изменялся в пользу армян. Если до Туркменчайского договора в Армянской области жили 22,5 тыс. армян, то, спустя всего два года, – их стало здесь уже 64,5 тыс. При этом в Нахчыванской провинции численность армян изменилась с 2,1 тыс. до 1,7 тысячи, в Ордубадском округе – с 1,8

до 3,3 тысячи (Вердиева 1999:230). Армянские переселенцы были размещены в 119 селах Иреванской провинции, 61 селе Нахчыванской провинции, 11 селах Ордубадского округа (14, с.8). Тем не менее, азербайджанцы продолжали составлять существенное большинство населения.

Нужно отметить, что созданная Россией на азербайджанских землях Южного Кавказа административная система вызывала серьезное недовольство населения. Поэтому с целью избежать волнений российское правительство стало готовить административную реформу. В 1837 году была создана комиссия во главе с сенатором Ганом, которой поручалось собрать на местах нужные сведения и на их основе подготовить проект нового управления. Однако комиссия разработала проект преобразований, фактически не изучив обстановку в регионе. 10 апреля 1840 года император Николай I подписал указ «Учреждения по управлению Закавказским краем», которым Армянская область была упразднена (Нахçıvan Ensiklopediyası 2005:145). Южный Кавказ разделили на Грузино-Имеретинскую губернию и Каспийскую область, которые состояли из уездов, а последние – из участков. Что касается бывших Иреванского и Нахчыванского ханств, то они с 1 января 1841 г. были включены в состав Грузино-Имеретинской губернии на правах уездов (15, с. 101). При этом Ордубадский округ вошёл в Нахчыванский уезд (1, с. 44), который состоял из Нахчыванского, Ордубадского и Даралагезского участков.

Однако, эта административная реформа себя не оправдала и не преодолела недовольства населения Южного Кавказа. Поэтому российские власти предприняли новый административный эксперимент. Указом Николая I от 14 декабря 1846 года Южный Кавказ был разделен на четыре губернии – Тифлисскую, Кутаисскую, Шамахинскую и Дербентскую. Иреванский и Нахчыванский уезды вошли в состав Тифлисской губернии. Но административный эксперимент российских властей на этом не окончился: 9 июня 1849 года была учреждена Иреванская губерния в составе 5 уездов – Иреванского, Александропольского, Ново-Баязетского, Нахчыванского и Ордубадского. При этом Нахчыванский уезд состоял из Нахчыванского и Даралагезского участков. В 1870 году к Нахчыванскому уезду присоединили Шарурский участок из Ордубадского уезда, а в 1874 году из его состава выделили Шарур-Даралагезский и Сурмалинский уезды.

Это административно-территориальное деление сохранялось вплоть до 1917 года.

Из вышеизложенного следует, что Армянская область представляла собой результат административного эксперимента, предпринятого Россией для численного увеличения на Южном Кавказе христиан. Название этого образования не имеет никакого отношения к этническому составу местного населения, ибо среди автохтонов преобладали азербайджанцы. Однако лишь в результате переселенческой политики Российской империи доля армян в регионе с середины XIX века стала расти.

Литература

1. Şahverdiyev Z. Naхçıvanbölgəsi XIX-XX əsrinəvvəllərində. Bakı, Elm, 2008, 264 s.
2. Süleymanov M. Ermənimillətçiliyivətəcavüzkarlığıtarixindən. Bakı, Nərbinəşriyyat, 2008, 398 s.
3. NaхçıvanEnsiklopediyası. I cild. Naхçıvan, 2005, 358 s.
4. Парсамян В.А. История армянского народа, кн. I. Ереван, 1972.
5. Мильман А. Политический строй Азербайджана в XIX - начале XX веков. Баку, 1966.
6. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч.1. Москва, 1933.
7. Rəhimova A. “Ermənilayəti”nintarixşünaslığınadair./“Tarixvəonun-problemləri”. Bakı, 2002, №3, s.190-194.
8. Nacıyev İ. ErmənilərinNaхçıvanaqarşıəraziiddialarınınəsassızlığıvətərixihəqiqətlər. // Naхçıvan: tarixigerçəklik, müasirdurum, inkişafperspektivləri. Bakı, Təhsil, 2006, 504 s.
9. Шопен И.И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху её присоединения к Российской империи. СПб., 1852, 1230 с.
10. Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией (АКАК) Тифлис, 1874, т. VII, документ 438.
11. İrəvanxanlığı. RusiyaişğalivəermənilərinŞimaliAzərbaycantonraqlarınaköçürülməsi. AMEA-nınmüxbirüzvüY.Mahmudovunredaktorluğuilə. Bakı, Çaşıoğlu, 2009, 576 s.

12. Шавров Н.Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье. СПб., 1911.
13. Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане (XIX-начале XX в). Баку, 1999, 300 с.
14. İsmayılov İ. Yaddaşımızın yarıllı səhifələri. Bakı, Şirvan nəşr, 2000, 106 s.
15. PiriyeV V. Azərbaycanın tarixi və siyasi coğrafiyası. Bakı, Müəllim, 2006, 148 s.

*Ismail Gadjiev,
Gamza Djafarov (Azerbaijan)*

ARMENIAN TERRITORY – DELAY-ACTION BOMB

Abstract

The article summarizes the history of the creation of the so-called «Armenian region» on the territory of Azerbaijan's Nakhchivan and Iravan khanates after Russia annexed the region at the beginning of the 19th century and subsequent administrative changes against the background of changes in the ratio of the Azerbaijani and Armenian population as a result of the deliberate resettlement of Armenians to this territory from neighboring Iran and Turkey. On the basis of literary and archival sources, the author argues that contrary to the claims of Armenian propaganda, the name «Armenian region» is not related to the district's belonging to Armenian lands, as it was historically populated mainly by Azerbaijanis.

*Леван Джакели,
Манучар Лория (Грузия)*

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ КАВКАЗА И ГРУЗИНСКИЙ ФАКТОР

Сегодня Кавказ как никогда расчленён. Кавказские государства и народы озабочены и заняты собственной судьбой, а их общие интересы отодвинуты на второй план. Исходя из этого, не приходится уповать на скорейшее налаживание вопросов стабильного развития и безопасности. Нет сомнения, что успех всего кавказского региона зависит от объединённых усилий как стран, так и народов. В Советском Союзе кавказский вопрос рассматривался в общем разрезе, следовательно, достижение согласия и взаимопонимания не осложнялось субъективными факторами. В условиях многосубъектного состава региона всё более разными и отдалёнными становятся позиции кавказских государств и народов. Кавказ всегда был и остаётся центром геополитических интересов не только для стран региона, но и для ведущих стран мира. Таким образом, закономерно то, что мир и стабильность от вооружённых конфликтов и междоусобиц на Кавказе разделяла прозрачная грань. Не удивительно, что прекратились и уже не идут переговоры об объединении Кавказа. Опираясь на реалии современных событий и объективную потребность, нецелесообразным и бесперспективным кажется возвращение к идеям создания «единого Кавказского дома». Осуществление данной идеи своевременным было бы во время распада СССР, когда единство и сплочённость кавказских народов могли сыграть решающую, судьбоносную роль как для самих народов, так и для современной России.

С распадом Советского Союза начался повсеместный длительный период системного кризиса, который всё ещё далёк от завершения и тяжело отражается как на общественной жизни, так и на внешней политике бывших союзных государств.

Особым фактором, влияющим на процессы безопасности в Кавказском регионе, является Грузия, которая за последние 5 лет добилась значительных успехов на международной арене. Она активно включилась в международные процессы, наладила важные и полезные контакты, заручилась политической поддержкой

ведущих западных государств, однако вопросы безопасности остаются открытыми и такими же актуальными, как и прежде.

Полученный опыт делает закономерным перенос вопроса о безопасности Грузии с регионального уровня на более высокий, международный, может, даже и на глобальный уровень. Недостаток системы безопасности Кавказа в том, что между странами региона не существует ни двухсторонних, ни коллективных соглашений о сотрудничестве и безопасности в военной сфере.

Очевидно, что старание и усердие народов Кавказа, которые в течение многих столетий были направлены на создание общекавказского дома, не привели к желаемым результатам, в частности, к стабильности, безопасности и динамичному развитию. Регион ни морально, ни идеологически, ни институционально, не оказался готовым совместно преодолевать противоречия. Следовательно, оправданным и обоснованным является поиск выхода уже в апробированных в подобных случаях системах. В этом отношении внимание заслуживает региональная система безопасности Европы, которая полностью соответствует глобальной системе безопасности, определённой уставом ООН.

Созданию Европейской системы безопасности предшествовала многовековая и кропотливая работа государств региона. Однако окончательно её реализация стала возможной в 1975 г. в рамках Хельсинской конференции по вопросам безопасности и сотрудничеству в Европе. Парижская Хартия 1990 г. и приложения к ней заложили основу институционализации системы европейской безопасности, благодаря чему и были созданы конкретные структуры. Лиссабонская декларация 1996 г. о «Модели всеобщей и всеобъемлющей безопасности Европы 21-го века» развила концептуальные основы европейской безопасности. В частности, чётко была обозначена необходимость создания общего пространства безопасности, для которого определяющим фактором является всеобъемлющий и целостный характер безопасности, уважение различных ценностей, норм и обязательств.

В системе Европейской безопасности значительное место занимает «кодекс военно-политического поведения стран-участниц», принятый на форуме ОБСЕ в Будапеште в 1994 году. Именно в нём было сформулировано концептуальное положение о том, что безопасность понятие целостное, нераздельное.

Безопасность каждого отдельно взятого государства неразрывно связана с безопасностью остальных государств-участниц. В данном документе были предусмотрены важнейшие общие и внутригосударственные меры по таким важным направлениям, как разоружение, борьба со терроризмом, право на осуществление индивидуальных и коллективных мер самообороны, укрепление доверия, создание благоприятных экономических и экологических условий. Более того, в Кодексе чётко сформулировано, что под безопасностью подразумеваются конструктивные, глобальные, региональные и субрегиональные связи.

Особое место в системе безопасности Европы занимает «Хартия европейской безопасности», которая была принята на саммите глав-государств ОБСЕ 19 ноября 1999 г. в Стамбуле. Согласно Хартии ОБСЕ является основной организацией, разрешающей споры в регионе, и инструментом обеспечения предотвращения конфликтов, преодоления кризисов, постконфликтного восстановления. Положительной стороной Хартии является то, что она запрещает такое расширение военного сотрудничества, когда создаётся угроза участникам ОБСЕ.

При обеспечении безопасности Европы особая роль возлагается на международные соглашения, которые определяют объём и правила пользования некоторыми видами оружия. Частью системы европейской безопасности также можно считать систему безопасности Содружества Независимых Государств, которая изложена в третьей главе устава СНГ. До недавних пор Грузия была участницей данной организации, однако в дело содействия государственному развитию, согласования общих интересов она ничего полезного не внесла, более того, она во многом сковывала и ограничивала Грузию в выборе своих международных приоритетов, что и послужило мотивом для её выхода из состава СНГ.

Частью системы Европейской безопасности является организация Северо-Атлантического договора (НАТО), учреждённая в 1949 г. Данная организация обеспечивает политическое и военное сотрудничество между Европейскими государствами, США и Канадой. Согласно уставу НАТО, организация обеспечивает безопасность только государств членов. Несмотря на то что НАТО не является чисто региональной организацией Европы, она играет ведущую роль в деле обеспечения европейской безопасности. НАТО доказала свою жизнеспособность и не

вызывает сомнений её потенциальная возможность обеспечивать неприкосновенность своих членов.

Стабильность и успешность европейской системы безопасности, хотя она и не совершенна и требует доработки, тем не менее, играет определяющую роль в деле выбора Грузией международных приоритетов. События последних лет объясняют стремление Грузии в апробированные международные системы безопасности и, в частности, в НАТО. Геополитические интересы и субъективные факторы государств кавказского региона на данном этапе не позволяют создавать благоприятные условия прозрачного и добросовестного сосуществования. Существующее сотрудничество ограничивается узким кругом взаимовыгодных экономических отношений, вместе с тем вопросы военно-политического характера перенесены на задний план. Следовательно, нет альтернативного механизма, тем более системы для обеспечения грузинской безопасности, кроме как европейской. При этом стоит учесть и тот недостаток, который характеризует эту систему, в частности то, что она носит превентивный характер и абсолютно непригодна уже в отношении состоявшегося факта.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

- 1) В современных условиях, обеспечение безопасности Кавказа в целом осложняется отсутствием единой концепции и подходов к данному вопросу. Нет ярко выраженных стремлений к единым целям. Каждая отдельная страна региона имеет собственное представление насчёт обеспечения безопасности. В частности, Грузия ориентирована на интеграцию в европейскую систему, Армения - на сотрудничество с Россией, Азербайджан ещё не определился, к какой системе безопасности примкнуть, а Россия и вовсе опирается на собственные силы. Следовательно, при всем этом разнообразии, невозможным кажется создание и тем более осуществление системы безопасности;
- 2) Безопасность Кавказа зависит от умеренной внешней политики, двухсторонней и многосторонней дипломатии, от стимулирования и углубления сотрудничества, для начала, хотя бы в сфере экономического, социально-культурного и научного развития;

- 3) Стремление в европейские и мировые интеграционные объединения оправдано в плане обеспечения безопасности в будущем и менее всего ориентировано на решение проблем в настоящем. Таким образом, у действующих систем безопасности не хватает жизнеспособности противостоять уже свершившимся фактам. Следовательно, разработка новой, приспособленной к региональной специфике, системы безопасности Кавказа является объективной необходимостью;
- 4) Система, призванная обеспечить безопасность Кавказа, должна быть создана с учётом и в соответствии с апробированными системами Европы и НАТО, главным условием которой является взаимосвязь безопасности одного государства с безопасностью остальных участников договора в целом.

*Levan Jakeli,
Manuchar Loria (Georgia)*

ON HISTORICAL AND LEGAL ISSUES OF SECURITY OF CAUCASUS AND THE GEORGIAN FACTOR

Abstract

Caucasus has always been the place of unrest and conflicts. Its location always attracted the interest of the leading, developed, and neighbouring countries. In spite of big military and political experience Caucasus did not manage to establish the effective defense system. The Caucasian countries and nations continue maintaining the safety in Caucasus individually, in separation, which minimizes the guarantee of stability and peace in the region. The article highlights the weakness of the Caucasus in forming the region defense system and mechanism. The focus is made on the measures to be taken for ensuring the safety of Georgia, existing European systems of defense, their advantages and shortcomings. The article concludes with the recommendations on the safety measures appropriate for Georgia. The safety of the Caucasian countries can be secured only in cooperation, with joint forces and consideration of the common interest of the Caucasus in parallel with other regional and global mechanisms.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1844-1854 гг.)

Государственно-административная политика царской России относительно территорий Кавказа с 80-х г. XVIII в. до 40-х г. XIX в. прошла довольно сложный путь эволюционного развития: от попыток перенести на кавказскую почву систему российских институтов управления, которые сочетались с практикой формирования особых структур административного и судебного порядка по управлению горцами (Блиева 1992:92-93),ⁱ до четкого понимания необходимости в организации специфических управленческих структур, приемлемых для горского населения края. В результате был накоплен достаточно ценный опыт в установлении отношений с кавказскими народами благодаря постоянному поиску взаимовыгодного сотрудничества и постепенному формированию стройной системы органов местного административно-управленческого аппарата.

Сложная ситуация в Закавказье и на Северном Кавказе в начале 40-х гг. XIX в. выявила серьезные просчеты в административном строительстве, последствиями которых стала возросшая конфликтность в Северокавказском регионе. Это обстоятельство требовало от царского правительства мер, призванных: а) усилить контроль в регионе; б) преобразовать систему управления путем сосредоточения в одних руках военной и гражданской власти, упорядочения их функций и функций всей административной системы; в) обеспечить действенное руководство главы кавказской администрацией, место которого должен был занять крупный государственный деятель, пользующейся авторитетом среди военных и гражданских чиновников, проходящих службу на Кавказе, умело сочетавший талант военного и опыт административной работы. Подобного рода преобразования должны были повлиять на благоприятный исход Кавказской войны.

Новая форма правления была учреждена в феврале 1844 г. в виде Кавказского Наместничества, которое получило статус высшего государственного органа власти на Кавказе, совмещавшего административные, военные и гражданские функции. Ему

предоставлялись большие права и широкая компетенция. Первоначально в число основных задач поставленных перед институтом Кавказского Наместничества, входили организация военных действий, управление горскими обществами и подавление их вооруженных выступлений в случае неповиновения российским властям (Некрасов 1999:172).

Лицо, стоявшее во главе новой формы управления Кавказом провозглашалось «царским Наместником» с неограниченными полномочиями. Кавказскому Наместнику предстояло выступить в роли верховного арбитра, олицетворяющего власть России на Кавказе. Анализ деятельности Кавказского наместничества позволяет рассматривать этот институт как «своеобразную административную автономию, ведавшую всеми административными и хозяйственно-экономическими делами» (Лейберов 1995: 49), но не обособленную от влияния общеимперской политики (Гатагова, Исмаил-Заде 1998:268).

Наместником Кавказа и командующим Кавказским корпусом Николай I назначил генерал-лейтенанта М. С. Воронцова, имевшего колоссальный опыт военной службы, том числе и на Кавказе под началом П.Д. Цицианова, а также почти 20-летний опыт административной деятельности в качестве генерал-губернатора в Новороссийском крае и Наместника в Бессарабской области. Незаурядный военный талант и выдающиеся заслуги М.С. Воронцова в процессе присоединения кавказских территорий к Российской империи заставляют сомневаться в объективности строк очень известной эпиграммы А.С. Пушкина, в которой он охарактеризован как: «Полумелорд, полукупец, полумудрец, но есть надежда, что полным будет, наконец». На наш взгляд, более объективная оценка М.С. Воронцову была дана В.С. Толстым, бывшим декабристом, состоявшим с 1849 г. чиновником по особым поручениям при Кавказском Наместнике, которого расценивал как «...личность принадлежащую к сонму наилучших и яснейших мужей нашей отечественной летописи» (Сборник русского исторического общества. Т. 2, 2000:130).

Условия статуса Кавказского Наместничества были разработаны самим М.С. Воронцовым. Новый глава кавказской администрации справедливо считал, что институт наместничества должен был обладать достаточной самостоятельностью в решении задач, связанных с политическим, социально-экономическим и

культурным развитием региона. Наместнику, обладавшему широкими военными полномочиями, принадлежали права, входящие в компетенцию соответствующих министерств, а правительственные ведомства лишались административного контроля над его деятельностью, что давало ему возможность при необходимости, апеллировать непосредственно к самому императору (Эсадзе 1907:84). С учреждением Кавказского Наместничества упразднялось VI Отделение «собственной Его Императорского Величества канцелярии», ведавшее управлением Кавказа, а Кавказский Комитет, власть которого превышала власть министров, лишался статуса органа высшего управления и надзора за местной администрацией, но сохранял законодательные функции в управлении краем (Ерошкин 1997:154), координируя политику кавказских властей с деятельностью центральных органов власти. Сфера распорядительной власти была полностью предоставлена Кавказскому Наместнику

В январе 1846 г. были утверждены «Правила об отношениях Кавказского Наместника», подписанные председателем Кавказского Комитета князем А.И. Чернышевым (Правила об отношениях Кавказского Наместничества 1846:5-11). Данный документ конкретизировал права Наместника в отношении всех действующих в крае гражданских и военных ведомств, а также определяли степень соподчиненности между Наместником, как главой кавказской администрации, Кавказским комитетом и министерствами финансов и юстиции. Этот документ подтверждал широкие полномочия власти нового начальника на территории Кавказской области и Закавказского края.

К числу первостепенных задач, решением которых должно было заниматься Кавказское Наместничество, принадлежали задачи хозяйственного характера, связанные с проведением ремонтных, строительных, инженерных работ в крае. В связи с этим глава кавказской администрации получал право распоряжаться финансами, выделенными на хозяйственные нужды края. Распоряжения, поступавшие от центральных органов власти, передавались только Наместнику, минуя областное и губернское правление, равно как все необходимые сведения, справки и т.д. о Кавказской области и Закавказском крае, которые могли быть предоставлены также только главой кавказской администрации. Особо стоит подчеркнуть, что без согласия Наместника не могло

быть исполнено ни одно распоряжение центральных органов власти, часто проявляющих некомпетентность в вопросах управления Кавказом.

Наместнику, имевшему в своем аппарате высоко квалифицированные кадры, хорошо знающие местные условия, традиции горцев, разрешалось приостанавливать действие министерских распоряжений, признанных им нецелесообразными, о чем ставился в известность председатель Кавказского комитета. Все важные вопросы, связанные с изменением административно-территориального деления Кавказа и управления горскими народами, а также проекты по экономическому развитию края, Наместник представлял на разрешение и утверждение председателя Кавказского комитета, который, используя свои полномочия, распределял полученную информацию, учитывая степени ее важности, по следующим инстанциям: император, Кавказский комитет, министерства. Однако не исключались случаи, когда Наместник мог сам обратиться по интересующим его вопросам непосредственно в министерства, минуя председателя Кавказского комитета.

Кавказскому Наместнику предоставлялись широкие полномочия в судебной сфере. В его подчинении находились губернский и областной прокуроры, что делало их независимыми от министра юстиции. Таким образом, новый глава кавказской администрации, обладая широкими военными и гражданскими полномочиями, позволяющими проявлять достаточную самостоятельность в решении, практически, всех местных задач, являлся единоличным распорядителем Кавказа.

Институт Кавказского Наместничества включал в себя мощный административный аппарат, состоящий из Особой гражданской канцелярии, сосредоточившей все ведомства гражданского управления по краю (финансовое, судебное, сельскохозяйственное, горного производства и т.д.); Совета Главного Управления Закавказского края; Дипломатической канцелярии с солидным штатом переводчиков (как правило, это были военные чиновники из представителей кавказских народов (Кавказский календарь на 1849 г. 1848, отд. 4:3-7), что оказывало существенную помощь в установлении контактов с местным населением.

Несмотря на наличие в команде Наместника достаточно профессиональных кадров и на постоянный поиск более эффективных методов и способов управления кавказскими территориями возникало ряд проблем, порождавших существенные трудности в деятельности наместничества. Среди основных - медленные темпы в разрешении важнейших для края вопросов, вызванных как объективными трудностями, т.е. трудностями военного характера, так и субъективными, связанными с чрезмерной загруженностью самого Наместника, а также с формализмом и недобросовестностью некоторой части чиновников.

В условиях затяжной Кавказской войны, первостепенное внимание Наместник вынужден был уделять разрешению проблем военного характера. Последствия знаменитого Даргинского похода на резиденцию Шамиля (1845 г.), где 10-тысячный корпус русской армии понес значительные потери, заставили М.С. Воронцова пересмотреть тактику борьбы с горцами. В результате новая тактика предполагала постепенное, тщательно спланированное продвижение русской армии, что диктовало более медленные темпы войны параллельно с проведением целого ряда административных преобразований на территории Северного Кавказа.

Основными направлениями новой стратегии стали:

1. Строительство укреплений и дорог на отвоеванных территориях, вырубка лесов, что способствовало крупным успехам русской армии на территории Южного Дагестана (1847 г.), Малой и Большой Чечни (1848-1852 гг.), оказавшихся под контролем российской власти. Строительство укреплений дало толчок процессу добровольного переселения определенной части горцев на равнину под защиту новой власти, где им предоставлялись наделы земли и определенная материальная помощь (20-40 руб. серебром) для организации своего хозяйства (Документальная история образования многонационального государства Российского, кн. 1.1998:453-455).

2. Учет опыта так называемых “старых кавказцев” - боевых русских офицеров, уверенных в несостоятельности карательных экспедиций против горцев, которые производились «...в виде наказания горцев, сопровождаемые большой потерей людей и вещей и множеством денежных издержек, оканчиваются всегда

почти сожжением аулов, в неделю горцами вновь устраиваемых...» (РГВИА. Ф. 846. Оп.16. Д. 6482. ЛЛ.1-2).

3. Ведение тайных переговоров с определенной частью горских вождей и духовенства, также применение откровенного подкупа их с целью разобщения союзников Шамиля и привлечение их на сторону России. Однако практика такого рода часто имела негативные результаты. Возможно условия, предлагаемые российской властью в лице Наместника, а именно «всемилоостливейшее прощение» и личная свобода, но с обязательной временной ссылкой в Россию, не учитывали менталитет горцев. Удаление из родных мест в российские губернии рассматривалось ими как одно из самых строгих наказаний, которое сравнивалось со ссылкой в Сибирь.

4. Практика обращения к горцам, которые в российских документах именовались как «непокорные» через возвания и прокламации. В этих документах были намечены основные принципы, которые должны были лечь в основу деятельности российской администрации в отношении горского населения, а, следовательно, способствовать признанию им новой власти. В противном случае - все попытки по усилению позиций России на Кавказе были безрезультатны. Постепенно, формирующаяся методом проб и ошибок тактика главы кавказской администрации в лице М.С. Воронцова в отношении горского населения края стала, выгодно отличалась от жесткой политики Шамиля, проводимой им в отношении покорных ему горцев.

Конечно, было бы неверно идеализировать деятельность российской администрации в период наместничества М.С. Воронцова. Достаточно вспомнить ряд предпринятых им военных экспедиций, носивших явно карательный характер, а также частые случаи излишней жестокости по отношению к так называемым мирным горцам, что повышало степень конфликтности в крае. Однако такие «перегибы» в политике Наместника вполне объяснимы: во-первых - тяжелыми условиями Кавказской войны; во - вторых, условным или вполне неопределенным характером понятия «мирное горское население»; и в третьих, жестокость русских, как правило, была ответом на жестокость со стороны горцев.

Особое внимание заслуживают мероприятия по совершенствованию судебной части на территории Чечни в 1852 г. как

первого шага к формированию системы военно-народного управления. Сущность данной системы достаточно четко была определена дореволюционными исследователями: ей было присуща простота административного строя, в формах доступных пониманию туземного населения с привлечением к участию, как в низшей администрации, так и в суде, решающего, дела по обычаю, местного, отчасти выборного элемента, но при главенстве и контроле российских военных чиновников (Гершельман 1908:64).

. Таким образом, северокавказским горцам был предложен политический компромисс, основанный: а) на взаимодействии традиционных структур управления (при сохранении местных традиций и обычаев) и российских государственных институтов; б) на принципах постепенности и невмешательства в дела горских обществ; в) на компетентной деятельности российских чиновников, имевших опыт кавказской службы. Такая форма политического компромисса обладала реальными возможностями снижения до минимума очагов конфликтности на Северном Кавказе.

На территории Чечни для разбора дел между представителями местного населения на основе народных обычаев, не нарушавших основ мусульманства, в крепости Грозной учреждалось особое управление, получившее название «мехкеме» (Эсадзе 1907:166). Его председателем назначался представитель из числа русских офицеров: он занимал должность начальника чеченского народа. Члены суда - три старшины и один кадий - избирались из числа чеченцев, получавших за службу определенное содержание. Все дела, относившиеся к компетенции кадия, разрешались по правилам духовного суда - шариата, где кадию принадлежал решающий голос. В этом случае все остальные члены суда и сам председатель имели право только совещательного голоса. В остальных делах, решаемых по адату, применялся обратный порядок. В целях предотвращения возможных споров между горцами и членами суда, последние из аулов вместе со своими семьями были переселены в пределы крепости, что положительно отразилось на деятельности суда.

Особое внимание уделялось подбору кадров для мехкеме. Этот процесс был взят под личный контроль А.И. Барятинского, который по особому ходатайству М.С. Воронцова был назначен начальником Главного штаба на Кавказе (Романовский 1881: 284-285). После тщательного изучения деятельности народных судов

времен генерала Ермолова в крепостях Внезапной и Нальчинской, он смог выявить основную причину неэффективности данных институтов - отсутствие у чиновников необходимого образования, материальной заинтересованности, наличие большой загруженности, волокиты, различного рода злоупотреблений и т.д. Придавая особое значение личности председателя мехкеме, А.И. Барятинский ходатайствовал о назначении на должность начальника чеченского народа в ноябре 1852 г. полковника Бартоломея (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 200. ЛЛ. 12-13), имевшего богатый опыт службы на Кавказе, хорошо владевшего восточными языками и знанием основ ислама. Это позволяло ему достаточно свободно ориентироваться в местных обычаях и традициях.

Мехкеме пользовался огромным доверием всего народа. Современники отмечали, что «даже женщины ходили туда из отдаленных мест жаловаться по домашним делам своим» (Иваненко // Русская мысль. 1904. № 6:117), «...не раз непокорные, при помощи своих родственников покорных, пробирались в числе других в заседания мехкеме, чтобы убедиться в действительности его существования и в справедливости решений» (Зиссерман 1881, Т. 3:127). Значительно увеличилось количество аулов, население которых выразило желание признать российскую власть.

Преобразования в судебной части системы военно-народного управления положительно сказались на всей системе управления. Новое устройство Чечни предполагало передачу в руки местного населения не только судебных функций, но и управление сельскими обществами, во главе которых находился представитель российской военной власти в лице начальника чеченского народа. Предпринятая российской администрацией система мер по управлению чеченским населением опиралась на сложившиеся принципы родоплеменной организации власти, присущей всем народам Северного Кавказа, где особая роль отводилась таким ее институтам как община – «джамаат» и родовой союз – «тохум». В рассматриваемый период эти родоплеменные институты продолжали оставаться довольно сплоченными организациями, связывающими всех своих членов круговой порукой и обязывающими нести перед ними ответственность (АКАК. 1873. Т. XII. Ч. IV:45-46). Эти особенности организации власти у горцев были учтены российской властью, которая стремилась использовать элементы горского

самоуправления в формировании системы новых органов управления, чтобы в конечном итоге осуществить плавное приобщение горцев к российским законам.

Десять лет деятельности «просвещеннейшего Кавказского Наместника» М.С. Воронцова характеризуются важными достижениями в различных сферах жизни Кавказского региона, в том числе, и в области культуры, образования и строительства:

- открытие в первого музея на Северном Кавказе - бальнеологического консерваториума в Пятигорске (1848); музея каменных древностей и Пятигорского уездного училища (1850); первого театра (1851);
- освоение Кавказских Минеральных Вод, переданных в подчинение Наместника, который совместно с Дирекцией Вод, обеспечивал необходимые преобразования, касающиеся развития курортного дела, тесно связанного с обширной строительной программой, которая осуществлялась под руководством главного архитектора англичанина Самуила Уптона (галереи Михайловская и Елизаветинская в Пятигорске, Нарзанная в Кисловодске; деревянная галерея и вокзал в Железноводске, вокзал в Пятигорске; 40-к ванных зданий в Ессентуках, Бяратинские и Муравьевские ванны в Железноводске, Теплосерные - в Пятигорске.

Подробная деятельность Наместника получила отражение во «Всеподданнейшем отчете Кавказского Наместника князя Воронцова за 1849-1851 гг.» (РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 201. ЛЛ. 1-198), где на почти 200-сот страницах содержится ценная информация о начальном этапе преобразований края в гражданской сфере: разработка природных богатств Кавказа, развитие сельского хозяйства, промышленности, торговли, просвещения, рост городов и т. д. Но эти преобразования в первую очередь затронули Закавказье. На территории Северного Кавказа (за исключением Ставропольской губернии) первостепенное значение в этот период имело решение военных задач, что в конечном итоге должно было привести к полному политико-административному и экономическому освоению этих территорий Российской империей. С другой стороны, в это период российское правительство было вынуждено учитывать специфику многочисленных северокавказских народов, находившихся на разных уровнях

политического, экономического и культурного развития. Это составляло определенную трудность в процессе успешного администрирования этого края, вызывая необходимость применения особых методов и средств управления, кардинально отличавшихся от тех, что применялись на территории Закавказья. Однако плодотворная деятельность Кавказского Наместника в сложных условиях Кавказской войны обеспечила базу для разрешения целого комплекса задач военного, экономического и культурного характера на территориях северокавказского региона, с целью вовлечения этого пространства в орбиту политических интересов Российской империи.

Библиография

1. Акты Кавказской Археографической Комиссии. (АКАК). В 12 т. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1873. - Т. XII. Ч. IV.
2. Блиева З.М. Система управления Северным Кавказом в конце XVIII – первой трети XIX века. – Владикавказ, 1992.
3. Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. – М., 1998.
4. Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. – СПб., 1908.
5. Документальная история образования многонационального государства Российского. В 4-х кн. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX в. – М., 1998.
6. Ерочкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. - М., 1997.
7. Зиссерман А. История 8-го пехотного кабардинского ген.-фельд. маршала Барятинского полка (1726-1880). В 3-х т. – СПб., 1881. Т. 3.
8. Иваненко В. Разлад между уголовным законом и обычаем на Кавказе и его влияние на преступность. // Русская мысль. 1904. № 6.
9. Кавказские записки декабриста В.С. Толстого (Публикация В.А. Захарова). // Сборник русского исторического общества. Россия и Северный Кавказ. – Москва, 2000. Т. 2 (150).
10. Кавказский календарь на 1849 год. - Тифлис, 1848. Отд. 4.

11. Лейберов И.П. Система управления Кавказом в середине XIX-начале XX вв. //Россия. Кавказ. Абхазия. Исторические статьи и очерки. – СПб., 1995.
12. Некрасов Е.Е. Государственная власть и местное самоуправление в России: Опыт историко-правового исследования.- Москва, 1999.
13. Правила об отношениях Кавказского Наместника. - СПб., 1846.
14. Романовский Д.И. Генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879 гг. - Б.М, 1881.
15. Российский Государственный Военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 846. Оп.16. Д. 6482. ЛЛ.1-2.
16. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 200. ЛЛ. 12-13.
17. РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 201. ЛЛ. 1-198.
18. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2-х т.- Тифлис, 1907.- Т.1

Alla Kondrasheva (Russia)

ACTIVITIES OF CAUCASIAN VICEGERENCY IN NORTH CAUCASIA

Summary

Process of formation of governorship of Caucasian Institute as supreme authority in the Caucasia was discussed. Analysis was given to its functions and tasks on the territory of North Caucasia in the period of M.S. Vorontsov.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ ГОСУДАРСТВА КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Одной из важнейших отличительных особенностей современных государств (развитых или развивающихся) является наличие государственной символики - герба, флага, гимна. Данные символы, с одной стороны, являются символами государства, а с другой - отражают исторические, политические, военные, культурные традиции государства и проживающих на его территории народов, отношения и связи с другими странами, заимствования и переплетения межнациональных традиций и культур. Подобное триединство в мировой практике начало складываться сравнительно поздно, с XIX века. С этого времени символы государственного суверенитета постепенно закрепляются законодательно.

Государственная символика является важным компонентом конституционно-правового статуса любого государства. Герб, флаг, гимн – это имидж страны, ее визитная карточка. Знание и защита символики, как внутри страны, так и за её пределами, является необходимым условием для любого уважающего себя гражданина. Оскорбление государственного символа всегда рассматривается как тягчайшее оскорбление чести народа и государства.

Государственные символы - национальный герб, флаг, гимн играют роль социально-политических феноменов и отражают в концентрированной форме символов природу общества, исторической эпохи, конкретного времени. Они определяют уровень развития общества, его современное состояние, позволяют изучать историческое прошлое во всем его многообразии, дают представление о культуре народа, характере политической власти и многом другом. Государственная символика знаменует обретение государством не только определенных внешних форм, что важно само по себе как этап в завершении становления государственности, но и внутреннего содержания, подчеркивающего стратегию в реализации политического курса, в преемственности историко-культурных традиций народа, проживающего в данном государстве. Особо важно использование государственной символики в воспитании подрастающего поколения, восприни-

мающего в ходе воспитательного процесса атрибуты государства, государственной власти, их специфику в сравнении с другими государствами.

Государственная символика несет в себе отпечаток эволюции национально-государственной идеологии, изменение содержания которой отражается в изменении формы символа. Любое государство стремится максимально отобразить в символике свое героическое прошлое, историю, собственное могущество, военную силу, мощь, другие позитивные свойства и качества. Законодательное закрепление символов способствует организационному и политическому укреплению государства, росту его международного авторитета.

Государственный герб - это законодательно утвержденная, геральдически оформленная эмблема государства, символизирующая его на международной арене. Он является внешним признаком суверенитета и международного признания.

Государственный флаг представляет государственную власть страны. Часто государственный флаг называется «национальный флаг», поскольку понятие «нация» связывается скорее с гражданством, чем с этнической принадлежностью. Государственный флаг вывешивается в дни государственных праздников и торжественных мероприятий в стране, поднимается на зданиях дипломатических представительств за рубежом. В дни всемирного траура его приспускают или прикрепляют к верхней части древка черную ленту.

Государственный гимн - символ государства, поэтико-музыкальное произведение, прославляющее родину, государство, исторические события и их героев. Основные атрибуты государства - герб, флаг, гимн – являются элементами политической символики.

Политическая символика – неотъемлемая часть политики вообще и связанной с ней идеологией в частности. Говоря о символах, нельзя не упомянуть Э.Кассирера, немецкого философа и культуролога, который считал, что человек - это вообще «символическое животное», следовательно, всю историю человечества можно рассматривать сквозь призму символики, с помощью которой люди упорядочивают окружающий их мир: язык, религию, искусство, науку и т.д. (Свасьян 1989:209).

Практически на всех главных государственных символах подчеркивается единство штатов, провинций, областей. Одинаковые звезды и полосы на флаге США – олицетворение равенства штатов, объединенных в федерацию. Подобные примеры - как бы трансляция в современность известной фразы министра иностранных дел Франции Ламартина (1848 г.): «Если вы отнимете у меня трехцветный флаг, то отнимете у меня половину мощи Франции, как здесь в стране, так и за границей» (Тернер 2007: 102).

Политическая символика выполняет функции коммуникации и социализации. Важнейшее предназначение политической символики - собирать «под – свои знамена» как можно больше людей, ориентируя их на цели данной организации, тем самым лишней раз доказывается, что символика – это всего лишь инструмент для политики, но инструмент очень ценный, а задача - научиться грамотно им пользоваться и совершенствовать его (Цуладзе 2000: 336).

Классификация политической символики может быть представлена следующим образом:

1. Национально-государственная политическая символика (прежде всего флаг, герб, гимн; эти же формы символики используются не только государствами, но и разнообразными организациями);

2. Архитектурные комплексы (здания, сооружения и т.д.: Белый дом в Вашингтоне, Китайская стена и т.д.);

3. Скульптурные памятники политическим деятелям, мемориалы, посвященные историческим событиям;

4. Знаки отличия, особые регалии у высших лиц государства, форма одежды, ордена, медали, значки и пр.;

5. Денежные знаки (на них нередко нанесены те или иные символы, имеющие отношение к данной стране), кроме того, их положение среди других валют может символизировать экономический и политический статус государства;

6. Политическая топонимика (названия улиц, городов, стран и т.д.);

7. Ритуально-процессуальная символика: многие политические мероприятия – это ритуал с соблюдением определенных процедур (заседание парламента, вступление главы государства в должность или проведение национального праздника);

8. Наглядно-агитационная символика, включающая все виды наглядной агитации, относящиеся к политической рекламе (лозунги, плакаты, предвыборные листовки, флаги, портреты и т.д.)

9. Политико-музыкальная символика не обязательно гимны, в определенные моменты истории символическим могут стать народные или революционные песни, популярны мелодии);

10. Предметно-объектная политическая символика, предметы или объекты, особо значимые для данной национальной общности: гора Афон в Греции, зуб Будды в Шри-Ланке и т.д; зловещую символическую роль играет оружие, особенно ядерное);

11. Люди как политические символы (прежде всего политические лидеры - Линкольн, Сталин, Наполеон и др.; легендарные герои – Вильгельм Телль, Робин Гуд, или вымышленные персонажи - Джон Буль в Англии, дядя Сэм в США);

12. Условно-графическая символика, включающая геральдические знаки (всевозможные звезды, кресты, львы, грифоны и т.д.);

13. Политический язык (специальная терминология либо особые языковые конструкции, применяющиеся в политической практике: господин, товарищ, «Ура», а также лозунги; кроме того, контекстуально это может быть любое писаное и произнесенное слово как особый символ);

14. Политическая мода и стиль (общие пристрастия сторонников какого-либо движения, выраженные в одежде, поведении и т.д.);

15. Символы места и времени («викторианская эпоха», «эпоха Давида Строителя», «советское время» и т.д.; границы, столицы, национальные праздники также нередко привязывают к этой символике). Таким образом, политической символике свойственно вбирать в себя - синтезировать – различные знаки из иерархии знаковых систем и использовать их в целях политики (Каменцев, Устюгов 2002: 45).

Помимо государственных традиционных символов в виде герба, флага и гимна, каждая страна имеет и ряд других символов, национальных, которые обозначают специфические для каждой страны историю, культуру и быт. В то же время такие символы не всегда могут быть известны иностранцам и уж во всяком случае не могут восприниматься ими как нечто родное и близкое. Для Италии национальными символами являются Колизей или амфитеатр

Флавиев - одно из семи чудес света, Пизанская башня - колокольная башня, часть ансамбля городского собора Санта-Мария Ассунта в городе Пиза и др. Для Великобритании характерны следующие знаки - лев (символ Соединенного Королевства), бульдог (олицетворение отрицательных сторон английского характера и старой колониальной политики Англии), Биг Бен (колокол часов-курантов, находящийся на высокой башне парламента в Вестминстере, бой которого ежедневно передают по радио как национальный звуковой сигнал; роза (эмблема ряда королевских династий), ведьмы (традиционно изображаются верхом на помеле вылетающими из трубы, служат классическим изображением истинно английской приверженности старым, консервативным традициям, английской веры в призраки и привидения) и др. Для Германии национальными символами являются орел (символ Германии, распространенный во всех землях со времен средневековья), дуб (национальный немецкий символ жизни, надежды, а также воинской доблести), Гретхен (сентиментальный символ немецкой женщины) и др. Францию символизируют галльский петух (исторически привязан к французам как к нации и означает "задиристость, заносчивость"), Эйфелева башня (символ Парижа), Вандомская колонна (символ величия Франции), Жанна д'Арк (символ патриотизма и самопожертвования ради счастья родины) и др. (Похлёбкин 2001: 212).

Изобретение и использование различных знаков и символов было свойственно человеку с глубокой древности. Обычай избрания для себя или для своего рода и племени особого отличительного знака имеет очень глубокие корни и распространен по всему миру. Он происходит из родового строя и опирается на то мироощущение, которое было свойственно народам в первобытный период их истории (Сантти-Мадзини 2005:136).

Родовые знаки и символы называются тотемами. Они – самые близкие родственники гербов. Термин «тотем» происходит из Северной Америки, и на языке индейцев оджибве³ слово «ототем»

³«Оджибуэи», — индейский народ алгонкинской языковой семьи. Расселён в резервациях в США, в штатах Мичиган, Висконсин, Миннесота, Северная Дакота, Монтана и в Канаде, в провинциях Онтарио, Манитоба, Саскачеван, Альберта и Британская Колумбия. Численность — около 360 тыс. чел.:

означает понятие «его род». Обычай тотемизма состоит в избрании родом или племенем какого-либо животного или растения в качестве прародителя и покровителя, от которого все члены племени ведут свое происхождение. Этот обычай существовал у древних народов, однако и в наши дни принят среди племен, ведущих первобытный образ жизни. Среди азиатских народов тюркского и монгольского происхождения существует аналогичный обычай «тамга». Тамга – это знак родовой принадлежности, изображение животного, птицы или оружия, принимаемого каждым племенем в качестве символа, который изображается на знаменах, эмблемах, выжигается на шкуре животных, и даже наносится на тело. У киргизов существует предание, что тамги были присвоены отдельным родам самим Чингисханом, вместе с «уранами» – боевыми кличками (напр., «Ура!») (которые использовались и европейскими рыцарями, из-за чего попали затем на гербы в виде девизов).

Прообразы гербов – различные символические изображения, помещаемые на военные доспехи, знамена, перстни и личные вещи – применялись еще в древности. В произведениях Гомера, Вергилия, Плиния и других античных авторов встречаются свидетельства использования таких знаков. И легендарные герои, и реальные исторические личности, например, цари и полководцы, часто имели личные эмблемы. Так, шлем Александра Македонского украшал морской конь (гиппокамп), шлем Ахиллеса – орел, шлем царя Нумибии Масиниссы – пес, шлем римского императора Каракаллы – орел. Щиты также украшались разнообразными эмблемами, например, изображением отсеченной головы Медузы Горгоны. Но эти знаки использовались как украшение, произвольно менялись владельцами, не передавались по наследству и не подчинялись никаким правилам. Лишь некоторые эмблемы островов и городов античного мира использовались постоянно – на монетах, медалях, печатях. Эмблемой Афин была сова, Фив – щит, Пелопонеса – черепаха, Коринфа – Пегас, Самоса – павлин, острова Родос – роза. В этом уже можно усмотреть зачатки государственной геральдики.

свыше 205 тыс. чел. в Канаде, свыше 150 тыс. — в США. Религии — протестантизм, католицизм и традиционные культы. Один из самых крупных индейских народов в Северной Америке)

Большинство древних цивилизаций имело в своей культуре некоторые элементы геральдики, например, систему печатей или штампов, которая в дальнейшем неразрывно будет связана с геральдикой (Мишель Пастуро 2003: 287).

В Ассирии, Вавилоне и древнем Египте печати использовались так же, как в средневековой Европе – для удостоверения документов. Эти знаки выдавливались в глине, вырезались в камне и отпечатывались на папирусе. Уже в третьем тысячелетии до нашей эры существовал «герб» шумерских государств – орел с львиной головой. Эмблемой Египта была змея, Армении – коронованный лев, Персии – орел. Символом Римской империи со времён Юлия Цезаря стал императорский жезл с фигурой орла (священной птицы Юпитера). После перенесения столицы в Константинополь в 330 г. император Константин ввёл новую эмблему: чёрного двуглавого орла на золотом фоне – символ власти императора над Западом и Востоком империи. Двуглавый орёл сохранился и как герб Византийской империи. В начале её существования императоры пытались восстановить Римскую империю, а затем две головы орла, обращённые в разные стороны, стали восприниматься как символ географического расположения Византии на стыке Европы и Азии. Впоследствии от римского и византийского орлов произошли гербы многих империй: Священной Римской (одноглавый чёрный), Арабского халифата, России (двуглавый чёрный) (Похлёбкин 2001: 264).

Таким образом, различные системы знаков отличия и эмблем существовали всегда и везде, но на сегодняшний день символы стали неотъемлемой частью социальной жизни общества, играют роль социально-политического феномена.

Литература:

1. Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М.: Алгоритм, 2000.
2. Каменцев Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М.: Просвещение, 2002.
3. Похлёбкин В. Словарь международной символики и эмблематики, М., 2001.
4. Санти-Мадзини Д, Геральдика. История, терминология, символы и значения гербов и эмблем, М., 2005.

5. Мишель Пастуро, Геральдика (Figures de l'heraldique). Изд.: АСТ, Астрель, 2003
6. К.А. Свасьян. Философия символических форм Э. Кассирера. Ереван, 1989.
7. Тернер В. Политическая символика, М., 2007 .

Natalia Lazba (Georgia)

STATE SYMBOLS OF THE STATE AS A SOCIAL AND POLITICAL PHENOMENON

Abstract

State symbols - the national flag, anthem play the role of social and political phenomena and reflect in a concentrated form of symbols nature of society, historical period, a particular time. They determine the level of development of a society, its current status and allow us to study the historical past in all its diversity, give an idea of the culture of the people, the nature of political power, and more.

**АКАДЕМИК НИКОЛАЙ ДЕРЖАВИН И ПРОФЕССОР
КУКУРИ ЛИЛУАШВИЛИ - ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ
ОТНОШЕНИЙ ГРУЗИИ И БОЛГАРИИ**

Приморский город Грузии Батуми и Благоевград (город в Болгарии) имеют давние дружеские отношения. История этих двух стран очень схожа. Мы всегда понимали боль и проблемы друг друга.

Нами изучены и переведены труды двух больших ученых, академика Николая Державина и профессора Кукури Лилуашвили.

Член академии наук Белоруссии и СССР, ректор Петроградского университета в 1923-1925 гг., лауреат Сталинской премии, академик Николай Державин большую часть своих трудов посвятил истории Болгарского и Грузинского народов. В библиотеке Государственного университета Шота Руставели хранятся четыре тома Истории Болгарии. В вопросе этногенеза славян академик Николай Державин разделял антимарксистские взгляды Нико Марра.

Ученый часть своей жизни провел в Батуми. Здесь он жил в доме Мамил-оглы на улице Святополка-Мирского (ныне улица Ахмеда Мелашвили) и вел педагогическую работу в Батумской мужской гимназии (сегодня это здание университета). В 1903 году книжный магазин М. Николадзе в типографии компании «Киладзе» напечатал его научный труд „Очерки из истории Батуми“, к которому прилагается справочный ежегодник г. Батуми. Академик Николай Державин на основании данных Броневского и Исарлова отмечает, что еще в 1770 г. русский генерал Тотлебен после наступления на Поти ходил походом на Батуми.

Давая историко-географическое описание Грузии, исследователь в своем труде в основном приводит данные грузинских ученых: Вахушти Батонишвили, Дм. Бакрадзе и др., но использует также работу Н.А. Френкеля, Е. Эриксона и др.

Особого внимания заслуживает его описание Батумского климата, состава здешней почвы, приморской полосы, каналов, проведенных для осушения болот и т.д.

В одном месте ученый отмечает, что формирование почвы - долговременный процесс и указывает на каменную стелу, стоящую

перед ныне не существующим зданием собора (сейчас на его месте стоит гостиница), которая показывала, что здесь недавно была линия воды).

При описании Батумского климата автор в основном опирается на данные энциклопедий Брокгауза, Южакова, а также указывает на путеводитель по Батуми Н. П. Гурского, труды о Батуми Н. И. Суворова, Н. М. Дашкевича, Т. И. Триандафилидесиса, но в отличие от них он определяет среднюю годовую температуру атмосферы Батуми по временам и месяцам года. По его данным среднегодовая температура города равняется $14,5^{\circ}$. Ученый Батуми по его умеренному климату сравнивает с Ниццей.

В своей работе исследователь дает отдыхающим надежные сведения о лечебных свойствах воды и о различных заболеваниях, связанных с климатом. Батуми обеспечивался горной родниковой водой. Его украшали каменные здания, покрытые черепицей. Марсельская черепица изготовлялась здесь же, на месте.

Академик Николай Державин, как и другие исследователи, касаясь времени вступления в город русских войск, указывает только на существование каменного дома консула России в Батуми Джудича, но ничего не говорит о существующем в тот период (на площади Азизие) дворце Гуриели, как и о других зданиях.

На основании сведений приехавшего в Батуми в 1807 г. Андрея Дюпре, ученый делает вывод, что население города в 1897 году выросло с 2 тысяч до 30 тысяч человек. Вместе с грузинами здесь жили абхазы, греки, русские, армяне, турки, персы, евреи, черкесы, немцы, французы, англичане, итальянцы и т.д.

В своей работе Державин определяет социальный состав жителей города и указывает, что основную часть их составляют рабочие, ремесленники, солдаты, торговцы, чиновники. Он дает нам компетентные исторические сведения о государственных и общественных учреждениях, существующих в Батуми в 1903 году. Академик Державин мечтает о том времени, когда Батуми станет европейским городом и своей красотой станет похож на Ниццу.

Кукури Лилуашвили, профессор Тбилисского государственного университета имени Иване Джавахишвили и Батумского государственного университета имени Шота Руставели, награжденный золотой медалью Академии наук Болгарии, на протяжении ряда лет изучал материалы, хранящиеся в Болгарском

историческом архиве, существующем при библиотеке имени В.Коларова, в архиве МИД России и в государственном историческом архиве.

Профессор К.Лилуашвили немало научных трудов посвятил национально-освободительной борьбе болгарского народа против османского господства.

В своей работе «Из истории национально-освободительной борьбы болгарского народа против турецкого господства» он детально показывает проблемы народного движения, существующие на Балканах в 1875 году, анализирует также разногласия, существующие в европейских дипломатических кругах по вопросу Болгарии.

События, связанные с восстанием апреля 1976 года в Болгарии переданы в книге «Национально-освободительное движение Болгарского народа и грузинская периодика 19-го века».

В работе «Газета „Кавказ“ о национально-освободительном движении в Болгарии» ученый рассматривает разногласия, возникшие между греками и болгарам в связи с религиозными вопросами. Исследователь, опираясь на документальный материал, наглядно показывает тайные цели как турок, так и русских. Эти цели были направлены на ослабление мощи церкви обеих стран. Император России Александр II призывает обе стороны подчиниться той власти, которая будет в них установлена русскими, и объединиться под флагом России.

Ученые–исследователи Н.Державин и К.Лилуашвили провели большую работу по изучению исторического прошлого Болгарии и Грузии.

Литература

1. Лилуашвили К.С. «Журналы „Вестник Европы“ и „Русский вестник“ о восточном вопросе». Бат.,1968г.
2. Лилуашвили К.С. «Газета „Кавказ“ о национально-освободительном движении в Болгарии».Бат.,1967г.
3. Лилуашвили К.С. «Национально-освободительная борьба болгарского народа в 70-х годах 19-века» (из истории славянских комитетов России). Бат.,1966г.

4. Лилуашвили К.С. «Национально-освободительное движение болгарского народа и грузинская периодика 19-го века». Бат., 1963г.
5. Державин Н.С. История Болгарии Т.3.«Болгарский народ под турецким владычеством». 126с.Т.4.«Национально-освободительное движение в Болгарии»,239с. М.1947-1948.
6. Державин Н.С. «Очерки Истории Болгарии». Бат., 1903г.

Merab Megrelishvili (Georgia)

ACADEMICIAN NIKOLOZ DERZHAVI AND PROFESSOR KUKURILILUASHVILI - THE RESEARCHERS OF HISTORY OF GEORGIA - BULGARIAN RELATIONS

Abstract

Georgia's Black Sea side town Batumi and Bulgarian town of Blagoevgrad have a longstanding traditional relations. The two countries lives full of tragedy are very similar to each other. We have always understood each other's pains. I have studied and translated historical works of two great scientists, academician Nicholoz Derzhavin and professor KukuriLiluashvili.

**SAMPLES OF HOUSEHOLD ARCHITECTURE IN EASTERN
PART OF HISTORICAL CHANETI
(DWELLING BUILDINGS)**

Lazeti is distinguished by its beautiful nature among the parts of the historical Georgia. The region has abundantly preserved the old Georgian (Lazian) type of settlement as well as unique monuments of popular architecture. Their study enables us to compare them with the peculiarities of everyday life and culture of their neighbours, distinguish common features characteristic of Georgian ethnographic groups, and determine relations and common genetic roots, household unity of the Lazians and Megrelians (as well as other Kartvelian groups). From this viewpoint, it is quite significant to study household architecture, construction skills, dwelling and household buildings.

Among the dwelling buildings the Lazian (also Hemshin) settlements of the Black Sea littoral zone as well as mountainous region are distinguished by their constructional-artistic elegance and distribution area.

The composition of the Lazian house plan is a rectangle or almost square. Very often it is a two-storey building, adjusts to hard relief and meets the dwelling and economic requirements of the family. The complex represents dwelling and various types of service buildings. The interior planning of houses reflected social structure of families, gender relations, their place, rights and obligations in the family (Georgian Ethnography/Ethnology, 20010:576).

Up to the 19th century the so called “jargvala” houses used to be built with round trees (M. Vanilishi, A. Tandilava, 1964:100). Before building a house the Lazians used to clean the soil and start laying the foundation. Wooden buildings were laid with ashlar as a foundation, on which stone walls were erected with the so called “tavkhe” - “main woods”. The biggest wood was placed over the kitchen (“ongore”). During construction process “noder” (groups for working together) was often summoned.

The construction terminology is of great interest here. We meet Turkish as well as Russian terms together with the Lazian ones. E.g. Flat and ceiling beams were called “dizme”, doors – “nekna”, part of the roof over the walls – “diuvar”, stairs – “Kardumon”, roof – “sachagh”, corridor – “seghe”, bee house – “bagen”, store house balcony – “aba-

rtsa”, hen house – “kare” (in some places “oqotumale”), dividing wooden beams – “”ongura”, etc.

Generally, a Lazian house consists of the rooms for different purposes. Kitchen (“Okhorshqaguri”) which used to have an earth floor earlier united the following: “Okrebule” (a place with a hearth), “odakhchire” (the middle part of the hearth where fire burns), “okitse” (a place where earthen pan was placed for baking corn-bread). The kitchen was directly followed by “ochkhare”/”otskare” – the entrance place from the right door of the kitchen where there was a place for washing dishes and putting pitchers. To the left of the kitchen there is a wooden “kharo” for keeping maize flour as well as a shelf for keeping other products. This place is also called a “Kharo-kala”. To the left of the hearth a spoon shelf was nailed for hanging spoons vertically – “okizale” above which open shelves were arranged – “otsude” – for placing dried plates.

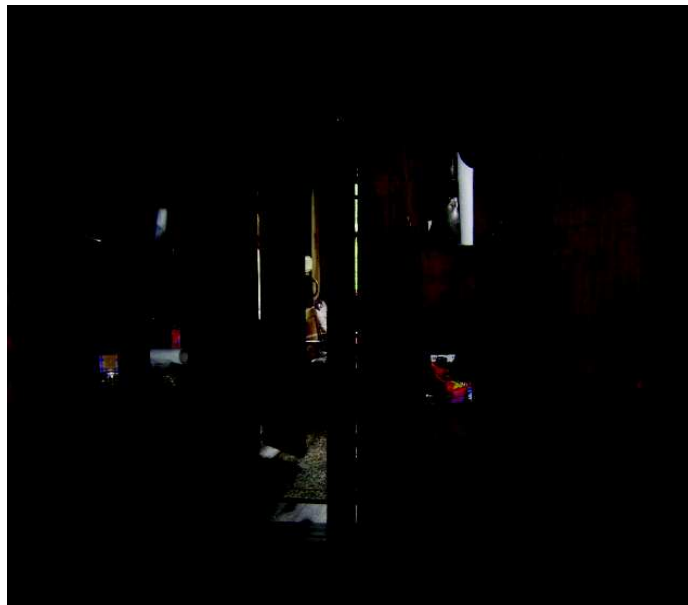
“Okrebule” – the family hall – is the biggest room (approximately 28-30 sq/m). It was represented by a hearth, later – with a fireplace. If there were two hearths in the hall it meant that this “okhoro” consisted of two families. This hall did not have a ceiling. Therefore, a smoke hole or “sarkume” was always left directly above the hearth. (The word ‘sarkmeli’ might have been derived from “sarkume” (Internet: <http://saunje.ge/index.php?id=1266&lang=ka>).

The composition of the dwelling house plan represents the earliest sample of the central planning that holds the main place in the family hall. The entrance to the family hall was from the open balcony, the so called mid corridor. The dwelling rooms were distributed in the following way:

the side room was for the bedroom of couples – “gverdishoda”, which was later given to the married children by the parents. There might have been two “Gverdishoda”-s in a house: “mardzgvani”//right and “kvazali”//left.

From the kitchen there should always be an entrance to the so called “shkashoda” (middle room). The kitchen was also connected to the side rooms. The old people’s room was called “papules oda”. Separately was the so called “chitaoda” – a small room (‘chita’ can be connected with sun’s rays) and “iazishoda” (summer room). The entrances to these rooms are made through the balcony apart from the side and middle rooms. The doors to the guest room was made from outside as well. The names of the outer part of the Lazian house are the following: “stegho”(okhorshqagurishi) – entrance balcony, with a roof over the house; “ghoji” – part of the yard where the wooden bases of the house are united together (M. Vanilishi, A. Tandilava, 1964:109); “zhimoka” – the back part of the kitchen where wood and tools are kept; “opute” – area of the yard; “baghu” – barn for storing products, fruits, winter supply; “bageni” – maize storage; “oqotumale” – hen house; “mskibu” – mill, “onchamure” – sacecxveli, etc.

It becomes clear from the ethnographical materials that Lazian house initially was one-storey building with earthen floor and hearth. A cattle breeding was weakly developed from the very beginning. Consequently, Lazian house with its architectural structure corresponded rural and maritime-farming conditions. A house should necessarily have storage places for fishing-sailing inventory.

The Gonio-Sarpi population mentions several names for the place with the main hearth: “okhori” – the Lazian name itself. “samkopisaxli”, “samzareulo”, “mutvaghi” (from Turkish), etc. (Mikeladze J., 1982:49). I. Adamia calls this place a “sajalabodarbazi” (family hall) and considers it as the earlier stage of LAzian dwelling house (I. Adamia, 1965:49). And really, the sitting room takes the central part in the Lazian house and all the other places are connected to it.

An interesting dwelling place is located near Pindikli, in the estate area in the village of Chaghlian Koi (chaghliani means noisy), on the central jami-mehele territory and the village, and belongs to Haji Alioghli. The house is built with combination of cobbles and wooden constructions and makes unforgettable impression on the seer. Such houses are also called “pakhverkiani//chalangariani//tolmiani” house (Shoshitashvili N., Papiasvili T., 2010:99).

The first floor of the building represents stone stable and “akhori”. The entrance is divided into parts by a corridor. The inclusion of “akhori” into the dwelling house is a later tradition that was later replaced by its unification with farming and household buildings, especially with barn (Shoshitashvili N., Papiashvili T., 2010:101). Traditionally, three walls of the house cellar were built in stone called “Meson”. Meson represents the division wall of the first wall. The Side walls are known as “kanadi”. Earlier the fire used to be burnt there. Beams were arranged in the ceiling on which rice bunches were hung to get dried for winter. At present the first floor of the dwelling house is used as a store house.

The house consists of six rooms. The rooms are not very big. Among the different places of a Lazian dwelling house especially interesting is the so called “didioda” – big house which is called “oturma salon” (from Turkish influence). It is the place of an elder man (great grandfather/papule) and elder woman (in Sarpi and Gonio the elderly man of the house is called “okhorishsaib” and the elderly woman – “khchinibadi”). In earlier times it was the so called “buiuqoda” or the big house where the fireplace was arranged and “seqvi” on both sides of the wall. The floor is wooden. Children under 8-10 years of age can also sleep in this room. Guests also can be received in this room and are taken into guest rooms for the night.

In the upper part of the “oturma salon” northern side along the whole length of the wall there is a narrow balcony-like closet “medine” (about 30-40 cm wide) for the winter storage of pumpkins, nuts and be-

ans). To reach the “medine” is easy through the 3-step staircase vertically built in the wall. On both sides of the staircase there is a “dolabi” with 3 shelves. The shelves follow along the staircase steps. In the first “dolabi” crockery is kept, in the second - saucepans, in the third – flour and other products. The word “dolabi” entered the Lazian language from Turkish while in the Turkish dwelling houses there are no such storerooms.

There is an entrance from the big hall into the small (“chita”) hall which has the so called “iuqluq” (Turkish) built in it – closet for keeping beds. In the similar dwelling places in Sarpi such closets were in every room. Through the narrow corridor you enter the so called “tsalendo” (lower) room and from there – into “mabeinoda” and “zhilendon” (upper bedroom). A bath room and toilet is arranged in the house. In one of the walls of every storeroom of the old houses the so called “onglebiani” (shutter) windows were built in.

The two-storey house of HaidarSoier is distinguished by peculiar featured characteristic of Lazian houses. It is situated 1 kilometer away from the Hopa center. The house has two floors. According to the tellers the house is 200 years old. The entrance is an arched one and is built with 3 pairs of ashlar.

The height of the arch is 1,8 cm, width – 86 cm. The entrance door is ornamented. Unlike other Lazian houses, the first floor of the HaidarSoier’s house is also considered for human dwelling and consists of two rooms with earthen floors, and four so called “teregi”// shelves (‘dolabi’ according to the PindikiLazians) built in the wall. One of the big “teregis” was used for storing potatoes. There is a fireplace in the main room/salon. The fireplace is on the second floor of the house as well. All the rooms have windows with shutters and iron lockers.

The beams of the Lazian house quadras are mostly square. However, there are also bent-beam quadras as well. From this viewpoint the 250-year-old house is of great interest which belongs to Kemal Buluti in the village of Bashkoi (6 km from Hopa). There are bent beams on the left side of the eastern wall. Therefore, the quadras are represented in the shape of triangles.

One of the most interesting dwelling places the age of which is about 200 years is located near Hopa, in the district of Kavaqdibi. It belonged to Osman-oghli. At present the building is damped and entrance into the house is risky. It is built with elaborated faced stones, has two

storeys and roofed with tiles. The windows are arched and the entrance is oval.

Part of the house walls is ruined. The area comprises 14X12 sq/m. Visually, similar types of dwelling buildings are not found elsewhere. The house is situated in a low place in Mehele district along the right side of the road and is considered as the most important monument of material culture. In future, the reconstruction of the building is planned and opening of a museum there.

Three-storey buildings are also met in Lazeti. In this connection a house is very interesting which is situated 8 km away from Hopa, in Pindiqobashi Mehele, on the left side of the Subaqli valley. The special feature of this accommodation building is that it has no quadras. It is built entirely of wood.

Some dwelling places are interesting from the viewpoint of décor, ornament, artistic arrangement. In the entrance of one of the houses, above a narrow corridor, there is an interesting ornament of “borjghala” – disc with the shining sun.

“Borjghala” is the most popular symbol throughout the world (Iran, India, and Mesopotamia) and represents a multi-sided version of swastika. Among them the Caucasian versions are the oldest ones (Mtkvar-Araksi and Trialeti cultures). The corresponding version to Georgian “borjghali” is Megrelian “barchkhali” (shiny) – light, shiny, luminous. At the same time it expresses “time”, “age”, “eternity”. It was considered as a sacred ornament and sacral logogram. They differed from one another in number of points. In Georgia the most popular one was a seven-point borjghalo which symbolically represented space, cosmos and was an artistic depiction of seven lights in the Georgian pagan pantheon. The represented borjghalo is distinguished by the number of points and in our opinion its symbolic meaning is loaded with the functions of time changeability and eternity of life.

The ornament is also met in stone arched entrance and ceiling belt as well.

In the wall paintings of some houses we can read the versions existing in 18th century Istanbul, more precisely – folklore versions existing at Topcapi Palace, the best views of the city, ships, etc. It is undoubtedly a later phenomenon and should be ascribed to the influence of the dominant ethnos in decorations. However, it does not change the Lazian (Georgian) outlook to the dwelling place and represents the local variant of the Georgian popular dwelling places with its construction

and building technique. In such dwelling houses traditional ornaments- obviously prevail, including the Tree of Life. Such decoration was popular in 19th century. According to N. Mari, “The ornaments on stones repeat the motifs of Georgian Christian architecture” (Mari N., 1910:631).

Various forms of ornaments created by Laz masters are famous with elegance and diversity. They are used as architectural jewels for interior and exterior decorations. During the process of cultural relations with foreign countries they creatively used the achievements of foreign cultures, adopted and re-elaborated them on the basis of their traditions and gave them world significance as an independent national form and Georgian (Lazian) culture (Adamia I., 1967:3-12).

The viewers are attracted by the decoration of the main pillar in Memish Agha Iakuboghli’s house. It is entirely cut from wood. Generally, the main pillars depicted geometrical ornaments, birds, animals, human hands, crosses, radiant sun, etc. In people’s beliefs hearth and pillar represented one whole complex and were considered as the central sacred places in a house. All the rituals were performed around them. The worship of the main pillar is connected with the cult of the tree and life motif. Among the Caucasian peoples, Georgians, including the Lazians, the Tree of Life was the sky support and station of the lights.

This type of ornament belongs to the ancient culture with the origin of its motifs and originates from ancient traditions (Chitaia G., 2000:215). It finds parallels in the Georgian, general-Caucasian, Asia Minor and Balkan realities (Putkaradze T., 2008).

It is significant that the houses built by Laz builders are met in Klarjeti, Shavsheti as well as Ajara (Gonio, Sarpi, Makhuntseti, Purzio, Oladauri, Kosopeli, etc.), Guria, Samegrelo, Imereti. Surely, there were builders in these regions too but apparently the priority was given to Lazian ones. According to G. Chitaia, the Lazians were considered as the best skillful masters in Ajara and the whole Western Georgia in 19th century and beginning of 20th century. Houses, churches and mosques built by them have been preserved to this day (Chitaia G., 1941:305). They are decorated with Lazian ornaments. In some places masters made their inscriptions, e.g. in one of the houses in the village of Sani, Baghdati region, there was an inscription in Georgian and Turkish languages (M. Vanilishi, A. Tandilava, 1964:101). According to Chitaia, there were three Laz brothers in Baghdati: Omer, Akhmed and Mustafa who built Lazian houses in the Khanistskali Gorge (G. Chitaia, 1941:305). N.

Mari states as well that Lazian masters were famous in coastal cities of South Russia too (Mari N., 1910:618).

The Republic of Turkey pays great attention to the care of the monuments of cultural heritage. Lazian houses are included into the list of monuments here. The state pays to the owners of the Lazian houses 50 thousand Turkish liras from the state budget in order not to damage the facades of the dwelling places and preserve their original appearance while repairing them. In the region under study there are numerous restored Lazian houses which give the viewers unforgettable impression.

The dwelling places of the Lazeti highland zone are rather different. In this connection the Alpine zone settlements are to be distinguished. In the Hemshil settlement in Kale iaila along the river Fortuna, 56 km from Ardasheni, we meet one-storey “jargvali-type” houses as well as over-built “jargvali” houses. The iaila//konaghi represents a building with long horizontal roof where there are human and animal dwelling spaces under one ceiling. It is built with irregular arrangement of various-sized stones and consists of three storerooms. One department is an animal place, the second – (middle one) – “sardzie”, the third – human dwelling place. The door of the house is one-sided and made of vertically nailed wood. The same type of wooden constructions is also found.

The discussed materials make it clear that together with modern houses the two- or three-storey Lazian so called combined type of dwelling places represented in vertical section are also widely popular in coastal and mountainous zone of Turkish Georgia. Their study enables us to reveal peculiarities of dwelling buildings in Lazeti rich in traditional culture, the genetic closeness to the Georgian dwelling places and their place in the development process of Georgian, more precisely, in Western Georgian dwelling places.

Reference:

1. Adamia I., Ancient Types of Georgian Dwelling Houses in Ajara, “dzeglismegobari”, #12, Tbilisi 1967.
2. Adamia I., Georgian Popular Architecture (Ajara), Tbilisi 1965.
3. Adamia I., Some Samples of Popular Architecture in Kvirila Gorge, “dzeglismegobari”, #12, Tbilisi 1967.

4. Davitashvili G., Functional Organization of Dwelling House Interiors, "dzeglismegobari", #34, Tbilisi 1974.
5. Vanilishi M., Tandilava A., LAzeti, Tbilisi 1964
6. Mari N., From the Travels to Turkish Lazistan, St. Petersburg, 1910
7. Mikeladze J., Dwelling and Household Buildings in Ajara, Batumi, 1982
8. Georgian Ethnography/Ethnology, ed. by R. Topchishvili, Tbilisi 2010
9. Putkaradze T., Field Ethnographic Expedition in Pirin Macedonia, Diary, October, 2008
10. Shoshitashvili N., Papiashvili T., Samples of Traditional Dwelling Places in South-Western Georgia, "Chorokhi", #2, 2010, March-April
11. Chitaia G., Works, vol. II, Tbilisi 2000
12. Chitaia G., The Motif of the Tree of Life in Lazian Ornament, "Enimkismoaambe", X, Tbilisi 1941
13. Март Н.Я. Георгий Мерчул, Жизнь св. Григория Хандзитского. См. дневник поездок Шавшетию и Кларджетию, с Петербург, 1911, стр.75.
14. <http://saunje.ge/index.php?id=1266&lang=ka>

Тамаз Путкарадзе (Грузия)

ЛАЗСКИЕ ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ, СОХРАНИВШИЕСЯ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЧАНАТИ

Резюме

В приморской полосе Турецкой Грузии, также как и в горной, вместе с современными домами широко распространены двух- или трехэтажные лазские т.н. комбинированные дома жилого типа. В статье описывается своеобразие народного жилья в богатой культуре Лазети, генетическая близость с грузинским жильем и ее место в процессе развития западно-грузинских построек.

ПЕДАГОГИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Асман Ардзенадзе (Грузия)

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Возникновение и утверждение новой дисциплины – «межкультурная коммуникация» было обусловлено реальными процессами современного мира, практическими потребностями людей самых разных культур, национальностей, профессий, социальных институтов. Глобализация и интернационализация нашего мира, развитие туризма и бизнеса, экономики, интеграция в образовании, многочисленные миграционные процессы и возникающие на этой основе проблемы и недопонимания, ошибки в общении, культурные недоразумения вызвали интерес исследователей разного профиля (культурологов, лингвистов и др.) к вопросам международной, межкультурной коммуникации.

Обучение иностранным языкам подразумевает сложность и многоаспектность формирования у учащихся основных черт вторичной языковой личности, делающих их способными к адекватному социальному взаимодействию в ситуациях межкультурного общения, - диктуют необходимость рассматривать ее как совокупность трех взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектов: языкового, культурного и когнитивного. «Обучение иностранному языку, таким образом, как феномен постоянного общения обучающегося с иной культурой в ходе языкового общения, является межкультурным по своей природе. Это межкультурное общение начинается уже на уровне слов и включает также и грамматические явления» (Бердичевский, Гиниатуллин, Лысакова, Пассов 2011:10). Поэтому «в образовательных целях продуктивно считать, что нет отдельно языка и культуры - язык есть органическая часть культуры. Факты языка – это те же факты культуры». (Пассов 2001:12).

С целью улучшения процесса коммуникации очень важным является повышение культурной компетентности в отношении страны, язык которой мы преподаем, так как для адекватного межкультурного понимания и эффективного взаимодействия необходима адекватная зависимость между уровнями языковой, коммуникативной и культурной компетенции.

В настоящее время цель обучения иностранным языкам следует понимать как формирование личности, способной и умеющей участвовать в общении на межкультурном уровне. Речь идет о становлении у студентов основных черт вторичной языковой личности, совокупность которых составляет сложное целое, выходящее не только на коммуникативную, но и на межкультурную компетенцию. Прагматический аспект цели обучения иностранным языкам связан с формированием у учащихся знаний, навыков и умений, владение которыми позволяет им приобщиться к этнолингвокультурным ценностям страны изучаемого языка и практически пользоваться иностранным языком в ситуациях межкультурного взаимопонимания и познания. Совокупность таких знаний, навыков и умений составляет коммуникативную компетенцию учащихся.

При характеристике достигаемого в результате обучения уровня владения языком в методике широко используется термин компетенция (от лат. *competentis* - способный). Первоначально термин обозначал способность, необходимую для выполнения определенной, преимущественно языковой деятельности на родном языке. Компетентный говорящий (слушающий) должен образовывать неограниченное число предложений по моделям, а также усматривать формальное сходство-отличие в двух языках. В обучении иностранных языков это понятие получило интенсивную разработку, и определяется как способность к выполнению какой-либо деятельности на основе приобретенных в ходе обучения знаний, навыков, умений, опыта работы. Коммуникативная компетенция в ее современной интерпретации включает в свой состав следующие виды компетенций: лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную, стратегическую, социальную, профессиональную и др.

«Очевидно, что основную культурную нагрузку несет лексика: слова и словосочетания. Из них складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного

языка. Особенно наглядно и ярко этот аспект представлен устойчивыми выражениями, фразеологизмами, идиомами, пословицами, поговорками – то есть тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость, или, вернее, результаты культурного опыта народа». Поэтому освоением лексики, студент сближается с новой культурой, страной, народом. (Тер-Минасова 2008:147).

Как известно, освоить иностранное слово – это значит овладеть его значением, графическим оформлением, сочетаемостью и др. и суметь использовать лексическую единицу в соответствии норм языка и конкретной межкультурной ситуации.

Охарактеризуем содержание различных видов компетенции, формируемых на занятиях по языку и являющихся конечной целью обучения языку и овладения языком.

Коммуникативная компетенция - Компетенция (от лат. *competentia* - согласованность частей, соразмерность, сочетание), описывающая качество и эффективность способности общаться одного человека с другими людьми. Способность средствами изучаемого языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках той или иной сферы деятельности. В ее основе лежит комплекс умений, позволяющих участвовать в речевом общении в его продуктивных и рецептивных видах. Базируется же коммуникативная компетенция на ряде других компетенций.

Лингвистическая (языковая) компетенция трактуется в методике преподавания русского языка неоднозначно. Иногда этот термин употребляется как синоним языковой компетенции, однако в преподавании русского языка как родного более перспективно их разграничение.

Лингвистическая компетенция представляет собой результат осмысления речевого опыта. Она включает в себя знание основ науки о русском языке, предполагает усвоение комплекса лингвистических понятий. Лингвистическая компетенция предполагает также формирование представлений "о том, как русский язык устроен, что и как в нем изменяется, какие ортологические аспекты являются наиболее острыми". Это владение знаниями о системе языка, о правилах функционирования единиц языка в речи и способность с помощью этой системы понимать чужие мысли и выражать собственные суждения в устной

и письменной форме. Она предполагает овладение определенной суммой формальных языковых знаний и соответствующих им навыков, связанных с различными аспектами языка - лексикой, фонетикой, грамматикой. При этом встает вопрос, какая лексика, грамматические конструкции необходимы человеку для обеспечения нормального взаимодействия на изучаемом языке.

Одним словом, можно сказать, что акцент преподавания делается не на язык как систему, а на речь. Однако речь всегда ситуативна, ситуация же, в свою очередь, определяется местом и временем, особенностями аудитории - партнеров по общению, целью общения и т.д. Чтобы адекватно решать задачи общения в каждом конкретном случае, помимо лингвистической компетенции нам необходима межкультурная компетенция.

Процесс овладения языком в учебных условиях является предметом исследования психологов, психолингвистов, лингвистов, методистов. Но надо учитывать, что к осмыслению этого процесса нельзя подойти лишь с позиции той или иной отдельной дисциплины. Это значит, не получить полной картины, показывающей механизм усвоения языка в учебных целях.

Таким образом, изучение языка, как родного, так и иностранного – не только личностная потребность, социальная потребность, современного окружающего мира, и проявляется в социальном взаимодействии, общении. Успешность общения зависит не только от желания говорящего вступить в контакт, но и от умения реализовать речевое намерение, которое зависит от степени владения языком и умения употреблять их в конкретных ситуациях общения. Эти условия владения языком и составляют сущность коммуникативной компетенции, которая была выдвинута в число центральных категорий коммуникативной лингвистики и лингводидактики.

Использованная литература:

1. Бердичевский А.Л., Гиниатуплин И.А., Лысакова И.П., Пассов Е.И. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. Москва, 2011.

2. Пассов Е.И. Общевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Страсбург, 2001.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва, 2008.

Asmat Ardzenadze (Georgia)

**FORMATION OF INTERCULTURAL COMPETITION IN THE
TEACHING OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE**

Summary

In the modern world learning of foreign language involves to form second persona lingua that means adequate social interaction and communication in terms of intercultural communication. The above mentioned can be implemented only by three interrelated and inter conditioned aspects: linguistic, cultural, and cognitive.

**TEACH AND LEARN ENGLISH IN A NATURAL WAY:
APPLICATION OF TAPESTRY METHOD/APPROACH IN TE-
ACHING ENGLISH TO ARTS STUDENTS**

In the United States, Krashen's (1982) theory of second language acquisition has influenced the development of integrated instruction at all levels. Krashen suggests that a second language is most successfully acquired when the conditions are similar to those present in first language acquisition: that is, when the focus of instruction is on meaning rather than on form; when the language input is at or just above the proficiency of the learner; and when there is sufficient opportunity to engage in meaningful use of that language in a relatively anxiety-free environment. This suggests that the focus of the second language classroom should be on something meaningful, such as academic content, and that modification of the target language facilitates language acquisition and makes academic content accessible to second language learners.

Cummins (1981) argues that individuals develop two types of language proficiency: basic interpersonal language skills and cognitive academic language proficiency. He suggests that these two types of proficiency vary according to the degree of context available to the individual and the degree of cognitive challenge of the task. Social language can be acquired in 1 to 2 years, but the level of proficiency needed to read social studies texts or solve mathematics word problems can take 5 to 7 years to develop (Collier, 1987).

Integrated language and content instruction offers a means by which English as a second language (ESL) students can continue their academic or cognitive development while they are also acquiring academic language proficiency. It also offers a means by which foreign language students can develop fuller proficiency in the foreign language they are studying. In foreign language or two-way bilingual immersion programs, in which a portion of the curriculum is taught through the foreign language, some type of integrated language and content instruction appears to be essential.

There are many names for more or less the same method/approach to Second Language Teaching: Content-Based Instruction, Sheltered Subject Matter Teaching, Sheltered Instruction, Language Across the Curriculum, and Tapestry Method.

CONTENT-BASED LANGUAGE INSTRUCTION. In this approach--also called integrated language and content instruction-ESL, bilingual,

or foreign language teachers use instructional materials, learning tasks, and classroom techniques from academic content areas as the vehicle for developing language, content, cognitive, and study skills. The second language is used as the medium of instruction for mathematics, science, social studies, and other academic subjects. Instruction is usually given by a language teacher or by a combination of the language and content teachers.

SHELTERED SUBJECT MATTER TEACHING. This approach involves adapting the language of texts or tasks and use of certain methods familiar to language teachers (demonstrations, visuals, graphic organizers, or cooperative work) to make instruction more accessible to students of different English proficiency levels. This type of instruction is also called sheltered English or language-sensitive content instruction and is given by the regular classroom or content teacher, or by a language teacher with special expertise in another academic area (Brinton, Snow, & Wesche, 1989).

SHELTERED INSTRUCTION. Here, a content curriculum is adapted to accommodate students' limited proficiency in the language of instruction. This model was originally developed for elementary foreign language immersion programs to enable some portion of the curriculum to be taught through the foreign language (Genesee, 1987). It is commonly used in immersion and two-way bilingual programs (Met, 1991) and has been adapted for use in second language programs with large numbers of limited English proficient students of intermediate or advanced English proficiency.

LANGUAGE ACROSS THE CURRICULUM. This is the name given to content-centered instruction that involves a conscious effort to integrate language instruction into all other curricular offerings. This may include the development of integrated curricula and some kind of paired or team teaching.

The TAPESTRY metaphor is used in connection with second/foreign language teaching in several aspects:

- 1) Language teaching is as various and complicated as creating rugs.
- 2) The cultures of immigrant English learners are as various and as interwoven as threads' colors in carpets
- 3) While weaving tapestry (or doing any other practical/professional activity) the target language is used for professional communication, not academically.

Weaving a tapestry is one way to describe the teaching and learning in an integrated curriculum. Integrated curriculum has a long history in education movements: "The idea that curriculum should be taught from a holistic perspective with a child-centered approach had been

proposed by some of the pioneers in early childhood education. The original advocate in the United States was John Dewey” (Wortham 1996, 328). Dewey encouraged active learning and meaningful, authentic activities and articulated the many benefits of considering activities and subject matter equally (Wolfe 2000). This approach made sense then and continues to be relevant today. Typically, the term *integrated curriculum* refers to an approach to teaching that ties multiple subject areas (for example, math, literacy, the arts) to a central theme.

“Beautiful tapestries have been woven throughout the world through thousands of years. The oldest examples appeared in Egypt around 1400 BC. During the Middle ages in Europe tapestries hung on the walls of churches and castles. We still see them nowadays in elegant, modern homes and historical buildings. Learning a language is very much like weaving a tapestry.

Both language learning and weaving include developmental processes. In developing their second/foreign language ability, language learners weave various threads – vocabulary, grammatical structures, and discourse features – to create the proficiency in the four skills – reading, writing, speaking and listening. Similarly, in developing their tapestries, skilled weavers work their colored yarns into shapes and patterns.” (Scarcella, Oxford, 1992)

The rapid increase in the Asian American population was driven by an immigration made possible by the Immigration Act of 1965 that ended the national-origins quota system. Between 1951 and 1960 Asians accounted for a mere 6 percent of immigrants to the United States, but between 1981 and 1989 they made up 42 percent of the total (Asian, 2012). The term “Tapestry Method/Approach” came into application when immigrants (mostly Asian) to the USA mastered English not in a classroom, but in the tapestry producing shops where they had to communicate with their employers and other superiors. In the process of weaving rugs they had to understand orders and to ask questions, express requests, etc. Thus, a second language was mastered through practical (occupational) activities.

We think that the term “Tapestry Method” is the most adequate for teaching Art students, as it uses a metaphor connected with art. By integrating the arts and art-making into English language teaching and learning, students (especially students majoring in Arts) will develop and deepen their understanding of their own and others’ human experience. The art conveys what it means to be human, challenge the intellect

and provide rich experiences in analysis, exploration, reflection, observation, imagination, experimentation, and communication.

“The arts are an integral part of authentic learning; the heart and soul that complement mind and body, a powerful integrative force that teaches the whole child—social, creative, emotional, intellectual, and physical” (Le Francois, *Psychology for Teaching*, pg. 499).

Motivation of learning English by the tapestry approach is connected with professional motivation, students can improve professionally and simultaneously practice their English. Drawing classes where the teacher comments on what students are doing in English (if arts teacher doesn't know English, probably, s/he could cooperate with the English teacher) is one variant of such teaching. Another variant is students holding “master classes” of something they are very successful in. International guests (artists) may hold master classes to arts students without any translation traditionally involved – to stimulate them understand professional language in practical use.

Taking university international guests on an excursion around the city is a good idea for architecture students, while taking them to an arts museum or to a studio of a famous painter/sculptor – for arts students. Students can present their works (paintings, sculptures, movies) and tell the history of their creation, the ideas embedded in them, etc. Discussions of such presentations during viewing, and post-viewing, and using open-ended questions and connections to students' own experience will enable students to become critical viewers and thinkers.

Students' painting and photo galleries can invite all kinds of guests, including international one (to make the application of English natural). Having professional electronic journals in English dealing with art (written by students) at the faculty does not cost a penny to a university, but may be exciting for the students and help them advertise what they create. Such journals can help popularize national arts as, being written in English, they may be interesting for people all over the world.

Students can have arts clubs where international guests not only might speak to them, but might decide to become their sponsors or purchase their products. Students may decorate their faculty/university with their works accompanied with inscriptions in English. These works may also make part of university web-site (its English variant – texts written by students).

Students may help their lecturers create educational materials – illustrating them, creating posters with educational value, etc. Taking into consideration contemporary technologies, students can be engaged in

creating contemporary works of arts which may be professionally especially interesting for them.

Tapestry classes when students speak about something dealing with their profession what they are really doing will make these activities authentic and will link the classes with students' personal experiences. The classes will be more individualized than ever. The arts naturally lend themselves to multicultural and visual teaching and learning, which enhance LEP/ELLs access to language acquisition and cross-cultural education.

Tapestry teaching will not demand any additional equipment at arts academies of faculties as students will use their already equipped for professional courses classroom.

The teaching of visual arts English as a second language is naturally symbiotic. Art experiences can provide avenues for students to use "creative and meaningful language" in "authentic exchanges," and the language skills of reading, writing, listening and speaking greatly motivate and enhance students' artistic development. Visual arts educators can incorporate the reading of literature, news articles and textbooks; writing assignments such as journal entries, artist statements and research papers on art topics, artists and art periods; discussions revolving around aesthetics, art history and critiques; and oral presentations on artists and students' own work.

The work of artist and teacher Tim Rollins and his students serves as an excellent inspiration and model for an integrative arts and ESL curriculum. In 1982, while working as an art teacher in a junior high school in the South Bronx, Tim Rollins founded the Art and Knowledge Workshop, an alternative after-school program for students with learning difficulties. The workshop was designed to encourage a greater interest in literature, and for one of the first projects, Rollins had his students draw at their desks while he read aloud George Orwell's *1984*. All of the students had copies of the book; one misunderstood the instructions and drew directly on the pages. The creative possibilities of placing images over text excited the class, so they applied the pages of the entire novel to a canvas and began working in concert on a large scale composition (Art, 2010).

Tapestry approach permits to join language learning to some other courses studied at university, besides professional courses (such as history). Students can help lecturer to create educational materials in these courses, using their professional skills (collages, etc.).

Conclusion

We believe, based on the analysis above that tapestry method of English language teaching is a very good idea for art students, as it is

- authentic
- active
- intellectually adequate (available)
- cross-disciplinary
- motivating
- creative
- visual, thus, corresponding to the dominating type of intelligence of arts students
- innovative and thus exciting
- culturally relevant
- growing students' self-esteem
- contributing to students professional development as well as communicative skills
- personalized

References:

1. Art as a tool for teachers of English Language Learners. The New York State Education Department. Office of Bilingual Education and Foreign Language Studies. Retrieved October 19, 2012 from http://www.p12.nysed.gov/biling/docs/Art_as_a_Tool-for_Teachers.pdf
2. Asian American. (2012). Retrieved October 19, 2012 from <http://www.answers.com/topic/asian-american>
3. Brinton, D.M., Snow, M.A., & Wesche, M.B. (1989). Content-based second language instruction. New York: Harper & Row
4. Collier, V.P. (1987). Age and rate of acquisition of second language for academic purposes. *TESOL Quarterly*, 21, 617-641
5. Cummins, J. (1981). The role of primary language development in promoting educational success for language minority students. In *Schooling and language minority students: A theoretical framework*. Los Angeles: California State University, Evaluation, Dissemination, and Assessment Center
6. Genesee, F. (1987). *Learning through two languages: Studies of immersion and bilingual education*. Cambridge, MA: Newbury House
7. Krashen, S. (1982). *Principles and practice in second language acquisition*. Oxford: Pergamon

8. Met, M. (1991). Learning language through content; learning content through language. *Foreign Language Annals*, 24, 281-95
9. Narowsky, M.L. (2006). Tapestry: Weaving language arts and social studies into a cohesive whole. Retrieved October 19, 2012 from <http://www.yale.edu/ynhti/curriculum/units/2006/3/06.03.06.x.html>
10. Scarcella, R.C. & Oxford, R.L. (1992). *The Tapestry of Language Learning. The Individual in the Communicative Classroom*. Heinle: Boston
11. Wolfe, J. 2000. *Learning from the past: Historical voices in early childhood education*. Alberta, Canada: Piney Branch Press
12. Wortham, S. 1996. *The integrated classroom: The assessment-curriculum link in early childhood education*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall

Гульнара Горгиладзе (Грузия)

**Натуральное изучение и обучение языкам: применение
„метода ковроткачества“ в обучении АЯ студентов
художественных специальностей**

Резюме

Статья рассматривает применение „метода ковроткачества“ в обучении английскому языку студентов художественных специальностей. Метафора „ковроткачество“ используется в связи с преподаванием второго/иностранного языка в нескольких аспектах: преподавание языка столь же разнообразно и сложно, как создание ковров; культуры иммигрантов, изучающих английский язык, столь же разнообразны и переплетены между собой, как разноцветные нити в ковре; а также в процессе ковроткачества (или другой практической/профессиональной деятельности) изучаемый язык применяется для профессиональной коммуникации, а не академически. Этот метод признается мотивированным, коммуникативным и профессионально полезным. Интегрируя искусство и художественное ремесло в преподавание английскому языку и его изучение, студенты (особенно студенты художественных специальностей)смогут развить и углубить свое понимание роли собственного и чужого опыта.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ СОВМЕСТНОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Новая педагогическая парадигма, реформирование системы образования диктуют настоятельную необходимость поиска новаций в сфере развития познавательных интересов учащихся. Анализ внедрения рекомендаций педагогической науки в практику школьного образования (новое содержание учебных программ, использование новейших информационных технологий и т.д.) показывает, что формирование познавательных интересов учащихся занимает значимое место в работе школ. Целый ряд работ, вышедших в последние годы по вопросу внедрения педагогических технологий (В. Беспалько, М. Кларин, В. Пятин, Г. Селевко, И. Басиладзе, Н. Чохонелидзе, Н. Костава, Ц. Гордезиани, Н. Гамкрелидзе и др.) убедительно свидетельствуют о прогрессивности их в плане активизации и интенсификации деятельности учащихся, дидактического усовершенствования и реконструкции учебного материала. К сожалению, не получила еще широкое применение в школах технология совместной учебной деятельности. Во многом это объясняется тем, что учителя в своем большинстве незнакомы с методологическими основами этой технологии (ее сущности, форм организации, структуры коллективной деятельности, классификации ее видов).

Особо надо отметить, что ценности складывающейся прогрессивной педагогической парадигмы (гуманизация, взаимодействие участников образовательного процесса, субъективные отношения, личностный подход) в значительной мере проявляются в совместной деятельности.

Леонид Выготский в свое время отмечал, что ход развития высших психических функций существенным образом связан с основной формой коллективной социальной деятельности детского сознания. Он возводил это положение в ранг закона, по которому высшая психическая функция появляется в процессе развития поведения дважды: сначала как функция коллективного поведения, как форма сотрудничества или взаимодействия, как средство социального приспособления, что есть как категория интер-

психологическая, а затем вторично как способ индивидуального поведения ребенка, как средство личного приспособления, как внутренний процесс поведения, т.е. как категория интрапсихологическая.

Индивидуальные формы поведения вырастают на основе коллективных форм сотрудничества. Воспитанник переносит на себя те формы сотрудничества, которые усваивает в процессе взаимодействия с окружающей социальной средой. В не общественных связей и отношений индивидуальная деятельность просто не может существовать. Это относится не только к производственной деятельности, но и ко всем другим ее видам, а именно: познавательной (учебной, исследовательской), игровой.

Теория и история педагогики полна многочисленными примерами поиска новых форм обучения: бригадный метод как модернизация "Дальтон-плана" на основе группового метода организации выполнения задания; метод работы учащихся в динамических (изменяющихся по составу) учебных порах как вариант взаимного обучения учащихся друг друга после инструктажа педагога; метод проектов (практических заданий) и других. Авторы этих новшеств исходили из того, что сотрудничество как наилучший тип отношений в совместной учебной деятельности может возникать только в условиях взаимного согласования индивидуальной деятельности каждого участника образовательного процесса. Не менее важным является вывод, что при совместной деятельности создается своеобразный общий фонд информации, которым пользуется каждый ученик. Существенно обогащается в условиях совместной деятельности обратная связь (И. Басиладзе, Н. Чохонелидзе, Н. Костава 2011:5).

Одним из первых в мировой психологической науке начал экспериментальные исследования особенностей поведения человека в условиях группового взаимодействия В. Бехтеров. В его исследованиях главной задачей ставилось создание ситуации активного непосредственного взаимодействия испытуемых в группе в процессе взаимной деятельности, изучение влияния взаимодействия членов группы на результаты совместной деятельности. На основании полученных данных был сделан важный вывод о том, что группа превосходит отдельно взятого индивида по продуктивности большинства психических процессов: внимания, памяти, мышления В.Бехтеров писал, что лучшая

творческая деятельность достигается путем совместного труда, выполняемого при участии коллективного и индивидуального ума, из которого первый принимает на себя подготовку и обработку материала, в торой же – критику, пополнение, обогащение. Был установлен факт выравнивания развития группы в процессе совместной деятельности, причем это выравнивание идет не по нисходящей, как у Олпорта, а по восходящей: "уравнивание происходит вверх, улучшая слабых, а не вниз, в смысле ухудшения сильных".

В настоящее время групповую эффективность исследуют Б. Ломов, Л.Уманский, Р.Немов, как функцию множества социально-психологических и структурно-функциональных переменных: особенности индивидуально-психологического состава группы, стиль лидерства, влияние на групповую эффективность межличностных отношений и др. Изучение психологами особенностей протекания познавательных процессов и решения познавательных задач в условиях совместной деятельности позволило сделать вывод о большей эффективности коллективной деятельности по сравнению с индивидуальной. Так, Б. Ломов, анализируя результаты, полученные при исследовании перспективных и мыслительных задач в условиях общения, отмечает, что в условиях общения имеет место взаимная коррекция знаний. Общение оказывает различное влияние на сильных, средних и слабых учащихся. Особенно эффективно оно влияет на средних учащихся. Они поднимаются до уровня сильных (Ломов 1984:34).

Л.Уманский предпринял попытку выделить основные формы организации совместной деятельности в контактной группе. Таких форм три:

1. совместно-индивидуальная, при которой все члены вносят равный вклад в решении общей задач, но в ходе осуществления ее они не зависят друг от друга (действуют рядом, но не вместе).
2. Совместно-индивидуальная, при которой может наблюдать сочетание четко ограниченных индивидуальных задач и общегрупповой цели, т.е. можно говорить об определенном уровне интеграции, а не о простой сумме дел членов группы.
3. Совместно-взаимодействующая, при которой осуществляется взаимодействия членов группы так, что невыполнение хотя бы

одним членом своих функций приводит к срыву выполнения группового задания.

Л. Уманским был сделан вывод о том что совместная деятельность влияет на отношения учащихся, и что интенсивность упрочения межличностных отношений идет по линии возрастания от совместно-индивидуальной совместно-взаимодействующей формы организации совместной деятельности.

Р. Немов, исследуя влияние на личность коллективно-кооперативной формы организации деятельности отмечая, что это форма увеличивает возможность мобилизации интеллектуальных, физических и эмоциональных ресурсов группы, улучшает возможность восприятия, оценки и переработки групповой разнообразной информации. (Немов 1994: 37).

Большой вклад в исследование педагогических аспектов влияния особенностей совместной учебной деятельности школьников на ее эффективности внесли работы М. Виногородовой, И.Первина, Х.Лейметса, А.Мудрика, Л.Новиковой. Исследованию влияния форм организации совместной деятельности старшеклассников на формирование отдельных групповых свойств классных коллективов посвящены работы А.Пашкова и В.Тарантея.

В данных работах, выполненных в русле педагогики изложены результаты экспериментального изучения формирования отношений ответственной зависимости и некоторых элементов социально-психологической готовности старшеклассников к труду в познавательной деятельности. Влияние особенностей организации познавательной деятельности на психологический климат в группе исследует С. Якобсон. Результаты ее опытов показывают, что взаимоотношения выступают в данном случае в роли средства воздействия на участников деятельности с целью заставить каждого работать с нужной тщательностью.

Следует отметить, что во всех указанных исследованиях авторами вкладывается разный смысл в понятие совместной деятельности. Деятельность в контактных группах одни исследователи называют совместной, другие - групповой, некоторые - коллективной. Иногда в одном исследовании можно встретить все эти понятия, обозначающие одну и ту же деятельность.

На наш взгляд, следует дифференцировать эти понятия. Любая деятельность можно отнести либо к индивидуальной, либо к

совместной. Совместная деятельность характеризуется непосредственным общением и взаимоотношениями, опосредованными ее содержанием. Совместная деятельность по сравнению с индивидуальной имеет только ей присущие особенности, которые придают ей богатое психическое содержание. В процессе совместной деятельности формируется и усваиваются своеобразные, наиболее экономные способы обмена информацией, приемы по координации действий, становится более высоким уровень их регуляции.

В совместной деятельности проявляются самые разнообразные образцы, которые могут выступать в качестве объекта для подражания. В процессе деятельности проявляется такой феномен как эмоциональное взаимозаражение, влияющее на ее качество. Для нее характерно сотрудничество, соперничество и их разнообразные сочетания, различный характер межличностных отношений. Содержание совместной деятельности определяет характер, формы и способы общения между ее участниками.

Исследованиями психологов установлена взаимосвязь между типом межличностных отношений и характером совместной деятельности учащихся. При этом выяснено, что сотрудничество как наилучший тип отношений в совместной деятельности может возникнуть только в условиях взаимосогласия индивидуальной деятельности каждого его участника (Н.Нижарадзе, К.Маклеин, Т.Болл, Н.Гогичадзе, Т.Лодия 2008: 59).

М.Виноградова и И.Первин выделяют четыре организационные формы коллективной познавательной деятельности с учетом характера межличностных отношений, к образованию которых эти формы приводят:

В основе первой лежит простая работа в коллективе по обмену информацией между отдельными членами коллектива, когда один дополняет и корректирует знания другого. Связи в процессе такой деятельности носят ассоциативный характер. Сам факт присутствия в коллективе, возможность неформального надзора за деятельностью, сопоставление своей активности с активностью других и невольная ориентация на господствующие в коллективе ценности создают психологическую атмосферу, которая оказывает на учащихся определенное воздействие. Между нами устанавливается довольно обширная сеть связей и зависимостей, усиливающих самооценку ученического коллектива.

Ко второй группе форм организации познавательной деятельности авторы относят различные виды групповой работы, в процессе которой коллективистские связи и отношения возникают как между школьниками, членами одной группы, так и между группами классного коллектива. Это форма организации познавательной деятельности предлагает общую цель, известное разделение труда, взаимную зависимость и контроля за собственной деятельностью.

К третьей группе относятся такие организационные формы, при использовании которых классный коллектив выступает как единое целое в познавательном процессе. Межгрупповая деятельность сохраняет все признаки групповой работы, не выходит за ее рамки, создавая более сложные, чем в групповом общении, связи и зависимости между группами.

Четвертая группа форм связана с такой дополняющей учебный процесс познавательной деятельности учащихся, которая дает возможность, опираясь на индивидуальные интересы и потребности отдельных учащихся, включать их непосредственно или опосредованно (через различные объединения) в систему познавательных отношений школьного коллектива. Это различные виды внеклассной познавательной работы, проводимой предметными кружками, клубами и т.д.

Таким образом, технология совместной учебной деятельности характеризуется многообразием содержания и структуры, а также форм взаимодействия, межличностных отношений и общения. Она создает благоприятные условия для реализации возможностей школьника, проявления его индивидуальности, формирования субъектной позиции, так как вызывает дополнительные социальные стимулы учебной деятельности и общения.

Литература

1. Басиладзе И., Чохонелидзе Н., Костава Н. 2011: Интерактивные методы обучения и учения. Кутаиси.
2. Выготский Л. С. 1984: Детская психология, в //6 т. собр.соч.т.4. М.

3. Карпенко Л.А. 1988: Критерии и методы оценки эффективности групповых форм обучения// индивидуальность педагога и развитие личности школьника. Даугавпилс.
4. Ломов Б.Ф.1984: методические и теоретические проблемы психологии, М.
5. Нижарадзе Н., Маклеин К., Болл Т., Гогичадзе Н., Лодия Т. 2008: Научная и профессиональная среда в школе. Тб.
6. Немов Р.С. 1994: Общие основы психологии. М.
7. Садыкова Н.У., Савина Ф.К. 1998: Технология совместной учебной деятельности обучающего и обучаемых// Основы разработки педагогических технологий и инновации. Астрахань.

Lia Inaishvili (Georgia)

METHODOLOGICAL FOUNDATION CO-CURRICULAR ACTIVITIES

Summary

Relying on the Modern research of teaching problems in education, the essence of technology co-curricular activities, characterized by a variety of structures and content, as well as forms of interaction, interpersonal relationships and communication. It creates the best conditions for the realization learning opportunities, the manifestations of his personality, the formation of personal position.

*Майя Киквадзе,
Лиле Тандилава (Грузия)*

ВОПРОСЫ ИНТЕНСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ГРУЗИНСКОМУ ЯЗЫКУ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СТУДЕНТОВ

В рамках обмена студентами между Батумским государственным и Нахичеванским государственным университетами в БГУ обучаются студенты из Азербайджана в течение одного семестра. Согласно плану, они должны изучить в кратчайшие сроки грузинский язык (10 кредитов-100 часов), что подразумевает ежедневные интенсивные занятия. Естественно, это требует максимальной нагрузки, как от преподавателя, так и от студента. Параллельно, им приходится изучать основные предметы специальности и ещё русский язык.

Программа обучения грузинскому языку неоднократно становилась предметом обсуждения, но в данном случае, дело обстоит сложнее: в 3-4 месяца этих студентов следует обучить грузинскому языку так, чтобы они овладели достаточным лексическим запасом, изучили морфологические и синтаксические правила, могли использовать языковые формы согласно ситуации, входили в коммуникацию (письменную и устную), умели составлять простой текст, вступать в дискуссию и сформулировать свою мысль. (Особая сложность состоит в том, что эти студенты не знают ни грузинского, ни русского языков). Думаем, что выход был найден путём включения языка посредника, в данном случае турецкого как родственного, азербайджанскому языку. В нашем университете уже много лет обучаются студенты из Турции, для которых разработана программа обучения грузинскому языку, именно эту практику мы применили при обучении грузинскому языку азербайджанских студентов.

В процессе обучения грузинскому языку надо обратить особое внимание на сходства и различия, которые существуют между обучаемым и родным языками, особо надо выделить характерные для грузинского языка формы. В процессе билингвического образования необходимо учитывать языковые и структурные особенности обоих языков, фонетические, морфологические и синтаксические нюансы. (Бепиева 2011:42).

Грузинский, как и турецкий, агглютинативный язык. Общеизвестно, что значительную часть грамматики грузинского языка составляет глагол. Сложность грузинского глагола в его многоличности. С одним и тем же глаголом может соотноситься и первое, и второе, и третье лицо. Разобраться в этом трудно и азербайджанским и турецким студентам. В их языках субъект I, II и III серии стоит в именительном падеже. Исходя из этого, считаем эффективным, обучение лицу и числу параллельно с обучением синтаксиса, в частности:

1. В предложении, в котором сказуемое выражено глаголом одного лица:

а) подлежащее активно :bavšv-i titi – s, gogo -0 mγYeri – s
çocuk ađlıyor kız şarkı soylıyor

-будущее время: bavšv-i itireb – s, gogo -0 imγYereb – s
çocuk ağlayacak kız şarkı soylecek

-прошедшее время: bavšv-ma itir – a, gogo -m imγYır – a
çocuk ağladı, kız şarkı soyledi

сослагательное наклонение, настоящее будущее время:
bavšvm-a itiro – s, gogo -m imγYero – s

в турецком повелительное наклонение:

çocuk ağlasın, kız şarkı soylesin!

-прошедшее время bavšv-s uitiri – a, gogo -s emγYeri – a
bavšv-s etir – a, gogo -s emγYer – a

сослагательное наклонение, будущее время:

bavšv-s etiro – s, gogo -s emγYero – s

çocuk ağlamış, kız şarkı soylemiş

çocuk ağlamıştı, kız şarkı soylemişti

çocuk ağlasın! kız şarkı soylesin

б) подлежащее активно, оно стоит в именительном падеже :

настоящее время: gazet^h - I ibek^hdeb – a, çai -0 duγ –s,
gazette yayınlıyor çai kaynıyor

будущее время: gazet^h - I daibek^hdeb – a, çay -0 aduγdeb –a,
gazette yayınlanacak çay kaynacak

прошедшее время: gazet^h - I daibek^hda, çai -0 aduγdeb –a,
gazette yayınlandı çay kaynadı

сослагательное наклонение, настоящее будущее время:

gazet^h - I daibek^hdos, çai -0 aduγde –s,

gazette yayınlansın! çay kaynasın!

прошедшее время: gazet^h - I dabek^hdilia, çai -0 aduɣebuli –a,
gazette yayınlanmış çay kaynamış

сослагательное наклонение, настоящее будущее время:

gazet^h - I dabek^hdılıg'o - s, çai -0 aduɣebulig'o –s,
gazette yayınlansın! çay kaynasın!

2. В предложении, в котором сказуемое выражено двухличным или трёхличным глаголом, подлежащее активно:

а) оно стоит в именительном, повествовательном и дательном падежах.

Это комбинации подлежащего и дополнения со значением объекта с переходным глаголом.

В частности, в первой серии, настоящего и будущего, с переходным глаголом согласованное подлежащее в именительном падеже, прямое дополнение- в дательном, во второй серии, в прошедшем и будущем - подлежащее в повествовательном, дополнение в именительном падеже, в третьей серии, в прошедшем и будущем, подлежащее в дательном падеже, дополнение -в именительном. Эргативные конструкции характерны для грузинского языка, поэтому мы должны обучать азербайджанских студентов глаголу и категории времени исходя из этих особенностей (v - c'er, da – v - c'er: me – student mas- davaleba – s – первая серия;

Da -v - c'ere, da -v - c'ero: me-studentma is-davaleba -0 –вторая серия;

da –m- ic'eria, da -m - ec'era: me-student-s is- davaleba -0, da -m - ec'eros: me-student-s davalba -0 –третья серия).

В процессе обучения грузинскому языку следует учитывать особенности гендерного восприятия услышанного. Среди азербайджанских студентов есть одна девушка. Исходя из наших наблюдений, восприятие текста и включенность в образовательный процесс девушки выше, чем парней.

В кратчайшие сроки обучения, исходя из практического опыта, можно использовать метод от простого к сложному в следующих аспектах: слушание и говорение, чтение и письмо, устная коммуникация, лексика и стратегия чтения.

Путь от простого к сложному используем следующим образом: предлагаем студенту одно опорное слово , однословное предложение превращают в двух, трех, четырех или более сложные

предложения: c'vims- dyes c'vims- dyes ჳlierad c'vims - dyes dilidan ჳlierad c'vims;

t^h amašobs – bavšvi t^h amašobs - bavšvi burt^hs t^hamašobs – mezoblis bavšvi burt^hs t^hamašobs - mezoblis bavšvi ezoši burt^hs t^hamašobs. vc'er – me vc'er – me davalebas vc'er – dyes me davalebas vc'er – dyes me megobart^han ert^had davalebas vc'er;

Обучение именам и глаголам, предлогам и наречиям -один из значительных моментов в процессе обучения грузинскому языку иноязычных студентов. Грузинские послелого обозначают направление и место действия (saxl –ši, ezo –ši, čant^ha –ši). Трудность вызывает послелог - ღო. В азербайджанском, как и в турецком, при использовании послелога-ღო в целях избежания трудностей употребления необходимы разъяснения. В частности:

А) дательный падеж:

Okul- a, ev –e, skola-ši, saxl-ši; okul-a gidiyor, ev-e gidiyor; skola-ši midis, saxl-ši midis. Выражено направление.

Б) местный падеж:

Okul-da, ev-de, skola –ši, saxl-ši;

Okul-da yim, ev-de yim, sola-ši var, saxl-ši var. Выражено месторасположение.

В грузинском языке между формами «saxlši mivdivar» (направление) и «saxši var» (место действия) нет внешних различий, а в турецком предложные формы отличаются как внешне, так и функционально (okul-a, ev-e); турецкие послелого dan-den в грузинском передаются формами ღებ/ღებ (evden çıktım *saxlidan gamovedi, annemden hediye aldim –dedisgan sačuk^hari mi-viye.); турецкий kadar передается грузинским -ღჳჳ; отличие в том, что в турецком при послелого kadar имя употребляется в дательном падеже ,а в грузинском послелог -ღჳჳ употребляется с формой обстоятельственного падежа. В турецком и грузинском языках одинаково рассматривается вопрос о порядке слов. Если в предложении есть обстоятельство, то предложение должно начинаться обстоятельством: dyes kargi amindia; bugün have güzel.

В грузинском языке в большинстве случаев сказуемое находится в конце предложений , аналогично обстоят дела и в турецком языке: dyes kinoši mivdivar; bugün sinemaya gidiyorum.

Рассматриваемая нами проблема конечно же не может быть решена в нашей статье. Работа в этом направлении требует более глубокого и основательного исследования, что необходимо при интенсивном обучении грузинскому языку иностранных студентов.

Maia Kikvadze, Lile Tandilava (Georgia)

ABOUT INTENSIVE TEACHING COURSE OF GEORGIAN FOR AZERBAIJANIAN STUDENTS

Resume

The aim of Intensive Teaching Course of Georgian is to acquire the language peculiarities in a very short period of time. It means to enrich vocabulary with new lexemes, to study some morphological and syntactic patterns of Georgian and to develop fluent oral and written speech.

In order to make the teaching process easy for Azerbaijanian students, it is desirable to use Turkish (kindred to Azerbaijanian) as a language medium. So, while bilingual teaching one should take into consideration structural, verbal, phonetic, morphological and syntactic peculiarities of both languages.

**ВНЕДРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА В СФЕРУ
ВОСПИТАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ ГРУЗИИ**

*«Демократия не будет существовать
без демократически мыслящих людей»
Томас Джефферсон*

Одним из основных целей современного этапа государственной и национальной истории Грузии является переход к европейскому мировоззрению. Решить эту задачу только внутренними ресурсами очень трудно. К сожалению, в Грузии явно проявляется дефицит навыков, неизбежных для сохранения и управления национальным государством. Более того, Грузия переживает адаптационный кризис – поведенческие модели населения (унаследованные от советского периода) не соответствуют новым реалиям: окружающая среда и факторы ее влияния на индивида и на общество изменились.

Еще в 50-е годы XX века начавшаяся полная отчужденность от коммунистических ценностей закончилась лишь в 70-е годы.

Но в посткоммунистической эпохе еще не сложились те ценности, которые бы осуществили мечту основателей грузинской педагогической мысли – Ильи Чавчавадзе и Иакоба Гогебашвили – воспитать «нового грузина».

«Грузия еще остается примером культуры, ориентированной только на малые группы (семья, родственники, соседи). Общественные обязанности часто остаются на словах. Если мы хотим построить независимое, демократическое, правовое государство и гражданское общество, наше поведение должно выйти за рамки семьи, родни и соседей. И общество должно будет состоять из свободных, независимых, культурных, гуманных, ответственных личностей и граждан, защищающих свои позиции, права и честь» - читаем в книге «Активное гражданство» (Бегиашвили, Бостоганашвили 2007: 8).

Безопасный и успешный путь Грузии к евроструктурам существенно зависит от современного образования грузинского

общества, особенно молодежи. Образование является ключевой сферой деятельности для достижения этих целей и признана одной из основ демократии.

«Ни один человек не рождается хорошим гражданином, ни одна страна не рождается демократической. Скорее, и тот, и другой случаи представляют собой процесс развития, длящийся в течение всей жизни. Молодые люди должны быть включены в этот процесс с момента рождения» - эти слова Кофи Аннан произнес на Первой Всемирной конференции министров по делам молодежи в Лиссабоне в 1998 году (Компас 2002: 386).

Единообразное общество с общими ценностями ушло в прошлое. Исторически государственное образование всегда было инструментом для тех, кто находились у власти, для того, чтобы утвердить определенные ценности в умах своего населения. В демократических обществах те ценности, которые мы хотим передать молодым поколениям, разрабатываются и поддерживаются открыто.

Данная статья посвящена в основном таким ценностям, как демократия, права человека и уважение к разнообразию, и тому, как эти ценности проявляются в школе в формальном и неформальном контексте. «Сегодня много внимания уделяется достижениям учащихся в учебе, но мы не должны забывать о другой важной роли образования: оно призвано распространять ценности и социальные навыки, являющиеся условием для мирного сосуществования в современном обществе,двигающемся на пути к глобализации» - читаем в книге Элизабет Бэкман и Бернарда Траффорда «Демократическое правление в школах» (Бэкман, Траффорд 2007: 48).

Гражданство представляет собой сложную многомерную реальность, которая должна быть поставлена в политический и исторический контекст. Нельзя говорить о гражданстве абстрактно, потому что это понятие имеет смысл только в отношении реальных нужд общества или политической системы. Демократическое гражданство, в частности, указывает на активное участие индивидов в системе прав и обязанностей, то есть, в демократических обществах существует много граждан». Это слова из Пособия по образованию в области прав человека с участием молодежи. Данное пособие является одним из многочисленных

учебных пособий, изданных при содействии Совета Европы (Компас 2002: 382).

Совет Европы рассматривает демократию как процесс обучения и осуществляет свою политику и деятельность в сфере образования с целью строительства более демократичного европейского общества.

Стремясь сделать образование инструментом для подготовки активных и ответственных граждан, Совет Европы разрабатывает разные проекты обучения демократической гражданственности. Цель данных проектов состоит в том, чтобы определить, какие ценности и навыки нужны людям для того, чтобы стать активными гражданами, и как они могут их приобрести и передать другим (Бэкман, Траффорд 2007: 97).

Данная статья является продолжением разработки одного из таких проектов

Совет Европы в сотрудничестве с Европейским центром Вергеланд, Министерством народного образования Польши, Центром развития образования Польши осуществляет проект «Демократия в школе». В рамках проекта ежегодно в Польше проводится Летняя Академия.

Цель проекта:

- Расширить знания участников и их понимание демократической гражданственности и образования в области прав человека;
- Ознакомить с примерами различных форм внедрения ВДГ/ОПЧ;
- Определить и содействовать развитию основных областей компетентности, необходимых всем преподавателям для внедрения ВДГ/ОПЧ;
- Представить рекомендации и руководства СЕ в сфере ВДГ/ОПЧ;
- Предоставить поддержку участникам во время проведения анализа и составления плана развития собственных школ в сфере ВДГ/ОПЧ;
- Содействовать сотрудничеству между школами и местными сообществами в Европе.

В 2011 году в проекте участвовала школа №25 г.Батуми (Грузия) совместно с Ассоциацией Преподавателей Истории в Грузии.

В рамках проекта было предусмотрено:

- Проведение Летней Академии (в Варшаву поехала команда, которая состояла из руководителя Аджарского Филиала Ассоциации Преподавателей Истории в Грузии, директора школы №25 и преподавателя истории и гражданского образования);
- На основе полученных в Летней Академии знаний и навыков, разработка общего плана действий, направленного на ВДГ/ОПЧ в сотрудничестве со всем обществом школы (ученики, преподаватели, родители, партнеры);
- Регулярная обратная связь касательно внедрения общего плана действий школы на платформе Летней Академии в режиме онлайн;
- Отчет школ, участвующих в Летней Академии, о внедрении общего плана действий школы, который будет использоваться в публикации ЕС.

Школа №25 являлась одной из успешных школ региона.

Но несмотря на успешность были и некоторые проблемы - низкий уровень сотрудничества учителей, учеников, родителей и общины со школой.

Как подключить родителей к школьной жизни? Вокруг чего их объединить? В Варшаве на Летней Академии команду обучали тому, что реализация проекта помогает, создать демократическую атмосферу в школе и вне школы – в обществе.

Надо было найти такую проблему, которая заинтересовала бы всех: детей, их родителей, учителей и общество в целом. Проблем, как выше было сказано, в школе много! Но, именно надо было найти такую, которая объединит всех.

Дирекция школы провела опрос попечительского совета, преподавателей, родителей, выпускников. Теперь самое главное: что хотят дети? Совпадают ли их цели? Задача школьного самоуправления - провести анкетирование среди учащихся.

Результаты были таковы: подавляющее большинство опрошенных (прямо или косвенно) указало на отсутствие спортивного зала и актового зала.

После оценки ситуации, определения основной проблемы, цели, выбора способа действий, задач, формулирования ожидаемых результатов, распределили обязанности и приступили к работе:

- С помощью специалистов составили конкретный перечень всех действий. Финансовое обеспечение предоставило государство;
- Была выделена группа: завхоз школы, родитель, ученик-председатель самоуправления, которые в течение всего времени наблюдали за проектом, записывали все абсолютно: трения, проблемы, достижения. Фотографировали и собирали в портфолио;
- В школе на доске объявлений каждый мог прикрепить пожелания - послания желание по поводу протекания проекта;
- Выделили «специальных корреспондентов», которые брали интервью у жителей района;
- **Рефлексивная часть проектной деятельности была самой интересной. Именно оценка помогала всем работать.** Выслушав отчет, они обсуждали ошибки и решали пути их исправления.

Параллельно не забывали и о риск-факторах:

Как привлечь общество, родителей? Для команды главное было это!!! Только одним путем: объяснить **важность их участия** в проекте. Каждый участник должен себя чувствовать главным звеном проекта. Нужно было убедить их, что настоящая гражданственность начинается в школе и что вложенные в это средства являются хорошим вкладом для всего общества. Строительство спортивного и актового залов решает проблему здорового образа жизни детей (и не только их), прекратит отсев детей из школы. Но главное: строительство поможет укрепить демократические ценности в школе, в обществе и школа станет примером демократии для других.

К счастью, команде это удалось: люди буквально «заболели» проектом! (Особенно дети!). При виде такой активности вспоминаются слова Конфуция: «Я слышу и забываю. Я вижу и запоминаю. Я делаю и понимаю».

Конечно, не все так гладко проходило на начальном этапе. Были и проблемы. Но команда их решала с помощью «Летней Академии». Тренеры все это время были на связи и консультировали их. Команде помогла многочисленная литература, привезенная из Польши.

«Упорство сильнее насилия; когда препятствий много, их невозможно преодолеть все сразу, но они поддаются одно за другими, если действовать постепенно». Слова Плутарха лучше всех объясняют ситуацию, происходящую в школе в течение всего года.

Активные старания принесли свои плоды. Вот результаты и изменения, достигнутые благодаря проекту:

1. Практическая сторона проекта была выполнена: Актовые залы (Большой и малый) были готовы для проведения мероприятий.

Дети, все до единого, были счастливы!! А главное - гордились, что они принимали участие в реабилитации залов. Учащиеся XII классов с гордостью говорили, что они оставляют младшим классам хороший результат стараний.

Радовались и учителя, особенно были довольны учителя танцев и спорта. Прибавились дети в кружке. Пришлось открывать дополнительный.

Преподаватели организовали спортивные команды по разным видам спорта.

В школе учатся профессиональные спортсмены. Если они тренировались в разные места, теперь у них есть условия для тренировок.

2. Была выполнена и главная цель:

Школа сдала экзамен по демократии.

«Такую активную школу я еще не встречала. Они очень много работают с детьми, родителями и с населением. Я не успеваю запоминать все мероприятия. Порой думаю, как они все успевают? Я часто у них бываю. Знаете, в чем их секрет? В единстве! Не смотря на то, что они очень разные, сложные, разного вероисповедания и разной национальности, у них одинаковые интересы в отношении к своей стране, к своим ученикам. Они граждане! Наша страна стоит на пути к формированию гражданского общества. Я с гордостью могу сказать, что эта школа продвинулась достаточно вперед» - пишет в своем отчете руководитель филиала Ассоциации Преподавателей истории.

Итак, каким был самый ценный опыт обучения в Летней Академии и в течении проекта?

Европейский опыт показал, как обычное хозяйственное дело, такое как ремонт школьных помещений, может стать поводом для

создания партнерства внутри школы и партнерства школы с местным сообществом для поддержки и развития демократии. Школа № 25 является прекрасным примером демократического правления в школе. В учебном процессе активно используются интерактивные методы обучения, проводятся экскурсии в разных демократических институтах и правоохранительных органах. Школа проводит публичные презентации для учеников, родителей и представителей общины

В заключении, хотим привести слова великого французского просветителя Жан-Жака Руссо: «Мы рождаемся слабыми – нам нужна сила, беспомощными – нам нужна поддержка, глупыми – нам нужен разум. Все, чего нам недостает при рождении, все что нам нужно, когда мы возмужали, мы получаем в дар от образования».

Литература:

1. М. Бегиашвили, Д. Бостоганашвили и др. 2007: Период переходящий на демократию и активная гражданственность (на грузинском языке). Тбилиси.
2. Элизабет Бэкман, Бернард Траффорд 2007: Демократическое правление в школах. Издательство Совета Европы.
3. Компас 2002: Пособие по образованию в области прав человека с участием молодежи. СЕ.

Mikeladze Madona (Georgia)

INTRODUCTION OF EUROPEAN EXPERIENCE IN THE FIELD OF EDIFICATION OF DEMOCRATIC CITIZENSHIP OF GEORGIA

Summary

This article shows the difference between a simple upgrade of the school sports hall and cooperation between the school and the local community with the aim of building an active, cohesive and democratic environment. And the most important is that, how schools use European experience in process of education of democratic citizenship in Georgia.

ФИЛОСОФИЯ

Irma Bagrationi (Georgia)

THE IDEAS OF "PHILOSOPHY OF LIFE" IN KONSTANTINE KAPANELI'S ORGANOTROPIC CONCE- PTION

It is known, that Georgian philosopher Konstantine Kapaneli (1889-1952) after creating his own original and completely new philosophical conception, discusses all phenomena of the universe and among them art as well by Organotropic formula. Aesthetic conceptions of Kapaneli is deemed interesting for research primarily because his scientific stipulations have not been given much securitization and analysis yet. Secondly, the original resolutions found to the problems yields a wide spectrum of debatable issues. What is transparent, is acknowledgement of Kapaneli as a thinker, who up-raises the universe as an aesthetic phenomenon, therefore aiming to create not only a philosophic, but also philosophic-aesthetic system.

As is generally known, Kapaneli in his scientific research: "Spirit and Idea" (1923) suggests new conception of the world perception – Organotropism. The essence of Kapaneli's approach to the issue is finding explanation to art and other aspects of existence with adaptation and accommodation with the organic and biological environment. The author cogitates the essence and form of all the subjects events or processes is pre-anticipated and pre-defined with the environment conditions, enrolling among them geographic and geologic environment. Kapaneli devoted special research – "Foundations of Social Aesthetics. Organotropism" (1925) – to the explanation of the problem and essence of art through the Organotropic spectrum. The researcher discerns links between creativity and versatile forms of art developments and social, biologic and climatic factors. "The art of different epochs and people differ as all the parts of the world, all the epochs have differences" (Kapaneli, 1989:124). Dwelling on the subject in his research further, Kapaneli advocates art is of no value itself, and it should be valued inasmuch as it serves social necessities. Subsequently, we would emphasize on one of the novelties in Kapaneli's research, what is stressed on as introduction of sociological problems into the Georgian mentality and its' cognition via Organotropism. The stipulation drives us to art perception in unison

and inseparably with the society and environment, so as the environmental approach to art should be analyzed.

In our opinion, among the representatives of "Philosophy of Life" German philosopher, founder of "Philosophy of Life" Friedrich Nietzsche (1844-1900) is the most influencing person who influenced Kapaneli's philosophical views. It is not difficult to see, that by the influence of "Philosophy of Life" the reality in Kapaneli's works is perceived as the flow of life, and all the events of culture - the specific form to perceive the completeness of life. Accordingly, life is represented irrationally. And like the "Philosophy of Life" it is characterised by special attention towards the irrational foundations of cultural-creative process, namely it adresses the myth, as the depiction of the essence of culture. To prove this, Kapaneli explains the importance of myth factors for the Greek culture. It is noted that, Nietzsche's announcement - "the existence of the universe may be proved only as aesthetic phenomenon" (Nietzsche, 1984:172) - defined mainly Kapaneli's demand of not only philosophical, but some attempt of "philosophic-aesthetic system" formation. About the latter one Kapaneli makes his first note in his monography "Spirit and Idea" and its fulfilment in his work "The Foundations of Social Aesthetics. Organotropism". As we know, Kapaneli dedicated his first philosophical letter "Nietzschean Latemotives" (1910) to the question of human existence essence. As we see from the title the author is influenced by Nietzschean philosophy. The question of life essence was primarily connected with axiological problematics, like Nietzsche had done it. As a result, Kapaneli realized that a human being should search the essence of one's being in the values, but it cleared out that from these values nothing is eternal and fulfilable. Accordingly, like Nietzsche Kapaneli concluded that the human existence has no essence.

It is interesting for us the question of the gnoseological thinking of Kapaneli, namely his idea about what can a man know about onthological creation of existence. There are some parallels with the main principle of theory of knowledge by French irrationalist philosopher, a representative of "Philosophy of Life" Henri Bergson (1859-1941) – intuitionism. According to Kapaneli's philosophy, the cognition of universe is not solid but is subjective and conforming, thus gaining objective and true knowledge about universe is impossible. According to Kapaneli this fact is also proved by entering depth of events in the cognitive process and substitution of old knowledge by the new one is understood as the negation of knowledge objectiveness. As it turns out, Kapaneli's gnoseological theory is irrationalistic as he proves that a mind cannot cognize everything. In this case the influence of

Henri Bergson on Georgian one is obvious. According to the latter Kapaneli also considers that a mind (and consequently science) cognizes lifeless universe but it cannot cognize life that “exists through time, it undergoes, continuous refreshment and creativity is its characterising feature what is hidden for the mind is visible only for the intuition” (Bergson, 1994:272).

We think that philosophical analysis of culture by Kapaneli is the result of the author’s principles of philosophical conception – the principles of Organotropism, which are carried out and spread in social life. There are many parallels between Kapanelian conception of culture and Spenglerian doctrine of historical relativism. According to a representative of “Philosophy of Life” Oswald Spengler’s main work – “Decline of the West” (1918-22) Kapaneli also considers that “history falls into a number of independent, unique “cultures”, peculiar superorganisms possessing individual fate and going through the periods of origin, efflorescence and death” (Spengler, 1987:188). According to Kapaneli, the task of “the philosophy of culture” is to understand the morphological structure of each culture, at the basis of which lies the “soul of culture”.

In 1912 K. Kapaneli published series of philosophical letters “Idea of Suffering and Poetry about Supermen in Georgian Literature” (in Russian). We are interested in the fifth and the last of these letters. Here the author analyses circumstances that generate artistic creativity (Kapaneli, 1912:#32, #38, #45). From the point of view of Georgian philosophy, just the social and economical events are not enough for explanation of artistic creativity. The feelings of an artist are of decisive importance. An artist unconsciously moves forward to “his inner desire for art” (Kapaneli, 1912:#32). Just psychological factors are those that force him for creation. “A poet creates his fictional images only by his emotions and the fuller they are expressed, the easier they may be achieved by an objective observer“. Poetry reflexes spiritual flame of a person, who always is in search and strive for something – believes K. Kapaneli and assumes that “the only possible and reliable way to investigate poetry lies through psychological analysis of poetical emotions” (Kapaneli, 1912:#38).

It is not difficult to see likeness of this viewpoint with aesthetic reflections of German philosopher, a representative of “Philosophy of Life” Wilhelm Dilthey, who believes that “significance of an artistic work is determined by the fact that life perceived in emotions is ideal and is achieved by emotional character of the reflected events” (Dilthey, 1995:165). At the same time, Dilthey assumes that “poetry stands out of other art environment by its emotional relation to the viewpoint”, since, as he believes, “the tool it

(i.e. poetry – I. B.) uses – language – makes possible lyrical expression and epical, or dramatic reflection of everything that may be experienced”. Because of it, as he claims, “viewpoint is impossible to be expressed in a work of art but it determines its inner appearance” (Dilthey, 1995:166). It is interesting to find out what caused this attitude of Dilthey.

As we know from the history of philosophy, among principles of existence of physical bodies Dilthey divides life into existence of physical bodies and human way of life, cultural and historical reality. To his opinion, human existence as a life is studied by “mental sciences” that are to be based on psychology. This general philosophical attitude of Dilthey determined his peculiar aesthetic doctrine claiming that the universal source of artistic creativity is “the context given for inner life” to an individual, i.e. something that emotional world of human “gets” on the emotional basis. By Dilthey’s opinion, source like this is hidden in every person and opens up only at manifestation of artistic ability. Individual emotions guide ideas and activities of an artist (Gilbert & Kuhn, 1999: 256-257), claims Dilthey. Philosophic-aesthetic work by Dilthey “Types of World Views or Analysis of a Human Starting from the Period of Reformation and Renaissance“ (1905), where certain artistic world views are ascribed to corresponding psychological types, was of our special interest. In the second chapter named as “Types of World Views in Poetry and Literature”, Dilthey considers that “united connection of personal feelings of each poet shapes up spirits of artistic outlook” and “types of world views like these may be seen in psalms, choruses of antic tragedies, sonnets of Dante and Shakespeare, elevated lyrics of Goethe” (Dilthey, 1995:196). The author separates four types of the artistic characters and assumes that the determining factor for them is the peculiarities of psychological constitution revealing itself in emotional relation with the outer world realities. Hence, one may say that according to aesthetic of Dilthey, type and temperament of an artist, his creative self and his subjective self are evenly placed on the same world view plane.

Here it needs to be noticed that influence of Dilthey on Kapaneli’s opinion about determining factor of the character of an artistic creativity is not accidental. The fact is that after this work by Dilthey, psychological interest to classification of artistic types came forward in art philosophy. As an example, we may name German philosopher Eduard Shpranger (1882-1963), also representative of the “Philosophy of Life” who has performed more concrete and universal analysis of individual types of artistic characters in his work “Life Forms [Psychology and Ethics of Person”,1914] (Shpranger, 1972:327). Based on our specific goal, we think that it is

worthy to notice the following circumstance: Kapaneli points out that poetic perception is individual and transfers every event around him into personal feelings. He believes that although poetic creativity is not divided into subjective and objective events, but at the same time, “expressing the objective will of the world” it “comprises the whole world in life entirety, it is aspiration for the absolute” (Kapaneli, 1912:#38). As it turns out, K. Kapaneli never put the question about the way creativity could express “the objective will of the world” and “aspiration for the absolute”, when it failed to reflect social and economical processes, because they were objective and not subjective-psychological phenomena. Naturally, he also never tried to answer this question. In this connection we agree with a Georgian philosopher Eduard Kodua in his opinion that if creativity fully excludes ability of objective expression, it would concern objective will as well as social-economical issues (Kapaneli, 1989:47). As one may see, Kapaneli excludes the second option leaving the first as possible. Nevertheless, objectivity as an argument should be the same for the both of the issues.

Our opinion is that this problem does not concern K. Kapaneli since the process of “the objective will of the world, aspiration for the absolute” to him are psychological processes that are certain predeterminations of existence of the objective world and take place in a receptive subject. Hence, “the will of the world” expressed in art is specified by the artistic individuality of an artist. This last statement of K. Kapaneli might be the reflection of tendency, which is known as relativism in aesthetics and is marked in aesthetic conception of “Philosophy of Life”. As far as we know, relativism in aesthetics means rejection of the objective matter in aesthetic sense, taste, argumentation and idea. Therefore, it means denial of existence of objective criterion for assessment of the types of artistic creativity. Aesthetic Relativism was developed by an English idealist philosopher and psychologist David Hume (1711-76). In his scientific research “On the Norm of Taste” (1742) he tried to prove that one should not debate about taste that was subjective in its meaning (Hume, 1979:189-254). The principle of relativity found its wide use in aesthetics of “Philosophy of Life”. German idealist philosophers of culture Georg Simmel (1858-1918) and Oswald Spengler (1880-1936) tried to prove that aesthetical sense in all of its revelations and in art among them is totally subjective. That is why, in his opinion, search for objective criterion of evaluation of aesthetic taste, style, ideal and artistic creation is absolutely baseless. In our opinion, it was principles of relativity in aesthetics that lead Kapaneli to talk about subjective character of an artistic work and point out that searching for the objective criteria of an artistic

work assessment is not consequential. We agree with this opinion to some extent, because complete denial of relativity of the forms of artistic-aesthetic perceptions is impossible, but it needs also to be admitted that there is objective substance, elements of the objective reality presented in all of these forms and artistic images.

From the above-mentioned and taking into consideration history philosophy of we may conclude, that "Philosophy of Life" which made a great impact on today's modern philosophic conceptions, is such an important source of organotropic theory of Kostantine Kapaneli that he was fairly named as the founder of ideas of "Philosophy of Life" in Georgia. After perception of the world view of Kapaneli, it gets obvious that ideas of "Philosophy of Life" are of particular interest of the Georgian philosopher. Giving the ideas of "Philosophy of Life" for Kapaneli was the means of creation his own conception of philosophy. He has adopted "Philosophy of Life" ideas without criticism and gives them only on the first stage of his philosophical thinking before cultivating his own philosophical conception. One may say that the ideas of "Philosophy of Life" have contributed to Kapaneli's own philosophic conceptions.

References:

1. Bergson H., "Time and Free Will: An Essay on the Immediate Data of Consciousness", Moscow, "Education", 1994 (Russian).
2. Dilthey W., "Types of World Views or Analysis of a Human Starting from the Period of Reformation and Renaissance" // *Culturology. XX Century. Anthology*, Moscow, Publishing House "Prentice-Hall", 1995 (Russian).
3. Gilbert Katharine Everett, Kuhn Helmut, "A History of Aesthetics", Revised and enlarged, London, "Thames and Hudson", 1999 (English).
4. Hume D., "On the Norm of Taste" // "Taste and Temperament", London, "Science-Art Publishers", 1979 (English).
5. Kapaneli K., "Idea of Suffering and Poetry about Supermen in Georgian Literature" // "Zakavkazskaia Rech", #32 (1912), #38 (1912), #45 (1912), Tbilisi (Russian).
6. Kapaneli K., "Foundations of Social Aesthetics. Organotropism" // "Philosophical Works", Tbilisi, "Tbilisi University", 1989 (Georgian).
7. Nietzsche F., "The Will To Power", Moscow, "Progress Publis-

- hers”, 1984 (Russian).
8. Shpranger E., “Life Forms (Psychology and Ethics of Person)” // “Education through Art”, London, “Faber and Faber”, 1972 (English).
9. Spengler O., “Decline of the West”, 2 Vols., Vol. 1, Moscow, “Science”, 1987 (Russian).

Ирма Багратиони (Грузия)

**ИДЕИ «ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ»
В ОРГАНОТРОПНОЙ КОНЦЕПЦИИ КОНСТАНТИНА
КАПАНЕЛИ**

Резюме

Целью представленной научной статьи является исследование параллелей между учением грузинского философа Константина Капанели и «философией жизни».

В статье отмечается особый интерес Капанели к «философии жизни», которая представляла для него способ построения собственной концепции. Таким образом, актуальным представляется, с одной стороны, выяснение того, как, с точки зрения грузинского философа была освещена «философия жизни», а с другой того, какое влияние оказала «философия жизни» на грузинскую философскую мысль. Следует подчеркнуть, что, в основном, именно мировоззренческая традиция «философии жизни» определила претензию Капанели на создание не специально философской, но и определенной «философско-эстетической системы». Это, в свою очередь, определило создание им весьма оригинальной философско-эстетической теории в виде органотропизма, ориентированной на проблематику бытия и культуры, которая была совершенно новой для грузинского мышления.

«НО ЛЮДЯМ Я НЕ ЛГАЛ...»
К юбилею Олжаса Омаровича Сулейменова

У.М. БАХТИКИРЕЕВА

Российский университет дружбы народов, *Россия*

*«<...> Бродят в работах гениев
мысли-кастраты!
Почему? Потому что
На каждый крик: «Понимайте!»
Слетаются черные мантии.
На вахте науки круглые сутки
служба рассудка?
Нет, предрассудка! <...>
(Олжас Сулейменов. В греческом зале.)*

***«... Имею право ошибаться и признавать, и искать
новые решения. Имею возможность высказывать свои
суждения по табуированным проблемам. ... Ибо путь к сути
лежит через суд, через непрерывно заседающий в тебе трибунал
мысли.
О. Сулейменов***

О научных трудах своих Учителей писать не просто по многим причинам. Всегда остается *то*, что не поддается описанию, что дает тебе возможность называть человека **Учителем**. Писать не просто о книгах, к которым человек обращается постоянно на протяжении своей жизни. Среди ряда таких книг особое место занимают научные труды Олжаса Омаровича Сулейменова, для полного, объективного описания научной и творческой деятельности которого потребовалась бы многолетняя кропотливая работа во всех известных библиотеках мира, в которых он проводит значительную часть своей жизни. И все же ученики должны заговорить, чтобы Учитель услышал их. К благодарной аудитории учеников, беря на себя смелость и ответственность, мы относим людей, чьи работы, посвященные научной и творческой деятельности О.О. Сулейменова, представлены в данной работе.

Особый импульс и основание для написания статьи придает «Целевая программа РУДН “Развитие НИР и НИОКР по тематике

стран приема в 2011-2016 гг.”, в рамках которой реализуется специальная «Научная программа междисциплинарных исследований “Транскультурный мир в современном дискурсе”». Эта программа направлена на осмысление вопросов, связанных с постепенным переходом к Шестому Технологическому Укладу, в рамках которого появляются и проблемы гуманитарные, но системно переосмысленные и направленные на наступающую реальность нано-био-инфо-когнитивной революции. Эта революция может изменить природу человека, саму его онтологию. В складывающихся обстоятельствах становится очевидным, что без учета гуманитарных проблем, культурных, ценностных и этических измерений грядущий качественный технологический скачок способен похоронить человечество как вид. Поэтому особую ценность приобретают усилия по сохранению, возрождению, качественной трансформации гуманитарного измерения в науке, системе образования и в обществе в целом, тесно связанный с проблемами меж-, мульти- и в перспективе транс-дисциплинарного комплексного знания.

В программе говорится также о том, что в рамках науки, социума и образования нового столетия дальнейшее сохранение монодисциплинарности и прежней модели генерирования, трансляции и передачи знания невозможно, по той простой причине, что оно не вписывается в новую архитектуру транскультурного мира, его субъекта и гносеологических оснований. В меняющемся мире и глобальной взаимозависимости возникают новые вызовы и условия, на данный момент плохо осмысляемые в рамках гуманитарных дисциплин, по большей части, остающихся на периферии актуальных социальных дискуссий. Перед гуманитариями стоит задача активной трансформации и приближения гуманитарных наук к нуждам современного человека и мира, что требует иной логики и иного знания.

В складывающихся обстоятельствах трансдисциплинарный подход представляется наиболее конструктивным, поскольку предполагает исследование комплексных проблем одновременно и на нескольких уровнях и представляет собой принцип организации знания, основанный на взаимодействии дисциплин. Связанный с постнеклассической наукой, где знание неотделимо от субъекта, который его создает, транслирует и развивает, данный подход имеет более тесную связь с личным опытом исследователя и способен

привести к общенаучной систематизации различных дисциплинарных знаний. Следовательно, все более насущными задачами становятся всестороннее развитие меж-, мульти- и трансдисциплинарных исследований, включая изучение и осмысление культурных взаимодействий, встреч, обменов в контексте современных изменяющихся условий, преодоление ограничений национальных, культурных, языковых и академических форм знания и переосмысление традиционного инструментария философии, истории, искусствоведения, филологии и других гуманитарных дисциплин, а также проблематики трансгуманизма и высоких гуманитарных технологий будущего (high hume), связанных с грядущей когнитивной революцией.

Полностью солидаризируясь и тесно работая с авторами предложенной концепции, в нашей статье мы представляем фрагменты работ ученых, позиции которых способствуют приближению гуманитарных наук к нуждам современного человека и мира. Научные труды О.О. Сулейменова, исследования ученых, цитаты из которых приведены в данной работе, свидетельствуют о том, что задачи, стоящие перед современной гуманитаристикой, уже давно решаются учеными.

В современной науке имя Олжаса Сулейменова ассоциируется преимущественно «с нашумевшей и отвергнутой в свое время официальной монодисциплинарной и шовинистической советской критикой и наукой книги «Аз и Я» (1975). «Книга благонамеренного читателя» — таково продолжение названия книги, которую не заметили или не хотели замечать критики, — воспринята как «трансдисциплинарный текст, который находится между научным исследованием, эссе, художественной литературой и культурным манифестом» [10. С.5].

Автор книги «не обращал внимание читателя на то, что она адаптирована для несведущего в специальных вопросах лингвистики и потому на ней не стоит гриф академического издательства; это книга писателя, и адресат у нее определенный. Цель ее — заинтересовать широкого читателя кругом проблем, не выходящих за пределы академических институтов» [7. С.588]. На заседании Академии Наук СССР, посвященном обсуждению книги 13 февраля 1976 года О.О. Сулейменова «не поразила горячность, с которой большинство выступавших целиком отвергали все до единого положения книги. Это было зеркальное отражение стиля, присущего

многим страницам книги, где, не приводя особых доказательств, автор покушался на устои всей индоевропеистики, археологии и тюркологии. Что таить, автор надеялся — у него потребуют доказательств, научно обосновывающих те публицистические заявления, которыми изобилует «Аз и Я». <...> Может быть, слишком горячо протестовал против превращения истории и лингвистики в кабинетные науки. Мечтал привлечь к ним одаренных людей, будущих деятелей этих наук, результаты которых прямо обращены на воспитание мировоззрения. И в качестве доказательства обоснованности моих гипотез я предполагал сразу же опубликовать труды, написанные вполне научно. Но расчет мой не оправдался. Книга, задуманная как эмоциональное предисловие, начало триптиха, неожиданно для меня была воспринята в качестве самостоятельной величины, где высказано окончательное суждение по всем вопросам, в ней обозначенным. И, соответственно этому, невежливость по отношению к трудам некоторых специалистов была воспринята как проявление вопиющей невежественности» [7. С.588].

Книга, написанная в форме непривычного научного дискурса, произвела эффект разорвавшейся бомбы, потому что в ней осуществлена попытка общенаучной систематизации различных знаний, переосмыслен традиционный инструментарий гуманитарных дисциплин, преодолены ограничения академических форм знания.

Согласно статье известного журналиста и ученого историка Г. Толмачева, «Аз и Я» названа в журнале «Проблемы коммунизма» (1986) в числе пяти книг, которые подготовили перестройку сознания советского общества перед реформами [12. С.381].

Принцип организации знания в «Аз и Я» основывается на взаимодействии дисциплин и неотделим от субъекта, создавшего это знание, транслирующего и развивающего его в трудах, появившихся позже. Очевидно, по этой причине небольшое число ученых смогли объективно ее охарактеризовать. Среди них наиболее точными, с нашей точки зрения, являются мнения востоковеда, блестящего знатока русского языка, писателя, посла и общественного деятеля Мурата Мухтаровича Ауэзова (Алматы, 1976), физика, публициста, поэта, правозащитника Евгения Дмитриевича Федюнькина (Дубна, 1997), доктора филологических наук, писателя, профессора РУДН Мадины Владимировны Тлостановой (Москва, 2004).

Полагаем, что в статье «юбилейного жанра», а также в силу того, что книги названных авторов уже являются библиографической редкостью, допускается включение более объемного цитирования, чем это принято в строго научной статье.

Статья Мурата Ауэзова под названием «Осененный выдохом вечности — Словом» была написана в 1976 году в атмосфере развернувшихся гонений на «Аз и Я». Очевидно, эти строки М. Ауэзов взял из стихотворения О. Сулейменова (1975). «Опубликовать ее ни на казахском, ни на русском не удалось. Сейчас, по прошествии двадцати лет, соглашаюсь со всем, что в ней сказано», — предваряет М. Ауэзов свою статью в издании, опубликованном к 60-летию О. Сулейменова в 1996 году. Итак, обратимся к тексту:

«Жанр книги не поддается традиционному определению. Логическую последовательность и научную аргументированность ее можно поставить в пример многим академическим трудам, так же как широкий кругозор и профессиональную компетентность ее создателя. В то же время это, безусловно, художественное произведение и по степени воздействия на чувства читателя оно не уступает место лучшим образцам “мыслящей поэзии”, мастером которой О. Сулейменов признан давно и безоговорочно. Проблема соотношения поэтического и научного начал в мышлении поднимается в книге неоднократно, и мы вряд ли ошибемся, назвав протест против их категоричного противопоставления одним из главных внутренних импульсов, побудивших автора создать ее такой, какой она явилась в мир.

<...> Затея изложить содержание книги была бы равносильна попытке уместить горный поток в аквариуме. О. Сулейменов представлен в ней многолико, и простое перечисление его проявлений потребовало бы множества специальных гнезд: в одном — славист, тюрколог, шумеролог; в другом — историк, лингвист, литературовед, философ; в третьем — этнограф, палеограф, знаток летописей; в четвертом — поэт, драматург, публицист; в особой графе — гражданин, общественный деятель и т.д. Объединенные в одной личности эти грани формируют собеседника ушедших и грядущих времен, воскрешая в памяти образ универсального мозга исторических ситуаций Возрождения.

Проницательно с большой любовью к великому “Слову о полку Игореве” прочитаны в книге “темные” места гениальной

поэмы. Меня, как казаха, согревает обнаруженная и обоснованная Сулейменовым причастность тюркского языка XII века к созданию шедевра русской литературы, неоспоримо подтверждающая его подлинную древность.

Но в большей мере восхищает осуществленное им восстановление первоизданной поэтики “Слова”, в ряде мест подвергнутой стерилизации под пером позднейших переписчиков и толкователей поэмы. Очищенное от наслоений “Слово” предстает монолитным произведением высокого драматического звучания. Общечеловеческое значение имеет ее центральная, как показывает Сулейменов, нравственная проблема: “свой — неправ”. Это редчайший в мировой литературе средних веков случай преодоления этнических пристрастий, пойти на которое мог действительно гениальный художник, любящий свой народ, как частицу рода человеческого.

В скальных породах славистики Сулейменов добывает истину, круша на своем пути все, что стоит на ложных подпорках псевдонаучности и зауженного патриотизма. Но вот его исконное тюркологическое русло выходит на простор безмятежных равнин отечественной тюркологии. Боевой пыл сменяется досадой, язвительный сарказм — горькой иронией, утверждение истины — просвещением. Тяжелый вздох слышится в признании: “Как хотелось бы начать статью о шумерско-тюркских контактах с этой страницы, спокойно, не растекаясь мыслию по грустной современности нашей, но, к сожалению, в тюркологии невозможно решить самый частный вопрос, пока хотя бы не поставлены проблемы самые общие”. Еще вспыхивают гневные молнии в части “Шумер-наме”, разя “сапожников” от тюркологии, “молящихся, как буддисты ноге Будды, в тесной колодке индоевропейского сапога”, но в целом интонация в корне изменилась. В ней улавливается забота о создании новой тюркологии, подлинно научной, свободной от пожизненного школярства, от расовых и национальных предрассудков.

<...> Книге суждена большая биография. Не только потому, что долго в памяти потомков будут жить великие литературные произведения древности — шумерский эпос, поэзия древнетюркского каганата, “Слово о полку Игореве”, в исследовании и новом прочтении которых уже никто не сможет не считаться с коррективами Сулейменова. Еще остаются борющиеся за свое

утверждение национальные культуры, и остается проблема восстановления подлинного родства народов мира в масштабах единой истории человечества. До тех пор, пока будут давать о себе знать рецидивы спекулятивной исторической “науки”, превращающей обзор пройденного народами пути в источник шовинизма и национализма, книга “Аз и Я”, в самом названии которого заложено представление об единстве мировой культуры, будет служить чистым, как сигнал боевой трубы, призывом к борьбе с лжепатриотизмом и лженаукой» [1. С.159, 166].

Эссе Е.Д. Федюнькина «Склока о Полку Игореве» (1997-1998) [13] в несколько разнящихся вариантах от оригинала находится в открытом доступе в Интернете [Интернет-ресурс в открытом доступе: <http://cv.jinr.ru/~bljv/igor.htm> и др.]. Начало, к счастью, пока остается неизменным:

«Эта детективная история началась в 1975 году. Главные действующие лица: Дмитрий Сергеевич Лихачев — академик, славист, бывший узник Соловецких лагерей и Олжас Омарович Сулейменов — казахский поэт, пишущий на русском языке. Во второй половине 80-х годов демократическая пресса называла Дмитрия Сергеевича совестью нации, знаменем культурного обновления страны. Главный стержень, вокруг которого разворачивается интрига, — памятник древнерусской литературы XII века “Слово о полку Игореве” (СПИ — принятое в науке сокращение).

История интересна сама по себе, поскольку позволяет по-новому взглянуть на “Слово” и переосмыслить образы, пришедшие к нам из глубины веков. Попутно выяснится, какие события происходят в нашей славистике, как они переплетаются с текущей политикой и влияют на судьбы страны. Мы узнаем, что нам предлагают в качестве совести нации.

Возникающие по ходу дела проблемы заставят нас исследовать процесс возникновения великорусской нации, рождения и гибели Российской империи. Мы задумаемся о национальной идее, о столкновении Востока и Запада, о глобальных законах, определяющих эволюцию этносов, о судьбе человеческой цивилизации.

<...> Первая половина книги — профессионально выполненное исследование СПИ, посвященное, в основном, анализу его “темных” мест, которых немало. <...> “Аз и Я” случайно попала

ко мне в руки и произвела впечатление силой аналитического мышления автора. Я попросил своих друзей в Казахстане купить ее для меня. Они долго молчали, в 1976 г. пришел ответ: книга изъята из продажи, нераспроданный остаток тиража уничтожен. Персон, пытавшихся купить книгу, начинали сопровождать люди в штатском. (В 90-х годах я узнал, что в 1976 г. компетентные органы интересовались моим этническим происхождением!).

Заинтригованный, я стал читать научную литературу о “Слове” и занимаюсь этим, по мере возможности, до сих пор. Вот что я выяснил. Наука о “Слове” монополизирована Дмитрием Сергеевичем Лихачевым и его школой. Чужаков там не любят. Если таковые появляются, на них набрасываются скопом и рвут в куски. Покоробил уровень аргументации. Во многих случаях дело заканчивалось переходом на личность. Если снять академический флер, это выглядело так: “Ты же ничего не смыслишь, куда прешь со своим суконным рылом в наш калашный ряд!” В мои руки не попало НИ ОДНОГО издания “Слова”, в котором бы в том или ином качестве не присутствовал Дмитрий Сергеевич — либо переводчик, либо автор предисловия, послесловия, комментариев, либо редактор. <...> Все-таки со времен царствования Иосифа I ситуация в стране изменилась. В защиту Сулейменова выступают литературовед академик А. Новиченко, тюрколог академик М. Нурмухамедова, писатели Ч. Айтматов, Э. Межелайтис, Р. Рождественский, бывший представитель СССР при ООН редактор журнала “Иностранная литература” профессор Н. Федоренко и др. Их отказываются печатать. Из письма, полученного О. Сулейменовым: “Постановка вопроса в Вашей книге, взгляд на историю, которая отнюдь не дышло — куда повернул, туда и вышло, мне близки и дороги как советскому писателю, как русскому интеллигенту, наконец, просто как человеку, с детства пристрастному к истории своего народа, такой, какая она есть, и со сладким, и с горьким... Ваш Константин Симонов, 21 сентября 1975 г.”.

<...> Олжас на 13 лет лишен права на публикации. Руководил охотой, дирижировал погромом “серый кардинал”, член Политбюро ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов. Кто-то должен был навести Суслова на след Сулейменова. Кто? <...>» [2. С.488-518].

Ученый и писатель с особым ризоматическим мышлением, М.В. Тлостанова воспринимает «Книгу благонамеренного читателя»

как «своего рода культурный манифест, где жанровая и родовая привязка и грани между романом, историческим размышлением, поэзией, этимологической задачей — перемешаны и стерты». Сравнивая О. Сулейменова с мексикано-американской писательницей Г. Ансальдуа, ученый представляет свою эпистемологическую позицию, дает емкую, нетривиальную характеристику, «провоцирующую» на рождение новых смыслов и бескомпромиссного диалога и, в частности, пишет:

«Эта дискурсивная зыбкость в свое время вызвала, как известно, негодование советского научного истеблишмента, особенно в лице ревностных защитников русской национальной традиции и культуры, которые усмотрели в книге Сулейменова попытку посягательства на величие созданного ими вторично европоцентристского мифа о России. Но интересно другое. Само позиционирование Сулейменова, казалось бы, близко Глории Ансальдуа в ее знаменитой книге о пограничье. Налицо та же попытка осмысления нескольких культурных традиций в динамике, эстетических закономерностей, не поддающихся интерпретации западными средствами, языковой, дискурсивной и эпистемологической привязки к другим языкам, иной системе координат. И ошеломляющий эффект оказался тоже сходным. Но все же между Сулейменовым и Ансальдуа существует и ощутимая разница. Дело в том, что сама субъектность в его случае достаточно традиционна для российской империи, основана на синтезе и взаимодействии, на переплетении существующих традиций — в данном случае, российской и “азиатской”. Идея гибридности не выступает, как у Ансальдуа, в виде би- или поликультурности. Сулейменов — не дитя двух или нескольких культур, а скорее “субалтерн”, воспитанный на русской культуре, как носителе модернизации, и занятый в определенной мере, ее критической деконструкцией. Он как бы выполняет ранне-постколониальный проект переписывания господствующей традиции, но при этом не отрицает ее полностью, а пытается интегрироваться путем своеобразной тактики уподобления культуры колонизатора колонизированной традиции. Это момент, возможный далеко не во всех имперско-колониальных конфигурациях — так, нельзя представить себе индийского или африканского писателя, который доказывал бы происхождение британской культуры из одних и тех же корней, что и его собственная колониальная культура. В случае же с подчиненной

империей — Россией — такая тактика оказывается вполне возможной, как это убедительно показал Сулейменов. Вместе с тем, идентификация авторов, подобных Сулейменову, все же объективно основывалась на мощной опоре на российскую культурную и эпистемологическую традицию. <...> В западных работах, посвященных книге Сулейменова, в частности, в довольно удачной статье Харши Рама “Воображая Евразию: поэтика и идеология «Аз и Я» Олжаса Сулейменова” (Ram 2001), вопрос идентификации писателя справедливо связывается с внутренней российской традицией альтернативного европоцентризму мышления, от древнерусских стилизаций, распространившихся в авангарде, в частности, в творчестве футуриста В. Хлебникова до печально известного лингвиста Н. Мара и нео-евразийских выкладок Гумилева. Сама гипотеза Рама о возможных предшественниках Сулейменова в области *между* поэзией, историографией и лингвистикой выглядит безусловно заманчивой. Но на мой взгляд, фигуры Хлебникова и Мара в одном ряду с Сулейменовым смотрятся натянуто. Ведь история Сулейменова — это все же история “субалтерна”, это история Ариэля, поначалу обласканного режимом и действовавшего в почти полном соответствии с принципами тогдашней советской многонациональной литературы — “национальный по форме, советский по содержанию”, а затем неожиданно выкинувшего калибанский фортель. Позиция же Хлебникова, как и всего русского авангарда по отношению к Азии, все же скорее относится к разряду экзотизации, романтического увлечения иным, авангардного космического импульса всемирности и космополитизма, но при обязательном сохранении собственной изначальной центральной позиции. В эту же парадигму экзотизации и евразийских увлечений, обусловленных антизападным импульсом русского авангарда в более широком общекультурном и гуманитарном смысле, укладывается и научное творчество Мара, которое, внешне выходя за рамки идеологизированного позитивизма ранне-советской поры, все равно ведется, в конечном счете, с западных эпистемологических позиций. Как и в истории других имперско-колониальных взаимоотношений, в формировании субъектности российского индивида, как и представителя ее незападных колоний, очень трудно отделить изначальный импульс соучастия с культурой поработителем от внутренне зреющего отторжения и противостояния, которые часто формируются в среде

воспитанной на культуре метрополии местной «колониальной» интеллигенции» [10. С.123-124].

Обсуждаемые точки зрения далеко не всем читателям придутся по вкусу, но очевидно, что они — вовлеченные в диалог, в современный научный дискурс, способствуют порождению новых смыслов, поисков совместных выходов из тупиков.

На первом курсе университета мной были восприняты с обидой слова преподавателя, читавшего курс по древнерусской литературе, относительно «Аз и Я» и его автора, казалось, обращенные ко мне. Смысл их был таков: не Олжасу Сулейменову размышлять о великом памятнике русской культуры. Потом, после 90-х, нашлись оправдания: мой преподаватель был человеком своего времени. В те памятные времена автора «Книги благонамеренного читателя» некоторые критики в печати уподобляли «скотине, допущенной в русские древности», другие («свои») устно уличали его в том, что «продался русским за комсомольские премии» третьи — в «пантюркизме», «сионизме», четвертые — в «панславизме» [7. С.589].

Беспощадная критическая кампания была развернута на страницах центральных журналов. Имеются в виду следующие: статья ученого историка А. Кузьмина «Точка в круге, из которой вырастает репей» в «Молодой гвардии» (декабрь 1975); статья ученых Л.А. Дмитриева и О.В. Творогова «“Слово о полку Игореве” в интерпретации О. Сулейменова» в «Русской литературе» (№1, 1976); статья Ю. Селезнева «Мифы и истины» в «Москве» (№3, 1976); статья Д.С. Лихачева «Гипотезы темных мест “Слова о полку Игореве”» в «Звезде» (№6, 1976); стенограмма заседания Академии Наук СССР (13 февраля 1976 года), опубликованная в «Вопросах истории» и «Вопросах языкознания» (№№9, 1976) — «Обсуждение книги Олжаса Сулейменова» и др. [7. С.586].

М.А. Суслов обязал руководство Казахстана обсудить книгу на Бюро ЦК КП Казахстана с последующим покаянным письмом автора в газету. Заседание Бюро ЦК состоялось. В проекте постановления в нескольких местах встречаются такие слова: «исключить из партии», «освободить от работы». Речь шла о председателе комитета по печати, директоре издательства и других людей, способствовавших выходу книги в свет. О. Сулейменов написал письмо для публикации, но в газете вышел другой текст, исправленный непрошенными редакторами. Все попытки выступить

с опровержением закончились неудачно. По истечении времени оригинал письма удалось найти в архивах ЦК [7. С.586].

В известном «Открытом Письме» (1976 г.) члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК КП Казахстана Д.А. Кунаеву и членам Бюро ЦК КП Казахстана О. Сулейменов писал:

«<...> Время от времени все науки испытывают счастливые (в конечном счете) для науки покушения со стороны “дилетантов”. При этом, естественно, затрагиваются интересы ученых, годы и годы посвятивших следованию традиционным теориям. Среди них и большие таланты, которые, даже сомневаясь в правоте догм, сочли более выгодным для себя “плутать со многими, чем искать дорогу одному”. Этот цинизм делает их наиболее яростными приверженцами устаревших теорий, давно вступивших в конфликт с практикой научных исследований. И тогда любое сомнение “со стороны” воспринимается как ненаучное, так как критериям научности (т.е. истинности) часто служат условные рамки установлений господствующей школы. Примеров тому накопилось множество. Академик Остроградский остался в истории науки своей фразой, которую он произнес на обсуждении работы дилетанта Лобачевского: “А этом, с позволения сказать, труде, все, что верно, то — не ново, а все, что ново — то неверно»”.

*Да простят меня, что неволью ставлю себя в один ряд и с английским офицером, не имевшим даже низшей научной степени бакалавра, но открывшим тайну древнеперсидской письменности, и с банковским клерком, расшифровавшим ассирийские клинописи (а это позволило прочесть и шумерские письма, отодвинувшие историю человечества на несколько тысячелетий вглубь). Но ведь жили и трудились во времена клерков и офицеров-самоучек сотни выдающихся профессиональных ученых, кому истина тем не менее не явилась. И, как ни печально для специалистов, но большинство открытий, качественно подвигавших вперед науки, особенно историко-лингвистические, были сделаны “неофициальными лицами”, которые не загромождали свое сознание беспрекословной верой в догматы школ, а подходили к ним критически. Они по наивности открывали новое, иногда просто не ведая законов, воспрепятствующих тратить на то усилия. А профессионал с вузовской скамьи усваивает правила — это можно, а это нельзя. <...> Нет в науке проблем неразрешимых, но есть **неразрешенные**. Синонимично: **недозволенные** положениями господствующей на*

этом этапе научной школы. <...> Какие бы чудовищные молвы обо мне не ходили, я считаю недостойным их опровергать. <...> Прав был Тютчев, писавший, что поэты не знают, “как слово наше отзовется”. Пусть простят мне ученые критики, но в такой неадекватной реакции на мысли, высказанные в книге, повинен не только автор, но и историография, и лингвистика, со школ воспитавшие сознание “самостийности” каждой культуры, не внушившие через школьные и вузовские учебники марксистско-диалектический взгляд на историю, согласно которому любая большая и малая культура не упала готовой с неба, а явилась результатом, обобщением бесконечной череды взаимодействий, в которых процессы отталкивания не преобладали над процессами притяжения» [7. С.587-590].

Ученый филолог и философ Олжас Сулейменов не изменяет себе. В книге «Язык письма. Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества», он определяет ее жанр как «повесть-аргумент, написанная в обосновании версии причинности графического и устного знаков от латинского: *argumentus* — 1) рассказ, повесть, 2) обоснование идей, 3) правдивость, 4) истина» [9б. С.312]. И далее: “Эта книга должна была появиться в конце 70-х. Причиной опоздания на двадцать лет явилась “Аз и Я”, вышедшая в 1975 году. <...> Ни одно издательство не соглашалось печатать. Стихи – разрешено. Переиздавал поэтические сборники, но работу со словарями не бросал, надеясь, что появится возможность когда-нибудь этим заняться вплотную. Такой случай представился. <...> Эта книга — подготовка к этимологическому словарю “1001 слово”. В ней объясняется метод анализа слова, отличающийся от традиционного тем, что происхождение слова рассматривается в генетической связи с графическим знаком-первоиероглифом» [9а. С.5, 10, 11].

Во вступительной статье «От автора» О.О. Сулейменов пишет: «<...> наукообразие не заменяет собой науку. Платон и Аристотель писали ясно. Иные диссертации, посвященные их трудам, прочесть возможно, но уразуметь их смысл так же трудно, как содержание этрусской “Книги мертвых” на полотне, обмотанном вокруг мумии.

По природе своей общественные науки должны быть хотя бы понятны обществу, иначе они не выполняют своего назначения. Самые глубокие и тщательные исследования дисциплин, которые принято называть также мировоззренческими, обязаны быть научно-

популярными. Популярность, то есть народность изложения, должна стать одним из главных критериев оценки значимости произведения гуманитарной науки» [9а. С.14].

Манера изложения О.О. Сулейменова превращает читателя в со-автора: мы думали об этом, но не писали. Боялись, потому что так не принято. Приведем пример: «Историко-культурные соображения настояны на убеждении, что тюркские и славянские языки в римские, а тем паче — в доримские времена не существовали вовсе. В древней буквенно-письменной истории сведений об этих народах не найдено. Германцам повезло: римские писатели упоминают их хотя бы в образе варваров в первые века новой эры. <...> Ни славянизмов, ни тюркизмов в латыни никто не искал.

В своей программе, которую, может быть слишком амбициозно определил как возрождение истории неисторических народов, тюркским и славянским материалам отводились поначалу самые верхние пласты стратиграфии. Но потом все чаще стал встречать их на нижних этажах. <...> Выявляемые фонетические и морфологические закономерности помогут обогатить “историко-культурные соображения” фактами, допускающими тюрко-славянское присутствие в античном Средиземноморье и Древней и Передней Азии» [9а. С.250, 252].

В книге «Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркского письма» О.О. Сулейменов развивает эту идею: «Больше века славянские и тюркские языки изучались изолированно друг от друга. Сегодня мы начинаем понимать, что это противоречило природе взаимозависимого развития этносов, знавших на протяжении прошедших тысячелетий длительные периоды двуязычия» [9в. С.5].

Говоря о восстановлении иероглифического знака для слов древнейшего образования, О.О. Сулейменов высказывает мысль и о том, что «славяне и тюрки вместе осваивали процесс (И) знакового освоения мира» (8:472).

Привлекает внимание предположение О.О. Сулейменова о том, что кириллица не была первой письменностью славян, до нее определенно существовало «языческое» письмо «черты-резы». Возможно, руника, памятники которой были обречены на уничтожение. И если бы Кирилл не использовал некоторых из ее наработок, мы бы, возможно, никогда о ней никаких подробностей не узнали. Более того, болгарское наследие («черты-рези») — уверен

О. Сулейменов — не было началом славянской письменности. Он считает, что протославяне знали и иероглифическое письмо, и раннебуквенное, о чем, по его мнению, «определенно и твердо говорят термины письма, существовавшие в славянских языках до появления святого Кирилла с византийскими книгами. С ними в средневековье пришли такие слова греческого происхождения как *грамота, грамматика, графика, графит*. Но основные термины письма и знания как — *буква (бук, буквы), ук (наука, навык, учи, учить, читать, считать), книга, пись (пиши, писать, письмо)* возникли тысячелетиями раньше и не имеют к греческому словарю никакого отношения. **Чего не скажешь о словарях тюркских.** Даже *карандаш* — сложное *karandas* — «темный камень» (черный), «*графит*» (тур.) [8. С.472]. Сказанное является подтверждением необходимости пересмотра истории русской языковой культуры в его взаимодействии с другими языковыми культурами. Предпринимающиеся исследования в данной области (напр., проф. В.А. Чудинов [3, 4]) свидетельствуют о важности этого вопроса.

О.О. Сулейменов, считает, что **благодаря редкостному консерватизму русского и казахского языков, они достаточно ответственно представляют свои семьи — славянскую и тюркскую:** «Сопоставляя грамматические нормы этих языков, мы восстанавливаем страницы истории взаимоотношений языков, а значит этносов, не запечатленные в письменных хрониках. И каждое неслучайное совпадение мы будем расценивать как исторический памятник, объективный документ, живой отголосок, озвучивающий темную немоту вечности» [8. С.307].

Актуальными остаются размышления ученого для современной науки: «На пороге новой эпохи глобализации по-иному осмысливается опыт былых, прежних. Особенно это важно для народов, не знающих свое прошлое. Не чувствуя своих корней, древо жизни этноса превращается в голый, сухой столб, без коры и кроны, которая являет собой зеркальное отражение корневой системы. Чем беднее корни, тем худосочней листва и ветви. Чахлые, редкие плоды не успевают вызреть и дать полноценные семена. У народов, не успевших осознать глубину своего прошлого, нет будущего» [9в. С. 434-435].

Можно приводить огромное количество цитат из научных и научно-публицистических трудов О.О. Сулейменова, по сути своей являющихся программными для каждого исследователя и отнюдь не

только гуманитария. Научные и художественные труды, общественная деятельность, в том числе в качестве Председателя русофонной группы Генеральной Конференции ЮНЕСКО (с 2002 года) ждут своего осмысления.

Появится ли когда-нибудь книга-исследование, в которой плодотворно осуществится попытка описать глобальное явление — Олжас Сулейменов? Едва ли. Для этого надо быть поэтом, писателем, мудрецом, надо быть наравне с Учителем. Но продолжают появляться новые диссертационные работы, научные статьи, посвященные исследованиям поэзии, прозы, публицистики Олжаса Сулейменова (чему необходимо посвятить еще не одну статью). Все потому что для нового поколения исследователей, как и для нас, очевидно, что Сулейменовское слово породило цепную реакцию со-причастия к Счастью познания. Научные труды Олжаса Омаровича Сулейменова наряду с другими здоровыми силами общественного развития продолжают участвовать в формировании и развитии духа времени. Как и знаменитый «измеритель температуры» эпохи — «Аз и Я», они играют огромную роль в создании морального критерия эпохи, в суде над отмирающими явлениями в науке, в самой жизни, в зримых и незримых течениях, формирующих исторический процесс. Одним из его Учителей остается Олжас Омарович Сулейменов, которого благодарные ученики поздравляют с юбилеем. Выражаем надежду на то, что среди нас найдутся те, которые будут дискутировать с вами и спорить, и будут достойно отвечать вашему духу *борьбы*⁴.

⁴ См. Сулейменов О.О. Мне нужна ситуация борьбы и соперничества // Новости Центральная Азия от 15.02.2007. Интернет-ресурс. Доступ свободный: <http://www.fergananews.com/article.php?id=4908>

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ауэзов М.М.* Осененный выдохом вечности — словом // В кн.: Вместе с Олжасом. Издатель АО «Каздизайн». RDW-Baumbach, Германия, 1996. С.159-166.
- [2] *Бахтикиреева У.М.* Мой Олжас // Научно-популярный журнал «АС-АЛАН». – Люберцы, Моск. обл.: Изд-во «Мир дому твоему». – № 1(10), 2003. С.480-488, 519-520.
- [3] *Бахтикиреева У.М., Синячкин В.П.* К вопросу об интеграции языка, истории и культуры на рубеже веков // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия филологическая №4 (120), 2009. – С.174-178.
- [4] *Бахтикиреева У.М., Синячкин В.П.* К вопросу о новых лингвистических гипотезах // Сб. статей/ I Международной научно-методической конференций «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы». 1 – 3 ноября 2008 г., РУДН, Москва. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – С.496-503.
- [5] *Сулейменов О.О.* Тюрки в доистории // АС АЛАН. – М.: Мир дому твоему. №3(8) 2002. –С.249-547.
- [6] *Сулейменов О.О.* АзиЯ. Книга благонамеренного читателя. – Алма-Ата: Жазушы, 1975. –304 с.
- [7] *Сулейменов О.О.* Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. – Алма-Ата: Жалын, 1989. –592 с.
- [8] *Сулейменов О.О.* Тюрки в доистории // АС АЛАН. – М.: Мир дому твоему. №3(8) 2002. – С.249-547.
- [9] *Сулейменов О.О.* Собрание сочинений в 7 томах. – Алматы, 2004 (Т.3. – 384 с., Т.4/1. – 256 с., Т. 4/2. – 320 с., Т.5. – 440 с.).
- [9а] *Сулейменов О.О.* Собрание сочинений в 7 томах. – Алматы, 2004. - Т.4/1. – 256 с.
- [9б] *Сулейменов О.О.* Собрание сочинений в 7 томах. – Алматы, 2004. – Т. 4/2. – 320 с.
- [9в] *Сулейменов О.О.* Собрание сочинений в 7 томах. – Алматы, 2004. – Т.5. – 440 с.
- [10] *Глостанова М.В.* Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. – М., 2004. –360 стр.
- [11] *Толмачев Г.* Повесть об Олжасе: Докум. Повесть. – Алматы: РПО «Кітап», 1996. – 168 с.

- [12] *Толмачев Г.* Буря над книгой // Собрание сочинений в 7 томах. Т.3. – 384 с., – Алматы, 2004. – С.370-381.
- [13] *Федюнькин Е.Д.* Публицистическое эссе «Склока о полку Игоре» представлено на странице <http://cv.jinr.ru/~bljv/igor.htm>, а также см: <http://www.balkaria.info/library/f/fediunkin/spi.htm> (Материалы эссе частично были опубликованы в разных номерах газеты «Вести Дубны» в 1997-1998 гг.).

«... BUT I DID NOT LIE ...»

To the 75 anniversary of the Olzhas O. Sulejmenov it is devoted

O.M. BAKHTIKIREEVA

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklay str., 6, 117198 Moscow, Russia

Article is devoted to anniversary of Olzhas O. Sulejmenov. Opinions of the modern scientists about scientific and creative activity of the scientific philologist and the philosopher are presented.

Keywords: works of science, humanitarian disciplines, the cultural manifesto, a scientific discourse, the Teacher.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

*Марине Арошидзе,
Нино Арошидзе (Грузия)*

ВАЖНЕЙШИЕ СТРАТЕГИИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО (КОНСЕКУТИВНОГО) И СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДОВ

Современная типология перевода богата разными подходами к объекту классификации: анализ формы (устный/письменный перевод); хронологические рамки переводческого процесса по отношению к коммуникативному акту (консекутивный, то есть последовательный перевод, синхронный перевод); анализ кодирующей системы (по Р.Якобсону: межсемиотический, межъязыковой и внутриязыковой перевод); кто является посредником – человек или машина (машинный перевод); особенно разнообразна типология переводных текстов в зависимости от жанра и переводимого материала (художественный перевод, научно-технический перевод, общественно-политический перевод и пр.).

При любом теоретическом подходе переводческая деятельность включает несколько основных этапов, которые были сгруппированы нами следующим образом:

I этап – предпереводческий (термин Брандеса и Провоторова: 2006), включающий в себя анализ особенностей жанра переводимого текста; эпохи создания и пр.;

II этап – восприятие исходного текста: анализ языковых единиц текста, узуальные особенности, фоновая информация, необходимая для понимания текстовой информации, особенности выражения эмотивной информации;

III этап – членение исходного текста: анализ формы текста перевода, членение текстовой информации, уточнение единицы перевода;

IV этап – переводческие трансформации: лексические, морфологические, синтаксические, стилистические трансформации текстовых единиц языка оригинала в единицы языка перевода;

V этап - создание текста перевода и его прагматическая адаптация, т.е. переориентация коммуникативно-значимой фоновой информации новому адресату;

VI этап – создание гармоничного единства содержания и формы переводного текста, по возможности приближенного к оригиналу.

Даже при еще более подробном уточнении всех действий переводчика их можно сгруппировать в соответствии с трехфазовой моделью, разработанной немецким ученым Отто Каде:

I фаза – анализ исходного текста, восприятие эксплицитной и имплицитной информации, содержащейся в нем;

II фаза – ментальные операции по поиску соотносимых единиц в языке оригинала и языке перевода;

III фаза – создание нового (вторичного) текста на языке перевода (Каде 1978:).

Для характеристики весьма специфичного второго этапа переводческой деятельности профессор Лейпцигского университета Х.Залевски, являющийся одним из ярких представителей немецкой переводческой школы, ввел очень выразительный термин – транспозиция: Reception – Transposition – Realization (Залевски 1982:80).

Х.Залевски строит свою классификацию устного и письменного перевода на разграничении трех основных действий переводческого процесса, ссылаясь на следующие параметры: повторяемость/неповторяемость действий, объект передачи (целый текст или его часть), развертывание этих действий по отношению друг к другу, темпоральные характеристики, пространственные координаты, режим принятия текста (слуховой, зрительный) и режим создания текста (устный или письменный). По его мнению, именно эти параметры обуславливают отличия письменного перевода от его устной формы, а точнее от двух основных разновидностей устного перевода: последовательного (консекутивного) и синхронного (Залевски 1982:84).

Если для письменного перевода характерна повторяемость какого-либо этапа перевода, отдельных его операций, то при устном переводе, как при последовательном, так и при синхронном, повторяемость или невозможна, или же, в некоторых случаях, к ней прибегают, чтобы извиниться за допущенные ошибки и откорректировать их.

При письменном переводе обычно переводится целый текст, что позволяет ориентироваться как на предыдущие, так и на последующие абзацы, тогда как при устном переводе переводчик располагает лишь сегментом исходного сообщения, что затрудняет поиск соответствующих эквивалентов.

В процессе письменного перевода переводчик имеет возможность сосредоточить внимание на каждом из этапов переводческой деятельности, постепенно переходя от одного этапа к другому: сначала проанализировать содержание исходного текста, затем подыскать наиболее удачные соответствия и т.д. При устном переводе посредник вынужден выполнять несколько видов деятельности в параллельном режиме, особенно при синхронном переводе.

Лимит времени, необходимый для выполнения письменного перевода, определяет сам переводчик (сообразуясь с целым рядом объективных требований), темпоральные рамки выполнения разновидностей устного перевода весьма ограничены участниками коммуникативного акта: при консекутивном переводе процесс создания текста перевода следует за созданием/воспроизведением текста оригинала, а при синхронном – сопутствует ему.

Коммуникативный акт, лежащий в основе письменного перевода, обычно имеет опосредованный характер, его участники (адресант, посредник, адресант) чаще всего даже не встречаются друг с другом, тогда как при последовательном переводе они находятся в непосредственном контакте или же связаны друг с другом специальной аппаратурой при синхронном переводе.

По мнению болгарского ученого Бистры Алексиевой, еще один, весьма существенный параметр, отличающий письменный и устный перевод друг от друга, связан с окончательной обработкой созданного переводного текста. При письменном переводе редактирование первоначального варианта может принадлежать или самому переводчику, или же редактору печатного издания, в случае устного перевода «мониторингом» высказывания занимается сам переводчик, причем если при последовательном переводе он может в какой-то мере корректировать продукт своей деятельности, то при синхронном переводе эти возможности чрезвычайно скудны (Алексиева 2010:21).

Разновидности устного перевода – консекутивного (последовательного) и синхронного – хотя и отличаются по целому

ряду параметров, имеют один основополагающий принцип, а именно - время подачи исходного текста и время создания текста перевода с его реализацией в дальнейшей коммуникации. В первом случае эти операции следуют последовательно друг за другом, через определенные интервалы времени. Отсюда и наименование данной разновидности перевода – последовательный, или консеквативный, что в переводе с латинского означает «следующий, вытекающий из/после другого» (Словарь иностранных слов 1987:236). А в случае синхронного перевода названные действия протекают параллельно друг другу.

Помимо данного отличия необходимо отметить и разные показатели коммуникативных ситуаций при анализируемых видах устного перевода, прежде всего – дистанцию между участниками двуязычной коммуникации: при последовательном переводе адресант, посредник и адресат/адресаты обычно контактируют друг с другом. Более того, по возможности, место нахождения оратора и переводчика обдумывается заранее, переводчик видит и слышит выступление, подлежащее переводу, что облегчает ему восприятие текста, обогащенное невербальными средствами выражения информации. Качество перевода повышается также благодаря наличию обратной связи между автором и посредником, ибо при консеквативном переводе переводящий может переспрашивать не до конца понятые фразы, просить пояснить незнакомые термины, сделать паузу и т.д., то есть возможна либо прямая связь с автором исходного текста, либо же обратная связь бывает косвенной, когда докладчик сам видит, что переводчик не успевает за ним переводить и меняет режим своего выступления.

Всех этих плюсов лишены переводчики-синхронисты, которые работают обычно бригадами из 2-3 человек, меняющихся каждые 15-20, максимум 30 минут активной работы, и которые в течение всего заседания находятся в специальной кабине, которая может быть стационарной и располагаться в соседнем помещении, или разборной и быть установленной в конце зала заседаний. Участники коммуникативного акта зачастую не видят синхронистов, а лишь слышат их. Только в очень редких случаях, когда временно отказывает техника, переводчика-синхрониста могут попросить выйти к аудитории. Таким образом, обратная связь переводчика с автором или полностью отсутствует, или же встречается лишь в экстренных случаях и в очень ограниченных

пределах. Выступающие часто даже не надевают наушники и поэтому не могут оперативно реагировать на просьбы и переспрашивания переводчика.

Разным является и временной режим работы этих переводчиков. В отличие от синхронистов, требующих замены через каждые полчаса, специалист по последовательному переводу может переводить от одного до полутора часов и больше, иногда по полдня, иногда даже целый день. Но это зависит целого ряда факторов: от сложности перевода, уровня мероприятия, конкретной договоренности и пр. При этом переводчик должен систематически отдыхать, иначе утомление скажется на качестве перевода. В идеале одну конференцию должны обслуживать два переводчика, которые должны сменяться каждые 50-60 минут.

Последовательный перевод – самый распространенный, он нередко используется во время переговоров с небольшим количеством участников, во время экскурсий и переговоров с иностранными делегациями. В этом случае перевод текста осуществляется во время небольшой паузы, которую делает оратор, давая переводчику возможность изложить суть сказанного. Кроме того, большую помощь переводчику оказывает скоропись, позволяя делать в ходе работы небольшие заметки, содержащие упоминаемые оратором даты, фамилии и названия.

На качество устного перевода (как последовательного, так и синхронного) большое влияние оказывает поведение выступающего, в зависимости от которого посредник выбирает наиболее подходящую стратегию переводческих действий. Во время устного перевода возможны следующие формы поведения оратора:

- 1) Оратор зачитывает своё выступление, лишь иногда отклоняясь от текста, при этом он делает паузы после каждого предложения или абзаца, давая время для перевода; в этом случае переводчик работает в наиболее благоприятном режиме.
- 2) Оратор делает очень редкие паузы и переводчику приходится переводить сразу большой объем материала, что требует от него особой концентрации внимания, хорошей мнемотехники и желательного владения скорописью, чтобы успевать делать пометки по соответствующему абзацу исходного текста.

- 3) Оратор не делает никаких пауз для перевода, и в соответствии с протоколом или из-за отсутствия технических возможностей, перевод выполняется по окончании всего выступления. Это наиболее экстремальная форма последовательного перевода, встречающаяся особенно в дипломатической практике, на приёмах и т.д. В этом случае облегчить работу переводчика могут следующие факторы: небольшая продолжительность выступления; наличие полного текста выступления в оригинале; владение особой системой переводческой скорописи; особые приемы мнемотехники, позволяющие в сжатом виде воспроизвести на языке перевода весь текст выступления.

К сожалению, обычно выступающие не делают скидки на перевод, лишь иногда замедляя свою речь в наиболее сложных местах, когда переводчик явно не справляется или не успевает выполнить перевод.

Анализируя разновидности поведения авторов исконного текста во время устного перевода не можем обойти вниманием и столь существенные на наш взгляд особенности, влияющие на качество устного перевода, как индивидуальные речевые особенности автора и переводчика и особенности перевода узкоспециальных текстов.

Практика показывает, что даже при наличии всех условий, благоприятных для качественного устного перевода (заранее предоставленный текст оригинала, щадящий режим озвучивания текста и пр.), при наличии плохой дикции оратора и при некоторых отступлениях от исходного текста возникают ситуации недопонимания, что сказывается на качестве перевода. В некоторых случаях плохой дикцией страдает переводчик, что является показателем его низкой профессиональной компетенции.

Особые сложности возникают в процессе устного перевода текстов какой-либо узкой специальности. Дело в том, что перевод подобных текстов, насыщенных специфичной и малоупотребительной терминологией, может успешно осуществлять лишь специализирующийся в данной конкретной области переводчик или же – в идеале – специалист-биллинг, переводчик же широкого профиля будет здесь бессилён. Поэтому такие встречи требуют очень четкой организации. К сожалению,

практика проведения международных встреч демонстрирует очень распространенный ложный стереотип о том, что «хороший переводчик может перевести все». Это не так. Хороший переводчик не растеряется, найдет какую-нибудь замену, но он просто не может владеть всем тезаурусом специфических терминологических систем.

Поэтому еще раз хотелось бы подчеркнуть, что качественный устный перевод обеспечивается не только переводчиком-профессионалом, но и правильной организацией встречи. Для иллюстрации данного положения можно привести много примеров. Несколько лет тому назад на одной международной встрече, организованной Министерством сельского хозяйства по вопросам химических и органических удобрений, срочно понадобился переводчик: все местные докладчики предпочли выступать на грузинском языке, а среди приглашенных гостей были коллеги из Азербайджана и Украины, которые попросили, чтобы им переводили на русский язык. Поздно вечером, когда все возможные претенденты отказались братья за перевод, так как заранее не были известны ни тематика докладов, ни точный перечень и официальный статус выступающих, остался лишь один переводчик, которого заверили, что речь на конференции пойдет лишь на общие темы и никакой специальной терминологии не предвидится. После официального открытия конференции и приветственных слов первый же докладчик продемонстрировал весь набор «кошмара переводчика»: он говорил очень быстро, почти не делал пауз и когда приступил к перечислению пестицидов (речь в докладе шла о разновидностях сельскохозяйственных ядохимикатов) то переводчиков улавливал лишь окончания слов «...иды, ...иды» (вместо – гербициды, зооциды, инсектициды, фунгициды и пр.). Переводчику ничего не оставалось делать, как спокойно дослушать отрывок до конца, а потом с улыбкой сообщить слушателям, что в данном абзаце докладчик перечислил основные разновидности пестицидов, с которыми уважающие участники конференции знакомы намного лучше бедного переводчика». Юмор разрядил ситуацию, но, конечно же, снизил качество перевода.

Возвращаясь к иллюстрируемой нами мысли, еще раз подчеркнем, что качество перевода зависит и от переводчика, его компетентности, но также и от правильной организации устного

перевода. Причем действия переводчика могут варьироваться в каждом конкретном случае: в зависимости от четкости изложения, степени владения темой и ее трудности для перевода, а также с учетом технических возможностей, регламента и протокола, переводчик выбирает наиболее оптимальный и привычный для себя режим перевода.

Все вышесказанное в равной степени относится к обеим разновидностям устного перевода (и к консекутивному, и к синхронному), но необходимо признать, что в силу специфики синхронного перевода синхронисту приходится постоянно гнаться за выступающим за исключением тех редких случаев, когда у него есть перед глазами полный текст выступления на языке оригинала или заранее выполненный письменный перевод. Поэтому синхрон изначально не предусматривает полного перевода всего и вся, допускает упрощения, конденсирование смысла и т.д. Если переводчик не владеет этими навыками, то его перевод будет сплошной малопонятной скороговоркой.

Главное, что должен уметь синхронист – это максимально быстро улавливать суть сказанного, передавая информацию в сжатом, но не в искаженном виде. Не менее важны великолепная дикция, хорошо развитое внимание и выносливость, ведь спикер не даст передышки, переводить придется, не останавливаясь на протяжении 15-20 минут, пока на смену не придет другой синхронист.

Существенным фактором при устном последовательном переводе может стать техника. Желательно установить микрофоны за столом президиума, на трибуне и в разных точках зала для вопросов по ходу конференции и в последующей дискуссии. В некоторых случаях бывает вполне достаточно одного микрофона (для переводчика). При небольшом числе участников и хорошей акустике в помещении, можно обойтись и без микрофонов. Однако, наличие хорошо работающего микрофона в большинстве случаев существенно облегчает работу переводчика, бережёт его голос и силы.

Осуществление синхронного перевода требует наличия звукоизолированной кабины с пультом переводчика и наушниками, также необходимы стационарные или переносные наушники по числу участников, нуждающихся в переводе; микрофоны за столом или на кафедре и в разных точках зала для вопросов по ходу конференции и в последующей дискуссии.

Практика показывает, что очень часто отсутствие необходимого технического оснащения и недостаток высококвалифицированных кадров синхронистов приводят к тому, что на официальных встречах осуществляется так называемый «полусинхрон», когда переводчик иногда переводит параллельно с текстом выступления, а иногда прибегает к последовательному переводу.

И в заключении хотелось бы отметить личностные качества устных переводчиков, которые помимо всех необходимых составляющих профессиональной переводческой компетенции должны обладать повышенной стрессоустойчивостью, умением находить выход из сложных ситуаций, находчивостью и неординарностью мышления. Все это способствует повышению качества устного перевода.

Литература:

- Алексиева Б. Теория и практика на устния превод. София. 2010.
Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста. М., 2006.
Залевски Х. Теоретические проблемы классификации видов перевода. Мюнхен. 1982.
Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации. – Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Москва. 1978.

*Marina Aroshidze,
Nino Aroshidze (Georgia)*

SIGNIFICANT STRATEGIES OF CONSECUTIVE AND SIMULTANEOUS TRANSLATION

Summery

Article describes different strategies in the field of translation. Principal types of verbal translation – consecutive and simultaneous – opposing to different types of translation, analyses of their differences from one another. Authors argue their point of view from the perspective of successful verbal translation.

PERCEPTION OF COLORS AND TRANSLATION

The cultures around the world are very different and very much alike at the same time. The way people live around the world depends on the norms set by their societies. Specific standards of values, different customs, different religions, different perceptions of the world and even the geographical location and climate conditions contribute to the development of concrete and specific culture of any nation and make it different from cultures of other people of other nationalities. All these differences create obstacles during cross cultural communications. In other words, these differences make it very troublesome to implement a proper and desired communication between the people from different countries. Numerous cases of failures in the regard of achievement the goals of the communication have been experienced. Unawareness of the ways how to deal with all existing cultural differences results the misinterpretation of the message when the target audience or the addressees of the message do not react to the message adequately or as is it intended by the addresser.

As far as translation is one of the effective ways of cross cultural communication we would like to focus on those particular types of constraints that typically accompany the process of translation and are mainly imposed by the existing differences in cultures of people of different nations.

In our previous work we investigated some basic types of cultural differences that can be experienced in the process of translation. More precisely we spoke about the differences in customary cultures and the effective ways that should be applied by the translators in order to translate them accurately so that to keep the original culture in the translation and at the same time maintain all important criteria of the language of the target text and finally insure the implementation of the effective communication.

Differences in customary cultures comprise many aspects of everyday life in general. One of the most important and common aspect of customary culture is the different perception of colors.

Every country and culture attaches certain symbolic values to colors. Color tends to be one of the most powerful tools to contribute to the proper expression of the personal feelings and the world vision of

people in general. Color communicates with refreshing simplicity and impact. Color has strong associative meaning and it can communicate quickly, elicit a powerful subconscious response.

As far as color happens to be a very effective way to express the reality and the culture of the concrete people it is very useful and even necessary to have the detailed and wide knowledge about the color perception specifics in the cultures of the source and the target languages for the translator in order to understand the given context correctly and to find the proper and effective ways to translate the message with color into the target language so that to insure the proper transfer of the message to the addressee. Moreover, it is not only important to understand its meanings but also to find easily applicable rules for translating them.

Color is one of the fundamental building blocks of symbols. Color is one of the most universal of all types of symbolism. In every social group of people, colors have particular meanings, and in many cases, there is a multiplicity assigned to each color.

Colors are very closely associated with mental and emotional states. Even modern designers consciously use color symbolism in designing everything from artworks to brochures to websites.

While the symbolism of colors can be found universally, it not be said that there is a universal agreement over what particular colors represent. According to the subjective experiences of colors there is some basic agreement among the people of one and the same profession. For examples, many artists or designers or decorators for interior agree that some certain colors can be classified as “cold”, such as blue, while others are considered to be “warm”, like red color, for example.

Color is usually used as an expression to show the emotional state of a person. Red color in Georgian symbolizes love and respect. Giving a red rose to the girlfriend means warm feelings and love to her.

Moreover color tends to be the expressions that reveal the gender/sex and even social and political status. In the West particular colors indicate to particular gender. Pink, for example, is associated with female and blue tends to be the color for a man. Sports teams select colors to boast their pride. For the last centuries colors are associated with some political movements. For example, red is associated with communism. Red roses symbolize the famous revolution in Georgia. Red on the previous Georgian flag used to symbolize blood and lives sacrificed by Georgian heroes for the safety and independence of their country and religion. Green is associated with environmental movements.

A single color can have many different meanings in different cultures conditioned by different styles of life, customs and traditions and values. For example, people from most European countries regard the day of wedding as the happiest day in one's life and mostly celebrate it wearing white color by the bride. The same perception of white color is experienced in Georgia. Georgian people regard the day of wedding as the happiest day in couple's life and even call this day "white party day" or "TeTri supra" in Georgian. As usual Close friends and relatives are invited to the wedding to share the joy with others. Chinese people, for example, celebrate this day and share the joy with others though they call the day "red-letter day" and consequently on the Chinese traditional wedding ceremony, brides usually wear red dresses in order to represent happiness and good luck.

As it was already mentioned above white in the western society represents purity and honesty. In contrast in East Asia it symbolizes mourning and death. In China they were white clothes even on the funeral. In Australia and New Zealand and USA like in Europe white means happiness and purity. Although black usually represents formality and sophistication more often it is the symbol of mourning and death especially in Western European countries. Green represents danger or disease in Malaysia, envy in Belgium, love and happiness in Japan and sincerity, trustworthiness and dependability in China.

Perception of yellow color differs in different cultures. For example, for American people it symbolizes warmth, jealousy in Russia, pleasant, happy, good taste in China, dislike in Georgia and sorrow and despair in Brazil.

Like red color purple is the color of love in China and South Korea, but it represents anger and envy in Mexico, sin and fear in Japan and war and blood in Georgia.

These differences in perception of colors impose constraints for the translator in the process of understanding the original phenomenon and then at the stage where he/she has to take a decision about the most efficient way of translation of the given concept so that to be able not to change the original message and at the same time not to confuse the recipient.

Personal language always determines what the person experiences and feels. Due to the existing differences in cultures there are differences in possibilities of expressing some concepts in different languages. Not all concepts can be expressed in some languages. Relevantly

not every image created by some colors can be expressed in some languages. These language barriers can affect one's perception of color. For example, the Shona language in Zimbabwe and Boas language in Liberia have no words which distinguish red from orange. Therefore, people fail to perceive different colors because of language limitations. Due to this fact translators' task becomes even more critical as far as they have to search or work out the most effective ways for correct translation of these types of colors for the recipients that have no idea or understanding of them.

As far as the language and the culture are two integrated parts and the language cannot exist without the culture and vice versa, we would like to focus on the usage of colors by the language as well. Very often languages use names of colors to express moods and feelings. In all languages there are numerous expressions in which color plays an important role. In most cases there is no equivalent in other languages and when translating them literally the meaning is lost.

In most cases the expressions with colors are so called idiomatic expressions that require a very careful approach and professionalism from translators. While translating these types of idiomatic expressions with colors translators have to focus on the correct interpretation of the idea and not the exact translation of the color unless the perception of one and the same color is similar in source and target languages and there are adequate expressions in the target language that can easily change the relevant expressions in the source language.

Cultural problems very often arise because audiences from different cultural backgrounds may perceive colors in different ways. It is possible that in translation of color expressions, translators intend to adopt some colors or symbols to convey positive connotations but instead audiences interpret them negatively. It happens again due to the cultural differences or different perceptions of colors. Translators must always be aware of all differences in color perceptions. In other words all possible differences must be observed in translation. Ignoring the meanings and connotations of colors in expressions could result in misunderstanding and wrong rendering of information. Translators must use colors appropriately in translation in order to make it easier for users to absorb large amounts of information and differentiate their messages.

During the implementation of the translation process translators have to deal with numerous expressions with colors. In order to convey the original idea correctly translators first have to know or seek for all

possible connotations this or that particular color might have in the culture of the target language. In English “to feel blue” means to be depressed, that has no equivalent in other languages while in Germany “blau sein” (literally: to be blue) means to be drunk. In Russian language “голубой (literally: light blue) means homosexual. In Georgian language “cisferi” (literally: light blue) means homosexual as well. Gray is associated with something unhappy and unpleasant in English language and relevantly the expression “gray mood” means to feel bored and unpleasant. Gray has the same negative connotation in Georgian culture. Expressions “nacrisferi dRe’ or “nacrisferi qalaqi” (literally: gray day or gray city or town) can be translated into English as “boring day” and “boring/dull city/town”. This coincidence of the connotation of gray color makes translators’ task easier since they can translate the expression “gray mood” in Georgian language with some slight modification and as the result in Georgian language it will be changed with the following expression “cud xasiaTze” (“bad mood”).

As it was mentioned several times above, every people have own way to say things, express mood and feelings. For this purpose they use so called expressions with colors that help then clearly and effectively express and say what they really wish to. Americans, for example often use red color to express heat since red is considered to be a hot color. However red color has some negative connotation in American language. American people may say they are “red hot” about something unfair. The same expression “red hot” is used to express anger as well. They say is when they are very angry about something. Red has almost the same connotations in Mexican culture. The small hot tasting peppers are called ‘red hots’ for their color and specific taste.

Red in Georgian has not only one connotation. This color is often used to express the different contexts. For example it is associated with shame and anger. For Example Georgian expression “gawiTlda” (turned red) might mean that somebody turned red because of the anger or shame. In order to clarify the reason of becoming red translators have to read the context carefully and then make correct translation of the expression.

Blue is a cool color. The traditional blues music in the United States is the opposite of red hot music. Someone who is blue is very sad. In Georgian culture blue is associated with cold. So the saying “galurjda” or “Become blue” in English means to feel very cold.

In English culture pink implies laughter, good humor and also very good health that could be expressed through the expression “to be in the pink”. In contrast to English culture Georgian expression “samyaros vardisferi saTvaliT uyurebs” (to look at the world through the pink glasses) renders the ironic attitude towards the person. The best way for the translator in this case is to translate the given expressions into the target language by paraphrasing.

In conclusion we would like to say that the knowledge of perception of colors and the meanings the colors render in different cultures or languages is essential and even must for the translators when translating idiomatic expressions with colors from the source language into the target language. In order to maintain the original culture in the target text the translator has to know all meanings and symbols colors render in the source culture and at the next stage work out the most effective ways to translate them. For the effective implementation of the task the translator has to seek for the possible equivalents of the given expression in the target language. In case there are no equivalents in the target culture the translator has to translate the concrete expression by paraphrasing it so that to transfer the message correctly to the addressee and insure the achievement of the targets of the communication.

Bibliography:

1. Friedman, Thomas L. *The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization*. New York. 2000;
2. Newmark, P. *A textbook of Translation*. London: Prentice Hal. 1988;
3. *Collins English Dictionary. 21st Century Edition*. Glasgow. 2000;
4. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. *Лингвострановедческая теория слова*. Москва. 1980;

ВОСПРИЯТИЕ ЦВЕТА И ПЕРЕВОД

Резюме

Цвет представляет собой один из самых эффективных способов выражения реальной картины мира, конкретной культуры. Восприятие цветов и их символическое значение отличаются у всех принадлежащих разным культурам народов, что создает определенную проблему для переводчиков при создании адекватного перевода.

Особую трудность представляет перевод идиоматических выражений в основе которых лежит какой-либо цвет. Для того, чтобы переводчик правильно и эффективно передал идиоматическое выражение на другом языке, он должен хорошо знать особенности восприятия цвета и символическое значение как в языке оригинала, так и в языке перевода.

ROLE OF GLOBALIZATION IN DEVELOPMENT OF LANGUAGES

Language is inseparable part of all people therefore language is involved and closely connected with all spheres of life and human activities. No other phenomena can be compared to language in the degree of influence and interconnection with everything that happens in the life of humanity and life in general. Language is means of expressing and at the same time “a mirror” for reflecting life and its phenomena. Therefore it is closely connected even with politics and such branch of global politics as globalization is.

Globalization is tendency of one country to dominate the others. In modern world the USA plays role of such a country. Therefore under these circumstances the English Language has special place of world language.

If we view history of languages that were functioning as world languages at different time we may see that at different stage of history of human race this role was attributed to Latin and to French. The dominance of language is not explained by the nature of language, the crucial fact is political and economical state of the country the language belongs to.

So, Latin was considered as world language in times of prosperity of Roman Empire. French dominated the world by the same reason during three centuries up to XIX century when colonial policy of Great Britain made it the most powerful state in the world. Therefore English started to widespread in colonies and assume the role of global language.

The historical role of the USA in the second half of XX century conditioned the fact that English strengthened its position as a global language.

As any phenomenon globalization has its positive and negative influence on different aspects of life including language. One of the advantages is the fact that one language can be used in different countries and there is no need to study a lot of foreign languages.

Good knowledge of English helps people to understand each other better despite different ethnic origin. Therefore English has become official language of different spheres of human activity.

Since there are different variants of English worldwide, they are often referred to as “Englishes”. I think that in order to avoid misunderstanding for the purpose of effective communication the International Standard English should be developed. In connection to this David Crystal says: “International Standard English – English in other words which in its grammar

and vocabulary is not recognized British, American or anything else. When working abroad, many British people become skilled in using a variety that has lost some of its original Britishness, because they know they are talking to people from outside the UK. International Standard Spoken English is not a global reality yet, but it is getting nearer. One day, I believe an International Standard English will be the starting point, with British, American and other varieties all seen as optional localizations. I do not know how long it will take for such a scenario to become fully established. I do not know, however, that it will not be an easy transition. International Standard English – is not simplified version of spoken English. It is just regionally neutral version of spoken English which would avoid distinctive Americanisms, distinctive Britishisms and so on. But it will not be any simpler than any of the other varieties. (Crystal David “English. Which way now?”)

The necessity to speak one language is conditioned by the fact that people can reach understanding and be successful in business transactions when they speak one common language. This can be illustrated by the following example:

Alex Allen, High Commissioner for Australia in the late 1990s, recalls being present at the meeting, which led to the formation of the European Bank of Reconstruction and Development: simultaneous translation took place routinely into various languages, but only until 10 o’clock, when the interpreters had to go off-duty – at which point discussion would often continue into early hours, with everyone using English. (Allen, 1999).

Reports of this kind of thing happening at political gatherings are commonplace now, notwithstanding the pressure to safeguard and maintain other languages at an official level, and are reflected in the daily realities of interaction in the worlds of business and education.

The UN had only 51 member states when it began in 1945, but this had risen to 191 members by 2002. The consequence was an increasing reliance on the concept of “a working language” as an alternative to expensive and often impracticable multiway translation facilities, with English more likely to be the mutually accessible language than any other.

The accessibility of English made it language of safety in modern world. A special aspect of safety is the aspect that the language has come to be used as a means of controlling international transport, operation, especially on water and in the air. English has emerged as the international language of the sea, in the form of Essential English for International Maritime Use – often referred to as “seaspeak”. There is also “Airspeak”, the language of international craft control. This did not emerge until after the Second

World War, when International Civil Aviation Organization was created. Only then was it agreed that English should be the international language of aviation when pilots and controller speak different languages. Over 180 nations have since adapted its recommendations about English terminology.

Globalization helps specialists of different fields to share their knowledge and experience with their colleagues from other countries.

Globalization concerned all spheres of human activity. As we have already mentioned English has got a lot of variants, the so called “Englishes” but I would like to refer to David Crystal’s article “English as a classical language” in which he has noticed that “The world’s Number 1 *lingua franca* has obtained this position because of its use as the medium of science and technology, in whose lexicon classical languages reign supreme”. In the article “Global understanding for global English” he mentions: “A culturally neutral standard English does exist – it is of relevance in relation to science and technology, in particular – but it is not as universal as is commonly thought. Global English can lead to global understanding – but there is a gap that needs to be bridged, both in theory and in practice”. (p.27)

I can explain this by universality of technical fields, by the fact that this field of human activity has common standards and therefore linguistic concepts expressing these standards can be the same.

Universal global language is important means in progress of society and provides mutual exchange of experience and ideas what has positive effect on all spheres of human activity.

One more characteristic feature of globalization is that international terms are given preference to their original variants existing in language. This results in texts which will be more understandable for specialists from different countries.

Internalization of terminology in English technical texts leads to better understanding of technical texts on global level but at the same time it may impede comprehension of such texts by specialists representing small nations like Georgia because international term may be unknown to the reader especially if we consider older generation of specialists, e.g. such term as “escalation” will be less understandable to them than its counterpart in their native language.

It is also very important to preserve terms existing in language and not let international terms exclude native ones. The fact that English is so rich and is constantly developing can be explained by its tendency to enrich language at the expense of loans but preserving the existing lexical fund at the same time.

Thus, a lot of synonyms appear in language, enriching it and preventing its deterioration.

Globalization brings faster development of languages as native speakers of different languages are more often in contact with one another and they have chance to enrich their languages at the expense of another (international) language.

In his article "The past, present and future of world English" D. Crystal says: "Loan words always add semantic value to a language, providing people with the opportunity to express their thoughts in a more nuance way".

This interchange of words and mutual influence of languages is historic process and can be neither stopped nor controlled as language is social phenomenon and it is developing in accordance with the needs of society.

English has the position it has today not despite the languages it has borrowed from, but probably because of them.

Globalization played positive role in development of the language of technical fields as the English Language has become the language of these fields and it is not necessary to study many languages. It is enough to study English perfectly and you will be able to cooperate successfully with specialists from any country.

But despite this a person whose native language is English is always eager to study some foreign languages and on my opinion it is very good as monolingualism should be avoided in contemporary world. In today's globalized world knowledge of at least two or three languages is necessary.

Here I would like to cite David Crystal's words from the article "English in the new world": Where we need to take special care is to avoid the monolingual trap. People who speak English as a mother-tongue still need to learn foreign language, both for the insight these give into different ways of seeing the world and for the economic and social competitive advantages they permit. And places where English is growing, need to make special efforts to look after their indigenous languages and dialects, otherwise these will become seriously endangered. The flowering of an individual language is a wonderful thing, but all languages have a right to flower, and it is up to us to give them the opportunity to do so".

At the same time one can say that globalization has also not very good effect on the development of languages. First of all, the main language of globalization which is nowadays English is harmed. I can observe the tendency of language simplification as from grammatical as well from the vi-

ewpoints of other language aspects. On my opinion, it is not as good as it leads to primitivism in language and loss of its nature.

The only way to save English from simplification is to develop International Standard English oriented on masses to make it easier for acquisition but one must preserve Classic English and do not let simplification of language grow into primitivism that would result in losing language's ability to express and understand subtleties which are indivisible feature of the works of art.

Classical literature should be taken as a norm and people who claim acquiring the highest level of Classic English should study it on basis of works of art.

In spite of the fact that the internalization of terminology has got its positive sides the tendency to change the terms existing in language with the international ones causes them to be unclaimed and not used very often what may result in the disappearance of the original national terms from the language.

As language is "the face" and main parameter of any culture and national character it is necessary to keep balance between the presence and usage of national and international languages in different spheres of human activity in the century of globalization.

Only effective balancing between global and native languages can ensure the healthy state of both languages. We support enriching the language with loan words but not losing its own ones, we support the cultural interchange between languages but not mixing languages which cannot be easily understood by most of the people (like Singlish – mix of language of Singapore and English, etc.), we support preservation of the existing norms in language and we think that people who study language should adapt themselves to the global language and to adapt the language to their needs. Therefore, I cannot fully agree with David Crystal's opinion that "correct English is the English of the majority, this is the kind of English that should inform teaching".

When David Crystal was writing his Cambridge Encyclopedia of Language in 1989, when the role of English as a global language was not so vivid, he noted: "many factors contribute to the gradual spread of a language – chiefly political and military might, economic power, and religious influence. These same factors mean that the development of a world language is not viewed with enthusiasm by those who would have to learn it. Such a language, it can be argued, would give its originating culture an unprecedented influence in world affairs and scientific research". (p. 357)

More than twenty years have passed and we may see that role of English is growing every year and that its status as a global language has a lot of advantages that were listed in the present article. But as any phenomenon globalization also has its negative sides which are much less prominent than the above-mentioned advantages what gives us basis to consider its positive role in development of languages.

Literature used:

- Crystal David “The Cambridge Encyclopedia of Language”, 1989
Crystal David “English in the new world” (1999)
Crystal David “Global understanding for global English” (2001)
Crystal David “A new linguistic world”
Crystal David “English worldwide” (2006)
Crystal David “English as a classical language” (2001)
Crystal David “The past, present and future of world English” (1999)
Crystal David “English. Which way now?”

Анна Тениешвили (Грузия)

РОЛЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ

Резюме

В данной статье нами рассмотрен такой вопрос как роль глобализации в процессе развития языков. Приведены различные аспекты глобализации как исторического процесса, а также такое явление как «мировой» язык, роль которого на разных этапах выполняли разные языки. В работе рассмотрено место английского языка в условиях глобализации и его функционирование в качестве «мирового» языка, как с точки зрения преимуществ этого явления, так и с точки зрения его недостатков.
